ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (28) 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Сухомлинов О. И. Правовое регулирование обязательств из причинения вреда в России во второй половине XIX – начале XX в. 7

Корбат Ф. Е. Кибер-демократия как развитие информационной политики 17

Яшина А. А. Конституционное право на реабилитацию: понятие и содержание 30

Фомин А. А. Взаимодействие гражданского общества и судебной власти в современной России: философско-правовой аспект 38

Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием 45

Артёмова Д. И. Законность – основной принцип конституционного судопроизводства 53

Скосарева М. А. Формирование политического капитала партии: особенности региона 63

Зиновьев С. В. Проблемы выбора направлений исследования общественного мнения в рамках формирования официальной оценки деятельности полиции 72

СОЦИОЛОГИЯ

Базанов В. А. Языковые навыки переселенцев с территории России (СССР) в Германию 84

Пахарь А. М. Особенности жизненного пути личности православных студентов современной России 95

Воробьев В. П., Юрина Ю. Г. Анализ обращений в органы власти как способ исследования социокультурных установок граждан 104

Супиков В. Н., Ерёмина Е. В. Взаимосвязь статуса субъекта Российской Федерации и характера региональной идентичности 111

Паначев В. Д., Леготкин А. Н. Формирование у студентов мотивации здорового образа жизни: социологический анализ 120

Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Основные подходы к измерению уровня бедности в современной России 132

Шабанов Ю. М., Бондаренко В. В. Факторы групповой интегрированности банковских служащих 140

Щанина Е. В. Организация досуга пожилых людей 149

ЭКОНОМИКА

Маркеева Г. А., Михнева С. Г. Дилемма выбора стратегии развития в практике международного бизнеса 158

Маслов Д. Г., Кизон Е. А. Теневая экономика в России как системное институциональное явление 167

Янина Т. Ф., Кильдюшкина И. Г. Формирование основных направлений повышения экономической эффективности в агропромышленном комплексе региона 181

Бондаренко В. В., Юдина В. А., Танина М. А. Механизмы внедрения экономических инструментов саморегулирования в систему управления жилищно-коммунальным хозяйством региона 203

Малышев А. А. Практика управления эколого-экономической системой в России и Пензенском регионе 215

Михнева С. Г., Рыжкова Ю. А., Петрухина Е. О. Типология неформального сектора экономики 227

Володин В. М., Скворцова В. А., Скворцов А. О. Перспективы занятости в наукоемком секторе промышленности 239

Касатеев П. А., Мраморнова О. В. Факторы и критерии повышения качества рабочей силы в процессе внутрифирменного обучения персонала 247

Шутов В. С. Смена форм собственности как инструмент антикризисной политики государства 254

Сергеева И. А. Интеграция кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий региона 266

Фирсова И. А., Кухтинова Л. Г. Научные основы взаимодействия продуцентов образовательных услуг и работодателей малого и среднего бизнеса на основе социального партнерства 278

Бурланков С. П., Захватова И. В. Оценка конкурентной среды сети туристических агентств «Горячие туры» 294

Володин В. М., Суровицкая Г. В., Кочергин А. В. Обоснование эффективных подходов к планированию деятельности университетов 302

Белоусов О. Б., Артемьев Н. В., Прудникова Ю. О., Белоусова Е. О. Анализ методов оценки инвестиционных проектов инновационных сложных оборонных информационно-управляющих систем 312

Панфилов И. Б. Формирование стратегии повышения качества образования в высшей школе 323

Володин В. М., Суровицкая Г. В., Сафонова О. Н. Процессное и проектное планирование на современном этапе 331

Свиридова Н. В., Шопырин А. В. Анализ методик построения рейтингов инновационной деятельности и активности 341

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 4 (28) 2013

CONTENTS

POLITICS AND LAW

Sukhomlinov O. I. Legal regulation of liabilities as a result of causing harm in Russia in the second half of XIX – early XX centuries 7

Korbat F. E. Cyber democracy as information policy development..... 17

Yashina A. A. Constitutional right to rehabilitation: conception and content..... 30

Fomin A. A. Interaction of civil society and judicial authority in modern Russia: philosophical and legal aspect 38

Nikolaev B. V., Emelin M. Yu. The doctrine of «separated but equal» opportunities in decisions of the supreme court of the USA on arguments about higher education 45

Artemova D. I. Legality as the basic principle of the constitutional judicial proceedings 53

Skosareva M. A. Formation of party's political capital: regional peculiarities..... 63

Zinov'ev S. V. Problems of choosing directions of research of public opinion in the framework of formation of official estimation of police activity..... 72

SOCIOLOGY

Bazanov V. A. Language skills of immigrants from Russia (USSR) in Germany 84

Pakhar' A. M. Features of personality's life course of modern Russian Orthodox students..... 95

Vorob'ev V. P., Yurina Yu. G. Analysis of addresses to authorities as an instrument of research of sociocultural attitudes of citizens..... 104

Supikov V. N., Eremina E. V. Interconnection between the status of a subject of the Russian Federation and the type of regional identity 111

Panachev V. D., Legotkin A. N. Healthy life style motivation formation in students: sociological analysis..... 120

Kosharnaya G. B., Karimova L. F. Basic approaches to measuring the level of poverty in modern Russia 132

Shabanov Yu. M., Bondarenko V. V. Factors of group integratedness of bank employees 140

Shchanina E. V. Organization of leisure for elderly people 149

ECONOMICS

Markeeva G. A., Mikhneva S. G. Dilemma of choosing a development strategy in practice of international business 158

Maslov D. G., Kizon E. A. Shadow economy in Russia as a system institutional phenomenon 167

Yanina T. F., Kil'dyushkina I. G. Formation of principal directions of economic efficiency improvement in the regional agricultural sector 181

Bondarenko V. V., Yudina V. A., Tanina M. A. Mechanisms of implementation of economic instruments of self-regulation in management of the system of regional housing and communal services 203

Malyshev A. A. Management practices of environmental and economic system in Russia and the Penza region 215

Mikhneva S. G., Ryzhkova Yu. A., Petrukhina E. O. Typology of informal sector of the economy 227

Volodin V. M., Skvortsova V. A., Skvortsov A. O. Prospects of employment in science-intensive industries 239

Kasateev P. A., Mramornova O. V. Factors and criteria of the labour force quality improvement in the process of intrafirm staff training 247

Shutov V. S. Change of property forms as a tool of state anti-crisis policy 254

Sergeeva I. A. Cluster approach integration in the strategy of regional industrial enterprises development 266

Firsova I. A., Kukhtinova L. G. Scientific basis of interaction between educational service providers and employers of small and medium size business based on social partnership 278

Burlankov S. P., Zakhvatova I. V. Estimation of competitive environment of the travel agency network «Goryachie tury» («Hot tours») 294

Volodin V. M., Surovitskaya G. V., Kochergin A. V. Substantiation of effective approaches to planning the university activities 302

Belousov O. B., Artem'ev N. V., Prudnikova Yu. O., Belousova E. O. Analysis of assessment methods for investment projects of innovative complex defence information controlling systems 312

Panfilov I. B. Developing a strategy for improving the quality of education in higher school 323

Volodin V. M., Surovitskaya G. V., Safonova O. N. Process and project planning at the present stage 331

Sviridova N. V., Shopyrin A. V. Analysis of techniques of innovative activity ratings construction 341

УДК 34(091)

О. И. Сухомлинов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. *Актуальность и цели*. Проведен историко-правовой анализ законодательства и теоретико-правовых исследований по обязательствам, возникающим из правонарушений. В статье говорится о факторах, влиявших на развитие обязательственных отношений. Обязательства развивались благодаря увеличению экономического оборота, который был вызван реформами второй половины XIX в. В это время законодательная и правоприменительная практика по обязательствам уже сложилась. Однако в законодательстве имелись многочисленные недостатки. Среди них отмечались пробелы, противоречия, повторения. Кассационная практика в необходимой степени не могла их исправить. Отдел об обязательствах из правонарушений в проекте Гражданского уложения также нуждался в радикальном пересмотре. Нормы обязательственного права в значительной мере основывались на положениях римского права. Они слабо учитывали особенности развития экономического оборота, были оторваны от жизни. Действующее гражданское законодательство и подготовленный проект Гражданского уложения в полном объеме не отграничивали понятия договора и обязательства. *Материалы и методы*. Использованы работы по обязательствам известных отечественных цивилистов XIX столетия. В них отмечается недостаток теоретических исследований обязательственных отношений. Охранительные обязательства возникли раньше договорных обязательств, но оказались изученными в меньшей степени. В научной литературе уточнялись источники обязательств, понятия имущественного и морального вреда, восполнялись недостатки юридической техники. Решение многих проблем регулирования обязательств русские юристы видели в основательной разработке общей части обязательственного права. Законодательные недостатки восполнялись обращением к нормам обычного права. В случае нанесения личных обид закон предоставлял потерпевшему возможность выбора уголовного порядка преследования виновного. В науке гражданского права изучению обязательств из причинения вреда большого внимания не уделялось. Однако сохранившиеся по этой теме работы дореволюционного периода позволяют прийти к достоверным выводам об уровне исследования данного вида обязательств. Методологический потенциал статьи составляют методы сравнительно-правового, историко-правового и формально-юридического анализа. *Результаты*. Исследованы дореволюционная отечественная теория и законодательная практика по обязательствам, возникающим из правонарушений. Отмечены особенности правового регулирования данного вида обязательств, законодательные пробелы и противоречия, способы их разрешения. *Выводы*. Изучение обязательственных правоотношений в истории русского права позволяет уяснить тенденции их развития, учесть отечественный опыт в формировании теории и практики обязательственного права, восполнить пробел в историко-правовом исследовании обязательств из причинения вреда.

Ключевые слова: обязательство, вред, правонарушение, деяние, договор, источник.

O. I. Sukhomlinov

LEGAL REGULATION OF LIABILITIES AS A RESULT OF CAUSING HARM IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract. *Background*. The work describes the historical and legal analysis of legislation and legal and theoretical resesrch of liabilities, specifically, the liabilities as a result of causing harm. The article reads about the factors affecting the development of the liability relationships. Liabilities have been developing due to the increase of the economical circulation. The reforms of the second part of the XIX century were the cause of the said economical circulation. At this time the liability legislative and law enforcement practice already occurred. But there were many disadvantages in the legislation. The gaps, antagonisms and repetitions were noted between them. The appeal practice in certain degree couldn't correct it. Tort liabilities section in civil code draft needed a radical review. The liability regulations were based on the Roman law. This rule of law poorly took into account the characteristic of economical circulation development. Besides it was isolated from life. The civil legislation and the civil code draft in full scope didn't delimit the notions of contract and liability. *Materials and methods*. The author used liability works by famous national specialists in civil law. The lack of theoretical research of liability relationships was noted in the course of the study. Protective liability occurred earlier than contract liability. But this kind of liability was examined not so thoroughly as the contract liability. The scientific literature specified the liability source, the definition of material and moral damage as well as filled the legal deficiency. Russian lawyers offered to thoroughly develop the general part of the liability law to solve the majority of liability relationship problems. The legislative deficiency was filled up by the appeal to the rule of the common law. In case of personal offence the law rendered to the victim a possibility to choose a type of criminal prosecution of a culpable. There was no adequate consideration of tort liability in the civil law science. However the preserved pre-revolution works aloow us to make a conclusion about the tort liability research level. The methods of comparative, historical and jural and technical review constitute the methodological potential. *Results*. The work researched pre-revolutionary native theory and legislative practice of tort liabilities. The author described legal regulation characteristics of this kind of liability, legislative gaps and antagonisms and the settlement ways. *Conclusions*. The research liability relationships the in Russian law history allows to understand the tendency of its development, to take into account native experience in the theories and practice of the liability law formatiom. Finally, the research of liability relationships fills the gap in the historical and legal study of the liabilities as a result of causing harm.

Key words: liability, harm, offence, act, contract, source.

Выбранный период, на наш взгляд, позволяет выявить наиболее существенные проблемы правового регулирования обязательств, возникающих из причинения вреда, в дореволюционной истории России. В этот период в стране происходят важные социально-экономические изменения, которые оказывают существенное влияние на развитие законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения.

Особенности и функциональное назначение обязательств из причинения вреда определяют для них самостоятельное место в системе отдельных видов обязательств и характер их правового регулирования. Вместе с тем как

неотъемлемая составная часть системы обязательств они функционируют по общим для всех видов обязательств правилам.

Во многом развитию обязательств во второй половине XIX в. способствовала проведенная в 1861 г. крестьянская реформа, сопровождавшаяся освобождением крепостных крестьян. В своем обзоре литературы по обязательственному праву этот факт принимает во внимание Г. Ф. Шершеневич, отмечая «быстрое развитие обязательственных отношений, обнаружившееся в русском обществе вслед за освобождением крестьян» [1, с. 157]. Одним из результатов реформы стало интенсивное развитие в стране отношений экономического оборота. В этот процесс в большом количестве были вовлечены новые субъекты права. Увеличившаяся практика заключения договоров, совершения односторонних сделок, принятия различных административных актов, которые представляют собой правомерные действия, способствовала развитию таких отношений. Совершение же неправомерных действий препятствовало нормальному функционированию экономического оборота. Необходимость устранения негативных последствий, вызванных неправомерными деяниями, способствовала развитию правового регулирования деликтных обязательств.

В этот период действует Свод законов Российской империи, в частности книга «Свод законов гражданских», нормами которого регулировались гражданско-правовые отношения, в том числе и обязательства. Известно, что первое издание Свода законов было произведено в 1832 г., а введен в действие он был в 1835 г. Таким образом, к пореформенному периоду в регулировании обязательств уже сложилась как законодательная, так и правоприменительная практика, обнаружились и их недостатки.

Многие пробелы и противоречия в законодательстве восполняла и исправляла сенатская кассационная практика. Судебная реформа 1864 г. с принятием новых судебных уставов существенно способствовала повышению эффективности правового регулирования обязательств. Развивалась и гражданско-правовая наука, которая вносила свои коррективы в теоретическое обоснование законодательных положений, судебных решений. В это время появляется значительное количество новых юридических изданий, в больших количествах по различным отраслям права издается научная и учебная литература, обсуждаются законопроекты, в частности проект Гражданского уложения.

Определить уровень внимания к изучению деликтных обязательств в отечественной цивилистике этого весьма противоречивого, богатого на всевозможные перемены периода весьма затруднительно. Вместе с тем имеется ряд оснований, позволяющих установить степень разработанности проблем обязательственного права.

Несомненно, что в сравнении с договорными обязательствами обязательства из деликтов вызывали меньший интерес, хотя бы в силу того, что договорные обязательства являются наиболее распространенными в гражданском обороте и их регулировали значительно большее количество норм гражданского законодательства. Однако институт обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, был весьма актуальным для исследователей в части изучения истории возникновения обязательств. На этот момент обращает внимание И. А. Покровский, который пишет, что «древнейший зародыш

обязательственных отношений кроется в той области, которую мы в настоящее время называем гражданскими правонарушениями или деликтами; договор как самостоятельный источник обязательств появляется значительно позднее» [2, с. 251].

Достаточно прохладно отзывается о необходимости углубленного изучения обязательств из правонарушений Д. И. Мейер, который отмечает: «…равным образом мы знакомы уже с существом правонарушения и его последствиями, которые именно и состоят в известных обязательствах, возникающих для нарушителя. Следовательно, ни на законе, ни на правонарушении нам нет более надобности останавливаться» [3, с. 350]. Однако следует отметить, что интересы Д. И. Мейера в изучении обязательств в основном распространялись на общую часть обязательственного права, разработка которой долгое время признавалась лучшей в отечественной цивилистике.

Тем или иным аспектам в изучении обязательств из правонарушений уделяли внимание такие ведущие специалисты в области гражданского права, как Г. Ф. Шершеневич, К. П. Победоносцев, С. В. Пахман, Е. В. Пассек, В. О. Голевинский, И. А. Покровский, А. М. Гуляев, Е. В. Васьковский, М. М. Винавер. Это свидетельствует о степени внимания к данному виду обязательств. На наш взгляд, большее внимание деликтным обязательствам отведено в работах И. А. Покровского и А. М. Гуляева.

Однако в целом отмечался недостаток сочинений по обязательствам. Несмотря на быстрое развитие обязательственных отношений вследствие освобождения крестьян от крепостной зависимости, Г. Ф. Шершеневич писал: «…мы не можем не пожалеть о незначительности в этой области исследований» [1, с. 157]. Имевшиеся же исследования затрагивали прежде всего основные проблемы развития обязательств в системе гражданско-правовых отношений.

Свое объяснение отсутствию необходимого количества отечественных оригинальных сочинений по обязательствам дает А. М. Гуляев. Он пишет, что «обязательственные нормы наименее способны воспринять национальный отпечаток», и «современное обязательственное право в общем основано на римских положениях» [4, с. 237]. Иными словами, А. М. Гуляев делает вывод о том, что нормы обязательственного права имеют достаточно унифицированный характер, основаны на прочном и долговременном фундаменте римского права, мало восприимчивы к изменениям отношений национального гражданского оборота. С таким выводом трудно согласиться, так как по своей природе обязательства тесно связаны с реальной жизнью общества, в котором происходит постоянное увеличение взаимодействий людей друг с другом и объектами природы. В результате нередки случаи, когда в ходе такого взаимодействия наносится ущерб имущественным и личным неимущественным благам. Отсюда возникает необходимость возмещения ущерба, а значит, и постоянного развития правового регулирования обязательств.

Не отрицая роли и влияния римского права на теорию обязательств, вместе с тем Г. Ф. Шершеневич предлагает исследователям обращать большее внимание на влияние новой кодификации, которая, «руководствуясь потребностями современной жизни», внесла важные изменения в римскую теорию [1, с. 159]. В определенной степени недостаток оригинальных решений в области исследования обязательств восполнялся углубленным анализом за-

рубежных гражданских кодексов, например французского Гражданского кодекса (кодекса Наполеона), германского законодательства, Неаполитанского уложения, Гражданского кодекса Нидерландского королевства, Гражданского уложения Италии, Саксонского уложения и др.

Исследуя обязательства, правоведы в первую очередь обращали внимание на недостатки действовавшего законодательства об обязательствах. Так, А. М. Гуляев пишет об имеющихся пробелах в законодательстве об обязательствах, включении некоторых вопросов в иные отдельные законоположения [4, с. 237–238]. Не исправлял сложившееся положение и подготовленный проект Гражданского уложения.

Отметим, что достаточно подробный и критический анализ обязательствам из деликтов в проекте Гражданского уложения был представлен И. А. Покровским в докладе на собрании Киевского юридического общества в 1899 г.

В докладе И. А. Покровский указывает как на существенные недостатки самого Проекта, так и пояснительной записки к нему. Так, он подвергает критике изложение и разъяснение условий возникновения ответственности за вред, причиненный недозволенными деяниями. Им отмечается неполнота в определении такого условия, как «недозволенность деяния», недопустимые ограничения в понимании Проектом содержания понятия вреда, например, в части признания нравственного вреда, неопределенность в разъяснении такого условия, как причинная связь, противоречивость в объяснении соразмерности вознаграждения со степенями вины. В заключение И. А. Покровский делает неутешительный вывод, что «если и в других своих частях проект нуждается в пересмотре и поправках, то в гораздо большей степени это нужно сказать именно относительно отдела об обязательствах из деликтов: вся эта часть требует самого полного и самого радикального пересмотра» [5].

В адрес книги V «Обязательства» был высказан целый ряд замечаний. Обращалось внимание на неправильную систему изложения обязательственного права, что приводило к противоречивости его содержания. Отмечалась теоретичность проекта, большое количество норм, чуждых положительному праву. Указывалось на ошибочность и спорность многих положений проекта, противоречивость содержания проекта и положений объяснительной записки к нему. Кроме того, среди недостатков называли: неправильную терминологию, повторение одних и тех же мыслей в различных статьях. Писали, что проект производит впечатление «компиляции без руководящих начал» [6, с. 16].

Несомненно, законодательные пробелы и противоречия усложняли правоприменительную практику по обязательствам. Общие положения закона и кассационная практика в должной мере не снимали проблему. Так, ст. 9 и 10 Устава гражданского судопроизводства вводилось начало, согласно которому суд должен был руководствоваться «точным разумом действующих законов и в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия основывать решение на общем смысле закона». Вместе с тем требовалось разъяснение понятию «точный разум закона».

В этой связи Е. В. Васьковский обращает внимание на противоречивость сенатского разъяснения этого термина. Он пишет, что в одном случае кассационная практика склонна понимать под ним буквальное применение закона: если закон выражен ясно, он должен быть применен в буквальном

смысле, «хотя бы таким путем и не достигалась цель, которую имел в виду законодатель». Комментируя это решение, Е. В. Васьковский отмечает, что «точный разум закона не есть буква его». Поэтому, по его мнению, следует признать правильным другое разъяснение сената. В нем приводится противоположное мнение: «…для разъяснения точного разума закона, суд должен обратиться к смыслу тех выражений, в которых изложен закон, к обсуждению внутреннего содержания того источника, из которого заимствовано это постановление, и к уяснению той цели, какую имел законодатель при его издании». В конечном итоге названный автор приходит к выводу о необходимости устранения неполноты, неясности и противоречий закона путем логического толкования, а пробелов в законодательстве – аналогией права и аналогией закона [7, с. 37].

В литературе отмечалась проблема, связанная с применением сенатских решений. Так, ст. 815 Устава гражданского судопроизводства отводила кассационным решениям роль примеров «для руководства к однообразному истолкованию и применению законов». По мнению Е. В. Васьковского, из ее смысла вытекает, что судебное решение имеет обязательную силу только по тому делу, по которому оно постановлено. Однако, как отмечается им, в большинстве своем кассационные решения признавались обязательными не только по тем делам, по которым они были вынесены, но и по всем однородным. Е. В. Васьковский пишет, что сложившаяся практика подвергалась критике в юридическом научном сообществе, при этом обращалось внимание на необходимость устранения противоречий в самих сенатских решениях [7, с. 43]. Вместе с тем следует признать, что в значительной мере законодательные недостатки разрешались именно кассационной практикой сената.

Одной из проблем, связанных с недостатками в законодательстве, являлась проблема должного разведения в законе понятий договора и обязательства. Так, А. М. Гуляев пишет о юридически неправильных положениях закона, допускающих отождествление понятий договора и обязательства, тогда как «обязательство есть только продукт договора, а вовсе не нечто договору равносильное» [4, с. 238–239]. Эта проблема не решается и в проекте Гражданского уложения, где оба понятия также строго не различаются. В Проекте только говорится, что основаниями возникновения обязательств признаются договор и «другие указанные в законе основания» [4, с. 249]. Такая терминологическая неточность присутствовала не только в отечественных законодательных положениях об обязательствах, но и в иностранных кодексах. Например, В. Голевинский отмечает частое уподобление слов «договор» и «обязательство» во французском Гражданском кодексе, объясняя данный факт скорее редакционной поспешностью, нежели незнанием различия между договором и обязательством [8, с. 32]. Мы считаем, что данном случае речь должна идти о несовершенстве юридической техники.

Многие отечественные цивилисты высказывали сожаление по поводу отсутствия основательных сочинений по общей части обязательственного права. Вместе с тем, по справедливому замечанию Г. Ф. Шершеневича, «при хорошей теоретической обработке этого отдела юристу легко встретиться с каждою новою формою обязательственного отношения» [1, с. 157]. В. О. Голевинский пишет, что необходимость общей части обязательственного права вызывается потребностями ежедневной жизни и «составляет важнейшую

и существенную задачу законодательной и научной разработки». Однако, замечает он, исторически сложилось так, что законодательство в своем развитии опережало науку, поэтому отдельные обязательственные отношения возникли раньше, нежели общая теория [8, с. 25–26].

Анализируя литературу по обязательственному праву, Г. Ф. Шершеневич приходит к выводу, что «общая часть обязательственного права в изложении Мейера остается до сих пор единственным средством ознакомления для практиков». Он отмечает, что этот отдел очень слабо разработан у К. П. Победоносцева и К. Д. Кавелина. До некоторой степени данный недостаток восполняет докторская диссертация В. Голевинского «О происхождении и делении обязательств». Наряду с достоинствами Г. Ф. Шершеневич отмечает и недостатки этого сочинения: 1) небольшой объем (300 страниц), который не позволяет систематически изложить основные положения обязательственного права; 2) отсутствие у автора собственных оригинальных решений; 3) отсутствие связи теоретических положений обязательственного права как порождения практической жизни с реальными жизненными явлениями; 4) избирательный анализ зарубежного опыта, который сводится в основном к изучению французского законодательства [1, с. 158–160].

Проблема источников обязательств разрешалась путем обращения к положениям римского права, в котором различались следующие источники: 1) договор; 2) как бы договор; 3) гражданское преступление (деликт); 4) как бы преступление; 5) иные юридические факты. Вместе с тем в ряде работ отечественных цивилистов мы встречаем их собственную трактовку источников обязательств.

Например, говоря о непосредственных источниках обязательства, Д. И. Мейер называет три источника: закон, договор и правонарушение. При этом он уточняет, что обязательства, вытекающие из договора или правонарушения, не следует понимать в том смысле, что они «не суть обязательства законные». То есть закон становится источником обязательства, когда обязательство возникает непосредственно на его основании [3, с. 350–351]. Например, это могут быть обязательства опекунов, обязательства детей по отношению к их престарелым родителям и т.д.

Подобную точку зрения разделяет и В. Голевинский, отмечая, что только те обязательства могут возникать на основании предписания закона, для возникновения которых «вовсе не требуется участие воли обязанного лица» [8, с. 151].

Не считая закон источником обязательства, Г. Ф. Шершеневич объясняет, что один закон, без юридического факта, не создает обязательства. Кроме того, по его мнению, классификацию источников обязательств, принятую в римском праве, нельзя называть научной. Из указанных в римском праве оснований он оставляет только два: договор и правонарушение, при этом расширяет договор до понятия юридической сделки. Учитывая зарубежный опыт, он добавляет еще один источник – неосновательное обогащение [9, с. 390–391].

К двум основным категориям по источнику своего возникновения сводит обязательства А. М. Гуляев. Он называет обязательства договорные и обязательства внедоговорные [4, с. 248–249]. К недоговорным основаниям возникновения обязательств А. М. Гуляев относит: 1) «незакономерное, неза-

конное, неправомерное обогащение»; 2) правонарушение; 3) судебные решения, административные распоряжения [4, с. 368–377].

Примеры обязательств, возникающих независимо от воли субъекта, приводит К. Кавелин. Среди них он называет судебные постановления, административные распоряжения и «случайные и неслучайные материальные факты» [10, с. 96–97].

К специфическим проблемам правового регулирования обязательств из правонарушений можно отнести вопрос об имущественном и неимущественном интересе в этих обязательствах. Как считает Е. В. Пассек, может возникнуть сомнение относительно того, имеет ли возмещение вреда в случаях, когда потерпевший лишается какого-либо нематериального блага, имущественный характер. В своих рассуждениях он приходит к выводу о том, что неимущественный интерес в данных обязательствах не находится в противоречии с его денежной оценкой, которая основана не на рыночной стоимости блага, а, с одной стороны, на предоставлении потерпевшему другого блага взамен утраченного, с другой – на удовлетворении чувства мести потерпевшего к правонарушителю. Проблема же заключается в поиске правил для производства оценки причиненного вреда [11, с. 205].

О другой особенности правового регулирования деликтных обязательств говорит огромная практика волостных судов по делам о личных обидах. С. В. Пахман отмечает, что большая часть случаев такого рода не доходит до волостного суда, а регулируется посредством других органов народного суда или частным примирением [12, с. 185]. То есть они регулировались преимущественно нормами обычного права.

Таким образом, в пореформенном периоде России XIX в. правовое регулирование обязательств из причинения вреда можно считать сложившимся. Вместе с тем сохранялись различного рода недостатки законодательства, которые кассационная практика сената восполняла не в полной мере. Отчасти проблема решалась, например, в части нанесения личных обид, обращением к нормам обычного права, а также возможностью потерпевшего выбрать уголовный порядок преследования лица, нанесшего обиду. На примере деликтных обязательств мы видим, что причиненный вред может быть заглажен использованием различных правовых средств, среди которых обязательства играют не последнюю роль. В науке гражданского права ярко выраженного интереса к изучению обязательств из причинения вреда не наблюдалось, однако имеется достаточное количество работ, позволяющих судить о степени изученности данного вида обязательств.

Список литературы

1. **Шершеневич, Г. Ф.** Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – Казань, 1893.
2. **Покровский, И. А.** Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Пг., 1917.
3. **Мейер, Д. И.** Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – Пг., 1914.
4. **Гуляев, А. М.** Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства и Проекта Гражданского уложения / А. М. Гуляев. – СПб., 1911.
5. **Покровский, И. А.** Обязательства из деликтов в проекте гражданского уложения : доклад членов общества И. А. Покровского, читанный в собрании общества 27 ноября 1899 г. // Приложение к протоколам собраний Киевского юридического общества за 1899 г. – Киев, 1901.

6. Свод замечаний по проекту кн. V Гражданского уложения об обязательствах. – СПб., 1902.
7. **Васьковский, Е. В.** Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. – СПб., 1894. – Вып. 1: Введение и общая часть.
8. **Голевинский, В.** О происхождении и делении обязательств / В. Голевинский. – Варшава, 1872.
9. **Шершеневич, Г. Ф.** Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 9-е изд. – М., 1911.
10. **Кавелин, К. Д.** Что есть гражданское право и где его пределы? Один из современных юридических вопросов / К. Д. Кавелин. – СПб., 1864.
11. **Пассек, Е. В.** Неимущественный интерес в обязательстве / Е. В. Пассек. – Юрьев, 1893.
12. **Пахман, С. В.** Обычное право в России (юридические очерки) / С. В. Пахман. – СПб., 1877–1879. – Т. I–II.

References

1. Shershenevich G. F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [Civil law science in Russia]. Kazan, 1893.
2. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law]. Petrograd, 1917.
3. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Petrograd, 1914.
4. Gulyaev A. M. *Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor deystvuyushchego zakonodatel'stva i Proekta Grazhdanskogo ulozheniya* [Russian civil law. Review of active legislation and the Civil code draft]. Saint Petersburg, 1911.
5. Pokrovskiy I. A. *Prilozhenie k protokolam sobraniy Kievskogo yuridicheskogo obshchestva za 1899 g.* [Annex to the protocols of the meetings of the Kiev juridical society in 1899]. Kiev, 1901.
6. *Svod zamechaniy po proektu kn. V Grazhdanskogo ulozheniya ob obyazatel'stvakh* [Comments to the draft of the book V of the Civil code on liabilities]. Saint Petersburg, 1902.
7. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava. Vyp. 1: Vvedenie i obshchaya chast'* [Civil law textbook. Issue 1: Introduction and general part]. Saint Petersburg, 1894.
8. Golevinskiy V. *O proiskhozhdenii i delenii obyazatel'stv* [On the origin and division of liabilities]. Varshava, 1872.
9. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Russian civil law textbook]. Moscow, 1911.
10. Kavelin K. D. *Chto est' grazhdanskoe pravo i gde ego predely? Odin iz sovremennykh yuridicheskikh voprosov* [What is the civial law and where are the limits thereof? One of the modern legal problems]. Saint Petersburg, 1864.
11. Passek E. V. *Neimushchestvennyy interes v obyazatel'stve* [Non-property interest in liabilities]. Yurev, 1893.
12. Pakhman S. V. *Obychnoe pravo v Rossii (yuridicheskie ocherki)* [Common law in Russia (juridical essays)]. Saint Petersburg, 1877–1879, vol. I–II.

Сухомлинов Олег Игоревич
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Sukhomlinov Oleg Igorevich
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: su.o@mail.ru

УДК 34(091)
Сухомлинов, О. И.

Правовое регулирование обязательств из причинения вреда в России во второй половине XIX – начале XX в. / О. И. Сухомлинов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 7–16.

УДК 32

Ф. Е. Корбат

КИБЕР-ДЕМОКРАТИЯ КАК РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Прогрессивные технологические изменения в сфере информационных технологий в последние три десятилетия оказали и оказывают влияние на политические процессы в подавляющем числе обществ. Динамика событий, меняющих формат взаимоотношений граждан и правительств, особенно четко прослеживается в западных обществах, где с помощью Интернета и информационных и коммуникативных технологий отдельные группы общества могут влиять на политические процессы без традиционных демократических механизмов, что негативно сказывается на системе. Цель работы – проанализировать изменения и тенденции «информационной революции», ее влияние на демократическую систему с учетом последних теоретических разработок в этой сфере. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Европейской комиссии, Европейского совета и ряда институтов и форумов, оказывающих влияние на информационное пространство в рамках своих компетенций. В ходе исследования было проанализировано значение «информационной революции» для политики развития демократического участия населения и выделены основные недостатки и преимущества. Исследование опирается на системный анализ, структурно-функциональный и сравнительный методы. *Результаты*. Исследовано политическое и социальное влияние информационной революции на формат взаимодействия правительства и граждан в ряде западных государств и межгосударственных объединений. Рассмотрены особенности «электронного правительства» в Шотландии, странах Балтии и Евросоюза в целом начиная с 2000-х гг. *Выводы*. Изучение процесса воздействия развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на политическую систему позволяет сделать выводы о том, что в последние годы с помощью новых информационных технологий граждане стали более политизированы и принимают активное участие через современные информационные механизмы в процессе взаимодействия с государственными институтами. Но в будущем ИКТ могут негативно повлиять на традиционные демократические механизмы участия, более того, создается новый разрыв между гражданами, использующими и не использующими ИКТ, что диффузно влияет на общество.

Ключевые слова: кибер-демократия, электронное участие, «электронное правительство», информационно-коммуникационные технологии.

F. E. Korbat

CYBER DEMOCRACY AS INFORMATION POLICY DEVELOPMENT

Abstract. *Background*. Advanced technological changes in the field of information technology during the past three decades have contributed to political processes in the majority of societies. The dynamics of events that change the format of relations between citizens and governments is in particular reflected in Western societies, where due to the Internet and information and communication technologies independent groups of society without any traditional democratic mechanisms can have influence, which affects the system. The research is aimed at the analysis of

changes and trends in the «information revolution» in a democratic system based on the latest theoretical developments in this area. *Materials and methods*. The implementation of research tasks was achieved through the use of instruments of the European Commission, the European Council, and a number of institutions and forums that influence information space within their competencies. In the study, we analyzed importance of the «information revolution» for development of democratic participation policy by highlighting the main advantages and disadvantages. The study is based on a systematic analysis of structural, functional and comparative methods. *Results*. We examined political and social impact of the information revolution in the format of cooperation between government and citizens in several Western states and intergovernmental organizations; and scrutinized the features of the «electronic government» in Scotland, the Baltic States and the European Union since the 2000s. *Conclusions*. On the basis of the study of the process of ICT impact on political systems one may draw a conclusion that in recent years, with the help of new information technologies the citizens have become more politicized and started actively participating in the process of interaction with state institutions through modern information systems. However, in the future ICT can have a negative impact on traditional democratic mechanisms of participation, moreover, a new gap between citizens with and without ICT is occuring, which diffusely affects society.

Key words: cyber democracy, electronic participation, «electronic government», information-communication technologies.

По словам Кэрол Пэтман, идеальная, интерактивная, гражданская медиасистема участия предназначена для развития ответственного, индивидуального социального и политического действия через процесс удаленного участия. Люди, которые имеют одинаковые интересы, могут встретиться и организовать дискуссию онлайн без малейших усилий.

Легкость, с которой заинтересованные группы могут быть созданы и объединены в виртуальные сообщества через цифровые сети, наводит ряд авторов на мысль, что увеличение участия в виртуальных ассоциациях и собраниях будет подрывать традиционные представительские институты выражения общественного мнения в демократических системах, например, такие как массовые партии.

Демократия в современном обществе сталкивается с задачей интеграции массы граждан с помощью новых методов, что приводит к теоретической возможности реализации «кибер-демократии», в рамках которой люди смогут принимать непосредственное участие в политическом процессе. «Кибер-демократия» действует на основе невмешательства в ассоциативные и плюралистические проявления в рамках политической системы [1]. В «кибер-демократии» взаимозависимы интерактивность, разнонаправленность и саморегулирование.

«Кибер-демократия» основывается на постулате о самоуправлении и максимально возможном самоопределении, т.е. праве выступать произвольно в своей частной сфере через принцип субсидиарности, лежащем в основе Евросоюза [2]. Тем самым «кибер-демократия» стремится компенсировать отсутствие однородности между различными акторами политического процесса.

До появления информационного общества политические лидеры были ориентированы на волю избирателей во время электорального процесса. Цикл обратной связи ускоряется. Политики, выбранные демократическим пу-

тем, вынуждены адаптировать свою деятельность исходя из эмпирически измеренных настроений общества. Интернетификация обратной связи будет способствовать введению прямой демократии: граждане смогут принимать более широкое участие, влияя на повестку дня и принятие решений. В итоге это позволит голосовать неоднократно по широкому кругу вопросов, быстро, несколько раз в день, при практически нулевых затратах [3]. В результате мнение избирателей будет отражаться гораздо точнее, чем в представительных системах, в которых граждане реализуют свое право голоса лишь раз в несколько лет. При этом появляется возможность увеличения явки избирателей, так как интернет-голосование или голосование по почте требуют меньше временных затрат [4]. Организационная нагрузка выборов сократится, следовательно, уменьшатся расходы, и появится возможность проводить голосование непрерывно, даже параллельно, практически снизив до минимума нарушения при применении системы защиты личных данных наподобие платежной PayPal[1] и введении отдельных мер предосторожности.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) могут способствовать принципу гласности через публичное выражение мнения граждан и через прозрачность действий их представителей. Свобода информации подразумевает, что вообще все тексты, документы и файлы государственных органов должны находиться в свободном доступе для каждого гражданина [5].

Теория «электронного участия», которая выступает за освещение всех вопросов политики при возможности для граждан контактировать с правительством и органами государственного управления с помощью цифровых носителей, потенциально изменит взаимодействие с правительством и государственными администрациями в направлении более широкого участия в политическом процессе [6]. «Электронное участие» рассматривает не только политические решения в самом широком смысле, но и вопросы государственной службы, которые формируют изо дня в день отношение между гражданами и государством в целом. Такое участие имеет ярко выраженный демократической формат.

Некоторые правительства не только информируют граждан о проводимой политике на официальных веб-сайтах, но и приглашает граждан принять участие в форумах и опросах для собственных выходных данных, принимая их предложения или жалобы. Информационное обеспечение является наиболее часто используемым приложением в области «электронного участия». Более 50 стран мира уже приняли законы по поддержке и содействию свободе информации в государственном секторе. Например, с января 1995 г. правительство США публикует законопроекты правительства и все виды правовой информации о работе конгресса и сената[2]. Шотландский парламент выбрал реальную «политическую прозрачность»: граждане могут следить за дебатами в прямом эфире и даже общаться с парламентариями через скайп. В Шотландии этот формат стал возможен благодаря официальной инициативе парламента (гражданам предлагается заполнить ходатайство на веб-сайте). Электронное участие может стать очень важным инструментом в демократи-

[1] Крупнейшая дебетовая электронная платежная система, позволяющая клиентам оплачивать счета и покупки, отправлять и принимать денежные переводы.

[2] The Library of Congress // Legislative information from the Library of Congress. – URL: http://thomas.loc.gov

ческих странах для «вовлечения граждан в политический процесс». Власти Норвегии и Эстонии уже используют электронную почту для удовлетворения индивидуальных запросов о предоставлении информации[1]. Первая президентская кампания Барака Обамы показала, «электронное участие» может стать важной доминантой в ходе выборов. С интернет-приложений штаб Обамы собрал более 500 млн долл. и организовал «армию добровольцев» в поддержку. Электронная почта, YouTube, сайты социальных сетей и расширенные собственные веб-сайты являются основными площадками коммуникации интернет-пользователей между собой.

Интернет является гораздо более мощным инструментом для достижения непосредственной демократии, чем традиционные медиа. За годы широкого распространения Интернета многие западные правительства запустили официальные интернет-консультации граждан, чтобы обсудить планы правительства, которые уже были подготовлены. Намерение состояло в том, чтобы вовлечь в процесс разработки планов не только тех граждан, которые были известны как более или менее профессиональные лоббисты, собравшиеся на официальных встречах, но и «среднего избирателя».

В нынешней стадии Интернет и технологическое развитие способствуют увеличению онлайн-консультаций и других форматов непосредственной коммуникации с властью. Все большее число граждан имеют возможность участвовать в этом процессе, потому что ряд нововведений в плане консультаций вводит такие инструменты, как визуализация и моделирование планов [7]. Редко интернет-встречи репрезентативны, как показывают исследования, в основном в них принимают участие «хорошо образованные мужчины среднего возраста» [8]. Однако, поскольку эти разделы пользуются такой популярностью у многих тысяч участников в каждой стране, они должны иметь определенное влияние на сознание и знание вопросов политики среди граждан [9].

Все чаще интернет-сообщество, сайты социальных сетей, обмена видео и веб-журналов вводят политические дискуссии в качестве основного или дополнительного приложения. Конечно, их главным объектом является обмен знаниями, поддержание социальных отношений и развлечение, но ярким исключением являются политические блоги. Другим исключением являются пользователи, участвующие в проектах Wikileaks, публикующим утечки секретных документов. Сами граждане могут использовать индивидуальную коммуникацию для того, чтобы оказывать давление на правительство. В Интернете тысячи европейских групп пытаются влиять на решения правительства своей активностью.

В прорывной области информационных технологий и ее влиянии на американскую демократию Брюс Бимбер акцентирует внимание на том, что посредничество включает средства, с помощью которых члены общественности связаны с более широкой институциональной структурой правительства [10]. Так как американская информационная революция включила в себя институциональные механизмы, влияющие на газеты, почтовые системы, политические партии, комплекс бюрократизации, связанный с развитием промыш-

[1] От традиционных к сетевым СМИ: Передовая практика и перспективы // 9-я Южнокавказская конференция СМИ (Тбилиси, Грузия, 11–12 октября 2012 г.). – URL: http://www.osce.org/ru/fom/102323

ленного капитализма посредством средств массовой информации, и большинство цифровых информационных и коммуникационных технологий, Бимбер говорит, что новый период равновесия построен вокруг развития ИКТ [11]. Одним из определяющих элементов постбюрократической политики является то, что электронная поддержка масштабируемости сети создается от локального до глобального уровня, независимо от предпочтений посредников и заинтересованных лиц и институтов.

На фоне технологической революции в Интернете большинство ученых не имеют никаких сомнений в том, что современные технологии влияют на изменение в организации политических интересов, коллективных действий и, возможно, на уровень политической приверженности. Было бы неправильно ожидать исчезновения традиционных групп интересов и политических партий. Характер информации и ее влияние достигают своего пика не на индивидуальном, а на организационном уровне. С распространением Интернета наиболее ярко проявляется эволюционный характер демократических связей между гражданами, а также между гражданами и государством. С прорывом в сфере информационных технологий происходят изменения и в личности, и в структуре политических посредников: от партий до групп по интересам.

Доверие к государственным услугам является важной основой для доверия к власти в целом, что имеет серьезные политические последствия. Некоторые правительства, в основном на местном уровне, уже установили онлайн-панели или отдельные системы обратной связи в собственной общественной службе. Это позволяет гражданам оценить уровень предоставления услуг. «Электронное участие» наиболее часто используется в первых фазах политического процесса – установке повестки дня.

В конце 1990-х гг. правительства многих стран экспериментировали с онлайн-консультациями, которые были разочаровывающими с точки зрения расширения участия в политическом процессе населения. Начиная с 2000-х гг. «электронное участие», «электронное голосование» и сайты гражданского контроля стали гораздо более популярными [12]. Одной из основных проблем «цифрового участия» является то, что оно требует определенного количества цифровых навыков к уже имеющимся традиционным навыкам гражданским, которые неравномерно распределены между населением [13]. Таким образом, «электронное участие» не дает всем гражданам равный доступ, вместо этого появляется дополнительный барьер [14]. Однако решающим критерием «электронного участия» в плане развития демократии является влияние на политические решения. Ряд решений правительств, представителей политических и гражданских служащих изменился в связи с приходом формата «электронного участия» граждан. Так, с точки зрения демократии обоснованным является вывод, что «большинство администраций не имеют (на данный момент) механизмов и возможностей, способных справиться со значительно увеличившимся политическим участием граждан через Интернет» [15].

Во время встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества главы ведущих государств и правительств обозначили мнение мирового сообщества: «Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказывают огромное влияние практически на все аспекты нашей жизни»[1].

[1] World Summit on the Information Society // About the World Summit, Online Version. – URL: http://www.itu.int/wsis

Использование ИКТ не разрушит репрезентативную модель демократии. Политический процесс будет меняться шаг за шагом, изменяя влияние классических политических акторов [16]. «Цифровая революция» уже идет.

Под «цифровой революцией» мы имеем в виду создание и широкое распространение технологий, которые позволяют легко копировать, изменять, комментировать, собирать, передавать и распространять контент, сохраняя его в цифровой форме. Эти технологии также включают разработку огромного количества сетей связи, которые соединяют каждую часть мира для распределения цифрового контента. «Цифровая революция» изменяет фактические предположения, лежащие в основе социальной организации и социальных практик свободы слова в четырех важных направлениях.

Во-первых, цифровая революция резко снижает затраты на копирование и распространение информации, что предполагает возможность большинства транслировать и излагать свои взгляды без финансовых затрат и для широкой аудитории. Например, разработка/ведение блогов позволяет людям публиковать контент в Интернете при снижении затрат на издание и распространение. До Интернета теоретики свободы слова были обеспокоены дефицитом и пропускной способностью СМИ. Часто медиа были ограничены и по формату, и по ряду финансовых и редакционных позиций, так что только относительно немногие могли транслировать свои идеи на большое количество людей. «Цифровая революция», во-первых, изменила возможности как для трансляции, так и для аудитории. Но «цифровая революция» как фактор развития прямой демократии выдвигает на первый план важность организации, сортировки, фильтрации и ограничения доступа к информации [17]. Во-вторых, «цифровая революция» облегчает пересечение культурных и географических границ, имея возможность воздействовать не только на конкретных людей в отдельно взятой стране, но и на формирование новых сообществ по интересам с людьми по всему миру/региону [18]. В-третьих, важной особенностью «цифровой революции» является разработка общих стандартов хранения и кодирования информации в цифровом виде, которые играют решающее значение для снижения затрат на передачу и распределение контента. Связь между возможностью копировать и возможностью изменять информацию является центральным фактором для понимания «цифровой революции».

Потребители цифровой продукции СМИ имеют возможность не только копировать цифровой контент, но и изменить его, аннотировать, объединяя и смешивая с другими продуктами, ссылаясь на первоисточник. Программное обеспечение позволяет людям с помощью современных средств коммуникации комментировать дифференцированные цифровые контенты средств массовой информации, в том числе не только текст, но и звуковые файлы, фотографии и фильмы. Это нововведение идет рука об руку с возможностями цифрового пиратства, оба они – последствия развития цифровых технологий и сетей связи [19].

В период активного распространения Интернета многие наблюдатели предполагали, что он будет вытеснять СМИ как традиционные источники информации. Но этого не произошло. Интернет предоставил дополнительный уровень коммуникации. Средства массовой информации являлись в некоторой степени асимметричными и однонаправленными. Ранее доступ к СМИ был сравнительно ограничен. В результате в мире, где доминировали тради-

ционные медиа, постоянно существовала проблема для людей, которые хотели доносить информацию до большого количества сограждан, они фактически были «отрезаны». Цифровые технологии снижают затраты на распространение и производство контента как локально, так и по всему миру. Это позволяет принимать участие все большему и большему количеству людей в создании и распространении новых форм общественного дискурса.

«Цифровая революция», в конце концов, – экономическая революция. Таким образом, цифровой век производит две важные тенденции: демократизацию цифрового контента и растущее финансовое значение цифрового контента в качестве источника богатства и экономической мощи. Эти тенденции быстро вступают в конфликт. Конфликт и его последствия для свободы слова являются центральной проблемой цифровой эпохи.

Интернетификация расширила права и возможности «среднего гражданина», одновременно приводя бизнес к постоянному расширению рынка интеллектуальной собственности и цифрового контента [20]. Вероятно, самый важный теоретический подход к свободе слова в XX в. утверждал, что свобода слова является фактором, сохраняющим и способствующим поддержанию демократии как системы. Александр Мейклейджон и его подход [21] оказали большое влияние на теорию влияния свободы слова на демократическую систему [22]. Теория прогрессивизма предполагает способность правительства содействовать общественным интересам за счет рационального обсуждения (дебатов) в государственных структурах и впоследствии принятия решений в развитии консенсуса по важным вопросам государственной политики с элементами широкой дискуссии. Теоретики свободы слова в XX в. утверждали, что правительство должно регулировать СМИ для поддержания системы: 1) путем ограничения и предотвращения концентрации средств массовой информации в «одних руках»; 2) через введение общественного интереса в контент, требуя от вещательных СМИ предоставления доступа для более разнообразных и широких групп. Рост «охвата» Интернета в относительно короткий период времени показывает, что «обычные люди» могут стать активными производителями, а не пассивными получателями контента.

Цифровые технологии меняют наше понимание свободы слова, предоставляя людям свободу для участия в культуре, политике, экономике через применение инструментов, находящихся в свободном доступе для всех. Чтобы защитить свободу слова в эпоху цифровых технологий, мы должны будем переосмыслить и переделать как политику, так и право на интеллектуальную собственность.

Тенденция к введению императивного мандата, дополненного прозрачностью взаимоотношений между гражданами и их представителями в сочетании с новыми цифровыми возможностями участия, требует пересмотра границ между представительной демократией и активным гражданином. Хабермас утверждает, что за счет прозрачности всех видов государственной деятельности и коммуникации моральное поведение элит будет стимулироваться [23]. Используя технологические возможности, граждане смогут принять участие в системе представительного обсуждения, что является гораздо более сложным, однако демократическим изменением в рамках осуществления волеизъявления. Но не следует отказываться от традиционных выборных институтов, потому что они способствуют укреплению прямых демократиче-

ских механизмов. Они могут играть самые разнообразные роли, такие как агрегирование общественного дискурса (чтобы помочь кристаллизовать мнение), консультативные, обработка информации и другие способы формирования политической воли[1].

Поскольку характер демократических процессов базируется исключительно на координации и связи информационных потоков, которые могут быть оцифрованы, идея «электронной демократии» не является надуманным выводом. Готовность индустрии программного обеспечения и сообщества инвестировать в эту область становится решающим фактором применения интернетификации в демократическом процессе [24]. ИКТ уже используются в финансируемых ЕС проектах с 2005 г.

Информационное общество привело не только к новому формату гуманистические ценности человечества, но и к формированию нового уровня демократии. «Цифровая демократия» представляет собой более высокий уровень либеральной демократии, увеличив участие и производительность, представляя симбиоз электронных технологий, позволяющих взаимодействовать между собой в реальном времени людям, партиям, правительству, бизнесу, местным сообществам и другим социальным институциям. «Цифровая демократия» как приложение ИКТ возникла из «диалектического взаимодействия между технологией и обществом». Хакер и Дейк определили [25] «цифровую демократию» как «набор попыток практиковать демократию без ограничения времени, пространства и других физических условий, использования ИКТ или КМЦ (компьютерно-опосредованной коммуникации), как дополнение, а не замену традиционных политических практик.

ИКТ должны играть значительную роль в достижении «сильной» демократии, основывающейся на сообществе сетей. Ряд ученых считают, что ИКТ содержат потенциал для ускоренного развития демократии и содействия «качественному скачку в области демократического продвижения» [26].

Цифровая демократия способствует созданию глобальных сетей за пределами национальных границ, появлению нового уровня свободы слова с ограниченной государственной цензурой, созданию свободных ассоциаций, построению и распространению информации, которая не подлежит официальному отзыву или санкциям, разрушению национально-государственной идентичности в связи с принятием пользователями глобальных и локальных идентичностей. Данный формат прихода общей идентичности является одной из основных идей наднациональных институтов Евросоюза в построении интеграционного проекта [27].

Кроме этого положительного видения цифровой демократии, некоторые политологи и политики рассматривают вышеописанные тенденции как потенциальную угрозу для традиционно сложившейся демократии [28]. Как правило, они утверждают, что политическая система, основанная на прямой демократии, была бы невозможна в современном сложном обществе. Ряд политологов считают потенциал технологических характеристик, упомянутых выше, преувеличенным. Хиндман отмечает, что Интернет является

[1] Economic Commission for Latin America and the Caribbean // Roadmaps toward an Information Society: A Latin American and Caribbean Perspective. – URL: http://www.eclac.cl/cgiam/getProd.asp?xml=/publicaciones/xml/0/12900/P12900.xml&xsl=/ddpe/tpl-i/p9f.xsl&base=\tpl-i\top-bottom.xsl

хаотически-диффузным, что создаст дополнительный социокультурный разрыв в обществе, в отличие от сложившихся традиционных средств массовой информации [29]. Ряд экспертов выделяют как возможности, так и риски цифровой демократии [30].

Развитие информационно-коммуникационных систем влияет на политические процессы, их цели и демократические преобразования в целом [31]. Участие общественности в демократическом процессе принятия решений предполагает «право на получение информации» и «право непосредственно решать» [32]. Когда было детально рассмотрено фундаментальное использование технологии, было обнаружено, что использование веб-технологий в общей массе практически не влияет на революционное преобразование демократии. Такие преобразования могут быть достигнуты только благодаря активизации низовой политической активности [33]. Препятствием для демократического участия и динамичного развития цифровой демократии являются отсутствие гражданского образования и гражданская апатия [34]. Размеры и сложности современных наций-государств осложняют реальную возможность гражданина оказывать влияние за пределами местного сообщества. Последние выборы в Европарламент, на которых явка составила менее 50 % избирателей, – показательный пример локального мышления сообщества[1]. Некоторые реформы требуют изменений в плюралистической демократии, другие видят долгосрочную перспективу в более фундаментальном развитии муниципального управления. Цифровая демократия породила новое явление – электронное правительство. Оно является частью цифровой демократии, основным инструментом взаимодействия с обществом. Электронное правительство значительно преобразует основы исполнительной власти, что делает ее более демократичной, прозрачной, доступной и подотчетной, качественно улучшает общение с людьми, способствуя их участию в процессах принятия решений и решению личных/локальных гражданских проблем. Проект электронного правительства является важным элементом в управлении и должен быть реализован в сферах, которые распространяются на финансы, госзакупки, «человеческий капитал» для улучшения качества выполнения государственных услуг[2].

Цифровая демократия должна рассматриваться как динамический процесс технологических нововведений с объективными и субъективными трудностями, проблемами и несовершенством предыдущих демократических режимов. Современный мир становится свидетелем цифровой революции, которая провоцирует глубокие трансформации экономики и социальной структуры. Цифровая демократия становится новым продуктом этих высокотехнологических и доступных изменений в обществе, сделав вызов традиционной политической парадигме государственной власти и управления. Наднациональные институты Евросоюза в процессе развития интеграции начинают уделять особое значение формированию общей информационной политики для решения задач углубления объединения, упрощения взаимодействия с избирателями и создания единой идентичности при возможности сохранения формы самоопределения.

[1] На выборах в Европарламент зафиксирована рекордно низкая явка // Лента.ру. – URL: http://lenta.ru/news/2009/06/08/elect/

[2] Public Law // E-Government Act of 2002. – URL: http://aspe.hhs.gov/datacncl/privacy/titleV.pdf

Список литературы

1. **Buckingham, S.** Structuring Discourse for Collective Interpretation, Conference on Collective Cognition and Memory Practices / S. Buckingham. – Paris, 2000. – URL: http://www.limsi.fr/WkG/PCD2000/textes/fichiers/Shum_Selvin.pdf
2. **Гомцян, С.** Динамика развития принципа субсидиарности в Европейском союзе / С. Гомцян // Вестник международных организаций. – 2007. – № 6 (14).
3. **Boker, G.** Sorting things out: classification and its consequences / G. Boker. – Boston : Massachusetts Institute of Technology MIT Press, 1999. – P. 12–32.
4. **Adams, K.** Word Wranglers, Automatic classification tools transform enterprise documents from bags of words into knowledge resources, Intelligent Enterprise communities, United Business Media / K. Adams. – 2004. – P. 3. – URL: http://www.intelligentkm.com/feature/010101/feat1.jhtml?_requestid=11
5. **Miller, D.** Deliberative Democracy and Social Choice / D. Miller. – N. Y. : Science press, 1992. – P. 194–195.
6. **Dijk, van J. A. G. M.** Participation in Policy Making / J. A. G. M. van Dijk // Study on the Social Impact of ICT // Report for European Commission, Information Society and Media Directorate-General. – Luxemburg : European Communities, 2010. – P. 30–70. – URL: http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/docs/eda/social_impact_of_ict.pdf
7. **Botterman, M.** Value for Citizens, A vision of public governance in 2020 / M. Botterman // Report for the European Commission, Information Society and Media. – Luxemburg, 2009.
8. **Held, D.** Models of Democracy / D. Held. – Cambridge : Polity Press, 1987. – P. 67–89.
9. **Dijk, van J.** Models of democracy behind the design and use of ICT in politics / J. van Dijk // The Public. – 1996. – Javnost III (1). – P. 43–56.
10. **Bimber, B.** Reconceptualizing collective action in the contemporary media environment / B. Bimber, A. Flanagin, C. Stohl // Communication Theory. – 2005. – Vol. 15, № 4. – P. 365–388.
11. **Bimber, B.** Digital Media, Political Behavior, and Political Context / B. Bimber, L. Copeland // Paper prepared for presentation at the annual meeting of the European Consortium for Political Research, Reykjavik, Iceland. – 2011. – 25 Aug.
12. **Dijk, van J.** Models of Democracy and Concepts of Communication / J. van Dijk // Thousand Oaks CA. – New Delhi, 2000. – P. 346–379.
13. **Deursen, van A.** Improving digital skills for the use of online public information and services / A. van Deursen, J. van Dijk // Thousand Oaks CA. – New Delhi, 2009. – P. 333–340.
14. **Wilhelm, A.** Civic Participation and Technology Inequality: The «Killer Application» is Educatio» / A. Wilhelm // Lanham. – 2003. – № 11 (3). – P. 113–128.
15. **Millard, J.** eParticipation: overview of issues and research questions. Deliverable D5.1a to European eParticipation / J. Millard // Study and supply of serviced on the development of eParticipation in the EU. – URL: www.european-eparticipation.eu
16. **Leggewie, C.** Demokratie auf der Datenautobahn Internet und Politik / C. Leggewie. – URL: http://www.akademie3000.de/1/05/04/00311/
17. **Balkin, J.** Media Filters, the V-Chip, and the Foundations of Broadcast Regulation / J. Balkin. – London : DUKE, 1997. – P. 177–194.
18. **Frank, H.** Cyberspace and the Law of the Horse / H. Frank. – Edinburg, 1996. – P. 89–201.
19. **James, B.** A Politics of Intellectual Property: Environmentalism for the Net? / B. James. – London : DUKE, 1997. – P. 93–94.
20. **Yochai, B.** From Consumers to Users: Shifting the Deeper Structures of Regulation Toward Sustainable Commons and User Access / B. Yochai. – Manchester : BSGH, 2000. – P. 561–562.

21. **Meiklejohn, A.** Political freedom: the constitutional powers of the people / A. Meiklejohn. – London : DUKE, 1961. – P. 99–134.
22. **Owen, M.** Why the State? / M. Owen. – New York : Freedom press, 1964. – P. 191–193.
23. **Хабермас, Ю.** Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М. : Весь Мир, 2002. – 144 с.
24. **Hilbert, M.** Comment on the Financing Aspect of the Information Society for Developing Countries / M. Hilbert // The World Summit on the Information Society in Reflection, ITI, Information technologies and International Development. – URL: http://mitpress.mit.edu/catalog/item/default.asp?tid=15616&ttype=6
25. **Hacker, K.** Digital Democracy: Issues of Theory and Practice / K. Hacker. – London : DUKE, 2000. – P. 201–207.
26. **Becker, T.** Governance and electronic innovation: A clash of paradigms, Information, Communication and Society / T. Becker. – Newcastle : News press, 1998. – P. 339–343.
27. **Корбат, Ф.** Правовое закрепление институтами ЕС информационной политики / Ф. Корбат // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук : сб. науч. и учеб.-метод. тр. – СПб. : ЭлекСис, 2012. – С. 307.
28. **Norris, P.** Digital Divide, Civic Engagement, Information Poverty and the Internet worldwide / P. Norris. – Cambridge : University Press, 2001. – P. 200–234.
29. **Hindman, M.** The Myth of Digital Democracy / M. Hindman. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – P. 345–408.
30. **Katz, J.** Social Consequences of Internet Use, Access, Involvement, and Interaction / J. Katz, R. Rice. – London : The MIT Press, 2002. – P. 34–88.
31. **Rostiashvily, K.** Information Society and Digital Democracy – Theoretical Discourse / K. Rostiashvily // Scientific Journal in Humanities. – URL: http://www.javnostthepublic.org/media/datoteke/Hacker_ Todino_1-1996.pdf
32. **Lourenco, R.** Discursive E-Democracy Support / R. Lourenco, J. Costa // System Sciences // Digital Library Xplore. – URL: http://ieeexplore.ieee.org/xpl/freeabs_all.jsp?arnumber=1579421
33. **Moore, R.** Digital Cyberspace: a Quick Tour of the Future, in Digital Democracy / R. Moore // Issues of Theory and Practice Digital Democracy. – London, 2000. – P. 231–255.
34. **Hale, M.** Developing Digital Democracy: Evidence from Californian Municipal Web Pages / M. Hale, J. Musso // Digital Democracy Discourse and Decision Making in the Information Age. – URL: http://www.scribd.com/ doc/41033819/0415197384-Digital-Democracy

References

1. Buckingham S. *Structuring Discourse for Collective Interpretation, Conference on Collective Cognition and Memory Practices*. Paris, 2000. Available at: http://www.limsi.fr/WkG/PCD2000/textes/fichiers/Shum_Selvin.pdf
2. Gomtsyan S. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [Bulletin of international organization]. 2007, no. 6 (14).
3. Boker G. *Sorting things out: classification and its consequences*. Boston: Massachusetts Institute of Technology MIT Press, 1999, pp. 12–32.
4. Adams K. *Word Wranglers, Automatic classification tools transform enterprise documents from bags of words into knowledge resources, Intelligent Enterprise communities, United Business Media*. 2004, p. 3. Availale at: http://www.intelligentkm.com/feature/010101/feat1.jhtml?_requestid=11
5. Miller D. *Deliberative Democracy and Social Choice*. New York: Science press, 1992, pp. 194–195.
6. Dijk van J. A. G. M. *Study on the Social Impact of ICT. Report for European Commission, Information Society and Media Directorate-General*. Luxemburg: European

Communities, 2010, pp. 30–70. Availale at: http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/docs/eda/social_impact_of_ict.pdf
7. Botterman M. *Report for the European Commission, Information Society and Media*. Luxemburg, 2009.
8. Held D. *Models of Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1987, pp. 67–89.
9. Dijk van J. *The Public*. 1996, Javnost III (1), pp. 43–56.
10. Bimber B., Flanagin A., Stohl C. *Communication Theory*. 2005, vol. 15, no. 4, pp. 365–388.
11. Bimber B., Copeland L. *Paper prepared for presentation at the annual meeting of the European Consortium for Political Research, Reykjavik, Iceland*. 2011, 25 Aug.
12. Dijk van J. *Thousand Oaks CA*. New Delhi, 2000, pp. 346–379.
13. Deursen van A., Dijk van J. *Thousand Oaks CA*. New Delhi, 2009, pp. 333–340.
14. Wilhelm A. *Lanham*. 2003, no. 11 (3), pp. 113–128.
15. Millard J. *Study and supply of serviced on the development of eParticipation in the EU*. Availale at: www.european-eparticipation.eu
16. Leggewie C. *Demokratie auf der Datenautobahn Internet und Politik* [Democracy on the information superhighway of the Internet and Politics]. Availale at: http://www.akademie3000.de/1/05/04/00311/
17. Balkin J. *Media Filters, the V-Chip, and the Foundations of Broadcast Regulation*. London: DUKE, 1997, pp. 177–194.
18. Frank H. *Cyberspace and the Law of the Horse*. Edinburg, 1996, pp. 89–201.
19. James B. *A Politics of Intellectual Property: Environmentalism for the Net?* London: DUKE, 1997, pp. 93–94.
20. Yochai B. *From Consumers to Users: Shifting the Deeper Structures of Regulation Toward Sustainable Commons and User Access*. Manchester: BSGH, 2000, pp. 561–562.
21. Meiklejohn A. *Political freedom: the constitutional powers of the people*. London: DUKE, 1961, pp. 99–134.
22. Owen M. *Why the State?*. New York: Freedom press, 1964, pp. 191–193.
23. Khabermas Yu. *Budushchee chelovecheskoy prirody: Na puti k liberal'noy evgenike? per. s nem. M. L. Khor'kova* [Future of human nature: On the way to liberal eugenics? translation from German by M.L. Khorkov]. Moscow: Ves' Mir, 2002, 144 p.
24. Hilbert M. *The World Summit on the Information Society in Reflection, ITI, Information technologies and International Development*. Availale at: http://mitpress.mit.edu/catalog/item/default.asp?tid=15616&ttype=6
25. Hacker K. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice*. London: DUKE, 2000, pp. 201–207.
26. Becker T. *Governance and electronic innovation: A clash of paradigms, Information, Communication and Society*. Newcastle: News press, 1998, pp. 339–343.
27. Korbat F. *Gertsenovskie chteniya. Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk: sb. nauch. i ucheb.-metod. tr.* [Gertsenovsky readings. Topical problems of social sciences: collected scientific and methodological papers]. Saint Petrsburg: ElekSis, 2012, p. 307.
28. Norris P. *Digital Divide, Civic Engagement, Information Poverty and the Internet worldwide*. Cambridge: University Press, 2001, pp. 200–234.
29. Hindman M. *The Myth of Digital Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2008, pp. 345–408.
30. Katz J., Rice R. *Social Consequences of Internet Use, Access, Involvement, and Interaction*. London: The MIT Press, 2002, pp. 34–88.
31. Rostiashvily K. *Scientific Journal in Humanities*. Availale at: http://www.javnost thepublic.org/media/datoteke/Hacker_ Todino_1-1996.pdf
32. Lourenco R., Costa J. *System Sciences*. *Digital Library Xplore*. Availale at: http://ieeexplore.ieee.org/xpl/freeabs_all.jsp?arnumber=1579421
33. Moore R. *Issues of Theory and Practice Digital Democracy*. London, 2000, pp. 231–255.

34. Hale M., Musso J. *Digital Democracy Discourse and Decision Making in the Information Age*. Availale at: http://www.scribd.com/ doc/41033819/0415197384-Digital-Democracy

Корбат Филипп Евгеньевич
аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Набережная реки Мойки, 48)

E-mail: korbatphilipp@yandex.ru

Korbat Filipp Evgen'evich
Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia
(48 Moika river embankment, Saint-Petersburg, Russia)

УДК 32
Корбат, Ф. Е.
Кибер-демократия как развитие информационной политики / Ф. Е. Корбат // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 17–29.

УДК 343.294

А. А. Яшина

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА РЕАБИЛИТАЦИЮ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. *Актуальность и цели.* Взаимная ответственность государства и человека является неотъемлемым показателем демократического и правового характера государства. Посредством права на реабилитацию реализуется конституционно-правовой принцип ответственности органов публичной власти перед личностью. Цель работы – рассмотреть понятие субъективного права на реабилитацию как конституционного, исследовать его правомочия. *Материалы и методы.* Исследование и выводы сделаны на основе анализа Конституции РФ, федерального законодательства, литературных источников и правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации. Использованы материалы социологического опроса, проведенного автором среди сотрудников органов юстиции по республике Мордовия и Пензенской области, данные официальной статистики, а также статьи, представленные в СМИ и сети Интернет. *Результаты.* Обосновано, что право на реабилитацию есть субъективное конституционное право человека, структурно входящее в состав конституционно-правового института реабилитации. Каждый индивид, пострадавший от незаконных или необоснованных актов публичной власти и должностных лиц, имеет право на реабилитацию. Этому праву соответствует обязанность государства обеспечить реабилитацию. Право на реабилитацию, в конституционном понимании, относится к той группе прав, которую составляют права-гарантии, направленные на охрану и защиту личных, политических, социально-экономических и культурных прав. *Выводы.* Предлагается внести в Конституцию РФ ст. 52.1 следующего содержания: «Право на реабилитацию в связи с незаконными или необоснованными действиями (бездействием) органов государственной власти, местного самоуправления или их должностных лиц, в том числе неправомерным уголовным или административным преследованием, гарантируется государством».

Ключевые слова: Конституция РФ, реабилитация, субъективное право, конституционное право человека на реабилитацию.

A. A. Yashina

CONSTITUTIONAL RIGHT TO REHABILITATION: CONCEPTION AND CONTENT

Abstract. *Background.* Reciprocal liability of the state and the citizen is an inalienable indicator of the state's democratic and legal nature. A constitutional-legal principle of public authority's civil liability is realized through the right to rehabilitation. The article is aimed at considering the notion of subjective right to rehabilitation as a constitutional one, researching the power thereof. *Materials and methods.* The research and conclusions are made on the basis of the analysis of the Constitution of the Russian Federation, federal legisltation, literary sources and legal positions of the Constitutional court of the Russian Federation. The authos used the materials of the survey carried among the associates of the institutions of justice in the Republic of Mordovia and Penza region, official statistical data and articles posted on the Internet and in mass media. *Results.* The researchers substantiates that the right to rehabilitation is a subjective constitutional human right, structurally included into

a constitutional-legal institution of rehabilitation. Every person aggrieved by public authorities and officials has the right to rehabilitation. According to the said right it is the state's liability to provide rehabilitation. The right to rehabilitation, in constitutional point of view, pertains to a group of rights including guarantee-rights dedicated to protect personal, political, socioeconomic and cultural rights. *Conclusions.* It is suggested to introduce a following article 52.1 into the Constitution of the Russian Federation: "The right to rehabilitation as a result of illegal or unsubstantiated actions (inactivity) of public authorities, local self-government or officials thereof, including illegal criminal or administrative prosecution, is guaranteed by the state".

Key words: the Constitution of the Russian Federation, rehabilitation, subjective law, constitutional human right to rehabilitation.

В связи с конституционным закреплением базового принципа реабилитации (ст. 52, 53 Конституции РФ) назрела необходимость рассмотреть конституционно-правовое содержание права на реабилитацию через призму субъективных прав человека.

Н. Г. Комкова указывает, что «все права российских граждан являются именно субъективными, так как обладают главным родовым признаком – принадлежностью субъекту в зависимости от него» [1, с. 100]. Н. В. Витрук делает вывод, что «субъективное право есть социально обусловленная и гарантированная мера возможного поведения личности, которая определена нормами объективного права (конституцией, законами), в целях пользования материальными, духовными личными благами и ценностями для удовлетворения собственных потребностей и интересов» [2, с. 233].

Право человека и гражданина на реабилитацию является не просто субъективным[1], а предполагает все признаки основного субъективного права, т.е. конституционного. Во-первых, главный признак права на реабилитацию как конституционного права заключается в том, что без реализации данного права созидательная жизнедеятельность личности, пострадавшей от действий властных структур, будет осложнена. Во-вторых, право на реабилитацию предполагает взаимосвязь личности и государства через призму принципа их взаимной ответственности. Право на реабилитацию выступает гарантией защиты всех иных прав, свобод и законных интересов лиц, в том числе конституционных. В-третьих, право на реабилитацию, базирующееся на конституционно-правовом принципе ответственности государства за незаконные действия (или бездействие), заключенном в ст. 52 и 53 Конституции РФ, обладающих высшей юридической силой, не может быть ограничено в условиях чрезвычайного положения (ст. 56 Конституции РФ).

Впервые в юридической науке о праве на реабилитацию как конституционном субъективном праве заявила Н. Э. Шалумова. По ее мнению, «само право на реабилитацию, его признание со стороны государства и непосредственно реабилитация – не тождественные понятия, они имеют различное содержание и соотносятся как любое субъективное право гражданина, провоз-

[1] Большая часть российских ученых-правоведов не разделяют права на субъективные и несубъективные. Субъективное право в основном понимается как мера возможного поведения и мера обладания социальным благом, оно служит для реализации интереса личности. Подобное определение предложено С. Н. Братусем и поддержано С. С. Алексеевым, И. Е. Фарбером, Н. И. Матузовым и др.

глашение права в официальных документах и процесс использования, реализации им данного права» [3, с. 136].

Субъектами права на реабилитацию являются граждане России, иностранные граждане или лица без гражданства. Отметим, что группы граждан (юридические лица, народы, нации) также могут быть субъектами изучаемого права, особенно это актуально для реабилитации репрессированных народов [4]. Лицом, подлежащим реабилитации, может быть любой человек, независимо от пола, возраста, гражданства и состояния дееспособности. Право на реабилитацию возникает с момента признания уполномоченными органами факта незаконного или необоснованного нарушения прав человека и гражданина. Для признания лица реабилитируемым требуется вынесение уполномоченным органом официального документа (определения, постановления). Юридические лица также являются субъектами права на реабилитацию [5]. Согласно позиции Конституционного суда РФ, право на судебную защиту принадлежит как физическим, так и юридическим лицам. Правила, касающиеся защиты деловой репутации гражданина, аналогичным образом применяются и для защиты деловой репутации юридических лиц, что соответствует международному опыту [6].

Объектом субъективного права на реабилитацию в широком смысле выступает то, по поводу чего реабилитируемый вступает в правоотношение: восстановление нарушенных прав и свобод, чести, достоинства и доброго имени, а также возмещение причиненного имущественного ущерба и морального вреда.

Для определения конституционно-правового объема реабилитации необходимо определить множество предоставленных Конституцией РФ и иными нормативно-правовыми актами правомочий. В отечественной правовой литературе выделяется трехзвенная и четырехзвенная структура субъективного права. Некоторые правоведы (Н. Г. Александров, С. Н. Братусь) полагают, что субъективное право представляет собой единство трех гарантированных возможностей: возможности действия самого обладателя субъективного права; возможности требования соответствующего поведения от обязанного лица; возможности притязания (возможности прибегнуть в необходимых случаях к силе государственного аппарата) [7, с. 225; 8, с. 8]. Ряд ученых полагают, что субъективное право может состоять и из одного правомочия – тогда они совпадают [1]. Однако, соглашаясь с мнением некоторых авторов, отметим, что в том или ином субъективном праве юридически гарантированных возможностей может быть и больше.

Н. Э. Шалумова указывает, что конституционное право на реабилитацию включает в себя три составляющие: 1) право на возмещение имущественного вреда; 2) право на устранение последствий морального вреда; 3) право на восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах [3]. Г. З. Климова добавляет к указанным элементам также право на восстановление чести и репутации [9, с. 242], с чем следует согласиться.

На наш взгляд, субъективное право на реабилитацию включает в себя следующие правомочия:

– право на признание государством факта незаконности или необоснованности нарушения прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти, в том числе уголовного или административного преследования.

Суд в приговоре, определении, постановлении, следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное либо административное преследование, право на реабилитацию;

– право на вынесение и получение официального юридического акта о реабилитации, логически вытекающее из первого. Мы полагаем, что государство в лице государственных органов обязано вручить заинтересованному лицу официальный документ, в котором будет указано, что государство публично признает незаконность и необоснованность действий органов публичной власти и реабилитирует его;

– право на разъяснение порядка реабилитации. Согласно п. 1 ст. 134 УПК РФ реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. Полагаем, что разъяснению подлежит вся процедура реабилитации, связанная с восстановлением нарушенных прав, возмещением вреда, а также обжалованием решений в случае несогласия;

– право на получение официального публичного извинения прокурора либо иного компетентного должностного лица от имени государства. Принесение официального публичного извинения прокурором от имени государства за вред, причиненный уголовным преследованием, регламентируется ст. 136 УПК РФ. Однако процессуальный порядок такого действия не урегулирован, и зачастую данная норма не действует без судебного решения;

– право на обнародование опровержения в СМИ. Если редакция средства массовой информации не располагает доказательствами того, что распространенные им сведения соответствуют действительности, она обязана опровергнуть их в том же средстве массовой информации [10]. Подобный пример мы видим в «Российской газете», которая опубликовала «Сообщение о реабилитации» [11]. Считаем обоснованным в целях защиты конституционных прав реабилитируемого предусмотреть возможность обнародования судебного решения о реабилитации лица [12, с. 18];

– право на получение опровержения по месту работы, учебы, жительства в случае, если сведения, порочащие честь, достоинство и репутацию, стали известны данному кругу лиц. Представляется, что данная мера осуществляется по письменному заявлению заинтересованного лица;

– право на возвращение почетных званий, классных чинов, государственных наград. В соответствии с ч. 2 ст. 138 УПК РФ реабилитированным, которые были лишены на основании судебного решения специальных, воинских и почетных званий, классных чинов, а также государственных наград, восстанавливаются соответствующие звания, классные чины и возвращаются государственные награды. Между тем механизм возвращения государственных наград в опубликованных нормативных документах не конкретизирован. Также в соответствии со ст. 12 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитированные лица восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, им возвращаются государственные награды;

– право на восстановление трудовых прав. Это выражается в предоставлении реабилитируемому прежней или аналогичной работы, восстановлении его в ранее занимаемой должности, а также в зачете в его общий трудо-

вой стаж стажа работы по специальности и в непрерывный стаж времени, в течение которого реабилитируемый не мог исполнять свои трудовые обязанности;

– право на восстановление в пенсионных правах. В соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 11 ФЗ от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» гражданам, необоснованно привлеченным к уголовной ответственности, необоснованно репрессированным и впоследствии реабилитированным, время содержания под стражей, пребывания в местах заключения и ссылке засчитывается в общий стаж в тройном размере;

– право на восстановление в жилищных правах. Статья 40 Конституции РФ гласит, что каждый имеет право на жилище. Восстановление конституционного права реабилитируемого на жилище означает, что ему возвращается жилое помещение, прежде занимаемое им, либо предоставляется благоустроенное равноценное жилое помещение вне очереди, в том же населенном пункте, с учетом действующих норм жилой площади и состава семьи. В случае исключения его из списка очередников на получение жилья он подлежит восстановлению в этой очереди;

– право на получение лицами бесплатной квалифицированной юридической помощи. Правомочие непосредственно вытекает из положений ст. 48 Конституции РФ, гарантирующей гражданам право на получение квалифицированной юридической помощи. 15 января 2012 г. принят и вступил в силу ФЗ РФ от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [13]. Пункт 11 ч. 2 ст. 20 Закона устанавливает предоставление юридических услуг в случаях реабилитации граждан, пострадавших только от политических репрессий. При этом право лица на бесплатную юридическую помощь в ситуациях реабилитации лиц, пострадавших от неправомерных действий, решений органов государственной власти, там не закреплено, что, на наш взгляд, является явным пробелом в законодательстве;

– право каждого заинтересованного лица на беспрепятственное обращение в суд с заявлением о реабилитации. Указанным правом наделены как сам реабилитируемый, так и родственники указанного лица в случае смерти последнего;

– право гражданина на рассмотрение его заявления о реабилитации в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [14]. Названное положение является конституционным и вытекает из правового содержания ст. 47 Конституции РФ;

– право обжалования решения о реабилитации в суд и исправления судебной ошибки независимо от того, какого уровня судебная инстанция ее допустила (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). Данная гарантия конкретизируется положениями ст. 137 и 138 УПК РФ, согласно которым, «если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства». Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт умаляет и ограничивает право на реабилитацию;

– право на возмещение государством вреда. Конституция РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53). Реализация правомочия гарантируется конститу-

ционной обязанностью государства, в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав, обеспечить потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 2 и 52), а также государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45, ст. 46);

– право на денежную компенсацию морального вреда. Моральный вред – это нравственные и физические страдания лица, в отношении которого совершено преступление (ст. 151 ГК РФ). Ученые-цивилисты называют вред умалением либо уничтожением субъективного права или блага [15, с. 7]. Компенсация морального вреда в порядке реабилитации происходит в рамках гражданского судопроизводства;

– право на исполнение судебных и иных актов по вопросам реабилитации. Эффективность реабилитации во многом определяется именно исполнением акта компетентного органа и реальным восстановлением нарушенных прав.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Право на реабилитацию представляет собой субъективное конституционное право лица, структурно входящее в состав конституционно-правового института реабилитации. Оно является совокупностью гарантированных правовых возможностей, обеспечивающих восстановление чести, достоинства и репутации лица, защиту нарушенных прав и свобод, обращение в суд с заявлением о реабилитации, предоставление бесплатной юридической помощи, возмещение имущественного и морального вреда. Этому конституционному субъективному праву соответствует обязанность государства обеспечить реализацию реабилитации. Предлагаем внести в Конституцию РФ ст. 52.1 следующего содержания: «Право на реабилитацию в связи с незаконными или необоснованными действиями (бездействием) органов государственной власти, местного самоуправления или их должностных лиц, в том числе неправомерным уголовным или административным преследованием, гарантируется государством».

Список литературы

1. **Комкова, Г. Н.** Конституционное право Российской Федерации : учеб. / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, М. А. Кулушева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011.
2. **Витрук, Н. В.** Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. – М. : НОРМА, 2008.
3. **Шалумова, Н. Э.** Конституционное право на реабилитацию: основные понятия / Н. Э. Шалумова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2006. – № 5.
4. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 18. – Ст. 572.
5. **Нешатаева, Т. Н.** Имущественная ответственность за вред, причиненный государством: судебная практика / Т. Н. Нешатаева // Российское правосудие. – 2009. – № 10. – С. 4–19.
6. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 3.
7. **Александров, Н. Г.** Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М., 1961.
8. **Братусь, С. Н.** Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. – М., 1950.

9. **Климова, Г. З.** Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики) / Г. З. Климова, И. Н. Сенякин. – Саратов : Изд-во Саратовск. гос. акад. права, 2005.
10. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.07.2011) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 10.11.2011) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Российская газета. – 2012. – 6 октября.
12. **Малеина, М. Н.** Обнародование решения суда о допущенном нарушении как способ защиты гражданских прав / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 18.
13. Российская газета. – 2011. – 23 ноября.
14. Постановление КС РФ от 19 июля 2011 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».
15. **Малеин, Н. С.** Возмещение вреда, причиненного личности / Н. С. Малеин. – М., 1965.

References

1. Komkova G. N., Kolesnikov E. V., Kulusheva M. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: ucheb.* [Constitutional right of the Russian Federation: textbook]. Moscow: Yurayt, 2011.
2. Vitruk N. V. *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of human legal position]. Moscow: NORMA, 2008.
3. Shalumova N. E. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasova]. 2006, no. 5.
4. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Proceedings of the Assembly of people's deputies of the Russian Soviet Democratic Socialistic Republic and RSDSR Supreme Soviet]. 1991, no. 18, art. 572.
5. Neshataeva T. N. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian justice]. 2009, no. 10, pp. 4–19.
6. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional court of the Russian Federation]. 2004, no. 3.
7. Aleksandrov N. G. *Pravo i zakonnost' v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Law and lawfulness in the period of extensive establishment of communism]. Moscow, 1961.
8. Bratus' S. N. *Sub"ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of the civil law]. Moscow, 1950.
9. Klimova G. Z., Senyakin I. N. *Reabilitatsiya kak pravovoy institut (voprosy teorii i praktiki)* [Rehabilitation as a legal institution (problems of theory and practice)]. Saratov: Izd-vo Saratovsk. gos. akad. prava, 2005.
10. Law of the Russian Federation from 27.12.1991 № 2124-1 (edition from 11.07.2011) "On mass media" (with amendments and supplements effective from 10.11.2011).
11. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2012, 6 Oct.
12. Maleina M. N. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian law]. 2012, no. 2, p. 18.
13. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2011, 23 Nov.
14. Decision of the Constitutional court of the Russian Federation from 19 July 2011 № 18-P. Legal reference system "Consultant Plus".
15. Malein N. S. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo lichnosti* [Redress of harm inflicted on a person]. Moscow, 1965.

Яшина Анна Александровна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: zimnyja-88@mail.ru

Yashina Anna Aleksandrovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343.294

Яшина, А. А.

Конституционное право на реабилитацию: понятие и содержание / А. А. Яшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 30–37.

УДК 340.01

А. А. Фомин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ[1]

Аннотация. *Актуальность и цели*. Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования судебной системы демократического типа является наличие гражданского общества, которое служит залогом сохранения и укрепления конституционно-правовых принципов организации и деятельности органов судебной власти. Цель статьи заключается в проведении философско-правового исследования проблем взаимодействия гражданского общества и судебной системы в современной России. В процессе исследования существующих форм взаимного воздействия рассматриваемых систем, на основе учета многообразных связей их структурных элементов, выявленных проблем, тормозящих их становление и совершенствование, ставится задача – определить перспективные модели взаимного влияния гражданского общества и судебной власти, отвечающие актуальным потребностям российского общества. *Материалы и методы*. Методологическую базу исследования составили концептуальные положения диалектико-материалистического метода познания, иные общенаучные и специальные методы, выработанные наукой, апробированные практикой и логикой настоящей статьи. В их числе исторический, системный, структурно-функциональный, синергетический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. *Результаты*. Предлагаются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности, направленные на повышение влияния институтов гражданского общества как в общем механизме правового регулирования, так и в механизме судебной деятельности в частности. *Выводы*. Гражданское общество и независимый, самостоятельный и беспристрастный суд представляют собой причинно взаимосвязанные, необходимые системные компоненты правового государства; развитие одного явления невозможно без адекватного совершенствования другого. Следовательно, от того, насколько подробно будет в теории права разработан порядок и методика участия институтов гражданского общества в формировании и осуществлении судебной власти, зависит эффективность судебной защиты и восстановления прав и законных интересов субъектов правоотношений, а в конечном счете – возможность достижения устойчивого правопорядка и демократии в стране.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, судебная власть.

A. A. Fomin

INTERACTION OF CIVIL SOCIETY AND JUDICIAL AUTHORITY IN MODERN RUSSIA: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. *Background*. A major precondition and at the same time a factor of formation of the judicial system of a democratic type is the existence of civil society which serves as a pledge of preservation and strengthening of constitutional legal principles of organization and activity of bodies of the judicial authority. The pur-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Судебная политика в современной России» (проект № 11-03-00349а).

pose of the article lies in carrying out philosophical and legal research of problems of interaction of the civil society and the judicial system in modern Russia. In the course of research of existing forms of mutual influence of the considered systems, on the basis of the accounting of diverse communications of their structural elements and the revealed problems which are slowing down their formation and improvement, the author sets a goal to define perspective models of mutual influence of the civil society and the judicial authority, meeting actual requirements of the Russian society. *Materials and methods*. The methodological base of research includes conceptual provisions of the dialectical-materialistic method of knowledge, other general scientific and special methods developed by science, approved by practice and logic of the present article, such as the historical, system, structurally functional, synergetic, comparative and legal, legallistic methods. *Results*. The article suggests scientifically reasonable recommendations on improvement of the law-making and law-enforcement activity, directed to increase the influence of the institutions of civil society both in the general mechanism of legal regulation and in the mechanism of judicial activity in particular. *Conclusions*. The civil society and the independent and impartial court represent the causally interconnected necessary system components of the constitutional state development; one phenomenon is impossible without adequate improvement of another. Therefore, the efficiency of the remedy and the rehabilitation of rights and legal interests of the subjects of legal relations, and, eventually, the opportunity to achieve stable law and order and democracy in a country depend on how detailed will be the development in legal theory of the order and method of civil institutions' participation in formation and execution of the judicial authority.

Key words: civil society, constitutional state, judicial authority.

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования судебной системы демократического типа является наличие гражданского общества. Гражданское общество является главной опорой подлинной демократии и правовой государственности: оно способствует их построению и служит залогом сохранения и укрепления конституционно-правовых принципов организации и деятельности органов судебной власти. Гражданское общество выступает барьером поползновений государства в сторону авторитаризма и тоталитаризма, служит гарантом эффективной судебной защиты интересов общества от любых злоупотреблений со стороны властей, препятствует наступлению на права человека, ограничивает коррупцию и т.д.

Гражданское общество и независимый, самостоятельный и беспристрастный суд представляют собой причинно взаимосвязанные, необходимые системные компоненты правового государства; развитие одного явления невозможно без адекватного совершенствования другого. Поэтому проблема качественного повышения эффективности функционирования судебной системы имеет первостепенное значение. Как справедливо отмечает В. Д. Зорькин, судебная реформа является «сердцевиной» правовой реформы [1, с. 225]. От результатов судебной реформы напрямую зависит успех формирования гражданского общества в современной России.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия и некоторые достижения, российская судебная система по-прежнему содержит в себе немало коллизий, дефектов, конъюнктурных и других негативных сторон, потенциально вредных и опасных для общества, которые препятствуют нормальной судебной деятельности, ущемляют права граждан, отрицательно сказываются на эффективности осуществления правосудия. С сожалением приходится кон-

статировать, что проводимая судебно-правовая реформа не везде привела к ожидаемым результатам и, напротив, породила ряд таких явлений, как коррупция, примат «целесообразности» над правом при разрешении судом социальных конфликтов, низкий уровень правосознания, правовой культуры, профессионализма и компетентности судей (что подрывает авторитет судебной власти и ею применяемых законов, способствует «беспределу», развитию «теневого правосудия»), прямой произвол работников судебных, правоохранительных органов и должностных лиц, призванных решать возникающие юридические конфликты, и др.

Противоречия и конфликты на нынешнем этапе становления и развития судебной системы являются во многом закономерными и неизбежными. Тем не менее в условиях социального и идеологического плюрализма, включенности в процессы организации и функционирования судебных органов институтов гражданского общества как важнейшего проявления демократии в стране они вполне преодолимы и разрешимы. Подобный подход обусловливает необходимость более глубокого и основательного познания специфики выполняемых задач и сферы взаимодействия институтов гражданского общества и судебной власти, определения социального назначения и роли институтов гражданского общества в механизме правового регулирования в целом.

Процессы обновления, происходящие сейчас с точки зрения политико-правового развития страны, состоят в том, что государство должно превратиться из силы, которая господствовала над обществом, в инструмент социального компромисса. Демократическая модернизация основ государственной и общественной жизни должна привести прежде всего к возрождению подавленных институтов гражданского общества. При такой постановке вопроса общественные отношения нуждаются в правовом упорядочении и охране со стороны государства, но лишь в той мере, в какой это необходимо для сочетания интересов человека и общества, различных социальных групп и личности, последовательного осуществления принципов социальной справедливости, обеспечения личной, общественной и государственной безопасности.

В правовой регламентации участия институтов гражданского общества в механизме формирования и реализации правовой политики противоборствуют две модели: модель «полицейского государства», стремящегося установить полный контроль над личностью и всеми формами общественной жизни, и модель «правового государства», которая в идеале предполагает полную и безусловную свободу личности от контроля со стороны государства. Причем следует согласиться с тем, что «правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни; это не более как последнее средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил» [2, с. 339].

Там, где отсутствует эффективная система права, государство («полицейского» типа) стремится подчинить своему влиянию и регламентации как можно больше сторон жизни своих граждан, личность становится незащищенной от произвола чиновников и притеснений других лиц, происходит деградация общественного правового сознания. В Конституции РФ (ст. 1) наша страна провозглашена демократическим, правовым государством. В таком

государстве, по определению М. И. Байтина, «пределы власти, формирование, полномочия, функционирование органов регламентированы правом, а его высшее назначение состоит в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 334].

В. С. Соловьев предупреждал: «Если Россия не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины, – она никогда не будет иметь никакого успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [4, с. 24]. Не менее замечательные слова написал и русский юрист В. М. Гессен: «…под солнечным светом Справедливого Закона, на чистом воздухе гражданских свобод воскреснет для новой жизни Россия» [5, с. VIII]. Истинный путь жизни России лежит через «правовое одухотворение». Когда нравственные императивы станут началами правообразования, когда нормы права и правосознание будут питаться ими, только тогда возможно становление гражданского общества в нашей стране, неотъемлемым атрибутом которого и одновременно ключевой гарантией выступает независимое и беспристрастное правосудие.

В связи с этим анализировать проблемы взаимодействия гражданского общества и судебной власти невозможно без учета общественной духовности и нравственности. Чем аморфнее и полукультурнее общество, тем меньше для него значат спасительные «тормоза» права, уважение к закону, правопорядку, судам. Именно в потере нравственных ориентиров коренятся главные угрозы для правового регулирования общественных отношений и правовой защиты на всех уровнях (личности, общества, государства), и прежде всего судебной защиты как главенствующего из имеющихся в арсенале государственно-правовых средств и наиболее эффективного из всех выработанных мировой практикой способов охраны прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства.

«Советские» стереотипы и методы административно-партийного формирования судебных органов и осуществления ими своих полномочий без реального, а не формально-бюрократического участия общественности в демократических условиях неприемлемы. Только привлечение в судебную сферу широких слоев населения гарантирует легитимность судебной системы и судебной деятельности. С этих позиций проблема взаимодействия институтов гражданского общества и судебной власти увязывается с идеей свободы в обществе и охраной прав человека, усилением социально-правовой защищенности граждан, упрочнением законности, правопорядка и демократии в стране. Это требует поиска новых идей, организационно-правовых средств и мер, позволяющих институтам гражданского общества влиять на процесс судебно-правового реформирования в современной России. Речь идет о выстраивании новой схемы взаимоотношений государства и гражданского общества.

В механизме формирования и осуществления судебной власти ведущая роль выпадает на долю государства, ибо гражданское общество и породило государство для регулирования наиболее важных, а следовательно, и конфликтных ситуаций между своими составными частями, разрешаемыми органами судебной власти государства. Тем не менее нельзя забывать, что интересы государства и интересы общества – понятия несовпадающие, а при определенных обстоятельствах даже противоположные. Если интересы госу-

дарства можно охарактеризовать такими параметрами, как укрепление государственной власти, экономическое могущество, территориальная целостность и нерушимость границ, то интересы гражданского общества характеризуются социальной справедливостью, правами граждан и общества в целом во взаимоотношениях с государством, режимом законности, экономическим благополучием граждан, демократическим плюрализмом, открытостью общества.

Где же ключ к решению подобных проблем? Ответ прост. Единым и неделимым субъектом любого социума является человек, выступающий на уровне социальных связей как личность. Еще древние мыслители говорили: человек – мера всех вещей. Именно личность – точка отсчета любой социальной системы, обладающей принципиальной социальной ценностью, высший пункт развития человекогенеза, масштаб общественного прогресса [6, с. 5–12]. Интерес личности должен иметь приоритет среди всех иных государственных интересов при создании и функционировании судебной системы.

Однако идеи приоритетности защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов личности в судебной деятельности осознаются крайне медленно и с большим трудом. Это – следствие многих причин. Одна из них – непонимание роли суда и судебной власти в обществе, когда суд продолжает восприниматься главным образом в качестве карающего, а не правозащитного органа не только населением, но и следователями, прокурорами и даже самими судьями. Правовая культура многих судей развивалась на основе противостояния естественно-правовой и позитивистской доктрин о природе прав человека и взаимоотношений государства и личности. Долгие годы у нас доминировал позитивистский подход, при котором понятия права и закона отождествлялись, утверждался безусловный приоритет интересов государства по сравнению с интересами и правами личности. Справедливо по этому поводу констатирует Н. А. Колоколов, что к судье россияне по-прежнему относятся не как к самостоятельному и независимому арбитру в споре равных сторон, а как к заурядному чиновнику, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного», несмотря на то, что стороны в состязательном процессе уравновешивает не стоящая за ними физическая или экономическая мощь, приближенность к правящей элите, а право [7, с. 4].

Функционирование судебной власти в сегодняшней России происходит на фоне значительного юридического нигилизма по поводу возможностей судебной защиты своих прав и интересов у большинства наших сограждан. Ситуация осложняется тем, что пассивная правовая неосведомленность зачастую соседствует с воинствующим юридическим невежеством, легко перерастающим в правовой скепсис, т.е. более или менее осознанное и находящее свое отражение в мотивации поведения неуважительное, нигилистическое отношение ко всему правовому [8, с. 6]. Зачастую человек отказывается от реализации своего конституционного права на обращение в суд по причине того, что лишь бы «не связываться» с правосудием и правоохранительными органами. Речь идет о невостребованности института судебной защиты гражданским обществом.

Как же должно быть организовано отправление правосудия, чтобы оно отвечало интересам гражданского общества? Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в конституционных нормах, посвященных судебной вла-

сти и правам человека, а также в международных нормах, которые, кроме общих требований к правосудию, содержат и ряд конкретных предписаний, адресованных правосудию в виде минимальных стандартов справедливости: беспристрастность суда, гласность, открытость (публичность) судебного разбирательства, оперативность правосудия, состязательность и равноправие сторон, рассмотрение дела в разумный срок, участие народа в отправлении правосудия. Независимость, справедливость и беспристрастность являются не только признаками судебной власти, но и правом тех, кто ищет правосудия.

Без теоретического уяснения природы, сущности и содержания участия институтов гражданского общества в формировании судебной власти не может быть достигнута необходимая целесообразность и эффективность ее последующей реализации. Нужны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности, направленные на повышение влияния институтов гражданского общества как в общем механизме правового регулирования, так и в механизме судебной деятельности в частности. От того, насколько подробно будет в теории права разработан порядок и методика участия институтов гражданского общества в формировании и осуществлении судебной власти, зависит эффективность судебной защиты и восстановления прав и законных интересов субъектов правоотношений, а в конечном счете – возможность существования устойчивого правопорядка и демократии в стране.

Список литературы

1. **Зорькин, В. Д.** Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2007. – 400 с.
2. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре. Трактаты : [пер. с фр.] / Ж.-Ж. Руссо. – М. : КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.
3. **Байтин, М. И.** Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
4. **Соловьев, В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Собр. соч. : в 2 т. – М. : Академия наук СССР, Ин-т философии, 1988. – Т. 2. – URL: http://lib.rin.ru/doc/i/9954p1.html.
5. **Гессен, В. М.** Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб. : Право, 1908. – 109 с.
6. **Шафиров, В. М.** Обеспечение права: человекоцентристский подход / В. М. Шафиров. – Красноярск : Юрид. ин-т Краснояр. гос. ун-та ; РУМЦ ЮО, 2005. – 228 с.
7. **Колоколов, Н. А.** Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Колоколов Н. А. – Нижний Новгород, 2007. – 52 с.
8. **Ярцун, С. В.** Юридический нигилизм / С. В. Ярцун // Закон и право. – 2001. – № 6. – С. 6–8.

References

1. Zor'kin V. D. *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke. Vzglyad s Il'inki* [Russia and Constitution in the XXI century. View from Ilyinka]. Moscow: Norma, 2007, 400 p.
2. Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty: per. s fr.* [On the Social contract. Treatises: translation from French]. Moscow: KANON-press, 1998, 416 p.
3. Baytin M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [Essence of the law (Modern normative understanding of the law at the turn of the century)]. Moscow: Pravo i gosudarstvo, 2005, 544 p.

4. Solov'ev V. S. *Sobr. soch.: v 2 t.* [Collected works: in 2 volumes]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, In-t filosofii, 1988, vol. 2. Available at: http://lib.rin.ru/doc/i/9954p1.html.
5. Gessen V. M. *Isklyuchitel'noe polozhenie* [Exceptional situation]. Saint Petersburg: Pravo, 1908, 109 p.
6. Shafirov V. M. *Obespechenie prava: chelovekotsentristskiy podkhod* [Law provision: person-centered approach]. Krasnoyarsk: Yurid. in-t Krasnoyar. gos. un-ta; RUMTs YuO, 2005, 228 p.
7. Kolokolov N. A. *Sudebnaya vlast' kak obshchepravovoy fenomen: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Judicial authority as a social phenomenon: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Nizhniy Novgorod, 2007, 52 p.
8. Yartsun S. V. *Zakon i pravo* [Law and rights]. 2001, no. 6, pp. 6–8.

Фомин Алексей Александрович
доктор юридических наук, доцент, профессор, кафедра правосудия, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: fominpenza@mail.ru

Fomin Aleksey Aleksandrovich
Doctor of juridical sciences, associate professor, professor, sub-department of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 340.01

Фомин, А. А.

Взаимодействие гражданского общества и судебной власти в современной России: философско-правовой аспект / А. А. Фомин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 38–44.

УДК 340.143 (73)

Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин

ДОКТРИНА «РАЗДЕЛЕННЫХ, НО РАВНЫХ» ВОЗМОЖНОСТЕЙ В РЕШЕНИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА США ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Изменения в системе высшего образования, обеспечение равных прав на высшее образование без дискриминации обусловливают необходимость изучения зарубежного опыта обеспечения равноправия в системе высшего образования. Одной из традиционных и в то же время актуальных проблем в системе высшего образования США является проблема расового и национального равноправия и преодоления дискриминационной теории и практики. Цель работы – проанализировать генезис доктрины «разделенных, но равных» возможностей в практике Верховного Суда США. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных судебных решений Верховного Суда США, в которых происходит обоснование, развитие, а затем отрицание доктрины «разделенных, но равных» возможностей. Особое место в рамках настоящего исследования имеют дела Плесси против Фергюсона, Сипуэль против Совета регентов, МакЛаурин против Совета регентов штата Оклахома, Свит против Пейнтера, Браун против Совета по вопросам образования Топеки. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, которые позволяют сопоставить содержание и значение для развития теории и практики правого регулирования основополагающих решений Верховного Суда США с учетом конкретных исторических обстоятельств их принятия. *Результаты*. Исследовано становление и развитие доктрины «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США, проанализированы основания ее возникновения, выявлена дискриминационная сущность данной теории и практики, рассмотрены причины и условия ее прекращения в решении Верховного Суда США. *Выводы*. Изучение решений Верховного Суда США позволяет уяснить причины, основания и содержание доктрины «разделенные, но равные», выявить ее дискриминационную сущность, определить, что именно сфера образования стала одной из важнейших сфер применения данной доктрины, а затем и ее отмены, учесть зарубежный опыт в обеспечении национального и расового равноправия в целях обеспечения подлинного равноправия в сфере высшего образования в России.

Ключевые слова: Верховный Суд США, расовая дискриминация, высшее образование в США, судебная доктрина.

B. V. Nikolaev, M. Yu. Emelin

THE DOCTRINE OF «SEPARATED BUT EQUAL» OPPORTUNITIES IN DECISIONS OF THE SUPREME COURT OF THE USA ON ARGUMENTS ABOUT HIGHER EDUCATION

Abstract. *Background*. Changes in the system of higher education, the need to ensure equal rights to higher education without discrimination necessitate the study of international experience to ensure equality in the system of higher education. One of the traditional and at the same time, actual problems in the U.S. higher education system is the problem of racial and national equality and the overcoming of discriminatory theory and practice, in particular the doctrine of the «separated but equal».

The goal of the study is to analyze the genesis of this doctrine in practice of the Supreme Court of the United States. *Materials and methods*. Implementation of the research objectives was achieved on the basis of the analysis of the main decisions of the Supreme Court of the USA, in which there is substantiation, development, and then the denial of the doctrine of the «separated but equal». A special place in the framework of this study is taken by the case Plessy vs. Ferguson, Sipuel vs. Board of Regents, McLaurin vs. Board of Regents of the State of Oklahoma, Sweet vs. Paintner, Brown vs. Board of Education. Methodology includes the methods of comparative and historical legal analysis, which allows to compare the contents and implications for the development of the theory and practice of legal regulation of landmark decisions of the U.S. Supreme Court based on the specific historical circumstances of their adoption. *Results*. The formation and development of the doctrine of «separated but equal» in the decisions of the U.S. Supreme Court has been investigated; the basis of the revealed discriminatory nature of this theory and practice has been analyzed; the causes and conditions of its termination in the U.S. Supreme Court decisions has been considered. *Conclusions*. Examination of the decisions of the U.S. Supreme Court allows to realize the reasons, the grounds and contents of the doctrine of the «separated but equal», and reveal its discriminatory essence, to determine that education has become one of the most important fields of application of this doctrine, and then its abolition, to take into account the foreign experience in the provision of national and racial equality in order to ensure genuine equality in the sphere of higher education in our country.

Key words: the U.S. Supreme Court, racial discrimination, higher education in the USA, judicial doctrine.

Первый раздел Поправки XIV к Конституции США закрепил право всех граждан на равную защиту закона: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или приводить в исполнение законы, ограничивающие привилегии или неприкосновенность граждан Соединенных Штатов; ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры и не может отказать лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов» [1].

«Доктрина “разделенных, но равных” возможностей была сформулирована в решении Верховного Суда США по делу *Плесси против Фергюсона* (Plessy v. Ferguson)[1]. Основным тезисом и смыслом данного решения было утверждение суда, что расовая сегрегация не противоречит Конституции США.

Истец – Гомер Плесси – был арестован в 1892 г. по законам Луизианы за то, что сел в вагон для белых. Плесси был лишь на 1/8 африканского происхождения. Согласно закону Луизианы 1890 г. пассажирские компании должны были предусматривать раздельные вагоны для представителей различных рас либо раздельное их размещение в одном вагоне. При этом допускалось занятие только тех мест, которые предназначены для представителей соответствующей расы. Служащие пассажирских компаний должны были следить, чтобы каждый пассажир размещался только в тех частях поезда, которые предназначались для его расы. За занятие мест, не соответствующих

[1] Plessy v. Ferguson, 163 U.S. 537 (1896).

расовой принадлежности, предусматривалось наказание в виде штрафов и тюремного заключения.

Г. Плесси обратился в суд, считая, что его конституционные права нарушены. Истец утверждал, что данный закон противоречит как Поправке XIII к Конституции США, запрещающей рабство, так и Поправке XIV, гарантирующей всем гражданам равную защиту закона. Суд отклонил довод истца о том, что закон Луизианы противоречит Поправке XIII, поскольку он «не имеет намерения уничтожить правовое равенство двух рас или восстановить подневольное состояние». Ошибочность аргументов истца, по мнению суда, состояла в предположении, что «принудительное разделение двух рас ставит на цветные расы знак неполноценности. Если это и так, то не по причине чего-либо, содержащегося в Законе, а только потому, что цветные расы сами желают надстраивать это над ним».

«Законодательство не в силах искоренить расовые инстинкты или упразднить отличия, основанные на физических различиях, а попытка сделать это может лишь подчеркнуть трудности нынешней ситуации. Если гражданские и политические права обеих рас равны, никто не может быть хуже гражданski или политически. Если одна раса уступает другим социально, Конституция Соединенных Штатов не может поставить их на один уровень». Тем самым, искусно манипулируя категориями «равноправие» и «социальное равенство», утверждая наличие конституционных гарантий юридического равенства, суд способствовал закреплению одной из худших форм расовой дискриминации.

Таким образом, суд подтвердил конституционность разделения граждан по признаку расы, фактически развязав руки легислатурам и судам штатов. Во многих штатах были приняты законы, которые устанавливали сегрегацию в учебных заведениях, отелях, ресторанах, больницах, транспорте, туалетах. «Решение по делу Плесси против Фергюсона почти на полстолетия способствовало консервации политики расовой дискриминации и сегрегации в США, в том числе в сфере высшего образования» [2, с. 53]. Данный процесс в системе высшего образования США осложнялся, однако, тем, что специализированных высших учебных заведений для чернокожих граждан определенного профиля во многих штатах просто не существовало. В этой связи афроамериканцам повсеместно отказывали в приеме в университеты.

Уже в 1906 г. в деле *Береа колледж против штата Кентукки* Верховный Суд США применил данную доктрину к высшей школе, подтвердив право штата на запрещение обучения даже в частном колледже белых и черных студентов в одном и том же учебном пространстве. Береа колледж с момента своего основания в 1859 г. обеспечивал взаимодействие белых и черных в рамках образовательного пространства. Однако штат Кентукки законодательно потребовал от этого частного института обучать белых и черных студентов в различных помещениях в различное время: «…если XX в. и будет являть собою процесс прогресса и развития цивилизации, то благодаря неиспорченной (unadultered) крови англосаксонской белой расы и благодаря выдающимся представителям и гениям этой расы». Верховный Суд США хладнокровно подтвердил такое «расистское» по содержанию и форме законодательное решение. Таким образом, принцип конституционности сегрегационного законодательства штатов был впервые судебным решением распростра-

нен и на частные институты высшего образования. Вновь, как и в деле Плесси, горячо возражал большинству судья Харлан, выступая против «произвольного нарушения личной свободы и права собственности, гарантированных XIV Поправкой, от враждебных действий штата».

Важным делом в низложении доктрины «разделенных, но равных» возможностей было дело *Сипуэль против Совета регентов* (Sipuel v. Board of Regents)[1]. В 1946 г. заявительнице было отказано в поступлении в Университет штата Оклахома по причине цвета кожи. Суд первой инстанции и Верховный суд штата отклонили доводы заявителя о нарушении XIV Поправки. Однако Верховный Суд США пересмотрел решения нижестоящих судов. Дело в том, что в это время правовых школ для чернокожих в штате просто не существовало (а заявительница пыталась получить юридическое образование).

Суд пришел к следующему выводу: «Заявитель имеет право на обеспечение юридическим образованием, предоставляемым государственным учреждением. В то время, когда ей было отказано, многим белым заявителям было предоставлено юридическое образование со стороны штата. Штат должен обеспечить ей возможность получения такого образования в соответствии с положением о равной защите Четырнадцатой поправки и сделать это в то же время, что и для заявителей из любой другой группы».

Еще одним делом, связанным с применением доктрины «разделенных, но равных» возможностей, было дело *МакЛаурин против Совета регентов штата Оклахома* (McLaurin v. Oklahoma State Regents)[2]. Заявителю было отказано в приеме в Университет штата Оклахома для получения докторской степени.

Суд первой инстанции установил, что бездействие университета в предоставлении отдельных условий в соответствии с законодательством штата Оклахома, позволяющих заявителю поступить в учебное заведение, являлось нарушением его конституционных прав. Университет принял заявителя, предоставляя ему, однако, раздельные условия, в том числе специальный стол в столовой, определенный стол в библиотеке и определенное место в классе, предназначенное для негров.

Заявитель вновь обратился в суд с требованием исключить раздельные условия обучения и позволить ему полностью взаимодействовать с другими студентами. Суд отклонил заявление.

Верховный Суд США, в который обратился заявитель, пересмотрел данное решение, сделав следующий вывод: «Наше общество становится все более сложным, и наша потребность в квалифицированных лидерах соответственно возрастает. Рассматриваемый случай представляет, пожалуй, воплощение этой потребности: стремление заявителя получить ученую степень в области образования, чтобы стать, по определению, лидером и наставником для других. Те, кто придет под его наставничество и влияние, будут напрямую затронуты тем образованием, которое он получает. Их собственное образование и развитие обязательно пострадают в той степени, в какой его обучение не равно с тем, что получают его одногруппники. Вводимые штатом

[1] Sipuel v. Board of Regents of Univ. of Okla., 332 U.S. 631 (1948).
[2] McLaurin v. Oklahoma State Regents, 339 U.S. 637 (1950).

ограничения, которые порождают такое неравенство, не могут поддерживаться».

В деле *Свит против Пейнтера* (Sweatt v. Painter)[1] чернокожему гражданину было отказано в приеме в школу права Университета штата Техас на том основании, что Конституция штата Техас запрещала совместное обучение чернокожих и белых студентов. В то время в Техасе не существовало юридических школ, способных принять чернокожих. Поскольку дело рассматривалось шесть месяцев в суде первой инстанции, это позволило создать юридическую школу для чернокожих в Хьюстоне. Суд первой инстанции признал законность данных действий, а апелляционный суд подтвердил это решение, придя к выводу, что вновь созданная школа предоставляет равные образовательные возможности для чернокожих. Однако Верховный Суд США пересмотрел решения нижестоящих судов и отменил их.

Прежде всего суд, оценив образовательные возможности обеих юридических школ, пришел к выводу о неравенстве таких показателей, как число профессорско-преподавательского состава, разнообразие образовательных курсов и возможностей для специализации, количество студентов, размер библиотечных фондов и др.

Но от простого сравнения образовательных возможностей суд перешел к более сложному анализу последствий раздельного обучения: «Школа права, в которую Техас готов принять заявителя, исключает из своего студенческого состава членов расовых групп, составляющих 85 % населения штата и составляющих большинство адвокатов, присяжных, судей и других должностных лиц, с которыми заявитель будет неизбежно иметь дело, когда станет членом адвокатской коллегии штата Техас. В связи с исключением такой существенной и значительной части общества мы не можем заключить, что образование, предлагаемое заявителю по существу равно тому, которое он мог бы получить в случае поступления на юридический факультет Университета штата Техас».

Таким образом, суд вышел за пределы оценки только материальных условий и возможностей, предоставляемых студентам. Нельзя признать, что суд перешел к системному пересмотру самой доктрины «разделенных, но равных» возможностей, однако смещение вектора от оценки равенства предоставленных условий к рассмотрению вопроса о влиянии самого разделения студентов на их образование совершенно очевидно.

Окончательную точку в этом вопросе Верховный Суд США поставил в деле *Браун против Совета по вопросам образования Топеки* (Brown v. Board of Education of Topeka et al.)[2] в 1954 г. Хотя спор не был связан с высшим образованием, а касался средней школы, именно в ходе данного разбирательства суд высказал однозначную позицию относительно доктрины «разделенных, но равных» возможностей.

Рассматривая апелляции на судебные решения, вынесенные судами штатов Канзас, Южная Каролина, Виргиния и Делавэр по спорам относительно запрета приема чернокожих детей в школы на несегрегированной основе (истцы видели в этих решениях нарушение принципа равной защиты со

[1] Sweatt v. Painter, 339 U.S. 629 (1950) 339 U.S. 629.

[2] Brown v. Board of Education of Topeka et al., 347 U.S. 483 (1954).

стороны закона в соответствии с XIV поправкой), суд признал применимость доктрины «разделенных, но равных» возможностей в нескольких случаях к учреждениям образования, но впервые смело озвучил главный концептуальный вопрос спора – «влияние самой сегрегации на публичное образование». Кроме того, суд более широко рассмотрел контекст данного вопроса, не ограничиваясь при этом лишь обращением «к 1868 г., времени принятия поправки, или 1896 г. – году вынесения решения по делу *Плесси против Фергюсона*». «Мы должны рассматривать публичное образование в свете его полноценного развития и его современного положения в жизни всей Нации». Тем самым суд изначально отклонил позицию минималистов, настаивающих либо на классическом прецедентном толковании данного дела, либо на столь же классическом истолковании воли законодателей, принявших соответствующую поправку.

Суд, ссылаясь на прецеденты по делам *Свит против Пейнтер* и *Мак-Лаурин против Совета регентов штата Оклахома*, указывает на необходимость оценивать нематериальные доводы и переходит к оценке воздействия раздельного обучения на сегрегированных учащихся. Суд приходит к выводу, что раздельное обучение порождает чувство неполноценности среди негритянского населения, затормаживает их образовательное и умственное развитие и лишает определенных благ, которые они могли получить при совместном обучении.

В подтверждение данного вывода суд ссылается на работы в области социальной психологии: «Каким бы ни был объем знаний в области психологии в момент слушания дела *Плесси против Фергюсона*, правильность этого заключения подтверждается современными авторитетами. Любая формулировка в деле *Плесси против Фергюсона*, противоречащая настоящему заключению, отвергается» [3].

В подтверждение приводятся следующие работы: Кларк «Влияние предвзятости и дискриминации на развитие личности» (Конференция середины столетия в Белом доме по проблемам детей и юношества, 1950); Уитмер и Котински «Становление личности» (1952); Дойтшер и Чейн «Психологические последствия принудительной сегрегации: обзор социологических выводов» (Джорнел оф Сайколоджи. – 1948. – № 26, 259); Чейн «Каковы психологические последствия в условиях равных возможностей?» (Интернейшнл Джорнал. – 1949. – № 3; «Взгляды и отношение» (1949). – № 229); Брамельд «Расходы на образование в условиях дискриминации и в социальном обеспечении» (1949); Фразер «Негр в Соединенных Штатах» (1949). Обсуждая социологический аргумент, судья Том Кларк заявляет, что «не нужен современный психолог, чтобы сказать, что принудительное разделение двух рас ставит на цветной расе знак неполноценности, в противоположность аргументам *Плесси против Фергюсона*» [4]. На основе этого суд пришел к выводу, что «раздельные учебные заведения не равны по своей природе» и что «в области государственного образования доктрина “разделенных, но равных” возможностей не должна иметь места» [3].

Суд признал образование «наиболее важной функцией штатных и местных властей» и «самой основой доброго гражданства» и пришел к выводу о том, что «в сфере публичного образования доктрина «разделенных, но рав-

ных» возможностей не имеет места быть. «Разделенные образовательные возможности являются по существу неравными». Поэтому суд признал в рассматриваемых случаях нарушение положения XIV поправки о равной защите со стороны закона. В мае 1955 г. он объявил основные процедуры для обеспечения превращения сегрегированных систем в полностью интегрированные. В том же 1955 г. принципы дела Брауна были применены к высшему образованию в деле *Фрейзер против Регентов Университета Северной Каролины*. Судебная практика не раз подтверждала приверженность «доктрине Брауна» в деле противодействия расовой дискриминации в системе образования.

Таким образом, взяв на вооружение авторитетные мнения современных исследователей и применив новые стандарты юридического анализа и аргументации, Верховный Суд США в конечном итоге низложил одну из наиболее устойчивых и несправедливых доктрин в истории североамериканской системы правосудия.

Список литературы

1. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / под ред. О. А. Жидкова. – М. : Прогресс, 1993.
2. **Николаев, Б. В.** Конституционно-правовой принцип равноправия в системе высшего образования США. Законодательство и правоприменительная практика : моногр. / Б. В. Николаев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 175 с.
3. **Фридмэн, Л.** Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М. : Прогресс, 1992. – 286 с.
4. Brown v. Board of Education: a brief history with documents / ed. by Jr. W. E. Martin. – Boston, N. Y. : Bedford/St. Martin’s, 1998. – 253 p.

References

1. *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [The United States of America: Constitution and legislative acts]. Ed. by O. A. Zhidkov. Moscow: Progress, 1993.
2. Nikolaev B. V. *Konstitutsionno-pravovoy printsip ravnopraviya v sisteme vysshego obrazovaniya SShA. Zakonodatel'stvo i pravoprimenitel'naya praktika: monogr.* [Constitutional-legal principle of equality in the system of higher education of the USA. Legisltation and law-enforcement practice: monograph]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2009, 175 p.
3. Fridmen L. *Vvedenie v amerikanskoe pravo* [Introduction into the American law]. Moscow: Progress, 1992, 286 p.
4. *Brown v. Board of Education: a brief history with documents*. Ed. by Jr. W. E. Martin. Boston, New York: Bedford/St. Martin’s, 1998, 253 p.

Николаев Борис Викторович
кандидат исторических наук, доцент, кафедра правовых дисциплин, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Nikolaev Boris Viktorovich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Емелин Михаил Юрьевич
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: mikhemelin@yandex.ru

Emelin Mikhail Yur'evich
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 340.143 (73)
Николаев, Б. В.

Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 45–52.

УДК 342

Д. И. Артёмова

ЗАКОННОСТЬ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Действие процессуальных принципов в конституционном судопроизводстве отличается от иных видов судебного процесса, что обусловливает необходимость изучения проблематики места принципа законности в конституционном судопроизводстве, а также его степени выраженности, конкретизации, реализации и распространении в судебном процессе. Автором анализируется соотношение принципа законности с принципом верховенства Конституции. На основе конституционно-правового исследования даются характеристики принципа законности в конституционном судопроизводстве. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законодательных актов Российской Федерации, а именно Конституции Российской Федерации, постановлений и определений Конституционного Суда РФ, Гражданского кодекса РФ, Арбитражно-процессуального кодекса РФ. В работе были использованы также научные статьи известных ученых-юристов и практиков. *Результаты*. Принцип законности отражается в предмете конституционного судопроизводства – конституционном контроле – проверке и оценке соответствия Конституции РФ, законов, других нормативных актов, которые в случае признания их неконституционными утрачивают силу. Неисполнение решения Конституционного Суда РФ объективно создает препятствия для обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации, для реализации закрепленных Конституцией РФ основ конституционного строя. *Выводы*. Изучение поставленного вопроса позволяет определить, что принцип законности в конституционном судопроизводстве – это основа формирования решений Конституционного Суда РФ в соответствии с Конституцией РФ. Он конкретизируется в установлении порядка производства в суде, который реализуется в точном исполнении актов Конституционного Суда РФ всеми государственными органами, общественными организациями, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, законность, конституционное правосудие, конституционный контроль, судебная власть, решения Конституционного Суда РФ, принцип верховенства Конституции.

D. I. Artemova

LEGALITY AS THE BASIC PRINCIPLE OF THE CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCEEDINGS

Abstract. *Background*. Action of the procedural principles in the constitutional legal proceedings differs from other types of trial that causes a need to explore problematics of the legality principle's place in the constitutional proceedings and also its severity, specification, implementation and dissemination in trial. The author analyzes the correlation of the legality principle and the principle of the Constitution supremacy. On the basis of the constitutional legal research the characteristics of the legality principle in the constitutional legal proceedings are given. *Materials and methods*. The implementation of research tasks was reached on the basis of the analysis of legislative acts of the Russian Federation, namely the Constitution of the

Russian Federation, resolutions and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Civil code of the Russian Federation, the Arbitration procedural code of the Russian Federation. Also there were used scientific articles of well-known scientists-lawyers and practitioners. *Results*. The principle of legality is reflected in the subject of the constitutional legal proceedings – the constitutional control – verification and evaluation of the Constitution of the Russian Federation, the laws, other regulations which lose their force in case of their recognition as unconstitutional. Failure to fulfill the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation objectively creates obstacles for ensuring the supremacy and direct action of the Constitution of the Russian Federation on the entire territory of the Russian Federation, for the implementation of the bases of the constitutional system fixed by the Constitution of the Russian Federation. *Conclusions*. Studying of the said problem allows to determine that the principle of legality in the constitutional legal proceedings is a basis of formation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation according to the Constitution of the Russian Federation, being concretized in establishment of an order of production in court which is realized in strict observance of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation by all state bodies, public organizations, local authorities, officials and citizens.

Key words: Constitutional Court of Russian Federation, constitutional justice, constitutional control, judicial power, decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, principle of the Constitution supremacy.

Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» в ст. 29–35 в качестве принципов конституционного судопроизводства закрепил независимость судей, коллегиальность, гласность, устность судебного разбирательства, государственный язык судопроизводства, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон [1, ст. 1447]. Принцип законности здесь не упоминается, тем не менее он имеет непосредственное отношение к конституционному судопроизводству.

Действие процессуальных принципов в конституционном судопроизводстве отличается от иных видов судебного процесса, во-первых, степенью их реализации (некоторые принципы проявляются в большей, другие – в меньшей степени), во-вторых, содержанием, т.е. совокупностью требований и правил, составляющих существо принципа.

В. А. Кряжков и Л. В. Лазарев отмечают, что это согласуется с природой суда, поскольку он не подчиняется законам, а проверяет их на предмет соответствия Конституции РФ [2, с. 149]. М. А. Митюков не упоминает законность в числе принципов производства в конституционных судах стран СНГ и Балтии [3, с. 25], Ж. В. Дворцова – в числе принципов конституционного (уставного) судопроизводства в субъектах Российской Федерации [4, с. 9, 23]. Противоположную позицию занимают Н. В. Витрук и С. Э. Несмеянова, по мнению которых законность в деятельности Конституционного Суда означает следование Конституции РФ и Федеральному конституционному закону о Конституционном Суде [5, с. 330; 6, с. 105].

Т. Я. Хабриева утверждает, что законность – это не только принцип. Это цель, требование, правовой режим и факт реальной жизни, определенное состояние в обществе и государстве. Конституционная законность – это основа, ядро общего режима законности. Она имеет разные стороны: является базой для осуществления и развития режима законности и одновременно

главным, решающим объектом надзора за ее соблюдением, ибо нарушение конституционных положений влечет нелегитимность текущего законодательства, применительной практики, неверные установки правосознания. Конституция только тогда на деле является ядром законности, когда ее принципы и нормы воплощаются в действиях всех их адресатов [7, с. 34].

Законность – политико-юридический принцип деятельности государства.

Конституция Российской Федерации закрепила положения, которые являются требованиями законности, в частности: соответствие правам и свободам человека и гражданина законов, иных правовых актов, деятельности государства и местного самоуправления; соблюдение (исполнение) законов законодательной, исполнительной и судебной властью, федеральными и региональными органами государственной власти, всеми должностными лицами (означает, что их деятельность и принимаемые ими правовые акты не должны противоречить действующему законодательству); обеспечение государством прав и свобод человека и гражданина; равенство граждан перед законом и судом; иерархичность законодательства в соответствии с юридической силой составляющих его законов. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны [8, с. 146].

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [9].

Конституционное судопроизводство является внутригосударственным средством правовой защиты, осуществление которого позволяет обеспечить восстановление в правах без обращения к международной юрисдикции.

Судебная власть существует как правовое явление и элемент государственной власти в условиях определенного конституционно-правового пространства, т.е. сферы «регламентации юридическими нормами моделей правомерного поведения государства, его составных частей и граждан в границах территории данного государства и конкретного исторического времени» [10, с. 24], на которые распространяется принцип верховенства конституции и заключенного в ней права, в данном случае – Конституции России. Единство государства предопределяет единство его правового, в том числе конституционного, пространства [11, ст. 1451], формирующегося всей совокупностью правовых норм, их разъяснений, в том числе правоположений и правовых решений, содержащихся в официальных документах, принимаемых компетентными органами и должностными лицами, действующих на территории РФ (нормативных, интерпретационных актах и актах применения права), а также международных правовых норм и положений, закрепленных в международных документах, на обязательность которых Российская Федерация выразила свое согласие [12, с. 18].

Законность – это основополагающая и определяющая категория в осуществлении судебной власти. Именно законность является краеугольным камнем и мерой должного в оценке тех или иных действий и решений различных субъектов правоотношений [13, с. 32–34].

Рассмотрение дел Конституционным Судом РФ и принятие по ним судебных актов служат развитию конституционного судопроизводства, конституционного правосудия в отсутствие специализированного процессуального законодательства.

В силу особой природы и предназначения судебная власть как институт служит гарантией законности и верховенства права и обеспечивает разрешение возникающих в социуме конфликтов [14, с. 2].

Принцип законности отражается в предмете конституционного судопроизводства – конституционном контроле – проверке и оценке соответствия Конституции РФ законов, других нормативных актов, которые в случае признания их неконституционными утрачивают силу. Конституционный контроль осуществляется в целях защиты конституционного строя, основных прав и свобод личности, обеспечения непосредственного действия Конституции РФ, ее правовой охраны.

Судебный конституционный контроль – самостоятельная организационно-правовая форма реализации этой власти.

Такой контроль «разграничивает действительное законодательство от положений, которые могут напоминать юридические нормы, но которым не хватает того или иного необходимого элемента», так как в современной ситуации законотворчество есть не что иное, как законодательное применение национальной конституции (формально определенного конституционным текстом права), потому и безоговорочно подлежащее конституционному контролю [15, с. 56–59].

По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ может признать нормативный акт или договор либо отдельные их положения соответствующими или не соответствующими Конституции, а по спорам о компетенции – подтвердить или, наоборот, отрицать полномочие соответствующего органа издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, т.е. не могут применяться. Не соответствующие Конституции РФ не вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры не подлежат введению в действие и применению; решения судов или иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях [16, с. 57].

Такие решения Конституционного Суда РФ прямо обязывают законодателя внести в законодательство изменения, обусловленные фактом выявленной неконституционности, а правоприменительные решения, принятые ранее на основе положений, признанных неконституционными, подлежат пересмотру в установленном (вновь установленном) порядке, если для этого нет иных препятствий [17, с. 3–8].

Неисполнение решения Конституционного Суда РФ объективно создает препятствия для обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации, для реализации закрепленных Конституцией РФ основ конституционного строя. Это подтверждено п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П, в котором указано, что из ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ никто не вправе применять закон, служивший предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ, в каком-либо ином, отличном от выявленного Конституционным Судом РФ, смысле [18, ст. 6743].

Исключения из общего правила, фиксирующего юридические последствия принятого по результатам конституционного судопроизводства итогового решения, могут быть обусловлены только тем, что Конституционный Суд Российской Федерации вправе в самом постановлении определить как порядок его вступления в силу, так и порядок, сроки и особенности исполнения (п. 12 ч. 1 ст. 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), в том числе исходя из необходимости обеспечения стабильности правоотношений в интересах субъектов права отсрочить исполнение своего постановления и связать обязательность применения нормы с учетом выявленного им конституционно-правового смысла не с моментом вступления данного постановления в силу, а с иной, прямо указанной в его тексте, датой (сроком) [19, с. 50–55].

Следовательно, суды, реализуя свои полномочия, не вправе придавать проверенной Конституционным Судом РФ норме закона какое-либо иное значение, расходящееся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ [21, с. 255].

Стоит указать также, что принцип законности пронизывает все материально-правовые и процессуальные нормы конституционного судопроизводства, которые содержатся не только в Конституции РФ, Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», Регламенте Конституционного Суда РФ, но и в постановлениях и определениях самого органа конституционного контроля.

Н. С. Бондарь «соглашается» обозначить решения Конституционного Суда РФ как «особый вид актов нормоустановительного характера», хотя именно они (и только они) выступают (в единстве с Конституцией РФ) конституционными источниками права и потому обеспечивают конституционализацию системы российского законодательства [22, с. 118, 127–128].

Как отмечает М. С. Саликов, собственные решения Конституционного Суда РФ могут являться источниками конституционного судебного процессуального права; в своих правовых позициях суд формулирует «недостающие» процедурные элементы, устанавливает новые правила конституционного судебного процесса и т.д. [23, с. 129]. Таким образом, устанавливаемые Конституционным Судом РФ в ходе его деятельности новые процессуальные конструкции пополняют нормативное содержание конституционного процессуального права [24, с. 447].

Вышесказанное свидетельствует, что все решения Конституционного Суда РФ должны базироваться на принципе законности, который является основным в конституционном судопроизводстве.

Из природы самого Конституционного Суда Российской Федерации и его полномочий, установленных ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», следует, что единственным нормативным актом, которому подчиняется Конституционный Суд РФ, является Конституция России. Она выступает единственным законодательно установленным критерием оценки правовых норм при осуществлении конституционного контроля. Для выработки, обогащения или усиления правовой позиции Конституционный Суд РФ часто использует нормы международного права, но в резолютивной части постановлений окончательный вывод всегда формулируется относительно соот-

ветствия или несоответствия проверяемых нормативных положений Конституции РФ [25, с. 34, 36; 26, с. 36]. Таким образом, содержание традиционного принципа законности в конституционном судопроизводстве усекается, и он фигурирует как принцип верховенства Конституции. Поэтому ряд исследователей данного вопроса, например Н. С. Райкова, соглашаются с теми авторами, которые относят к принципам конституционного судопроизводства принцип конституционной законности (или конституционности) [27, с. 15].

С данной позицией автор не может согласиться, так как полагает, что верховенство Конституции РФ – самостоятельный конституционный принцип, гарантирующий единство и целостность правовой системы государства. Он означает, что любой правовой акт, любое действие (равно как и, впрочем, бездействие) органа публичной власти или его должностного лица должны соответствовать Конституции. Здесь отметим, что, во-первых, соответствие Конституции – это не воспроизведение ее, как иногда понимается, это не только ее соблюдение или исполнение, а по крайней мере непротиворечие ей. Акт или действие соответствуют Конституции, если вытекают из ее предписаний либо осуществлены в сфере, которая ею ни прямо, ни косвенно не регулируется [28, с. 65]. Во-вторых, верховенство конституции – это и ее учредительный характер, поскольку она принимается народом или от имени народа как носителя суверенитета и единственного источника власти, а ее установления носят первичный характер. При этом конституция регулирует основы общественного и государственного строя, служит основополагающим источником других отраслей права. В-третьих, конституции обычно принимаются, изменяются и отменяются в особом порядке, подчеркивающем их особую роль и значение, о чем речь ниже. В-четвертых, именно конституции определяют субъекты правотворчества, его порядок и процедуры. В-пятых, особое место конституции в системе национального законодательства обеспечивается, как правило, специальным механизмом ее реализации и охраны.

В завершение можно сделать вывод о том, что принципы конституционного судопроизводства – это основополагающие идеи, которые определяют сам судебный процесс, содержание закона в целом, а также отдельных его институтов. Принцип законности в конституционном судопроизводстве – это основа формирования решений Конституционного Суда РФ в соответствии с Конституцией РФ, и он конкретизируется в установлении порядка производства в суде. Суд не вправе применять закон, противоречащий Конституции РФ, все решения должны быть мотированными и обоснованными. Законность в конституционном судопроизводстве распространяется на деятельность суда и всех участников процесса. Принцип законности реализуется в точном исполнении актов Конституционного Суда РФ всеми государственными органами, общественными организациями, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами.

Принцип законности – основной принцип конституционного судопроизводства, а все остальные принципы – принципы реализации законности в указанном судебном процессе.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

2. **Кряжков, В. А.** Конституционная юстиция в Российской Федерации / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – М. : Бек, 1998.
3. **Митюков, М. А.** Конституционные суды стран СНГ и Балтии (сравнительный очерк законодательства и судебной практики) / М. А. Митюков // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии : сб. нормативных актов / отв. ред. и авт. вступ. очерка М. А. Митюков. – М. : Зерцало, 1998.
4. **Дворцова, Ж. В.** Организация и деятельность конституционных (уставных) судов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дворцова Ж. В. – М., 2005.
5. **Витрук, Н. В.** Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс / Н. В. Витрук. – М. : Юрист, 2005.
6. **Несмеянова, С. Э.** Конституционный судебный контроль в Российской Федерации. Проблемы теории и практики / С. Э. Несмеянова. – Екатеринбург : УрГЮА, 2004.
7. **Зражевский, А. Д.** Конституционный уровень механизма реализации принципа законности в деятельности органов государственной власти / А. Д. Зражевский, И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 8.
8. **Бессарабов, В. Г.** Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина / В. Г. Бессарабов, К. А. Кашаев. – М. : Городец, 2007. – 464 с.
9. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
10. **Барциц, И. Н.** Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики / И. Н. Барциц. – М. : Изд-во РАГС, 2000.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 16. – Ст. 1451.
12. **Колесов, Ю. И.** Правовое пространство России. Участие органов юстиции в обеспечении его единства : моногр. / Ю. И. Колесов ; под ред. В. И. Кайнова. – М. : Спарк, 2004.
13. **Гулягин, А. Ю.** Законность как предмет правоохранительной функции / А. Ю. Гулягин // История государства и права. – 2012. – № 14. – С. 32–34.
14. **Ермошин, Г. Т.** Статус судьи в Российской Федерации. Проблемы правового регулирования / Г. Т. Ермошин // СПС «КонсультантПлюс». – 2012.
15. **Пферсманн, О.** Автономизация конституционного права во Франции / О. Пферсманн // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 1 (68). – С. 56–59.
16. **Слепченко, Е. В.** Конституционное судопроизводство: понятие, особенности / Е. В. Слепченко // Юридический мир. – 2009. – № 2.
17. **Крусс, В. И.** Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество / В. И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 3–8.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 48. – Ст. 6743.
19. **Ефремов, А. В.** Суды общей юрисдикции обязаны применять нормы законов с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации / А. В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 3. – С. 50–55.
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской

АЭС» в истолковании, приданном ее положениям в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р. Инамова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 47. – Ст. 6551.

21. **Тимофеев, Ю. А.** К вопросу о юридической силе решений КС РФ / Ю. А. Тимофеев // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 2. – С. 254–280.
22. **Бондарь, Н. С.** Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011.
23. **Саликов, М. С.** Конституционный судебный процесс в системе российского права / М. С. Саликов // Журнал российского права. – 2003. – № 11.
24. **Зайцев, И. М.** Правовые процедуры и судебные процессы / И. М. Зайцев // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005.
25. **Зорькин, В. Д.** Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод / В. Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 1 (54).
26. **Барнашов, А. М.** О применении Конституционным Судом Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ / А. М. Барнашов // Вестник Томского университета. – 2006. – № 292.
27. **Райкова, Н. С.** Вопросы реализации принципов осуществления правосудия в конституционном судопроизводстве / Н. С. Райкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 2.
28. **Тихомиров, Ю. А.** Конституция, закон, подзаконный акт / Ю. А. Тихомиров. – М. : Юрид. л-ра, 1994.

References

1. Federal constitutional law № 1-FKZ from 21 July 1994 “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. 1994, no. 13, art. 1447.
2. Kryazhkov V. A., Lazarev L. V. *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional justice in the Russian Federation]. Moscow: Bek, 1998.
3. Mityukov M. A. *Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii: sb. normativnykh aktov* [Constitutional justice in the Commonwealth and Baltic countries: collection of normative acts]. Moscow: Zertsalo, 1998.
4. Dvortsova Zh. V. *Organizatsiya i deyatel'nost' konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Organization and activity of constitutional courts of the Russian Federation: author’s abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2005.
5. Vitruk N. V. *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional justice. Court-constitutional law and procedure]. Moscow: Yurist, 2005.
6. Nesmeyanova S. E. *Konstitutsionnyy sudebnyy kontrol' v Rossiyskoy Federatsii. Problemy teorii i praktiki* [Constitutional judicial review in the Russian Federation]. Ekaterinburg: UrGYuA, 2004.
7. Zrazhevskiy A. D., Starodubtseva I. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2012, no. 8.
8. Bessarabov V. G., Kashaev K. A. *Zashchita rossiyskoy prokuraturoy prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Protection of the human and citizen rights and freedoms by the Procuracy of the Russian Federation]. Moscow: Gorodets, 2007, 464 p.
9. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 1993, 25 Dec., no. 237.
10. Bartsits I. N. *Pravovoe prostranstvo Rossii: voprosy konstitutsionnoy teorii i praktiki* [Legal space of Russia: problems of the constitutional theory and practice]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2000.

11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 12 April 1995 № 2-P. Legislation collection of the Russian Federation. 1995, no. 16, art. 1451.
12. Kolesov Yu. I. *Pravovoe prostranstvo Rossii. Uchastie organov yustitsii v obespechenii ego edinstva: monogr.* [Legal space of Russia. Law-enforcement bodies' participation in provision of the unity thereof: monograph]. Ed. by V. I. Kaynov. Moscow: Spark, 2004.
13. Gulyagin A. Yu. *Istoriya gosudarstva i prava*. [History of the state and law]. 2012, no. 14, pp. 32–34.
14. Ermoshin G. T. *Status sud'i v Rossiyskoy Federatsii. Problemy pravovogo regulirovaniya. SPS «Konsul'tantPlyus»* [Status of a judge in the Russian Federation. Problems of legal regulation. Legal reference system "Consultant Plus"]. 2012.
15. Pfersmann O. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review]. 2009, no. 1 (68), pp. 56–59.
16. Slepchenko E. V. *Yuridicheskiy mir*. [Juridical world]. 2009, no. 2.
17. Kruss V. I. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2012, no. 6, pp. 3–8.
18. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 8 November 2012 № 25-P. Legislation collection of the Russian Federation. 2012, no. 48, art. 6743.
19. Efremov A. V. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* [Law in the Armed Forces]. 2013, no. 3, pp. 50–55.
20. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 7 November 2012 № 24-P "On the case of checking the constitutionality of part 1 article 2 of the Federal law from 12 February 2001 № 5-FZ "On social protection of citizens exposed to radiation after Chernobyl NPP catastrophy" in interpretation given to provisions thereof after coming into effect of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 20 December 2010 № 21-P due to the complaint by the citizen R. Inamov". Legislation collection of the Russian Federation. 2012, no. 47, art. 6551.
21. Timofeev Yu. A. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Bulletin of civil procedure]. 2013, no. 2, pp. 254–280.
22. Bondar' N. S. *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the context of constitutional justice]. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011.
23. Salikov M. S. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian law]. 2003, no. 11.
24. Zaytsev I. M. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of the state and law: course of lectures]. Moscow: Yurist", 2005.
25. Zor'kin V. D. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review]. 2006, no. 1 (54).
26. Barnashov A. M. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University]. 2006, no. 292.
27. Raykova N. S. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government]. 2009, no. 2.
28. Tikhomirov Yu. A. *Konstitutsiya, zakon, podzakonnyy akt* [Constitution, law, subordinate act]. Moscow: Yurid. l-ra, 1994.

Артёмова Дарья Игоревна
кандидат юридических наук, доцент, кафедра правосудия, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: artdarya@yandex.ru

Artemova Dar'ya Igorevna
Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342
Артёмова, Д. И.

Законность – основной принцип конституционного судопроизводства / Д. И. Артёмова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 53–62.

УДК 329

М. А. Скосарева

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПАРТИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Изменения в политической системе российского общества вызывают необходимость исследования тех политических процессов, которые обусловливают деятельность политических акторов, в частности политических партий и движений. К таким процессам относится формирование политического капитала. Цель работы – проанализировать теоретические основы политического капитала и исследовать региональные особенности его формирования (на примере политических партий и движений в Пензенской области). *Материалы и методы*. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа определений политического капитала, а также выделения его основных характеристик, в которых он проявляется. Затем с помощью анкетного опроса были исследованы факторы формирования политического капитала в условиях региона. *Результаты*. Исследованы статистические материалы о деятельности политических партий и движений в Пензенской области, об их участии в управлении, а также по репрезентативной выборке исследовано общественное мнение жителей Пензы и Пензенской области, выражающее их отношение и доверие к властным структурам, к роли политических партий и движений в деятельности этих структур. На основе результатов исследований автор называет три группы факторов: социально-экономические и организационные, политико-психологические, политический статус партии. *Выводы*. Изучение статистических материалов и опрос общественно мнения позволяют сделать вывод о том, что накопление политического капитала политической партии зависит от избирательных стратегий, от политического взаимодействия структур власти, политических партий и граждан в регионе.

Ключевые слова: политический капитал, политические партии, регион.

M. A. Skosareva

FORMATION OF PARTY'S POLITICAL CAPITAL: REGIONAL PECULIARITIES

Abstract. *Background*. Changes in the political system of the Russian society make it necessary to study the political processes which determine the activities of political actors, in particular, political parties and movements. Such processes include formation of political capital. The goal of the study is to analyze the theoretical foundations of political capital and explore the regional peculiarities of its formation (for example, political parties and movements in the Penza region). *Materials and methods*. Implementation of the tasks was achieved on the basis of the analysis of definitions of political capital, as well as highlighting its main characteristics, in which it manifests itself. Then with the help of a questionnaire the author investigated factors of the formation of political capital in conditions of the region. *Results*. The reserchер studied statistical materials about the activities of political parties and movements in the Penza region, their involvement in the management, as well as public opinion of the residents of Penza and Penza region, examined through representative sample, expressing their attitude and confidence to the power structures, the role of political parties and movements in the activities of these structures. Based on the obtained results the author identified three groups of factors: socio-

economic and institutional, political and psychological, political status of the party. *Conclusions*. The study of statistics and the survey of public opinion suggests that the accumulation of political capital of a political party depends on the electoral strategies of political interaction of the authorities, political parties and citizens in the region.

Key words: political capital, political parties, region.

Как известно, в апреле 2012 г. в России был принят Федеральный закон «О политических партиях» (№ 28-ФЗ от 2 апреля 2012 г.), который призван обеспечить рост политической конкуренции в стране, но ведет к ситуации, когда при избыточном количестве создаваемых структур избиратели будут голосовать за хорошо известные им парламентарные партии или случайным образом. Но лишь немногие из действующих и создаваемых организаций отвечают новым условиям эффективного функционирования партий [1, с. 97].

Современные политические преобразования российского общества вызывают необходимость создания новой концепции формирования политического капитала, которая учитывала бы региональные особенности этого формирования. При исследовании процесса такого формирования возникают следующие задачи:

– определить структуру политического капитала региона;

– выявить региональные особенности и факторы его формирования.

Решению этих задач способствует институциональный подход, предметом которого является состояние политических институтов.

В научной литературе известны различные определения политического капитала. Остановимся на определении, которое дает В. В. Радаев. Политический капитал означает воплощенную (или инкорпорированную) способность одних контрагентов к мобилизации, а других – к участию в коллективных действиях [2, с. 28]. При этом в основу кладется действие как совместное участие, политическое взаимодействие, которое делает возможным и формирование деятельности, и управление ее процессом, и регулирование отношений (в данном случае политических). Исходя из того, что основным является взаимодействие, взаимоотношения, общение в процессе совместной деятельности, представляется возможным определить структуру политического капитала как сумму трех составляющих: информационно-политической (информирование о целях и методах деятельности), коммуникативно-политической (участие во взаимодействии), субъективно-политической (создание и восприятие политического имиджа). В политических отношениях складываются и проявляются различные виды политического капитала. По признаку их принадлежности можно выделить политические капиталы государства, структур власти, политических партий, общественных организаций, политических движений, политических лидеров.

Политический капитал политической партии проявляется:

– в знаниях и оценках со стороны самой партии и ее лидеров, а также представителей регионального социума;

– политическом поведении (деятельности) партии и ее лидеров.

Предложенная концепция была использована при исследовании структуры и факторов формирования политического капитала политических партий в Пензенской области.

Политические партии в Пензенской области представлены 17 региональными отделениями различных партий (из 32, действующих в РФ). В том числе в данном регионе представлены: Пензенское региональное отделение всероссийской политической партии «Единая Россия»; Пензенское областное отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»; Пензенское региональное отделение политической партии «Либерально-демократическая партия России»; Пензенское региональное отделение политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»[1].

14 октября 2012 г. состоялись выборы депутатов Законодательного собрания Пензенской области пятого созыва. В 2012 г. численность областных парламентариев увеличена с 25 до 36 человек. Выборы в парламент региона проходили по смешанной системе: 18 депутатов избирались по партийным спискам, 18 – по одномандатным округам. В процедуре принял участие 421 кандидат: 346 проходили по партийным спискам и представляли 11 политических партий, 75 человек – самовыдвиженцы.

По итогам выборов партия «Единая Россия» набрала 70,64 % голосов, КПРФ – 12,52 %, ЛДПР – 4,61 %, «Справедливая Россия» – 2,87 %, «Коммунисты России» – 2,69 %, «Партия пенсионеров» – 2,20 %, «Зеленые» – 0,89 %, «Яблоко» – 0,73 %, «Народная партия» – 0,37 %, «Правое дело» – 0,33 % и «Демократическая партия» – 0,27 %.

По всем одномандатным округам победу одержали представители партии «Единая Россия». В Законодательном собрании Пензенской области осуществляют деятельность две фракции – «Единая Россия» и КПРФ.

В соответствии с Уставом Пензенской области из числа депутатов Законодательного собрания были образованы следующие постоянные органы:

– комитет по бюджетной, налоговой и финансовой политике;

– комитет по государственному строительству и вопросам местного самоуправления;

– комитет по социальной политике;

– комитет по экономической политике;

– комиссия по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Законодательного собрания Пензенской области, и депутатской этике[2].

За пять лет деятельности фракции состоялось 44 заседания, итогом которых стало рассмотрение более 1000 вопросов, в том числе около 750 законопроектов, 319 постановлений, обращений и законодательных инициатив, а также ряда других вопросов.

По сферам регулирования рассмотренные законопроекты распределились следующим образом:

– государственное строительство, местное самоуправление – 327 законопроектов;

[1] Список политических партий, их соответствующих региональных отделений и иных общественных объединений, имеющих право принимать участие в выборах депутатов представительных органов муниципальных образований (по состоянию на 11 декабря 2012 г.). – URL: spisok_polititcheskih_partiy_na_vybory_3_marta_2012_goda_3_version.doc (дата обращения: 08.10.2013).

[2] URL: http://www.zspo.ru/about/assotiations/edinros/ (дата обращения: 20.03.2013).

– социальная сфера – 207 законопроектов;

– экономическая сфера (в том числе бюджетные правоотношения) – 162 законопроекта;

– промышленность, транспорт, строительство, энергетика – 23;

– агропромышленная сфера – 13.

Информационно-аналитическая справка о работе фракции «Единая Россия» в Законодательном собрании Пензенской области (*четвертый созыв*)

Все рассмотренные и поддержанные фракцией нормативные правовые акты были впоследствии приняты Законодательным собранием [5].

В рамках реализации проекта «Народный бюджет» в Пензенской области проведено 11 слушаний по параметрам бюджета Пензенской области, в том числе 10 отраслевых, в которых приняли участие около 2000 человек:

– восемь круглых столов, в том числе: один по обсуждению основных параметров бюджета; семь по обсуждению основных параметров бюджета в сферах физической культуры, спорта и туризма, агропромышленного комплекса, культуры, малого предпринимательства и занятости, правопорядка и профилактики правонарушений, инновационного и инвестиционного развития, промышленности и строительства;

– три видеоконференции по обсуждению параметров бюджета в сферах образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства [5].

При взаимодействии фракции с избирателями основной формой работы являются приемы граждан по личным вопросам. Депутаты оказывали содействие в решении проблем, связанных с работой жилищно-коммунальных служб, ремонтом жилья и дорог, медицинским обслуживанием населения, ненадлежащей работой местных органов власти[1].

Для исследования факторов формирования политического капитала в условиях региона (на примере Пензенской области) студенты и аспиранты Пензенского государственного университета (под руководством профессора Ш. Г. Сеидова) опросили 353 человека – жителей Пензы и Заречного (227 человек) и ряда населенных пунктов Пензенской области (126 человек). Целью исследования было изучение участия населения в политической жизни регионального социума. Количество опрошенных мужчин и женщин разделилось в соотношении 46,3 к 52,9 % в городах и 45,2 к 54,8 % в сельской местности соответственно.

Исследование структуры политического капитала представляется в виде изучения общественного мнения по следующей схеме: знания – отношение – доверие – взаимодействие.

Компонент «знания» требует выяснить то, как воспринимается в общественном сознании понятие политического капитала. В научной литературе приводится и такое определение. Политический капитал – это вся совокупность приобретенных политическим лидером «достоинств» (званий, титулов, должностей, статусов, политической практики, принятых решений, сделан-

[1] Аналитическая справка о деятельности фракции политической партии «Единая Россия» в Законодательном собрании Пензенской области. – URL: http://www.zspo.ru/upload/raznoe/Inf_fr_ER_4_soz.pdf (дата обращения: 20.09.2013).

ных прогнозов) в прошлом и в настоящем[1]. Данное определение согласуется с тем вариантом ответа на вопрос «С чем можно связать понятие политического капитала?», который гласит: «С рейтингом политического лидера». Этот ответ выбрали 37,0 и 19,8 % респондентов. Такой показатель означает, что довольно многие представители населения все же могут дать соответствующую интерпретацию этому политическому термину.

Респондентам был задан вопрос: «Если вам знакомо понятие “политический капитал”, то в какой информации, где Вы его встречали?». Распределение ответов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Если Вам знакомо понятие “политический капитал”, то в какой информации, где Вы его встречали?», чел./%

Ответы	**По области (*n* = 126 чел.)**	Заречный (*n* = 40 чел.)	Пенза (*n* = 187 чел.)	**Пенза и Заречный (*n* = 227 чел.)**
В средствах массовой информации	**42/33,3**	17	76	**93/41,0**
В Интернете	**20/15,8**	15	55	**70/30,8**
В разговоре	**16/12,7**	3	23	**26/11,5**
В книгах, научных журналах	**19/15,1**	3	27	**30/13,2**

Компонент «отношения» требует выяснить то, что больше всего ценится в политическом деятеле (лидере, представителе). Какие же качества, влияющие на формирование политического капитала, должны быть присущи политическому лидеру? Оказалось, что большей популярностью пользуется качество, определяющее ответственное отношение к своему делу. Данного мнения придерживаются 52,4 и 46,8 %. На втором месте оказались «трезвый взгляд на вещи, понимание реальной ситуации» (37,4 и 30,2 %), на третьем – «умение добиваться своих целей» (30,3 и 31,0 %). Действительно, если политический деятель со всей ответственностью относится к своему делу, то от такого политика можно ждать трезвых решений, отвечающих реалиям нашей сегодняшней жизни.

Итак, большинство респондентов ценят в политическом деятеле компетентность, ответственное отношение к делу, справедливость, а также трезвый взгляд на вещи, понимание реальной ситуации.

Для изучения мотивов возможного взаимодействия респондентам был задан вопрос: «Знакомясь с программой политического лидера, на какие проблемы, отмеченные в ней, Вы прежде всего обращаете внимание?». Ответы на данный вопрос представлены в табл. 2.

Повышение материального благосостояния людей – одна из актуальных тем, которая часто обсуждается по телевидению, радио, в Интернете. Поэтому не удивительно, что, отвечая на данный вопрос, большинство опрошенных выбрали именно этот вариант ответа. Социальная защита населения

[1] URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/funkcii-politicheskih-liderov.html (дата обращения: 23.04.2013).

и поддержка образования и здравоохранения – это три насущные проблемы, по отношению к которым население ждет, что они будут решаться благодаря организованной и скоординированной деятельности представителей власти.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Знакомясь с программой политического лидера, на какие проблемы Вы прежде всего обращаете внимание?», чел./%

Ответы	**По области (*n* = 126 чел.)**	Заречный (*n* = 40 чел.)	Пенза (*n* = 187 чел.)	**Пенза и Заречный (*n* = 227 чел.)**
Повышение материального благосостояния населения	**62/49,2**	21	179	**200/88,1**
Реформирование отношений собственности	**9/7,1**	5	8	**13/5,7**
Развитие науки и культуры	**20/15,9**	5	34	**39/17,2**
Поддержка образования и здравоохранения	**40/31,8**	16	74	**90/39,2**
Социальная защита населения	**44/34,9**	23	99	**122/53,7**
Проблема занятости населения	**39/31,0**	7	67	**74/32,6**
Поддержка предпринимательства	**10/7,9**	4	23	**27/11,9**
Охрана окружающей среды	**10/7,9**	1	20	**21/9,3**
Снижение налогов	**45/35,7**	11	42	**53/23,3**
Снижение цен	**53/42,1**	11	27	**38/16,7**
Расширение прав местных органов власти	**3/2,4**		2	**2/0,9**

Для выяснения показателя доверия как одной из основ формирования политического капитала опрошенным был задан вопрос: «Кому, по Вашему мнению, сегодня больше доверяет население?». Было получено следующее распределение ответов (табл. 3).

Наибольшая доля опрошенных не доверяют никакому политическому движению, осуществляющему свою деятельность в настоящее время. Предпочтение чаще отдается партиям и движениям, защищающим либерально-демократические ценности, чем остальным.

Периодическое проведение подобных исследований позволяет выявить тенденции в политических процессах и в политическом поведении регионального социума.

Несмотря на то, что большая часть опрошенных не участвуют ни в каких политических акциях, они все же считают, что основными средствами влияния на изменение политики являются участие в выборах представительных органов, а также участие во всевозможных демонстрациях и митингах (табл. 4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кому, по Вашему мнению, сегодня больше доверяет население?», чел./%

Ответы	**По области (*n* = 126 чел.)**	Заречный (*n* = 40 чел.)	Пенза (*n* = 187 чел.)	**Пенза и Заречный (*n* = 227 чел.)**
Национально-патриотическим движениям	**20/15,9**	1	18	**19/8,4**
Партиям и движениям, защищающим либерально-демократические ценности	**26/20,6**	3	19	**22/9,7**
Партиям социалистической ориентации	**14/11,1**	6	17	**23/10,1**
Никому не доверяет	**48/38,1**	23	87	**110/42,5**
Затрудняюсь ответить	**6/4,8**	5	53	**58/25,6**

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какими средствами граждане могут влиять на изменение политики?», чел./%

Ответы	**По области (*n* = 126 чел.)**	Заречный (*n* = 40 чел.)	Пенза (*n* = 187 чел.)	**Пенза и Заречный (*n* = 227 чел.)**
Участием в выборных представительных органах	**43/34,1**	14	81	**95/41,9**
Участием в демонстрациях, митингах	**4233,3**	11	73	**84/37,0**
Участием в деятельности политических партий	**24/19,0**	6	54	**60/26,4**
Участием в общественных движениях	**25/19,8**	6	57	**63/27,8**
Поддержкой талантливого политика	**13/10,3**	3	28	**31/13,7**
Осуществлением деятельности местных органов власти	**35/27,8**	9	17	**26/11,5**
Участием граждан в органах местного самоуправления по месту работы	**12/9,5**		15	**15/6,6**

Региональные факторы формирования политического капитала партий можно разделить на три основные группы:

1) социально-экономические и организационные: финансовые ресурсы; организационная структура; поддержка местных органов власти и взаимодействие со СМИ;

2) политико-психологические: наличие харизматичных лидеров, способных возглавить партию; выразительное название, чтобы оно постоянно вызывало положительные ассоциации у избирателей;

3) политический статус: конкурентоспособность; степень участия партии в высших органах власти на региональном (и федеральном) уровне; возможность контроля деятельности властных структур.

На дальнейшее развитие политического капитала политических партий в регионе оказывают значительное влияние тенденции развития политического процесса в России. Л. В. Сморгунов называет четыре ведущие тенденции:

– муниципализация политики;

– своеобразное возвращение голосования за кандидатов, а не за партии;

– повышение роли избирателя;

– изменение избирательных стратегий (коалиционные и предварительного голосования) [3, с. 102–103].

Вероятность развития политического капитала политической партии, на наш взгляд, наиболее зависит от эффективности избирательных стратегий, а также от результатов политического взаимодействия структур власти, политических партий и граждан в условиях своего региона.

Список литературы

1. **Попова, О. В.** Влияние Федерального закона «О политических партиях» на политическое развитие России / О. В. Попова // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Ч. II // Политические исследования. – 2013. – № 2.
2. **Радаев, В. В.** Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 4.
3. **Сморгунов, Л. В.** Региональные выборы 2012 г. и демократический процесс в России: новые возможности и ограничения / Л. В. Сморгунов // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Ч. II // Политические исследования. – 2013. – № 2.

References

1. Popova O. V. *Kuda poydet Rossiya: novye vozmozhnosti i ogranicheniya sovremennogo razvitiya. Ch. II. Politicheskie issledovaniya* [Where will Russia head: new opportunities and limitations of the modern development. Chapter II. Political research]. 2013, no. 2.
2. Radaev V. V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. 2002, vol. 3, no. 4.
3. Smorgunov L. V. *Kuda poydet Rossiya: novye vozmozhnosti i ogranicheniya sovremennogo razvitiya. Ch. II. Politicheskie issledovaniya* [Where will Russia head: new opportunities and limitations of the modern development. Chapter II. Political research]. 2013, no. 2.

Скосарева Мадина Ахмедуллаховна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Skosareva Madina Akhmedullakhovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: pgu_gpd@mail.ru, gpd@pnzgu.ru

УДК 329

Скосарева, М. А.

Формирование политического капитала партии: особенности региона / М. А. Скосарева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 63–71.

УДК 34.06

С. В. Зиновьев

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Ожидаемое реформирование системы правоохранительных органов Российской Федерации, ознаменовавшееся вступлением в законную силу Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», затронуло не только смену названия «милиция» на «полиция», но имело под собой более глубокие корни. Оно было направлено на тотальное изменение органов внутренних дел. Полиция служит народу и для народа. Данный тезис на практике выразился в законодательном закреплении новой системы оценки деятельности полиции, а именно комплексной оценки ее деятельности, включающей в себя и оценку деятельности полиции путем использования общественного мнения. Однако в законодательстве отсутствуют как методические, так и теоретические основы сбора, систематизации и применения общественного мнения в качестве оценки деятельности полиции, что подразумевает под собой актуальность данной статьи, направленной на анализ действующих нормативных правовых актов и результатов социологических исследований. Целью работы является выработка предложений по методике получения сведений о мнении общественности в части деятельности полиции, выработка предложений по систематизации данных сведений и их применении в качестве оценки деятельности полиции. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута путем анализа основных действующих нормативных правовых актов: федерального законодательства, ведомственных приказов, а также последних данных социологических исследований, касающихся тех или иных сторон общественного мнения о деятельности полиции. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового анализа и обыденного, позволяющие сопоставить законодательные нормы и данные социологических исследований для достижения целей данной работы. *Результаты*. Исследованы и сравнены положения федерального законодательства, а также ведомственных приказов, касающихся использования общественного мнения в качестве оценки деятельности полиции. Полученные сведения сопоставлены с данными социологических исследований. Выдвинуты предложения по внедрению в практику методов и способов получения, сбора, систематизации и использования общественного мнения в качестве критерия оценки деятельности полиции. *Выводы*. Изучение нормативного правового регулирования использования общественного мнения в качестве основного критерия оценки деятельности полиции и анализ имеющихся данных социологических исследований позволяют выявить пробелы в сфере формирования оценки деятельности органов внутренних дел, разработать методологию и конкретные, применимые на практике способы получения, систематизации и использования в оценочных критериях сведений об общественном мнении в части деятельности полиции.

Ключевые слова: полиция России, общественное мнение, оценка деятельности полиции России.

S. V. Zinov'ev

PROBLEMS OF CHOOSING DIRECTIONS OF RESEARCH OF PUBLIC OPINION IN THE FRAMEWORK OF FORMATION OF OFFICIAL ESTIMATION OF POLICE ACTIVITY

Abstract. *Background*. The expected reforming of the system of law enforcement bodies of the Russian Federation, marked by the entrance into force of the Federal

law from 2/7/2011 №3-FZ «On the police», consisted not only of the change of the abbreviation «militia» to «police», but had deeper roots, which was the total change of law-enforcement bodies. «The police» serves the people and for the people. The given thesis in practice was expressed in legislative fastening of a new system of estimation of the police activity, namely a complex estimation of its activity, including estimation of the police activity by using public opinion. However, the legislation lacks both methodical and theoretical bases of gathering, ordering and application of the public opinion as a means of police activity estimation which appears to be the topicality of the given article. The article is to analyze the active legal acts and results of the sociological researches. The purpose of given article is to develop suggestions on the ways to obtain public opinion regarding police activity, to develop-suggestions on the waus to classify the given data and to apply it as a means of police activity estimation. *Materials and methods*. Realisation of research problems was achieved through the analysis of the basic active legal acts: the federal legislation, departmental orders, and also the latest sociological researches, concerning various sides of public opinion on the police activity. The methodological potential includes the methods of comparative-legal analysis and regular analysis, allowing to compare legislative norms and the data of sociological researches to meet the purposes of the given work. *Results*. Positions of the federal legislation and also the departmental orders, concerning the uses of public opinion as a means of police activity estimation are investigated and compared. The received data is compared with the data of the sociological researches. The authors suggests to introduce into practice methods and ways of reception, gathering, ordering and use of public opinion as a criterion of policy activity estimation. *Conclusions*. Studying of the legal regulation of the use of public opinion as the basic criterion of police activity estimation and the analysis of the available sociological researches allow to reveal «blanks» in the sphere of formation of law-enforcement bodies activity estimation, to develop methodology and concrete, applicable ways of reception, ordering and use of data on public opinion regarding the police activity in estimation criteria.

Key words: Russian police, public opinion, Russian police activity estimation.

Согласно п. 6 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции [1]. Данное положение конкретизировано в приказе МВД РФ от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», согласно которому с 1 января 2012 г. утверждаются и вводятся в действие следующие документы: инструкция по оценке деятельности управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации (п. 1.1 вышеуказанного приказа); показатели ведомственной оценки деятельности управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте (п. 1.2 вышеуказанного приказа); показатели ведомственной оценки деятельности министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации (п. 1.3 вышеуказанного приказа); положение об

Экспертном совете Министерства внутренних дел Российской Федерации по вопросам оценки деятельности управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации (п. 1.4 вышеуказанного приказа) [2].

Так, инструкция по оценке деятельности управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации, утвержденная и введенная в действие вышеуказанным приказом МВД РФ № 1310, в п. 2 устанавливает цели такой оценки – определение эффективности деятельности территориальных органов МВД России, в том числе полиции, по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности. Пункт 3 данной инструкции содержит сведения о том, что итоговая комплексная оценка деятельности территориальных органов МВД России складывается из следующих параметров: оценки эффективности их деятельности по ведомственным показателям (п. 3.1 вышеуказанной инструкции); оценки их деятельности по результатам исследования общественного мнения, а также оценки информирования государственных и муниципальных органов, граждан о результатах их деятельности (п. 3.1 вышеуказанной инструкции); оценки эффективности деятельности территориальных органов МВД России в ходе инспекторских, контрольных, целевых и иных выездов, изучения информационно-аналитических материалов, полученных в рамках осуществления зонального контроля.

Безусловно, данный подход к оценке деятельности территориальных органов МВД России, в том числе полиции, необходимо признать универсальным, структурированным, разумным, так как в данном случае учитываются и предоставляемые непосредственно территориальными органами МВД России статистическая информация о раскрытых преступлениях и предварительно расследованных уголовных делах и т.д., и мнение общественности, а также сведения, полученные в ходе инспекторских, контрольных, целевых и иных выездов и проверок и зонального контроля. Однако применительно к такой составляющей комплексной оценки деятельности территориальных органов МВД России, в том числе и полиции, как оценка по ведомственным показателям, приложением № 2 к приказу МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310 установлен исчерпывающий перечень таких показателей. В целом то же самое можно сказать о такой составляющей комплексной оценки полиции, наряду с территориальными органами МВД России, как оценка в ходе инспекторских, контрольных, целевых и иных выездов и проверок, а также зонального контроля, так как в данном случае вновь наблюдается урегулированность данной сферы отдельными нормативными правовыми актами, в том числе приказами МВД РФ, устанавливающими порядок, условия и основные направления сбора информации.

Несмотря на то что п. 4.2 приказа МВД РФ от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» общественное мнение установлено как основной критерий оценки деятельности территориальных органов МВД России, в том числе и полиции, фактически оно не имеет нормативно закрепленной процедуры и направлений сбора информации, а вышеуказанный п. 4.2 регламентирует лишь тот факт, что оценка по результатам общественного мнения основывается на использовании источников социологической информации, а показатели, характеризующие общественное мнение, имеют количественный характер и рассчитываются на основе официальных результатов социологических опросов населения, проведенных независимыми специализированными организациями, при этом учитываются и ведомственные источники социологической информации. Кроме этого, оценка по результатам исследования общественного мнения оформляется заключением.

Несмотря на столь скудную регламентацию, «ноу-хау» в деятельности системы МВД – возведение в ранг основного критерия оценки территориальных органов, в том числе и полиции, оценки общественного мнения, нормативная закрепленность взаимодействия МВД РФ и общественности, в том числе оценка общественностью деятельности органов системы МВД РФ, которая встречается в более ранних нормативных правовых актах.

Итак, приказом МВД РФ от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» утверждена инструкция об организации работ по исследованию общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, которая определяет основные понятия и порядок организации работ по исследованию общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе полиции, на основе использования вневедомственных источников социологической информации [3]. Именно в данном нормативном правовом акте отражено понятие исследования общественного мнения, под которым подразумевается комплекс социологических исследований, включающих в себя изучение мнения населения регионов Российской Федерации по актуальным проблемам, касающимся сферы внутренних дел [3]. Кроме этого, в данном приказе регламентированы составляющие отчета, который оформляется по результатам исследования общественного мнения и включает в себя:

– анализ состояния защищенности граждан от противоправных посягательств;

– анализ социальных рисков и опасений граждан;

– анализ уровня виктимности населения по различным видам преступлений;

– характеристику взаимоотношений органов внутренних дел Российской Федерации с потерпевшими и заявителями (оперативность реагирования на заявления, сообщения граждан о преступлениях и происшествиях);

– оценку эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению защищенности граждан от противоправных посяг-

гательств, исполнению государственных функций и оказанию государственных услуг;

– анализ воздействия средств массовой информации и личного опыта граждан на характер оценки качества работы органов внутренних дел Российской Федерации [3].

Таким образом, приказ МВД РФ от 30 декабря 2007 г. № 1246 устанавливает основные направления исследования общественного мнения, включающие в себя многие вопросы деятельности органов внутренних дел, в том числе и полиции, что в свою очередь может быть использовано в качестве основных направлений исследования общественного мнения в рамках комплексной оценки деятельности территориальных органов МВД РФ, регламентированного приказом от 26 декабря 2011 г. № 1310.

Так, в соответствии с вышеуказанным приказом МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 в ФГКУ «ВНИИ МВД России» произведен комплексный анализ результатов изучения общественного мнения, проведенного ФОМ (Фонд «Общественное мнение») в 2012 г. по заказу МВД России. В качестве основных показателей, характеризующих в общественном мнении уровень безопасности личности и деятельности органов внутренних дел, использовались следующие показатели:

– общий уровень социальной тревожности граждан по стране в целом и в каждом из субъектов РФ;

– интенсивность опасений граждан, их беспокойства по поводу различных социальных угроз;

– уровень и качественные параметры криминологической тревоги в российском обществе, опасений граждан пострадать от преступных посягательств;

– уровень опасений по поводу пребывания в конкретных социально-бытовых ситуациях;

– уровень виктимности населения по различным преступлениям;

– обращения граждан, подвергавшихся преступным посягательствам разного типа, в органы внутренних дел, доля их регистрации;

– характер взаимодействия потерпевших, заявителей с органами внутренних дел, оценка этих взаимодействий, мотивы тех потерпевших, которые не стали обращаться в ОВД;

– оценка гражданами деятельности органов внутренних дел по защите их личных и имущественных интересов, оценка эффективности работы ОВД и путей повышения этой эффективности;

– готовность граждан оказать содействие органам ОВД в работе по обеспечению безопасности, защите личных и имущественных интересов граждан, а также их представления о заинтересованности самих ОВД в подобной помощи [3].

Кроме того, проводилось исследование влияния основных источников информации, формирующих мнение граждан РФ о работе органов внутренних дел, воздействия данных источников на имидж органов внутренних дел в массовом сознании и уровень доверия этим органам.

В ходе исследования был проведен количественный опрос населения в 83 регионах страны, в каждом из которых были опрошены не менее 500 респондентов, общий объем выборки составил 32 200 опрошенных. Ито-

говые данные указанного исследования, а также аналитика по направлениям исследования опубликованы в популярном правовом альманахе МВД России «Профессионал» (2003, № 1) в публикации «Результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».

Согласно имеющимся сведениям, доля людей, считающих, что жизнь в России в целом за последние пять–шесть лет стала безопаснее, за четыре года исследования снизилась с 30 до 25 %. Анализируя находящийся в указанной публикации график, в котором в процентном соотношении отражены факторы, сильно беспокоящие опрошенных респондентов в нашей стране, можно сделать вывод о позициях, непосредственно, по мнению автора, относящихся к компетенции органов внутренних дел, в том числе и полиции. Так, сильная обеспокоенность граждан наркоманией и алкоголизмом в 2012 г. снизилась по отношению к 2009 г. и 2010 г., но повысилась по отношению к 2011 г. (в 2009 г. сильно обеспокоены наркоманией и алкоголизмом 70 % опрошенных, в 2010 г. – 67 %, в 2011 г. – 62 %, в 2012 г. – 66 %) [4]. Данный факт можно положить в основу суждений о качестве деятельности полиции в данных сферах, ведь одной из задач деятельности участковых – уполномоченных полиции и является профилактика алкоголизма, а раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков – одно из основных направлений деятельности полиции. Факт повышения сильной обеспокоенности граждан наркоманией и алкоголизмом в 2012 г. по сравнению с 2011 г. вызван объективными причинами и должен повлечь за собой незамедлительное реагирование органов внутренних дел, направленное на усиление деятельности в данной сфере.

Другим образом складывается ситуация, связанная с сильной обеспокоенностью граждан уровнем криминализации общества и преступности. Так, процент опрошенных, сильно обеспокоенных преступностью и криминализацией общества, снизился и в 2012 г. достиг 55 % сильно обеспокоенных из числа опрошенных граждан (2009 г. – 63 %, 2010 г. и 2011 г. – по 57 %) [4]. Данный факт можно учитывать в качестве направления оценки деятельности органов внутренних дел, и в первую очередь полиции, так как снижение уровня сильной обеспокоенности граждан преступностью и криминализацией общества находится в прямой причинной связи с деятельностью полиции.

Еще одним из направлений сильной обеспокоенности граждан, непосредственно связанным с деятельностью полиции в частности и органов внутренних дел в целом, является коррупция, беспокойство по поводу которой выражают 77 % опрошенных, в том числе у 49 % эта проблема вызывает сильное беспокойство (в 2009 г. сильное беспокойство коррупция вызывает у 49 % опрошенных, в 2010 г. – у 46 % и в 2011 г. – у 49 %) [4].

При ответе на вопрос «Вы в целом чувствуете себя скорее защищенным или незащищенным от преступников, от посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество и т.д.?» были получены следующие результаты: в 2009 г. чувствовали себя незащищенными 58 % опрошенных, в 2010 г. – 56 %, в 2011 г. – 54 % и в 2012 г. – 56 % опрошенных [4]. Вновь наблюдается увеличение процентного соотношения граждан, чувствующих себя незащищенными. Однако, по мнению автора, данный показатель сложно применить в качестве одного из направлений официальной оценки качества деятельно-

сти в связи с его неконкретностью и определенной сложностью в выборе метода и направлений улучшения положения по данному показателю.

Безусловно, от общих вопросов исследования общественного мнения, таких как чувство защищенности от преступлений и обеспокоенность криминогенной обстановкой, необходимо перейти к более конкретным вопросам. Так, при ответе на вопрос «Если говорить о конкретных преступлениях, то опасаетесь ли Вы лично стать жертвой…?» были получены следующие результаты: наибольший процент у опрошенных, которые отвечали, что опасаются стать жертвами пьяных водителей (82 % респондентов в 2012 г.). Динамика опасения общества по поводу преступлений, связанных с пьяными водителями за последние четыре года, изменений в целом не претерпевает (2009 г. – 79 % опрошенных, 2010 г. и 2011 г. – по 78 %) [4], но данный вид преступлений продолжает оставаться наиболее тревожным для общества. Указанный фактор вновь может свидетельствовать о некачественной работе, проводимой соответствующими подразделениями МВД РФ, и требует усиления как профилактической работы в данной сфере, так и деятельности сотрудников по пресечению преступлений, совершаемых пьяными водителями.

Второе место по уровню опасения граждан в части конкретных преступлений занимают лица, совершающие кражи (71 % опрошенных в 2012 г., 73 % – в 2009 г., 69 % – в 2010 г., 71 % – в 2011 г.) [4]. В данных показателях нет ничего удивительного, так как тайные хищения чужого имущества (кражи) составляют большую часть всех совершаемых преступлений. Кроме того, эмоциональные переживания граждан по поводу их материального благополучия, которое может оказаться под угрозой из-за деятельности воров, не уступает переживаниям по поводу возможного причинения вреда здоровью, как личному, так и здоровью родственников, что в свою очередь и формирует такой большой процент обеспокоенности граждан деятельностью воров.

Однако опрос общественного мнения показал и положительные моменты. Так, при ответе на вопрос «Кто лучше всего может Вам помочь в обеспечении личной безопасности по месту жительства?», граждане выделяют именно полицию как основного обеспечителя безопасности, правда, следующими после членов семьи и близких родственников и самих граждан (34 % опрошенных в 2012 г. указали именно на полицию как защитника безопасности по месту жительства, но 60 % респондентов в 2012 г. по-прежнему, как и в предыдущие годы, считают, что их безопасность по месту жительства могут обеспечить члены семьи и близкие родственники и они сами) [4].

Также потерпевшие граждане, по сравнению с 2009 г., стали чаще обращаться в ОВД (в 2009 г. 39 % от числа потерпевших обратились в полицию; в 2011 г. и 2012 г. 42 % потерпевших поставили органы внутренних дел в известность о совершенных в их отношении противоправных деяниях) [4], что расценивается как косвенное доказательство повышения доверия к полиции.

Анализируя процентные соотношения ответов граждан на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективна деятельность органов внутренних дел по защите Ваших личных и имущественных интересов?», можно сделать вывод о том, что на данный момент общественное мнение об эффективности деятельности полиции разделено на два лагеря, количество приверженцев которых практически одинаково. Так, эффективной деятельность органов внутренних дел по защите личных и имущественных интересов граждан в 2009 г.

считали 40 % опрошенных, в 2010 г. – уже 39 %, но в 2011 г. – 44 % респондентов, а в 2012 г. – только 40 %. Неэффективной деятельность органов внутренних дел по защите личных и имущественных интересов граждан в 2009 г. считали 35 % опрошенных, в 2010 г. – уже 33 % респондентов, в 2011 г. – 37 %, в 2012 г. – только 31 %. Одновременно особое внимание стоит обратить на большое число затруднившихся с ответом (26–28 %) [4], что, видимо, является результатом слабой осведомленности граждан о состоянии правопорядка.

Мнения респондентов о причинах неэффективной работы полиции отражают совокупность негативных представлений и мнений об органах внутренних дел, которая сложилась сегодня в российском обществе. По данным исследования, наиболее распространенным мнением о полиции является такое, где полиция России расценивается как высококоррумпированный институт, что, разумеется, никак не сочетается с целями защиты интересов граждан от преступных посягательств. Подобное мнение разделяют 15 % опрошенных, при этом чаще других – руководители (24 %), жители столицы (22 %), хорошо обеспеченные и высокообразованные граждане (21 и 19 % соответственно).

Второе, весьма распространенное в обществе мнение, объясняющее неэффективность работы полиции, связано с низкой оценкой профессиональных и личных качеств людей, работающих в органах. Люди, разделяющие это мнение, могли выразить его с помощью двух суждений, предложенных в опросной карточке: «недостаток профессионализма, навыков, компетентности» и «низкое качество отбора в органы внутренних дел». Оба суждения выбирались практически с одинаковой частотой – 12 %. Довольно распространенным является мнение о недостаточности контроля за деятельностью полиции со стороны государства и общества – 7 %. Все остальные возможные причины плохой работы полиции, начиная от несовершенства законодательной базы по борьбе с преступностью и заканчивая низким уровнем технической оснащенности подразделений органов внутренних дел, фигурируют в общественном мнении как второстепенные.

Соответственно тем представлениям, которые сложились в обществе относительно причин плохой работы полиции, предлагаются и меры исправления ситуации. Главное, что считают необходимым сделать респонденты, – это повысить качество отбора в органы внутренних дел и бороться с коррупцией (55 и 53 % соответственно).

Третье из широко разделяемых мнений – это необходимость улучшения профессиональной подготовки и повышения квалификации действующих сотрудников полиции (46 %). На уровне государства в целом приоритетными мероприятиями граждане считают борьбу с коррупцией в органах власти (причем важность этой задачи растет), усиление ответственности граждан за правонарушения, обеспечение равенства всех перед законом, улучшение морально-нравственного климата в стране, а также снижение безработицы и повышение уровня жизни [4].

Вопрос доверия полиции со стороны граждан также нашел отражение в проведенном социологическом опросе. Рассмотрение данного критерия проведенного исследования общественного мнения необходимо начать с вопроса о том, что является для граждан приоритетным источником информа-

ции о деятельности полиции, так как, исходя из вышеприведенных статистических данных, напрямую с органами внутренних дел сталкиваются лишь половина граждан. Безусловно, основную массу информации, в том числе и о деятельности полиции, современный человек получает из опосредованных источников, и прежде всего из СМИ. Половина опрошенных (47 %) признают, что более всего на их представления о работе органов внутренних дел повлияли новостные и публицистические теле- и радиопередачи, а 25 % респондентов важную роль в формировании мнения о деятельности органов внутренних дел отводят публикациям в прессе. Кроме того, 13 % опрошенных респондентов ориентируются на Интернет, при этом ориентация граждан на него как основной источник получения сведений о полиции по сравнению с 2009 г. выросла в два раза (с 6 до 13 %). Сеть Интернет является наиболее важным источником информации прежде всего для студентов (34 %), а также для молодых людей (от 18 до 24 лет – 27 %, от 25 до 30 лет – 21 %). Кроме того, сеть Интернет в качестве основного источника получения информации, в том числе и о деятельности полиции, чаще других выбирают высокообразованные люди (25 %) и те, кто по роду деятельности нуждается в разного рода информации – предприниматели, руководители, специалисты (от 20 до 28 % в названных группах) [4].

По мнению автора, рост приоритета именно сети Интернет в качестве источника информации, в том числе и информации о деятельности полиции, настораживает. Средства массовой информации, крупные российские телеканалы, радиостанции и наиболее авторитетная пресса имеют так называемые «рамки приличия», т.е. освобождены от резких негативных высказываний и направлены на доведение до гражданина наиболее общей информации, чего нельзя сказать о сети Интернет. На различных форумах любая информация о деятельности полиции незамедлительно приобретает окраску в виде комментариев, высказанных пользователями данных форумов, в число которых входят и лица, ранее привлекавшиеся правоохранительными органами к какой-либо ответственности. Оставление данными лицами негативных комментариев о деятельности полиции, а в ряде случаев и заведомо искаженных историй из жизни, порочащих деятельность полиции, способствует формированию у граждан, напрямую не сталкивающихся с деятельность правоохранительных органов, заведомо негативного отношения. Отдельную категорию информационных каналов получения информации о деятельности полиции составляют художественные фильмы о ней, роль которых, согласно приведенным исследованиям, незначительно сократилась.

Вторую группу источников получения гражданами информации о деятельности полиции составляют такие информационные каналы, как личный опыт (28 %), беседы с друзьями, родными, знакомыми (36 %) и слухи, подхваченные респондентами в публичных местах (17 %).

Помимо всего сказанного, стоит акцентировать внимание на уровне информационной открытости самой полиции. Так, согласно приведенным данным, 46 % респондентов заявили, что в их регионах полиция недостаточно информирует население о своей работе, и еще 12 % – что она не делает этого вовсе. Тем не менее 27 % опрошенных считают информационную открытость полиции на достаточном уровне [4].

Таким образом, опрос граждан, проведенный по наиболее общим вопросам, способствует формированию необходимой информации о состоянии

общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. Профессионально сформулированные социологами вопросы позволяют получить наиболее объективную информацию о мнении граждан по поводу той или иной сферы деятельности правоохранительных органов, так как, во-первых, опросы проводятся лицами, не заинтересованными в ложном улучшении состояния общественного мнения о деятельности органов внутренних дел; во-вторых, вопросы не содержат узкопрофессиональных терминов и понятий, ясных только сотрудникам правоохранительных органов, а сформулированы в «житейской» трактовке, что позволяет объектам опросов – гражданам – наиболее полно понять суть вопроса и наиболее корректно на него ответить; и, в-третьих, опросами охватывается большое количество граждан, суммирование мнений которых в итоге предоставляет наиболее полноценную информацию о мнении всего общества в части деятельности полиции.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что именно опросы граждан являются наиболее качественным и полноценным способом сбора и учета общественного мнения о деятельности полиции. Приведенные статистические данные подтверждают и детально указывают на проблемные моменты деятельности полиции и при надлежащем их анализе могут способствовать разработке комплекса мер по повышению уровня качества деятельности полиции, введению дополнительных проверочных мероприятий в отдельных структурах МВД РФ и, как следствие, повышению эффективности взаимодействия полиции с обществом, качества пресечения, раскрытия и расследования преступлений и противоправных деяний.

Положительный момент вышеуказанного исследования усматривается в том, что допущенный в приказе МВД РФ от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» пробел, выразившийся в отсутствии непосредственных критериев оценки, основных категорий, неких направлений деятельности специализированных органов и должностных лиц, в обязанности которых будет включено формирование такой составляющей комплексной оценки полиции, как общественное мнение, можно устранить положениями приказа МВД РФ от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации». Утверждена инструкция об организации работ по исследованию общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, которая определяет основные понятия и порядок организации работ по исследованию общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе и полиции. Данный нормативный правовой акт уже содержит в себе, по мнению автора, основные критерии, которые можно заложить в основу полноценных направлений оценки деятельности полиции при использовании общественного мнения.

Более того, по мнению автора, необходимо разработать соответствующий ведомственный приказ, в котором в качестве эксперимента закрепить критерии, порядок получения, учета, обработки и предоставления результатов исследования общественного мнения в качестве основного критерия

оценки деятельности полиции, подчеркнув, таким образом, направленность современной политики МВД РФ на взаимодействие полиции с обществом и приоритет деятельности полиции именно для служения обществу.

В части формы получения информации о состоянии общественного мнения в отношении деятельности полиции в рамках проведенного исследования, данные которого отражены выше, с положительной стороны зарекомендовали себя именно способы опроса и анкетирования, что, по мнению автора, и должно выступать основным способом получения информации от граждан.

В части анализа данной информации необходимым видится создание специализированного вневедомственного коллегиального органа, состоящего прежде всего из социологов, психологов и представителей системы МВД РФ, основными задачами которого будут являться составление вопросов для социологических исследований общественного мнения путем опросов и анкетирования, формирование итоговых данных по результатам исследований и предоставление этих данных для включения в оценку деятельности полиции путем использования общественного мнения.

Основную проблему автор видит именно в отсутствии оценочных категорий, с помощью которых будет координироваться деятельность органов внутренних дел, ведь составить подходящие вопросы и провести на основании данных вопросов социологическое исследование не представляет труда, но дальнейшая перспектива использования данной информации для улучшения деятельности полиции остается неясной. Решение указанной проблемы автор видит в закреплении в ведомственном приказе процентных данных опросов мнения общества как показателя деятельности полиции с разбивкой по отдельным регионам за определенный период времени, по определенным критериям, которые имеют свой порог. Так, к примеру, по результатам опросов общественного мнения на территории Октябрьского района г. Пензы, проведенных по итогам двух кварталов года по таким критериям, как состояние защищенности граждан от противоправных посягательств, уровень виктимности населения по различным видам преступлений, характеристика взаимоотношений органов внутренних дел Российской Федерации с потерпевшими и заявителями (оперативность реагирования на заявления, сообщения граждан о преступлениях и происшествиях), оценка эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению защищенности граждан от противоправных посягательств, исполнению государственных функций и оказанию государственных услуг, а также по сопоставлению и анализу данных этих опросов можно выделить подразделения системы МВД РФ, ответственные за сферы, вызывающие у граждан наибольший уровень беспокойства или недовольства, что подразумевает под собой принятие определенных мер в данном подразделении системы МВД РФ на данной территориальной единице. Кроме того, необходимо включение определенного процентного порога в вышеуказанный «пилотный» ведомственный приказ, превышение которого повлечет за собой отрицательную оценку деятельности того или иного подразделения системы МВД РФ на определенной территории за определенный период времени и, соответственно, определенные меры по корректировке деятельности данного подразделения.

Список литературы

1. О полиции : Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД РФ от 26 декабря 2011 г. № 1310. – URL: http://etkovd.ucoz.ru/index/prikazy_mvd_rf_2011_god_s_1001_i_dalee/0-55.
3. О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации : приказ МВД РФ от 30 декабря 2007 г. № 1246. – URL: http:// etkovd.ucoz.ru/index/prikazy_mvd_rf_2007_god/0-25.
4. Результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. – 2013. – № 1. – С. 26–28.

References

1. Federal law from 07.02.2011 №3-FZ “On the police”. Legislative collection of the Russian Federation. 2011, no. 7, art. 900.
2. URL: http://etkovd.ucoz.ru/index/prikazy_mvd_rf_2011_god_s_1001_i_dalee/0-55.
3. URL: http://etkovd.ucoz.ru/index/prikazy_mvd_rf_2007_god/0-25.
4. *Professional* [Professional]. 2013, no. 1, pp. 26–28.

Зиновьев Сергей Владимирович
следователь, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Пензенской области
(Россия, г. Пенза, ул. Злобина, 52)

Zinov'ev Sergey Vladimirovich
Investogator, Administration of the Ministry of the Interior of the Russian Federation in Penza region
(52 Zlobina street, Penza, Russia)

E-mail: zinovev_sv@mail.ru

УДК 34.06

Зиновьев, С. В.

Проблемы выбора направлений исследования общественного мнения в рамках формирования официальной оценки деятельности полиции / С. В. Зиновьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 72–83.

С О Ц И О Л О Г И Я

УДК 314.74, 81.272

В. А. Базанов

ЯЗЫКОВЫЕ НАВЫКИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ С ТЕРРИТОРИИ РОССИИ (СССР) В ГЕРМАНИЮ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Цель исследования – сопоставить особенности переселения двух групп, их установки к языку страны исхода, отношение к СМИ, школам русского языка. Организационные и финансовые ресурсы Российского государства, затрачиваемые на работу с «соотечественниками за рубежом», не будут эффективно использованы, если не принимать во внимание существование отличий между группами соотечественников, которые проявляются, в том числе, в особенностях коммуникации. *Материалы и методы*. На основе анализа проведенных 70 тематически структурированных интервью и включенного наблюдения автор сравнивает особенности переселения двух групп, их поведение, отношение к средствам массовой информации и школам русского языка. *Результаты*. Процесс переселения мигрантов изначально протекал при степени информационной закрытости страны происхождения и перспектив возвращения, различных ролях страны происхождения и принимающей страны. Обе исследуемые группы при разности мотивации уделяют большое внимание сохранению русского языка. Для представителей «русского мира» язык являлся частью сохраняемой культуры, необходимой для возвращения. Сохранению языка представителей первой и второй волн способствовала и принадлежность к Русской православной церкви. Для мигрантов более позднего периода часто характерно наличие поиска общей с представителями страны пребывания европейской идентичности. При этом массовость миграции привела к возможности создания сплоченных групп мигрантов, где языком общения является русский. Язык страны исхода рассматривается представителями второй группы и как преимущество на рынке труда. Мигранты советского периода не имели доступа к средствам массовой информации страны исхода, и, следовательно, новое поколение исследуемых мигрантов предпочитает СМИ страны пребывания, в то время как старшее поколение заинтересовано в средствах массовой информации страны происхождения. *Выводы*. При наличии общего языка представители исследуемых групп обладают различными культурными установками и системами мотивации.

Ключевые слова: мигранты, культурное пространство, язык.

V. A. Bazanov

LANGUAGE SKILLS OF IMMIGRANTS FROM RUSSIA (USSR) IN GERMANY

Abstract. *Background*. On the basis of a qualitative case study the article compares the language skills and attitudes to the language of a country of origin of migrants of the first and second waves, and of the modern period. The organizational and financial resources layed out by the Russian government on the work with «compatriots abroad» will not be used effectively unless one takes into account the existence of

compatriot group differences in the communication attitudes. *Materials and methods*. Based on the analysis of 70 thematically structured interviews and participant observation the study compares the features of the resettlement of two groups, their contemplation, the attitude to the media, Russian language schools. *Results*. The migration process initially flowed in conditions of information closeness of the country of origin. The return prospects and the roles of the country of origin and the host country were also different. Both study groups in spite of the motivation differences pay attention to the preservation of the Russian language. The belonging to the Russian Orthodox Church played the important role in preserving the language in this group. The migrants of the later period are often characterized by seeking the common European identity with the representatives of the host country. The mass character of the migration has led to the possibility of creating groups, where Russian is the only language of communication. Language of the country of origin is considered by the representatives of the second group as an advantage in the job market. Migrants of the Soviet period did not have access to the mass media of the country of origin, and therefore, the new generations of migrants prefer the host country media, while the older generation is interested in the mass media of the country of origin. *Conclusions*. This description confirms the thesis about the existence of the two cultural groups within the Russian-speaking space. The selection of specific cultural groups can increase the efficiency of the work with compatriots abroad.

Key words: migrants, cultural space, language.

Если рассматривать советский и постсоветский период, то можно выделить несколько волн исхода, причины которых и особенности протекания в основном не тождественны. В соответствии с историческими волнами можно выделить культурные группы для проведения сравнения. Первая группа, обозначаемая как «русское зарубежье», объединяет мигрантов первой и второй волн миграции. Первая волна связана со сменой власти в 1917 г. и первыми шагами советской власти. Вторая волна связана с миграционными потоками ввиду событий Второй мировой войны. Мигрировали при этом люди самых разных возрастов, сословий, но при этом их в политическом смысле объединяло неприятие советской власти, а также возможность преемственности культуре Российской империи [1]. Вторая группа – переселенцы четвертой волны (в данной статье обозначаются как «новая волна»). Объединяющим фактором переселенцев данной волны является социализация в условиях существования Советского Союза [2]. Несмотря на этническую разнородность мигрантов четвертой волны, языком их повседневного общения в подавляющем большинстве случаев является русский: ввиду этой особенности указанных мигрантов к ним применим и термин «русскоязычные». Более того, значимым является и то обстоятельство, что представители местного населения воспринимают их скорее как русских из СССР [3–5]. При общности языка имеются, однако, и значимые культурные различия, которые проявляются и в отношении к языку страны исхода. Особенности языковых навыков и поведения мигрантов с пространства России и стран СНГ в данной статье будут рассмотрены на примере переселенцев в Германию.

Основой для написания статьи послужили результаты исследования, проведенного автором в Баварии в 2009–2012 гг. в рамках программы Немецкой службы академических обменов. В качестве частнонаучной теории использован конструктивистский подход. В основе методологии исследования лежит феноменологическая традиция Щюца [4]. Проблема исследовалась пу-

тем включенного наблюдения с использованием тематически структурированного интервью. Эмпирической базой всего исследования является 75 нарративных интервью с потомками первой, участниками и потомками второй, третьей и четвертой волн эмиграции, проживающими в Мюнхене и пригородах. Блоки вопросов интервью являются результатом применения теории коммуникации [6, 7], с учетом тезиса Э. Т. Холла о тождестве культуры и коммуникации.

Для мигрантов «русского зарубежья» переселение в Германию явилось скорее поиском безопасности без учета языковых установок. Большинство представителей первой и второй волн уезжали из страны, понимая, что возвращение уже практически невозможно. Никаких языковых требований у мигрантов «русского зарубежья» по понятным причинам не было.

Для четвертой волны теоретически существовала возможность возвращения в страну исхода, контактов с ней, при всех ограничениях. Следует отметить, что миграция планировалась Германией, ставилась проблема интеграции мигрантов в принимающее общество. Одно из основных требований программ переселения в рамках четвертой волны является знание немецкого языка. С 1 января 2005 г. знание основ немецкого языка является критерием переселения по программе «поздних переселенцев». Желающие вступить в брак с человеком, проживающим в Германии, и переехать в Германию необходимо уже в стране исхода сдавать тест на знание языка (жертвам нацистских преследований не требуется знания немецкого языка [8]). Хотя мигранты данных программ отмечают недостаточность таких курсов, последние все же помогают получить определенные представления о системе языка. Более того, для получения разрешения на пребывание в стране необходимо посещать специальные интеграционные курсы, где слушателям объясняют особенности функционирования политической системы страны пребывания, обучают возможностям решать возникающие бытовые проблемы. Большинство респондентов данной группы отмечают недостаточность пройденных курсов, но можно констатировать некий общий вектор, который создан принимающей страной.

Более того, в мигрантской группе «русские немцы» уже ранее в стране исхода, когда появлялась возможность выезда в Германию, для чего необходимо было доказать свою принадлежность к германскому этносу, нередко мигранты посещали мероприятия культурных центров, поддерживаемых Германией, изучали историю Германии и историю своих семей [9]. Сам факт необходимости доказательства «принадлежности к немецкому народу» [10] предполагает поиск таковых доказательств. Наличие указанных программ и, соответственно, их критериев могло давать ясность о предполагаемых ожиданиях в стране приема, что отсутствовало в период первой и второй миграции. Следует отметить, что указанная подготовка не охватывает все слои мигрантов четвертой волны. Есть мигранты, которые не соприкасаются с программами переселения, и, таким образом, языковая и социальная подготовка им не предоставлялась, хотя такая подгруппа составляет очевидное меньшинство [11].

Интервьюер: *А предлагали курсы языка? Переобучение?*

Респондент: *Естественно, у меня были маленькие дети. Первые полгода муж пошел на курсы, потом я пошла на курсы. Но все равно, стоило*

первые годы открыть рот, и все понимали, и сейчас все понимают, когда я открываю рот, что я иностранка.

Впрочем, для некоторых представителей подгруппы четвертой волны – «русских немцев» проблема владения языком страны пребывания не возникала, поскольку язык сохранялся в местах компактного расселения указанной группы. Данный язык часто имел свои диалектические особенности. Для многих респондентов, прибывших как «русские немцы» и проживших значительное время на новом месте, встал затем вопрос поддержания русскости. При этом речь идет в данном случае как о поиске выгод, так и о поиске идентичности. Прибывая в Германию, чтобы жить «как немцы среди немцев», представители данной группы часто изменяют имена и фамилии на немецкий лад. Но реакция принимающего населения заставляет их жить «как русских среди немцев», навязывая «не ту» этничность, что абсолютно не укладывается в первоначальные ожидания, порождая значительный стресс» [12]. Так, с одной стороны, образуются объединения «русских немцев», которые позиционируют себя как часть немецкой культуры. С другой стороны, определенную роль начинает играть и отношение к языку и собственной культуре как к ресурсу. В этой связи была организована сеть магазинов «русских товаров», направленных на потребителей из числа мигрантов. При этом владельцы и продавцы магазинов утверждают, что среди покупателей имеются не только представители мигрантов из России, но и мигранты из других стран, а также представители страны пребывания.

Подобные языковые курсы обязательны и для прибывающих в Германию по программе «контингентных беженцев». В интервью видна роль религиозного фактора, которая, однако, в большей степени проявляется у мигрантов первой и второй волн [1]. Наличие языковых курсов не предполагается для попадающих в Германию как беженцев, что сближает эту подгруппу с условиями пребывания первых двух волн.

Респондент: *Я здесь уже познакомилась и вышла замуж, а эти все привилегии с курсами и изучением языка – для переселенцев. То есть, по крайней мере, у меня такая информация была. Но у меня свой собственный интерес был, язык я учила сама, курсы не посещала. Работа, общение в семье, полное отсутствие русского общения, русского языка в моей среде мне позволили быстро как-то вжиться в эту атмосферу.*

Вместе с тем различалась и среда, в которой оказывались различные потоки мигрантов. После расформирования лагерей беженцев не образовалось районов компактного расселения мигрантов. Количество «невозвращенцев» после окончания Второй мировой войны было относительно небольшим, а потому во втором поколении остро обозначилась проблема сохранения культуры страны исхода. К тому же в условиях немногочисленности контактов с соотечественниками возникала проблема языка даже в первом поколении мигрантов. Сказывается и то обстоятельство, что мигранты «русского зарубежья» прожили в Германии большую часть жизни или выросли в ней, таким образом, никаких проблем с владением языком страны пребывания не наблюдается, хотя мигранты следующих поколений отмечают различие уровня владения. Сохранение языка страны исхода осознается представителями «русского зарубежья» как необходимое средство общения при посещении и в случае возвращения в страну исхода, поэтому сохранению русского

языка уделяется особое внимание. При этом мигранты русского зарубежья отмечают слабые навыки сохранения русского языка по сравнению с мигрантами более поздних исходов, а также потерю языка мигрантов третьего и последующего поколений. Причиной потери языка, в частности, является немногочисленность контактов.

Респонденты отмечают зависимость владения языком и восприятия мигранта местным населением и самовосприятия [1].

Респондент: *Я думаю, если немцы не видят, не сразу видят, что ты русская, они к тебе очень хорошо относятся. Бывает очень часто, что по мне не видно, что я русская. Если на немецком говорю, то я говорю без акцента, – и тогда сразу «немка», можно говорить. А потом, когда узнают, знакомятся больше, тогда я говорю, что я вообще-то из России и русский язык тоже знаю. А они: «О, правда?» Получается, что они больше уважают. У меня есть одна знакомая, по ней видно, что она русская и немецким не владеет хорошо. И к ней уже другое отношение: "А, вот русская приехала! Хочет здесь в Германии остаться, наверное, тут кого-то ищет, чтобы выйти замуж". И есть сразу расстояние к таким людям.*

Если говорить о передаче языковых навыков, то стратегии родителей разных групп мигрантов различаются ввиду особенностей жизненного опыта, различных внутренних установок, внешних факторов. Так, родители с собственным опытом миграции в зрелом возрасте считают обычно русский язык естественным и неутрачиваемым и воспринимают немецкий язык как вызов и трудность. Они не всегда знают и осознают особенности подготовки ребенка к вхождению в иную культурно-языковую среду или же часто просто не имеют возможности для такой работы. Сохранившие русский язык потомки переселенцев первой и второй волн обычно с большей внимательностью относятся именно к передаче навыков русского языка. У мигрантов первой и второй волн, как показывает интервью, часто красной нитью проходит идея исключительной миссии сохранения русской культуры, а также деятельная благодарность Германии за спасение от физической расправы и предоставленную возможность сохранять свою этноконфессиональную идентичность. Важно отметить, что, по замечанию мигрантов, знание языка страны пребывания на данном этапе не является обязательным. Скорее, наоборот, для безболезненной интеграции обязательным является хорошее и даже более или менее структурированное знание родного языка. Дети, по каким-либо причинам не успевшие познакомиться с алфавитом и основами грамматики русского языка, испытывают обычно в дальнейшем гораздо больше трудностей: алфавиты путаются, навыки чтения частично теряются, слов родного языка начинает не хватать, соответственно, вероятность потери первого языка увеличивается. Учитывая успехи интеграции первой и второй волн русскоязычных мигрантов, необходимо вместе с тем признать, что контекст культурных контактов в связи с потоком новых мигрантов и других факторов изменился, ведь основная масса русскоязычных переселенцев – это мигранты четвертой волны. Изменились не только плотность и структура расселения мигрантов, но и отношение к проблеме интеграции как в политической сфере, так и в научных кругах. Для мигрантов четвертой волны основной задачей видится интеграция в страну пребывания, что связано как с политикой страны пребывания, так и с установкой отказа от советского прошлого. Отметим, что на дан-

ном этапе группы русскоязычных мигрантов обладают уникальной идентичностью, но усилия по сохранению ненемецкой идентичности поддержки государства и общества в целом не получают. При настаивании страны приема на необходимости вхождения в ее культуру создается ситуация, когда данная группа уже в следующих поколениях теряет свою мультикультурную особенность. Осознание необходимости усилий для сохранения «русскости» может сближать позднейших мигрантов с представителями «русского зарубежья». Плохое знание родного языка, вызванное, к примеру, и тем, что родители в качестве языка семейного общения используют разбавленный словами языка страны пребывания язык страны исхода, может привести и к проблемам в освоении немецкого языка.

Значимую роль в группе «новая волна» играют школы русского языка. Но понимание функции таковых школ в целом отличается при сопоставлении со школами представителей первой и второй волн. Как уже отмечалось, у представителей первой и второй волн возникновение школ чаще связывалось с возможностью сохранения русского языка у последующего поколения для сохранения себя и возвращения. Интересно отметить, что навыки владения языком страны исхода у мигрантов «русского зарубежья» не тождественны языковым навыкам современной России.

Респондент: *Понимаете, но вот это не только я, но и другие тоже слышат. Я знаю, у нас даже одна коллега была, которая, когда я поступила на радиостанцию, со старыми эмигрантами всегда спорила, говорила, что вот язык, который они привезли из России, это правильный язык. Когда-то мой папа тоже говорил: «Язык – живое существо, язык меняется». Мне папа всегда вдалбливал. А потом, когда прошло время и когда начали приезжать новые, тогда та же самая коллега говорила: «Нет, наш язык – это то! А это уже не то!»*

Особенно языковые различия проявляются при посещении страны исхода, в частности из рассказов мигрантов об этом. Из интервью видно, что мигранты четвертой волны предпринимают усилия, направленные на то, чтобы их дети знали русский язык и были знакомы с особенностями высокой культуры страны исхода. Для этого, и организуются поездки в страну исхода.

Проблема владения немецким языком обозначается мигрантами четвертой волны особенно в том случае, если речь идет о знаниях реалий областей неповседневного быта. Для последующих поколений, которые прошли через институты принимающего общества, бóльшую роль начинают играть социальные и культурные особенности страны социализации, чувство «инаковости» присутствует, но осознается и «инаковость» по отношению к поколению непосредственно мигрировавших. Важность передачи языка последующим поколениям также снижается при смене поколений: часто практические аспекты жизни начинают играть более важную роль.

В целом можно отметить у мигрантов «новой волны» наличие высокой степени осознания коммуникативного акта, особенно на первом этапе пребывания в стране. Чувство неуверенности в языковой и общекультурной составляющей приводит к тому, что мигранты «новой волны» ощущают наличие неконтролируемой области, в которой, по их подозрениям, может скрываться и негативное отношение к ним. Данный аспект описывается респондентами как «лицемерие» немцев. Респонденты отмечают иной, по сравнению с при-

нятым в стране исхода, стиль работы в коллективе сотрудников. Так, не приняты отвлеченные разговоры на местах, хотя следует отметить, что многое зависит от личных качеств конкурентных сотрудников. Для мигрантов данной группы, оказавшихся в Германии, в целом характерна высокая степень осознания процессов коммуникативного акта при высокой частоте общения с контрагентами из представителей культуры страны пребывания. При этом данной группе свойственна ориентация скорее на группу таких же переселенцев, хотя наличия проблем в общении не отмечается.

Проблема владения немецким языком обозначается мигрантами четвертой волны, особенно если речь идет о знаниях реалий областей неповседневного быта. Возник и своеобразный язык русскоязычных мигрантов. «Русский немецкий имеет обычную специфику пиджинов: словоизменение и словообразование происходят по правилам русской грамматики с использованием немецкого корня; калькируются устойчивые сочетания, особенно – отражающие специфические для Германии реалии: *митовать* (mieten (die Wohnung)) “снимать”» [13, с. 42; 14]. Смешение слов из двух языков – часто наблюдаемое явление, причем даже в объявлениях консульства России.

Важным показателем направления коммуникации является интерес к общественно-политической жизни через средства массовой информации. Респонденты группы «русское зарубежье» как новое явление, возникшее в последнее десятилетие, отмечают возможность смотреть «русское телевидение», иметь доступ к русским СМИ. Респонденты обсуждали российские новости с российских телеканалов, спрашивая при этом значение терминов, обозначающих новые понятия российской действительности. Новое поколение отмечает разность подачи материала, что видно, в частности, из такой озвученной стратегии: международные новости лучше узнавать из российских информационных агентств, а российские – из иных.

У представителей четвертой волны разброс ответов достаточно широк, и встречаются разные комбинации использования российских и зарубежных СМИ. При получении информации из немецкоязычных источников в некоторых случаях предпочтение отдается печатным СМИ, поскольку при чтении печатного материала можно воспользоваться словарем. В то же время почти в каждой семье есть телевизор, и многие специально смотрят немецкоязычные программы ради развития языка. Но язык СМИ помогает лишь частично, поскольку при общении возникает и проблема диалекта, т.е. помимо знания официального языка страны пребывания часто оказывается нужным и местный диалект, который может существенно отличаться от официального языка [15].

Для мигрантов группы «русское зарубежье» важную роль сыграл уже упоминаемый фактор длительного пребывания в Германии, кроме того, небольшое количество русскоговорящих мигрантов не позволяло создавать крупные компании подростков, а закрытость границ закрепляла и то обстоятельство, что часто создавались смешанные семьи.

Таким образом, внутри массива четвертой волны существуют, с одной стороны, мигранты, для которых ввиду возрастных и иных обстоятельств освоение немецкого языка представляется проблематичным, с другой стороны, появляются мигранты, в которых представители местного населения не замечают инаковости. При этом могут возникать ситуации, когда представители местного населения начинают обсуждать мигрантов из России, не зная, что

рядом находятся обсуждаемые. Такие ситуации возможны и потому, что мигранты «русского зарубежья» ввиду угрозы репатриации меняли фамилии и могли взять «немецкую» фамилию. А среди переселенцев четвертой волны немало людей, носящих или приобретших немецкие фамилии. Существование двух групп, различающихся с точки зрения владения немецким и русским языком, закрепляется через создание соответствующего языкового окружения. Для тех, кому сложно говорить на русском языке, будут предпочтительны немецкоговорящие компании, и, наоборот, имеющие проблемы с освоением языка страны пребывания не могут, даже если и имеют желание, войти в указанные компании.

Респондент: *Зная хорошо язык немецкий, я бы хотел общаться и с теми, и с другими. Я знаю, что плохо говорю по-немецки и понимаю плохо. Меня это останавливает, поэтому больше, конечно, с русскими хотел бы.*

Интервьюер: *Но если бы Вы знали хорошо немецкий, то Вы бы общались…*

Респондент: *И с другими, конечно. Разницы не было бы.*

***

На данном этапе мы можем говорить «о нескольких (по крайней мере, двух) русскоязычных пространствах, в культурном отношении отличных друг от друга» [2]. Указанное отличие проявляется, в частности, в языковых навыках и отношении к языку. Восприятие своей культуры как положительной ценности предполагает наличие цели сохранения этнического самосознания и передачи его следующим поколениям. Особое отношение к «дому», к своей культуре, по-видимому, крайне сложно без сохранения языка страны происхождения. «Родной язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание)» [16, с. 39]. Мигранты обеих групп при разности мотивации уделяют внимание сохранению языка. Значимую роль здесь играет и фактор религиозный: согласно опросам, сохранение православия является более трудной задачей при отсутствии связи с Россией, при недостатке доступа к литературе на русском языке. Для мигрантов четвертой волны сохранение русского языка чаще является дополнительной возможностью реализации в профессиональном и иных аспектах. Для многих при этом возникает проблема возможности полноценного общения между родителями и детьми. Школы русского языка играют значимую роль как и в среде старой эмиграции, так и среди мигрантов «новой волны». Однако если в «русском зарубежье» такие школы были институтами передачи культуры, то для новых мигрантов в некоторых случаях речь скорее идет о получении дополнительных профессиональных навыков.

На данном этапе наличие программ переселения играет определяющую роль для разграничения групп мигрантов. Переселение четвертой волны регулировалось программами Германии. В рамках миграционной политики Германия создала особые условия получения права проживания для представителей еврейской диаспоры и немецких переселенцев. По приезде в страну указанным группам населения предлагались различные условия, в том числе льготные курсы, помогающие интеграции в существующее общество, льготные кредиты. Группа мигрантов, прибывшая вне указанных программ, долж-

на прилагать усилия для получения права проживания, в большинстве случаев самостоятельно заботиться о приобретении языковых и иных навыков, поиске жилья. Основные усилия страны пребывания направлены на интеграцию новоприбывающих мигрантов без учета существования длительное время в стране русскоговорящих мигрантов.

Список литературы

1. **Попков, В. Д.** Основы «русского мира»: векторы формирования единого пространства соотечественников / В. Д. Попков // Официальный сайт Фонда «Русский мир». – 2006. – URL: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news 0002.html?print=true (дата обращения: 20.03.2011).
2. **Попков, В. Д.** Кросс-граничное русскоязычное пространство: Подходы к пониманию / В. Д. Попков // Московский Дом национальностей [Интернет-портал]. – URL: http://www.mdn.ru/engine/documents/document11067.pdf/ (дата обращения: 10.08.2012).
3. **Ingenhorst, H.** Die Rußlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne (Campus Forschung) / H. Ingenhorst. – Frankfurt/Main : Campus-Verlag, 1997. – 240 s.
4. **Щюц, А.** Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
5. **Попков, В. Д.** Особенности адаптации русских эмигрантов в Берлине (1990-е годы) / В. Д. Попков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III, вып. 3. – С. 158–166.
6. **Pearce, W. B.** Communication, action, and meaning: The creation of social realities / W. B. Pearce, V. Cronen. – New York : Praeger, 1980.
7. **Громова, В. М.** Современные социальные подходы в коммуникации / В. М. Громова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Филологические науки». – 2005. – С. 81–84.
8. Еврейская иммиграция. Процедура принятия // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge : [Official Website]. – URL: http http://www.bamf.de/RU/Migration/ JuedischeZuwanderer/Voraussetzungen/voraussetzungen-node.html (дата обращения: 06.03.13).
9. **Dietz, B.** Zwischen Anpassung und Autonomie: Russlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland / B. Dietz. – Berlin : Duncker & Humblot, 1995. – 206 s.
10. Migration nach Deutschland, Spätaussiedler // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge : [Official Website]. – URL: http://www.bamf.de/DE/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html (дата обращения: 06.07.12).
11. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung // Bundesministerium des Innern, Bundesamt für Migration und Flüchtlinge [Official Website]. – 2010. – URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/ Publikationen/Migrationsberichte/migrationsbericht-2010.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 10.01.2012).
12. **Попков, В. Д.** Эмиграция из Российской империи Советского Союза в Европу: сравнительный анализ / В. Д. Попков // Журнал социологии и социальной антропологии. – URL: http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf (дата обращения: 20.03.2011).
13. **Кирилина, А. В.** Немецкое языковое пространство в начале XXI века / А. В. Кирилина // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2012. – № 19. – С. 34–45.
14. **Беленчиков, Р.** Об особенностях речевого поведения русскоязычного населения Германии / Р. Беленчиков, Е. Handke. – 2006. – URL: http://www.russisch-fuer-kinder.de/pdf/bilingvizm_v_germanii_21_vek.pdf (дата обращения: 20.03.2011).
15. **Habit, D.** Heimat in der Fremde – Fremde in der Heimat. Heimatvorstellungen als Konfliktpotential in einer oberfränkischen Gemeinde. Magisterarbeit / D. Habit. – München : LMU, Institut für Volkskunde/Europäische Ethnologie, 2005. – 268 s.

16. **Тощенко, Ж. Т.** Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

References

1. Popkov V. D. *Osnovy «russkogo mira»: vektory formirovaniya edinogo prostranstva sootechestvennikov* [Fundamentals of the "Russian world": vectors of formation of the uniform compatriot space]. 2006. Available at: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0002.html?print=true (accessed 20 March 2011).
2. Popkov V. D. *Kross-granichnoe russkoyazychnoe prostranstvo: Podkhody k ponimaniyu* [Crossborder Russian language speaking space: Approaches to understanding]. Available at: http://www.mdn.ru/engine/documents/document11067.pdf/ (accessed 10 August 2012).
3. Ingenhorst H. *Die Rußlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne (Campus Forschung)* [The Germans from Russia. Emigrants between tradition and modernity (Campus Research)]. Frankfurt/Main: Campus-Verlag, 1997, 240 p.
4. Shchyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [The selected: World glowing with sense]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1056 p.
5. Popkov V. D. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. 2000, vol. III, iss. 3, pp. 158–166.
6. Pearce W. B., Cronen V. *Communication, action, and meaning: The creation of social realities*. New York: Praeger, 1980.
7. Gromova V. M. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki»* [Bulletin of Udmurtia University. Series "Philological sciences"]. 2005, pp. 81–84.
8. *Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* [Federal office for migration and refugees]. [Official Website]. Available at: http http://www.bamf.de/RU/Migration/Juedische Zuwanderer/Voraussetzungen/voraussetzungen-node.html (accessed 6 March 2013).
9. Dietz B. *Zwischen Anpassung und Autonomie: Russlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland* [Between assimilation and autonomy: Germans from Russia in the former Soviet Union and the Federal Republic of Germany]. Berlin: Duncker & Humblot, 1995, 206 p.
10. *Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* [Federal office for migration and refugees]. [Official Website]. Available at: http://www.bamf.de/DE/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html (accessed 6 July 12).
11. *Bundesministerium des Innern, Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* [Federal Ministry of the Interior, Federal office for migration and refugees]. [Official Website]. 2010. Available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Migrationsberichte/migrationsbericht-2010.pdf?__blob=publicationFile (accessed 10 January 2012).
12. Popkov V. D. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. Available at: http://www.jourssa.ru/2007/3/7aPopkov.pdf (accessed 20 March 2011).
13. Kirilina A. V. *Vestnik NGLU im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of Nizhny Novgorod Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov]. 2012, no. 19, pp. 34–45.
14. Belenchikov R., Handke E. *Ob osobennostyakh rechevogo povedeniya russkoyazychnogo naseleniya Germanii* [On the specifics of language behavior of the Russian language speaking population of Germany]. 2006. Available at http://www.russisch-fuer-kinder.de/pdf/bilingvizm_v_germanii_21_vek.pdf (accessed 20 March 2011).
15. Habit D. *Heimat in der Fremde – Fremde in der Heimat. Heimatvorstellungen als Konfliktpotential in einer oberfränkischen Gemeinde. Magisterarbeit* [Home away from home – strangers at home. Home ideas as conflict potential in Upper Franconian town. Master's Thesis]. München: LMU, Institut für Volkskunde/Europäische Ethnologie, 2005, 268 p.

16. Toshchenko Zh. T., Chaptykova T. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1996, no. 12, pp. 33–42.

Базанов Варфоломей Александрович
докторант, Университет
Людвига-Максимилиана
(Федеративная Республика
Германия, г. Мюнхен,
Гешвистер-Шолль-плац, 1)

E-mail: v.bazanov@daad-alumni.de

Bazanov Varfolomey Aleksandrovich
Doctorate degree student,
Ludwig-Maximilian University
(1 Geschwister-Scholl-Platz,
Munich, Germany)

УДК 314.74, 81.272
Базанов, В. А.
Языковые навыки переселенцев с территории России (СССР) в Германию / В. А. Базанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 84–94.

УДК 316.776

А. М. Пахарь

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ СТУДЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Россия в 1990-х гг. переживала острейшие кризисы, трансформировавшие деятельность общественных институтов, жизнь каждой семьи и каждого ее члена. В обществе наблюдался спад культуры, деградация систем воспитания и образования, кризис моральных ценностей. В поисках путей стабилизации пошатнувшихся устоев государство стало активно взаимодействовать с Русской православной церковью. Открылись православные учебные заведения, вплоть до университетов и академий. В России, таким образом, возникла новая социальная группа – православная молодежь, малоизученная в социологии. Православного молодого человека необходимо изучать, исследовать его идеалы, ценности, цели, чтобы понять, как он будет встраиваться в систему рыночных отношений, какие изменения привнесет в общество с имеющимся у него набором ценностей. Для этого необходимо исследовать его жизненный путь. Поэтому целью исследования является выявление особенностей жизненного пути православного студента современной России с точки зрения ценностей и стратегий жизни. *Материалы и методы*. Цель была достигнута благодаря мощной теоретико-методологической основе исследования. Начав с детального анализа концепций теоретиков социологии личности и социологии жизненного пути, дополнив исследования социальных психологов в области личности и проанализировав разработки американских социологов жизненного пути, построены фундаментальные модели исследования. *Результаты*. Исследование жизненного пути православных молодых людей раскрывает схожесть событий их жизни; выявляет особенности личности, воспитанной православной верой и ее практиками, через которые православные молодые люди оценивают окружающую действительность; представляет их стратегии и ценности, неразрывно связанные с евангельскими ценностями. Показано разнообразие культурного потребления молодежи, обозначена проблематика нахождения совпадений культурных практик по иерархиям ценностей и даны рекомендации по культурному потреблению масс-медиа. *Выводы*. Изучение жизненного пути личности православных студентов современной России позволяет выявить причины и суть различий ценностей, взглядов, моделей поведения, стратегий жизни православной воцерковленной молодежи и светской невоцерковленной молодежи.

Ключевые слова: жизненный путь личности, православные студенты, жизненные цели, жизненные стратегии.

A. M. Pakhar'

FEATURES OF PERSONALITY'S LIFE COURSE OF MODERN RUSSIAN ORTHODOX STUDENTS

Abstract. *Background*. Russia in the 1990s experienced a serious crisis that transformed the activities of public institutions, the life of each and every family member. In society, there was a decline of culture, degradation of education and training systems, crisis of moral values. In search of ways to stabilize the shaky foundations the state began active interaction with the Russian Orthodox Church, resulting in establishing orthodox schools, universities and academies. Thus, there is a new social

group revealed in Russia- Orthodox youth, appearing to be a byway in sociology. It is necessary to explore the ideals of an Orthodox young man/woman, his/her values, goals, to understand the ways to integrate him/her into the system of market relations, the changes he/she will bring to the company with the set of values presented in him/her. For this it is necessary to explore his/her life path. Therefore, the aim of this study is to determine the characteristics of the Orthodox way of personality's life course of a student of modern Russia in terms of values and life strategies. *Materials and methods*. The purpose of the study was achieved due to the powerful theoretical and methodological basis of the study. Starting with a detailed analysis of the theoretical concepts of sociology of personality and sociology of life course, expanding research in the field of personality by social psychologists and analyzing the developments by American sociologists of life course, the author built fundamental research models. *Results*. The study of the life course of Orthodox young people reveals the similarity of their life events, significant events in the life and "significant others". The work reveals personality traits fostered by the Orthodox faith and its practices through which Orthodox young people assess their environment; the study presents their strategies and values inextricably linked with the evangelic values. The paper presents the diversity of cultural consumption by the youth, denotes problems of finding matches of cultural practices by the hierarchies of values and gives recommendations for cultural consumption of the mass media. *Conclusions*. The study of personality's life course of the Orthodox students of modern Russia reveals the causes and nature of differences in values, attitudes, behaviors, life strategies of Orthodox youth from secular youth.

Key words: life course, Orthodox students, life goals, life strategies.

Россия в 1990-х гг. переживала острейшие кризисы, трансформировавшие деятельность общественных институтов, жизнь каждой семьи, каждого гражданина. Происходили серьезные изменения в обществе: наблюдался спад культуры, деградация систем воспитания и образования, кризис моральных ценностей, который повлек за собой обострение целого ряда социальных проблем. В поисках путей стабилизации пошатнувшихся устоев государство стало активно взаимодействовать с Русской православной церковью. Открылись православные школы, гимназии, православные высшие учебные заведения, где наряду с комплексом общеобразовательных дисциплин можно получить знания в области вероучения, нравственное воспитание. Следствием этого явилось появление новой социальной группы – православной молодежи, малоизученной в социологии.

Православный молодой человек – это гражданин России с определенными ценностями, интересами, установками, стратегиями жизненного пути. Для того чтобы понять, как он будет встраиваться в существующую систему рыночных отношений, принимать условия глобализирующегося мира, какие изменения привнесет в общество с имеющимся у него набором ценностей, необходимо исследовать его жизненный путь. Исследование жизненного пути включает в себя обширное рассмотрение жизненного пути личности, которое идет через уровни «макросреды» (условия жизни в государстве, деятельность его институтов), «микросреды» (влияния «значимых других»), индивидуальных ценностей, векторов развития и стратегий жизни личности.

В 2012–2013 гг. было проведено уникальное исследование с использованием биографического метода, касающееся всей истории жизни каждого респондента – студента/выпускника вуза государственного или интегратив-

ного типа. Под интегративным типом вуза понимается православный негосударственный вуз, в котором дается, с одной стороны, государственное образование, а затем диплом государственного образца (идет обучение светским специальностям), а с другой стороны, изучается комплекс религиозных предметов, введены богослужебные практики и практики социальной работы и помощи. Биографические интервью редко используются в качественных исследованиях, поскольку процесс сбора и обработки информации достаточно трудоемок. Но именно этот метод дает возможность, следуя хронологическому изложению событий жизненного пути, проследить рефлексию над ними; начать анализировать данные во время интервью посредством включенного наблюдения, предполагающего фиксацию исследователем эмоционального состояния респондента, соответствия жестов словам, невербальных проявлений отношения к вербальному тексту, способа построения каузальных связей.

При построении модели изучения жизненного пути личности православных студентов в теоретической части работы было осуществлено обращение к социологическим подходам к исследованию личности в русле интерпретативной парадигмы М. Вебера, Дж. Мида, Ч. Кули, О. Халлера, Р. Линтона [1–4]; представителям функционалистской парадигмы К. Марксу, Э. Дюркгейму [5], феноменологии А. Щюца [6], этнометодологии П. Бергера, Т. Лукмана [7], структурализму П. Бурдье [2]. Для комплексного понимания проблематики личности осуществлено обращение к работам в области исследований личности ученых А. Маслоу, Э. Фромма [9, 10]. Особенность респондентов состоит в том, что время их рождения пришлось на 1990–1991 гг. (время распада СССР), детство – на кризис 1998 г., а профессиональное самоопределение совпало со временем стабилизации экономики России. Это тематически согласуется с комплексным лонгитюндным исследованием основателя парадигмы жизненного пути личности в западной социологии Глена Элдера «Дети Великой Депрессии» [11], выводы которого также были использованы в данном исследовании.

В исследовании приняли участие студенты/выпускники государственных вузов (среди которых Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский педагогический государственный университет, Российский государственный социальный университет) и вузов интегративного типа (среди которых Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский православный университет им. Иоанна Богослова). Студенты отбирались в соответствии со следующей категоризацией: воцерковленные студенты интегративного вуза, воцерковленные студенты светского вуза, невоцерковленные студенты светского вуза.

В качестве критериев уровня воцерковленности применительно к данному исследованию были взяты: частота посещения богослужений и совершения богослужебных практик, чтение религиозной литературы (евангелие, писания святых, догматиков), просмотр фильмов, имеющих религиозный оттенок, миссионерские практики и практики социальной работы и помощи. Выявлено, что основная отличительная особенность православной воцерковленной молодежи от православной невоцерковленной состоит в представлении об образе жизненного пути тех и других и его цели. Для православных воцерковленных молодых людей жизненный путь представляется как служе-

ние. В биографической истории таких молодых людей присутствуют события крещения, воцерковления и осмысления веры. Последнее представляет собой размышления над верой и стремление выстраивать жизнь в соответствии с вероучительными принципами. Данная внутренняя работа личности выражает собой «жизнь по евангелию». Хорошо раскрывает смысл этого высказывание одного из респондентов*:* «*Православие – это самое важное, что есть в моей жизни. Быть православным христианином – это следовать тому, чему должен следовать православный христианин, а не просто им называться. Делать то, что нужно, и не делать того, чего не нужно с точки зрения Церкви, заповедей, евангелия*». Жизнь личная и жизнь церковная переплетаются, и одна не представляется без другой: «*Мое любимое занятие – служение в храме. Я тут днями и ночами. Для меня счастье, что я сейчас живу в этой сфере – в Церкви. Православная Церковь – это полностью моя жизнь*».

Молодежному возрасту присуще искать правду, справедливость, реализовывать мечты; православной воцерковленной молодежи вместе с комплексом вероучительных истин, раскрывающих смысл и цель жизни, дается возможность раскрытия и реализации талантов в православной Церкви в сообществе единомышленников. Основная цель и ценность жизни для такого молодого человека – Бог, следовательно, образ жизни представляет собой помощь другим людям и через это служение Богу. Само по себе «служение» является не чем иным, как деятельностью человека, достигшего определенного уровня духовного развития, направленной на достижение общечеловеческого блага. То есть ценности и значимые векторы развития личности православных невоцерковленных и православных воцерковленных студентов отличаются друг от друга масштабностью. Рассмотрим это подробно.

Если основная схожесть между ценностями тех и других состоит в наличии цели жизни, ради которой стоит жить, то различие в следующем: основная ценность православной невоцерковленной молодежи – это «дело всей жизни», основная ценность православной воцерковленной молодежи – «цель, за которую можно умереть».

Что касается других ценностей, то для православной молодежи важны здоровье, образование, семья (близкие люди). Православные невоцерковленные молодые люди выделяют значимой ценность «личностный рост», вкладывая в это понятие непрерывное саморазвитие: «*Никогда не останавливаться, идти вперед и пробовать новое. Например, я не умею танцевать – нужно пойти попробовать, на курсы записаться и потанцевать. Ставить планку выше и брать ее».* Ценность «семья» значима для православных молодых людей, поскольку «*семья дает силы идти вперед к вершинам карьеры*». Православные воцерковленные молодые люди наряду с семьей выделяют близких людей (которыми являются единомышленники – люди одних с ними мировоззренческих установок), но также для них неоспоримой ценностью является служение всем людям. Общецерковное представление о служении сформулировано епископом Пантелеимоном (Шатовым): «Подлинный смысл жизни – в служении другим» [12]. Слова епископа приобретают особую значимость применительно к данному дискурсу, поскольку он является председателем Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению. В словаре С. И. Ожегова смысл слова «служить»

несет схожий смысл: «Служить – это выполнять свое предназначение» [13]. Таким образом, ценности евангелия и стремление воплощать их в жизнь, актуализирующееся в служении людям, направляют жизненный путь православных воцерковленных студентов. Служение людям реализуется молодыми людьми любым способом, но главным образом через Церковь. Об этом свидетельствует активная позиция молодых людей: они руководители православных молодежных организаций, организаторы паломничеств, вожатые лагерей, преподаватели воскресных школ, православные журналисты:

«Вера-то – это не следование за кем-то слепо, а это потребность внутренняя. С 20 лет я начал "применять православие в жизни" и понял, что все проблемы и вопросы решаются через веру… Один год я возглавлял молодежную работу в одном из благочиний. Если я что-то делаю, я стараюсь максимально в это вкладываться».

«…Сам принимал участие в организации паломничеств наших студентов».

«Занимаюсь в журнале: привлечением спонсоров, регистрацией, налоговыми всякими штуками, работами с фондами… Если вижу, что кого-то обижают – обязательно заступлюсь, тем более, что мастер спорта по карате…».

«Папа раком умирал. Я приехала, у меня была такая вера: говорю: "Пап! Верь мне". Я привезла батюшку, его исповедовали, причастили, пособоровали, и он после этого начал пищу принимать. После второго причастия он начал садиться, а после третьего мы повезли его в онкологию, оказалось, что рака нет».

Эти примеры подтверждают то, что чем больше молодой человек погружается в церковную жизнь, тем значимее для него становится приложить свои силы для работы на благо людей и именно посредством Церкви. Православный воцерковленный молодой человек стремится «служить людям». Это значит жить ради людей (ради «ближних», под которыми подразумеваются все люди вообще). Православный невоцерковленный молодой человек живет ради себя и своих близких людей (сообщество близких людей сужается по сравнению с «ближними» воцерковленных молодых людей и ограничивается семьей). Невоцерковленные студенты служение людям как ценность не выделяют, но желают отдаваться работе, выполнять свое дело профессионально и добросовестно.

В то же самое время было выявлено, что православные воцерковленные студенты, получающие образование, связанное со служением Церкви, имеют размытое представление о будущем. Это не значит, что они не представляют себе, чем будут заниматься: векторы развития они выделили, «дело всей жизни» они нашли, но относительно создания семьи, отчетливых особенностей своего бытия они склоняются к тому, что «*Бог все управит по Своему Промыслу*», и боятся желать и планировать. Воцерковленные студенты, получающие светское образование, имеют более отчетливое представление о своем будущем, ставят цели и последовательно идут по пути их достижения, но все же полагаются на «волю Бога» на своем пути по реализации целей. Невоцерковленные студенты отчетливо называют, чем будут заниматься через неделю, месяц, два года, пять лет и в старости – их жизнь четко распланирована. Они большое внимание уделяют постановке целей и планированию жиз-

ни, исходя из убеждения, что «*есть Сила Свыше, но человек, по большей части, сам совершает выборы, которые определяют его жизнь*».

Что касается «значимых других» – людей, чей образ является для молодой личностью ориентиром, то практически у всех опрошенных воцерковленных студентов это священнослужитель. Чаще всего это духовник, который не только стал для молодой личности нравственным ориентиром, но и «направил» ее профессионально, помог сделать выбор относительно получения образования и сферы деятельности. Образы священнослужителей, встречавшихся на жизненном пути православных студентов, имеют для их биографии и вектора развития особую важность. Мнению этих людей студенты доверяют, на их нравственные качества ориентируются, у них находят поддержку и понимание. Проиллюстрируем это значимыми событиями из интервью: «*Быть тебе журналистом, Данька!*» – и вот молодой человек получает второе высшее журналистское образование и работает в журнале (хотя первое образование экономическое). «*Лавра талантов не берет, Москва возьмет!*» – и девушка, не поступившая на иконописное отделение в Троице-Сергиевой Лавре, получает диплом иконописца в Москве и работает по специальности (которая для нее стала призванием, делом всей жизни).

Невоцерковленные студенты в своей жизни встречали образцы православия, «которого излишне много», что способствовало отвержению ими православных практик и вместе с этим неприятию всего вероучения Церкви. Поясним примером из интервью: «*Мой дед женился второй раз, и я ее любила, когда была маленькая. Она была нормальная, но какое-то событие произошло: то ли сын заболел… и она обратилась в веру очень сильно, она все-все исполняла, как зомби. Мне было лет 12, и это мне не понравилось, слишком много было этих обрядов в ее жизни*».

Относительно культурного потребления следует отметить, что оно соотносится с жизненным опытом и векторами развития. Студенты с высоким уровнем воцерковленности, которые избрали профессию, связанную со служением Церкви, выбирают глубокую духовную литературу (в основном это труды монахов-теологов) и смотрят фильмы миссионерского, житийноописательного содержания. Они ориентируются в современной культуре (печатной и кинопродукции, концертах, спектаклях и выставках), но специально для себя ее продукцию не выбирают, а смотрят на нее «через призму христианства», отбирая полезное и объясняя неполезное с точки зрения духовного роста. Маршруты их путешествий, как правило, составляют паломничества по святым местам. Студенты с высоким уровнем воцерковленности, получающие светскую специальность, ориентированные на работу по специальности и связанные с православными молодежными организациями, выбирают близкое к своей биографической ситуации и культурному багажу. В основном они хорошо ориентируются в современной культуре, избирательно относятся к ней, но более тяготеют к произведениям, проверенным и ставшим классическими, и к советским патриотическим фильмам (в основном связанным с военной тематикой). Они путешествуют по России и за ее пределами для расширения кругозора вообще, их интересуют архитектура, быт людей, отдых, паломнические выезды. Невоцерковленные студенты ориентируются в современной культуре, выбирают то, что согласуется с культурным и ин-

теллектуальным багажом и убеждениями. Клубной жизни предпочитают проверенную компанию и хорошую музыку.

Следует отметить, что все опрошенные студенты на «хорошо» и «отлично» учились в школе (несколько респондентов окончили школы с медалями), ориентированы на образование и самообразование (они не останавливаются на достигнутом: получают второе либо дополнительное образование, посещают курсы по специальности и иностранным языкам). Уровень их образования и культурной подготовки плюс стремление к евангельскому нравственному идеалу складывается в то, что они в своем развитии ориентированы на возвышающие культурные практики, они не смотрят телевизор, не приобретают и не читают «желтой прессы». Поэтому они испытывают потребность в том, чтобы культурные практики, соответствующие их культурному и образовательному уровню, были более доступны и сознание не отягчалось рефлексией над продуктами современной массовой культуры и фильтрованием их. Все опрошенные верят в Россию и ее светлое будущее, но те, кому довелось в детстве испытать влияние кризисов, с особой тщательностью всматриваются в настоящее, с настороженностью относятся к переменам, опасаются волнений на политической почве и экономической нестабильности.

Обобщив сказанное, следует отметить, что воцерковленные студенты видят те черты в своей личности, над которыми необходимо работать и которые необходимо исправлять. Они стремятся жить в соответствии с тем образом православного христианина, который сложился в их сознании. В целом ценностная система личности предопределяет преобладающий тип сознания, направляет его цели и формирует стратегии. Жизненные стратегии студентов с высокой степенью воцерковленности неразрывно связаны с уровнем и характером религиозности, значимостью веры для личности, религиозной мотивацией социального поведения. В биографической истории православных воцерковленных молодых людей присутствуют события крещения, воцерковления и осмысления веры. Жизненный путь представляет собой служение другим людям и через это – служение Богу.

Список литературы

1. **Вебер, М.** Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/06.php (дата обращения: 03.09.2013).
2. **Cooley, Ch.** The Social Self / Ch. Cooley // The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the Social Order & Social Organization / пер. Т. Новиковой. – Glencoe, 1956. – Part II. – URL: http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/cooley02.htm (дата обращения: 03.09.2013).
3. **Haller, A.** Identifying significant others and measuring their expectations for a person / A. Haller, J. Woelfel // Proceedings of Actes du Vingt-Deuxieme Congres de l'institute International de Sociologie [Proceedings of the Twenty-Second Congress of the International Institute of Sociology], Rome // International Journal of Sociology. – 1969. – № 5.
4. **Linton, R.** The Cultural Background of Personality / R. Linton. – N. Y. ; L., 1945.
5. **Дюркгейм, Э.** Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 107–114.

6. **Щюц, А.** Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щюц ; пер. с нем. и англ. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
7. **Бергер П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
8. **Бурдье, П.** Практический смысл / П. Бурдье ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с. – URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bourdieu-all.htm (дата обращения: 03.09.2013).
9. **Маслоу, А.** Мотивация и личность / А. Маслоу – URL: http://nkozlov.ru/library/psychology/d3478/ (дата обращения: 03.09.2013).
10. **Фромм, Э.** Бегство от свободы / Э. Фромм. – URL: http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt (дата обращения: 03.09.2013).
11. **Glen, H.** Elder Children of the Great Depression / H. Glen. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – 160 p.
12. **Епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов).** Подлинный смысл жизни в служении другим / Епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов). – URL: http://www.pravoslavie.ru/smi/63565.htm
13. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: http://www.ozhegov.org/words/33095.shtml

References

1. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: per. s nem.* [Selected works: translation from German]. Moscow: Progress, 1990, 808 p. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/06.php (accessed 3 September 2013).
2. Sooley Ch. *The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the Social Order & Social Organization*. Glencoe, 1956, part II. Available at: http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/cooley02.htm (accessed 03.09.2013).
3. Haller A., Woelfel J. *International Journal of Sociology*. 1969, no. 5.
4. Linton R. *The Cultural Background of Personality*. New York; London, 1945.
5. Dyurkgeym E. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological research]. 1991, no. 2, pp. 107–114.
6. Shchyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom: per. s nem. i angl.* [The selected: World glowing with sense: translation from German and English]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1056 p.
7. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social constructioning of the reality. Treatise on sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995, 323 p.
8. Burd'e P. *Prakticheskiy smysl: per. s fr.* [Practical sense: translation from French]. Saint Petrsburg: Aleteyya, 2001, 562 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bourdieu-all.htm (accessed 3 September 2013).
9. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Available at: http://nkozlov.ru/library/psychology/d3478/ (accessed 3 September 2013).
10. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Run away from freedom]. Available at: http://www.lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt (accessed 3 September 2013).
11. Glen H. *Elder Children of the Great Depression*. Chicago: University of Chicago Press, 1974, 160 p.
12. Episkop Smolenskiy i Vyazemskiy Panteleimon (Shatov). *Podlinnyy smysl zhizni v sluzhenii drugim* [Authentic sense of life in serving others]. Available at: http://www.pravoslavie.ru/smi/63565.htm
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Available at: http://www.ozhegov.org/words/33095.shtml

Пахарь Анна Михайловна
научный сотрудник, Информационно-аналитический центр, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, г. Москва, ул. Иловайская, 9)

E-mail: anna_pakhar@list.ru

Pakhar' Anna Mikhaylovna
Researcher, Information and Analytical Center, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities
(9 Ilovayskaya street, Moscow, Russia)

УДК 316.776
Пахарь, А. М.
Особенности жизненного пути личности православных студентов современной России / А. М. Пахарь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 95–103.

УДК 303.64 (316.628+316.653)

В. П. Воробьев, Ю. Г. Юрина

АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК ГРАЖДАН

Аннотация. *Актуальность и цели*. При возрастании роли социологической информации в процессе управления общественными отношениями обостряется проблема поиска адекватных методов анализа социокультурных установок граждан. Традиционные методы сбора эмпирической информации (прежде всего массовый опрос) в некоторых случаях оказываются не в состоянии отразить сложность и неоднозначность социальных установок населения. В этих условиях необходимо обратить внимание на альтернативные способы получения первичной социологической информации. Целью исследования является выявление эвристической ценности анализа обращений граждан в органы власти как способа выявления ряда особенностей социокультурных установок населения, характерных для той или иной социальной группы, того или иного периода исторического развития страны и т.д. *Материалы и методы*. В статье использован исторический анализ исследуемого явления, а также сравнение таких социологических методов, как массовый анкетный опрос и анализ обращений граждан в органы власти. В методологическом плане использована теория гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы. *Результаты*. Показаны некоторые слабые стороны опросов общественного мнения как источника социологической информации по сравнению с методом анализа обращений граждан (неявное конструирование общественного мнения, ориентация на исследование «поверхностных» слоев системы социальных установок). Проанализирована взаимосвязь между характером обращений граждан в органы власти и социокультурными особенностями того или иного периода развития российского общества, на этой основе продемонстрирована возможность уточнения типологии Алмонда и Вербы. *Выводы*. Существует явная зависимость между уровнем и характером социальной активности населения, с одной стороны, и типичным содержанием обращений граждан в органы власти, с другой. Анализ таких обращений позволяет лучше понимать и прогнозировать как уровень, так и специфику социальной активности населения и его действительное отношение к властным институтам.

Ключевые слова: обращения граждан в органы власти, взаимоотношения власти и общества, социальные установки, исследования общественного мнения.

V. P. Vorob'ev, Yu. G. Yurina

ANALYSIS OF ADDRESSES TO AUTHORITIES AS AN INSTRUMENT OF RESEARCH OF SOCIOCULTURAL ATTITUDES OF CITIZENS

Abstract. *Background*. As the importance of sociological data in the process of social relations management there occurs a problem of searching adequate methods of of people's sociocultural attitude analysis. The traditional methods of empirical data collection (muss survey, first of all) sometimes are incapable of displaying the complexity and ambiguity of social attitudes of population. In such conditions it is necessary to pay attention to alternative methods of primary sociological data collection. The research is aimed at revealing a heuristic value of the analysis of citizens'

addresses to the authorities as a method of revealing a number of population social attitude peculiarities typical for one or another social group of one or another period of country's historical development etc. *Materials and methods*. The article uses the historical analysis of the researched phenomenon as well as compares such sociological methods as mass survey and the analysis of citizens' addresses to the authorities. In the sense of methodology the authors used the theory of civil culture by G. Almond and S. Verba. *Results*. The study shows some weaknesses of public surveys as a source of sociological data in comparison with the method of citizens' addresses analysis (implicit construction of public opinion, focus on researching the "surface" layers of the system of social attitude). The authors analyzed the interconnection between citizens' addresses to the authorities and the sociocultural specifics of one or another period of Russian society development. The analysis was used to demonstrate the possibility of specifying the typology by Almond and Verba. *Conclusions*. There is a direct dependence between the level and nature of population's social activity and a typical content of citizens' addresses to the authorities. The analysis of such addresses allows better understanding and forecasting both the level and the specificity of social activity of the population and its actual attitude to the authorities.

Key words: citizens' addresses to the authorities, relationship between the authorities and the society, social attitudes, researches of public opinion.

Институт обращений граждан в органы публичной власти всегда играл определенную роль во взаимодействии общества и государства. В разные времена представители общества обращались к власти по-разному: менялись поведение граждан и реакция властей, менялся сам принцип взаимодействия общества и государства. Социальные практики такого рода в значительной степени зависят от имеющихся в обществе традиций, привычек и ценностей.

Для социологов институт обращений граждан в органы власти является важным объектом изучения, позволяющим отследить основные настроения и надежды людей различных социальных групп и слоев населения. На протяжении всего исторического развития Российского государства граждане осуществляли социальное взаимодействие с представителями государственной и местной власти именно посредством официальных обращений: челобитных, жалоб, прошений, заявлений, предложений и пр. Безусловно, подача официального обращения в различные властные структуры (заявления, предложения или жалобы) является разновидностью социального поведения гражданина (группы граждан) и зависит от многих факторов, среди которых прежде всего следует отметить индивидуальные эмоционально-психологические качества субъекта, а также личную либо групповую заинтересованность в происходящих событиях. Способность к социальной активности проявляется только при определенной совокупности личных качеств, установок, ценностей, а также при возникновении и сочетании ряда конкретных условий.

Вместе с тем необходимо отметить, что обращения граждан в органы власти являются неким срезом с общей культуры общества. Подтверждение этой мысли можно исторически проследить. В российской истории традиционно выделяют несколько периодов, определяющих особенности стиля подачи обращений и порядок работы с ними. В каждом историческом периоде действуют определенные принципы и способы взаимодействия граждан и власти; для каждого из таких периодов характерны своеобразные культурные установки и ожидания и, соответственно, разные практики обращения в органы власти.

В дореволюционной России не существовало понятия «гражданин», а в юридической и общественной практике использовались термины «холоп» или «подданный». Этому периоду соответствовал социальный институт подачи челобитий, жалоб или прошений, условно называемый «институтом челобитья». Соответствующий тип отношений подразумевал изначально зависимое положение всех подданных государства (соответственно государя) независимо от сословия. Основной особенностью обращений данного периода является подчеркиваемое, с одной стороны, и принимаемое всеми представителями государства, с другой стороны, зависимое положение подданных перед властями. Данный период отличался высоким уровнем «чаяний», ожидания благ и «избавления от произвола». Особенно высоким (до определенного момента) оставался уровень доверия к самому монарху, «царю-батюшке». При этом достучаться до царя было крайне сложно или вообще невозможно. Именно на этом этапе возникло понятие «долгого ящика» [1], что фактически означало малую вероятность не только благополучного решения вопроса, но даже самого факта того, что просьба будет рассмотрена. На протяжении веков такая практика иллюстрировала высокую степень дистанцированности представителей власти от общества, от народа.

Социальная трансформация российского общества в ходе социалистических преобразований начала XX в. привела к существенному изменению механизма подачи и рассмотрения жалоб и обращений граждан в органы власти. Одно из главных изменений состояло в том, что защита интересов граждан становилась уже не милостью, а обязанностью власти, ориентированной на эгалитаристскую идеологию. В этой связи обращения переставали выглядеть «челобитными», а превращались в форму и инструмент политического взаимодействия (хотя во многом и ритуального) власти и общества [2, с. 112]. Именно на этом этапе развития российской государственности появляется понятие «гражданин», заменяющее понятие «подданный» и отменяющее сословный характер социальных и политических отношений. Эти факторы заметно сократили дистанцию между гражданами и властью, обществом и государством. На всем протяжении советской истории отмечался высокий уровень активности граждан, в том числе активности при подаче официальных обращений в органы власти. Заслуживает внимания тот факт, что «письма во власть» были не только жалобного или просительного содержания, но также и инициативного характера. Именно в советский период было введено понятие «предложение», что позволяло гражданам пытаться воздействовать на принятие решений государственной властью или органом местного самоуправления, вносить свой, возможно, минимальный, вклад в развитие общественных отношений, улучшение социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. Предложение в рамках института обращений граждан может рассматриваться как «единственная форма гражданского участия, интегрированная в структуру публичной власти» [3, с. 10] в условиях идеократического, левопатерналистского режима.

Опираясь на известную модель Г. Алмонда и С. Вербы, исследователи обычно характеризуют советский тип политической культуры как подданнический. Данный тип культуры, как известно, характеризуется сильным интересом к государственным делам и низким уровнем стремления к участию в этих делах. Анализ такого социального института, как обращения граждан

в органы власти, показывает, что данной культуре все же был присущ весьма сильный элемент активизма, пусть даже в весьма ограниченной сфере, в условиях, когда основные формы социальной активности должны были санкционироваться государством либо идеократическими организациями (партия, комсомол и пр.).

В современной России в рамках демократической политической системы важным фактором для полноценного функционирования института обращений граждан является наличие как минимум двух социокультурных установок граждан по отношению к власти: высокий уровень доверия к действующей власти, а также высокий уровень социальной активности граждан. Особенно интересны для исследования установки граждан по отношению к власти, инициирующие и сопровождающие подачу официальных обращений, являющихся неким срезом с общей культуры всего общества. Еще раз подчеркнем, что практика подачи обращений граждан к представителям власти различных уровней в различные исторические эпохи зависит не только от законодательных норм и механизмов бюрократической машины, но также от набора социокультурных установок граждан в сфере взаимоотношений государства и общества. Это осознание поможет избегать формального бюрократического подхода к такой важной сфере социальных отношений, как взаимодействие граждан и представителей власти, а значит, общества и государства.

При определении социокультурных установок граждан в области взаимодействия граждан с властью необходимо найти ответы на ряд вопросов: какой тип взаимоотношений между гражданами и властью существует в настоящее время: нуждаются ли люди в постоянной опеке со стороны государства или же участие государства в жизни граждан должно быть минимальным? доверяют ли граждане современной власти, а также каков уровень доверия граждан к представителям власти? какие способы решения проблем граждане современной России считают наиболее действенными, и обязательно ли, по мнению граждан, участие государства в решении проблем рядовых граждан? какова способность рядовых граждан к активным социальным действиям, к проявлению активной гражданской позиции?

Согласно данным опросов аналитического центра «Левада-Центр» за 2007–2012 гг., абсолютное большинство граждан не только придерживаются установки на ожидание опеки и заботы со стороны государства, но и признают существование такой установки [4, с. 23; 5, с. 36.]. И лишь небольшая часть граждан проявляет активный интерес и активную позицию по отношению к серьезным общественным проблемам. При этом уровень доверия граждан к представителям власти вроде бы нельзя назвать высоким, учитывая, что наибольший процент опрошенных не до конца определились в своих ощущениях. Так, по данным того же Левада-Центра, с апреля 2011 г. по октябрь 2012 г. индекс доверия президенту был довольно стабильным и колебался в районе 150 баллов[1], индекс доверия правительству составлял около 120–130 баллов, Думе – около 110–120 баллов [5, с. 76]. Факт достаточно

[1] Индекс доверия строился как сумма процентной доли полностью доверяющих респондентов плюс половина от не вполне доверяющих минус доля недоверяющих плюс 100.

низкого уровня доверия институтам законодательной и исполнительной власти представляется интересным для дальнейшего изучения, так как количество официальных обращений во все государственные инстанции неуклонно растет, что подтверждается официальной статистикой государственных органов власти и органов местного самоуправления. Анализ способности людей решать свои проблемы самостоятельно, а также осознавать себя как активных граждан показал, что абсолютное большинство не верит в свою способность влиять на принятие решений в стране, регионе, городе. При этом наилучшим способом добиться решения своих проблем для большинства граждан является обращение в различные органы власти: в органы исполнительной власти, в судебные органы, а также в средства массовой информации.

Опрос общественного мнения не всегда позволяет определить глубинные установки граждан по отношению к власти, с которой представители общества непосредственно или опосредованно взаимодействуют. Понять, что на самом деле волнует и тревожит граждан, какие у них основные злободневные проблемы, что они хотели бы получить в первую очередь и чем они недовольны больше всего, представляется достаточно сложной задачей при проведении социологического опроса. Для подтверждения или опровержения гипотезы даже по одной проблеме необходимо проводить новый опрос. При таком положении вещей иногда достаточно сложно увидеть ситуацию в комплексе. Кроме того, есть доля вероятности, что результаты исследования не будут реально отражать ситуацию и, по сути, будут косвенно конструироваться исследователем. Повсеместно проводимые социологические опросы не всегда объективно отражают реальные потребности и мнения граждан по причине того, что в некоторых случаях присутствует фактор искусственности и неестественности проблемы, заявленной при опросе, а также искусственности самой ситуации опроса. Это связано с тем, что респонденты иногда не имеют четкого мнения по интересующему исследователей вопросу или не имеют к проблеме никакого отношения, а сама проблема порой пристрастно структурируется в ходе составления вопросов анкеты и вариантов ответов на них [6, с. 159–179].

В ряде случаев реальные действия гражданина могут противоречить его суждениям: он может утверждать, что не доверяет власти, но при этом периодически отсылать власти различного рода обращения; может не заявлять о своей гражданской активности, но при этом обращаться к власти с предложениями, направленными на изменение существующей социальной реальности или законодательных актов; может утверждать, что не ждет от государства попечительства и опеки, но постоянно обращаться с жалобами. Именно поэтому подлежат дополнительным исследованиям и уточнениям такого рода утверждения: «Подавляющее большинство эмпирических данных социологических опросов последнего времени свидетельствует обо все большем росте взаимного недоверия жителей России, превращающегося постепенно в доминирующую социальную норму» [7, с. 60]. При исследовании таких категорий, как «доверие/недоверие к власти», «проявление гражданской активности», «ожидание опеки со стороны государства» необходимо, помимо опроса, применять дополнительные методы исследования, анализировать социокультурные установки граждан по косвенным данным, используя, в частности, такие методы, как анализ характера, видов и содержания

официальных обращений в органы власти. Анализ официальных обращений граждан в органы власти может стать очень ценным материалом для социологии исследования и осмысления. Подача официальных обращений всегда является результатом естественной ситуации, в которую попадает человек. На первый план в таком случае выходит не столько навязанное СМИ поверхностное суждение, сколько поведенческая установка конкретного человека по определенной проблеме. Именно в таких ситуациях более явно проявляется реальная социальная активность человека. Хотя данная активность все же остается в рамках вербального поведения, здесь это поведение хотя бы не стимулировано напрямую исследователем либо интервьюером и обусловлено сугубо внутренними установками корреспондентов. Выявленные, в свою очередь, установки граждан посредством анализа их обращений в органы власти могут обеспечить комплексное, объективное и своевременное понимание процессов, происходящих в обществе.

Таким образом, можно предполагать, что письменные обращения граждан в органы власти являются дополнительным источником первичной информации, отражающей основные социальные проблемы. В этом случае анализ обращений граждан в органы власти является альтернативным инструментом социологического исследования, позволяющим своевременно и объективно выявлять не только основные социальные проблемы, но и настроения, надежды и ожидания общества, а также более адекватно изучить общественное мнение.

Список литературы

1. **Иваненко, С. И.** История работы с обращениями граждан в законодательных органах власти России / С. И. Иваненко // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2010. – № 12 (398).
2. **Кабашов, С. Ю.** Организация работы с обращениями граждан в истории России / С. Ю. Кабашов. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 312 с.
3. **Подъячев, К. В.** Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия : автореф. дис. … канд. полит. наук / Подъячев К. В. – М., 2007.
4. Общественное мнение – 2007 : сб. – М. : Левада-Центр, 2007.
5. Общественное мнение – 2012 : сб. – М. : Левада-Центр, 2012.
6. **Бурдье, П.** Социология политики / П. Бурдье. – М. : Socio-Logos, 1994.
7. **Сасаки, М.** Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, В. В. Воронов // Социологические исследования. – 2013. – № 3.

References

1. Ivanenko S. I. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii FS RF* [Analytical bulletin of the Federation Council FS RF]. 2010, no. 12 (398).
2. Kabashov S. Yu. *Organizatsiya raboty s obrashcheniyami grazhdan v istorii Rossii* [Organization of citizens' addresses processing in Russian history]. Moscow: Flinta, Nauka, 2010, 312 p.
3. Pod"yachev K. V. *Obrashcheniya grazhdan v organy gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya kak forma grazhdanskogo uchastiya: avtoref. dis. kand. polit. nauk* [Addresses of citizens to the state authorities and local self-governments as a form of civil participation: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of political sciences]. Moscow, 2007.

4. *Obshchestvennoe mnenie – 2007: sb.* [Public opinion – 2007: collection]. Moscow: Levada-Tsentr, 2007.
5. *Obshchestvennoe mnenie – 2012: sb*. [Public opinion – 2012: collection]. Moscow: Levada-Tsentr, 2012.
6. Burd'e P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos, 1994.
7. Sasaki M., Davydenko V. A., Romashkina G. F., Voronov V. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2013, no. 3.

Воробьев Владимир Павлович
доктор социологических наук, профессор, кафедра государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vvp@sura.ru

Vorob'ev Vladimir Pavlovich
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Юрина Юлия Геннадьевна
соискатель, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: julika_pnz@bk.ru

Yurina Yuliya Gennad'evna
Applicant, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 303.64 (316.628+316.653)
Воробьев, В. П.

Анализ обращений в органы власти как способ исследования социокультурных установок граждан / В. П. Воробьев, Ю. Г. Юрина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 104–110.

УДК 316.47

В. Н. Супиков, Е. В. Ерёмина

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТАТУСА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ХАРАКТЕРА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. В современной России складываются разнообразные варианты проявления региональной уникальности. В связи с этим изучение социальных факторов и особенностей становления региональной идентичности является особенно актуальным для понимания сущностных характеристик региона как сложной социальной системы и динамики регионализации в современной России. Цель работы – выделить основные факторы и особенности формирования региональной идентичности, оказывающие наиболее заметное влияние на ее характер и направленность. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа и сравнения показателей качества жизни и индекса человеческого развития на примере Республики Мордовия и Пензенской области, а также экспертного опроса представителей данных субъектов как территорий, близких по критериям социально-экономического и пространственного положения. Методологической основой исследования выступает структурно-функциональный подход, позволяющий рассмотреть на уровне структуры особенности региональной идентичности в современной России и факторы, определяющие ее становление, а также выявить их значение для регионального развития. *Результаты*. Исследована значимость социальных факторов формирования региональной идентичности, предложено структурировать данные факторы в зависимости от их изменчивости и управляемости на стабильные и относительно стабильные, а также выявлено наличие взаимосвязи между политическим статусом региона и характером региональной идентичности. *Выводы*. Исследование объективных и субъективных показателей социально-экономического развития региона на примере Республики Мордовия и Пензенской области позволяет выявить особенности процесса региональной идентификации в данных регионах, а также установить взаимосвязь статуса субъекта Российской Федерации и характера региональной идентичности, что подтверждает объективную необходимость дальнейшего изучения региональной идентичности населения в условиях модернизационных процессов в современной России.

Ключевые слова: регион, региональная идентичность, качество жизни.

V. N. Supikov, E. V. Eremina

INTERCONNECTION BETWEEN THE STATUS OF A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE TYPE OF REGIONAL IDENTITY

Abstract. *Background*. In the Russian Federation there emerge different variants of regional uniqueness display. In this connection the study of social factors and specifics of regional identity formation is especially topical for understanding the essential characteristics of a region as a complex social system and the dynamics of regionalization in the modern Russia. The aim of the article is to single out main factors and specifics of regional identity formation, influencing its formation and trend the mst. *Materials and methods*. Realization of research objectives was achieved on the basis of the analysis and comparison of life quality values and the index of hu-

man development by the example of the Republic of Mordovia and Penza region, as well as survey of the representatives of these subjects as the areas similar in criteria of socioeconomic geographic location. The methodology foundation is based on the structural-functional approach allowing on the structural level to consider the features of regional identity in the modern Russia and the factors determining its formation, as well as to reveal the importance of the latter for regional development. *Results*. The authors researched the importance of social factors of formation of regional identity and suggest to structure the said factors taking into account their changeability and manageability into stable and relatively stable. The researchers also revealed the presence of interrelation between the political status of a region and the type of regional identity. *Conclusions*. The research of objective and subjective indicators of regional socioeconomic development by the example of the Republic of Mordovia and Penza region allows to reveal the features of the process of regional identification in the said regions, as well as to determine interrelation between the status of a subject of the Russian Federation and the type of regional identity. These facts confirm the objective necessity of further study of regional identity of population in conditions of modernization in modern Russia.

Key words: region, regional identity, quality of life.

Особенности региональной идентификации отражаются в работах отечественных авторов, посвященных специфике становления регионального сообщества в России. Так, для одних исследователей региональная идентичность – это совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [1, с. 13], или «отношение человека к своей малой родине, к земле, на которой он родился или живет и работает» [2, с. 399]. В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». Для других исследователей – социально-психологическое чувство принадлежности к региональному сообществу, при этом границы региона как понятия ментального совпадают с границами сообщества [3, с. 123].

Так или иначе региональная идентичность предполагает набор определенных социальных представлений – образов субсоциетальной принадлежности к локализованному социальному пространству.

Главной особенностью современной регионализации России с точки зрения модернизационной теории является то, что государство состоит из множества регионов, которые требования модернизации выстроили в ряд по степени успешности реформирования: маленькая группа – во главе «каравана», большая – в середине, единицы – в хвосте. Именно это обстоятельство и должно приводить к необходимости исследования культур и проблематики различий. Другой особенностью является то, что объединение регионов само по себе сложно структурировано. По мнению Л. М. Дробижевой, Российская Федерация представляется асимметричным образованием, самооценка которого себя в целом и своих частей множественна и противоречива в силу существования в нем разных сторон субъективного восприятия [4].

Анализ различных научных подходов к исследованию процессов региональной идентификации дает нам основания говорить о значимости социальных факторов формирования региональной идентичности и позволяет структурировать данные факторы на две группы в зависимости от их изменчивости и управляемости:

– **стабильные факторы** – своего рода базисные, системообразующие, объективные (т.е. слабо зависящие от воли отдельных индивидов) или сти-

хийно проявляющиеся. К ним мы относим природно-географическое, территориальное, страновое и межрегиональное позиционирование региона, историю (генезис) его возникновения и развития, ментальность регионального социума;

– **относительно стабильные факторы** – факторы, подверженные большей изменчивости по сравнению с факторами первой группы, объективные, но все же поддающиеся целенаправленному управлению (точнее, корректировке). К ним мы относим культуру, этнический состав регионального сообщества, человеческий и экономический потенциал территории, структуру ее экономики, признанные конкурентные преимущества региона, политико-управленческие процессы в регионе, сложившиеся отношения по оси «Центр – периферия». Также сюда можно отнести такие факторы, как качество жизни, инновационность территориального сообщества, имидж территории, эффективность региональных органов исполнительной власти, деятельность СМИ и средств массовой коммуникации, наличие и деятельность региональных элит и т.д. [5, с. 93–94].

Поскольку факторы последней группы более управляемы, то именно на них рекомендуется в первую очередь обратить внимание при решении проблемы формирования положительной региональной идентичности на конкретной территории.

В рамках исследования региональной идентичности было проведено сравнение факторов формирования региональной идентичности в двух похожих регионах европейской части России, отличающихся статусом субъекта Федерации (область и республика). Данное сравнение, на наш взгляд, является полезным с целью выявления влияния на региональную идентичность республиканского статуса.

Республика Мордовия и Пензенская область – регионы, безусловно, не одинаковые, но очень близкие по социально-экономическим показателям. Они являются объективно среднересурсными регионами, но достаточно социально освоенными, каких большинство в РФ, что позволяет говорить о них как о типичных модельных российских регионах.

Исторический анализ показывает, что территория нынешней Пензенской области и Республики Мордовия – это территория расселения мордвы-мокши и мордвы-эрзи, одного народа с общей культурой, традициями, образом жизни и однородной территорией расселения. Социальная дифференциация начала проявляться с присоединением Среднего Поволжья в состав Русского государства и началом монголо-татарского ига, когда мордва ассимилировалась с русскими, буртасами, татарами. Уже в первые десятилетия советской власти статус двух регионов резко изменился[1].

Именно в 30-е гг. XX в. произошло территориальное разделение между Пензенской областью и Республикой Мордовия, когда во всех частях нового государства СССР происходило формирование и развитие нового общественного строя. Пензенская область в современных границах образована 4 февраля 1939 г. Что же касается Мордовии, то ее историческая судьба в XX в. складывалась следующим образом. В 1928 г. был образован Мордовский округ, в 1930 г. – Мордовская автономная область, в 1934 г. – Мордов-

[1] Официальный портал Правительства Пензенской области. – URL: http: // www.penza.ru/exhibitions/7_wonder/

ская Автономная Советская Социалистическая Республика. Именно это время, когда советские власти приняли решение о создании Мордовской АССР, и целесообразно, по нашему мнению, считать началом различия в идентификации жителей Республики Мордовия и Пензенской области[1].

На наш взгляд, одним из важнейших социальных факторов формирования региональной идентичности является качество жизни региона.

Отметим, что при определении качества жизни регионального социума можно выделить два вида показателей − объективные и субъективные [6].

Объективные показатели – это природные и социальные (экономические, политические, социокультурные и т.п.) условия жизни регионального сообщества. В этом смысле качество жизни можно свести к следующим интегральным свойствам: благосостояние, условия жизни населения, информированность населения, социальная безопасность, качество окружающей среды и природно-климатические условия, которые составляют среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения региона.

Наиболее общим и популярным индикатором качества жизни и уровня развития социума является индекс человеческого развития (ИЧР), который, в свою очередь, зависит от трех показателей: продолжительности жизни, уровня образования и ВВП на душу населения. Содержательный смысл показателя таков: чем он ближе к единице, тем выше возможности для реализации человеческого потенциала благодаря росту образования, долголетия и дохода. В российских «Докладах о развитии человеческого потенциала» индексы для субъектов РФ рассчитываются с 1997 г. (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития в Российской Федерации, в Пензенской области и в Республике Мордовия на 2013 г.*

Регион	ВВП, ППС	Индекс дохода	Продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся, %	Индекс образования	ИЧР	Место
Российская Федерация	19 674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	**0,843**	
Республика Мордовия	10 895	0,783	69,09	0,735	99,5	0,744	0,911	**0,810**	**49**
Пензенская область	9958	0,768	69,09	0,735	99,6	0,719	0,904	**0,802**	**60**

Примечание. *Источник: Доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2013 год. Программа развития ООН / Центр гуманитарных технологий. – URL: http://gtmarket.ru/news/2013/06/17/6014

По индексу человеческого развития на 2013 г. Республика Мордовия несколько опережает Пензенскую область (соответственно 49-е и 60-е места в рейтинге).

[1] Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. – URL: http:// e-mordovia.ru/combo/view/2

Субъективные показатели качества жизни − это когнитивные и эмоциональные оценки населением региона общей удовлетворенности жизнью и различными сферами жизни региона. Эти оценки проявляются в субъективной удовлетворенности людей собой и своей жизнью в данном регионе.

Показатели качества жизни жителей Республики Мордовия и Пензенской области имеют принципиальные отличия, что подтверждают данные рейтинга качества жизни в регионах РФ, представленного экспертами Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» (соответственно 42-е и 49-е место в рейтинге) (табл. 2). При составлении данного рейтинга были отобраны 64 показателя, которые объединены в 11 групп и характеризуют все основные аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения, жилищные условия населения, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, экологические и климатические условия, личная безопасность, удовлетворенность населения социальными услугами, демографическая ситуация, здоровье населения и уровень образования, транспортная инфраструктура и уровень освоенности территории, уровень экономического развития, развитие предпринимательской инициативы (в таблице представлены только шесть наиболее интересных широкому кругу пользователей показателей).

Таблица 2

Позиции Пензенской области и Республики Мордовия в рейтинге регионов РФ по качеству жизни в 2012 г.*

Место	Регион	Уровень доходов	Жилищные условия	Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры	Удовлетворенность населения	Уровень экономического развития	Безопасность проживания	Рейтинговый балл
42	Республика Мордовия	19,3	67,9	40,8	79,6	27,1	67,3	**40,9**
49	Пензенская область	29,1	58,9	44,7	23,1	28,5	43,3	**39,2**

Примечание. *Источник: Рейтинг российских регионов по качеству жизни. – URL: http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html

Согласно данным рейтинга, Республика Мордовия существенно превосходит Пензенскую область по таким важнейшим показателям качества жизни, как удовлетворенность населения социальными услугами, безопасность проживания, жилищные условия, хотя и уступает Пензенской области по уровню доходов, обеспеченности объектами социальной инфраструктуры и уровню экономического развития.

Вместе с тем важно отметить, что для большинства российских регионов качество жизни выступает приоритетным фактором формирования деятельностной составляющей региональной идентичности, так как создает необходимые условия для самореализации индивидов в социальном, экономи-

ческом, политическом, культурном пространстве регионального социума. Таким образом, на наш взгляд, не просто формируется жизненная стратегия человека, но и задается ее вектор.

В 2010 г. при непосредственном участии авторов данной статьи был проведен экспертный опрос представителей Пензенской области и Республики Мордовия. В качестве экспертов по каждому региону были привлечены представители органов власти (законодательной и исполнительной), бизнеса, институтов гражданского общества, СМИ, научного сообщества – по 20 человек от каждого региона (в совокупности 40 экспертов). Это дает основания считать экспертную группу достаточно представительной и в количественном, и в качественном отношении.

Для проверки гипотезы о влиянии статуса субъекта на характер региональной идентичности эксперты оценили общий уровень социально-экономического развития своих регионов.

Отметим, что эксперты Республики Мордовия фиксируют свое внимание на объективно более высоких показателях региона (например, доступность рабочих мест, инвестиционная привлекательность, индекс человеческого потенциала и др.). Эксперты Пензенской области в своих оценках большее внимание обращают на объективно более низкие показатели региона.

Полученные оценки отражают внешние и внутренние аспекты региональной идентификации. Когнитивная составляющая региональной идентичности – это не только само знание объективных региональных особенностей и параметров, сколько отношение к этому знанию, формируемое в конкретных социально-культурных условиях, которое находит выражение в эмоционально-ценностных установках индивидов в отношении своего региона.

Для исследования особенностей формирования региональной идентичности интерес представляет и ранжирование экспертами оснований регионообразования. Экспертам было предложено оценить значение различных оснований образования региона, расположив их по возрастанию степени важности с первого по десятое место.

Ответы экспертов Республики Мордовия на вопрос «Какие основания можно считать наиболее значимыми в образовании вашего региона в современных границах?» показывают, что наиболее значимыми факторами образования Республики Мордовия являются исторические и географические. Вторыми по значимости оказались национально-этнические и политико-управленческие факторы. На третьем месте по значимости стоят экономические, культурно-духовные основания образования региона.

На аналогичный вопрос экспертами Пензенской области были даны следующие ответы. На первое место по приоритетности ими были поставлены политико-управленческие факторы; на второе место – исторические и географические основания регионообразования, а за ними идут экономические и культурно-духовные. Национально-этнические факторы регионообразования в оценках пензенских экспертов не получили высокой позиции (седьмое место).

Важно отметить, что экспертное мнение объективно отражает факторы образования исследуемых территорий. Различия в идентификации жителей Республики Мордовия и Пензенской области касаются прежде всего национально-этнических и политико-управленческих аспектов образования регио-

нов. Национально-этнический фактор регионообразования в оценках экспертов Республики Мордовия получил высокие позиции (второе место), в отличие от оценок этого фактора экспертами Пензенской области (шестое место).

Полученные данные и проведенный анализ дают основание делать вывод об отражении в региональной идентичности населения политико-правового статуса территории. Жители республики (Республики Мордовия) склонны более положительно воспринимать свой регион, чем жители области (Пензенской области), несмотря на объективно близкие характеристики регионов с точки зрения социально-экономического положения территорий.

Региональная идентичность играет основную роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для социального творчества и решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обеспечивающих его жизнедеятельность институтов. Это определяет значение концепта региональной идентичности для научного осмысления ресурсов общественного развития.

По нашему мнению, необходимыми условиями становления адекватной, устойчивой, внутренне непротиворечивой, позитивной региональной идентичности, условием преодоления негативных последствий «кризиса идентичности» являются воспроизводство и распространение позитивных социокультурных образцов в рамках социокультурного пространства региона; формирование образа будущего, относительно которого люди могли бы выстраивать свои собственные жизненные стратегии; конструирование «общей» идентичности – некоего «совместного знания», консолидирующего региональную общность путем выработки и распространения в рамках регионального пространства императивов, служащих его объединению.

Современное региональное развитие характеризуется повышением межрегиональной конкуренции и соперничества. Борьба ведется за привлечение в регион инвестиционных и высококвалифицированных трудовых ресурсов, политическое влияние, приобретение определенных «преференций» в отношениях с Центром. Участвуют в ней все регионы – как наделенные ресурсами богатые регионы-доноры, так и «депрессивные» регионы. Одним из основополагающих факторов межрегиональной конкуренции становится имидж региона, т.е., с одной стороны, транслируемый региональным сообществом образ региона, а с другой – воспринимаемый другими сообществами образ того же региона. Основным признаком транслируемого образа региона, успешное выделение которого ведет к повышению региональной конкурентоспособности, является имидж преуспевающего региона [7, с. 98].

Формирование такого благополучного имиджа невозможно без позитивной региональной самоидентичности жителей региона. В свою очередь, позитивная региональная самоидентичность, транслируясь по множеству коммуникативных каналов за пределы региона, может иметь синергетический эффект для формирования положительного имиджа региона и, соответственно, повышения конкурентоспособности на межрегиональном рынке инвестиционных, трудовых, политических ресурсов.

Список литературы

1. **Крылов, М. П.** Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М. П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.

2. **Губогло, М. Н.** Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М. : Наука, 2003.
3. **Ноженко, Н. М.** В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки / Н. М. Ноженко, Н. Б. Яргомская. – М. : ИНИОН РАН, 2005.
4. Асимметричная Федерация: взгляд из центра, республик и областей / В. В. Амелин, Р. Г. Ахметов, А. Д. Бравин и др. – 2-е изд. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000.
5. Формирование региональной идентичности в условиях современной России : моногр. / отв. ред. Н. А. Кочеляева. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2012.
6. **Еремина, Е. В.** Качество жизни как фактор формирования региональной идентичности / Е. В. Еремина // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – URL: http://www.teoria-practica.ru/-5-2012/sociology/eremina.pdf
7. **Супиков, В. Н.** Влияние социально-экономического положения регионов России на региональную идентичность населения / В. Н. Супиков, К. Е. Тумакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 3. – С. 89–99.

References

1. Krylov M. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2005, no. 3, pp. 13–23.
2. Guboglo M. N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskie ocherki* [Personality identification: ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003.
3. Nozhenko N. M., Yargomskaya N. B. *Politicheskaya nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoy nauki* [Political science: Isentity as a factor of politics and a subject of political science]. Moscow: INION RAN, 2005.
4. Amelin V. V., Akhmetov R. G., Bravin A. D. et al. *Asimmetrichnaya Federatsiya: vzglyad iz tsentra, respublik i oblastey* [Asymmetric Federation: view from the center, republics and regions]. Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 2000.
5. *Formirovanie regional'noy identichnosti v usloviyakh sovremennoy Rossii: monogr.* [Formation of regional identity in conditions of modern Russia: monograph]. Ed. by N. A. Kochelyaeva. Penza: Privolzhskiy Dom znaniy, 2012.
6. Eremina E. V. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2012, no. 5. Available at: http://www.teoria-practica.ru/-5-2012/sociology/eremina.pdf
7. Supikov V. N., Tumakova K. E. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 3, pp. 89–99.

Супиков Вадим Николаевич
доктор социологических наук,
профессор, кафедра государственного управления и социологии региона,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: v.supikov@mail.ru

Supikov Vadim Nikolaevich
Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Ерёмина Екатерина Витальевна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Eremina Ekaterina Vital'evna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of public administration and regional sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: gmu@pnzgu.ru

УДК 316.47
Супиков, В. Н.

Взаимосвязь статуса субъекта Российской Федерации и характера региональной идентичности / В. Н. Супиков, Е. В. Ерёмина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 111–119.

УДК 613.83

В. Д. Паначев, А. Н. Леготкин

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ МОТИВАЦИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Социологический анализ сложного феномена здорового образа жизни студентов актуален вследствие большого значения для формирования межличностного общения во время занятий, телесной физической культуры, культуры образовательной деятельности, культуры деятельности в сфере спортивных занятий и т.д. В настоящее время здоровье нации выходит на первое место среди всех приоритетных задач развития общества. Цель работы – проанализировать ключевые особенности мотивации здорового образа жизни. *Материалы и методы*. Для реализации цели использовались основные методы социологического исследования: подготовка инструментария, анкетирование респондентов, анализ полученных результатов и их сопоставление с имеющимися данными у других исследователей. В анализе наибольший интерес представляют функции физкультуры и спорта, связанные с оздоровлением, проблемами социализации молодого поколения. *Результаты*. По данным анкетного опроса, проведенного среди студентов (в опросе приняли участие 2800 респондентов), были получены интересные результаты для факторного анализа. Так, на вопрос «Что позволяет сформировать представление о будущей деятельности?» ответы распределились следующим образом (%): учебные занятия в вузе – 1,2; педагогическая практика – 29,0; опыт работы родителей – 23,4; самостоятельная работа – 42,3; информация из других источников (просмотр телепрограмм, чтение газет и др.) – 1,7; опыт работы друзей – 0,4; затрудняюсь ответить – 2,0. По результатам исследования составлены диаграммы и таблицы, сделаны выводы. *Выводы*. Главную ценность физической культуры в развитии личности студенты видят в укреплении здоровья (89 %), в развитии волевых и моральных качеств (62,3 %), во всестороннем развитии способностей личности с раннего возраста. При этом социокультурные условия реализации жизнедеятельности в сфере физкультуры и спорта, благоприятный морально-психологический климат оказывают культурообразующее воздействие на человека, во многом определяют ценностные ориентиры деятельности индивида в других социальных группах, в сферах общественного производства и потребления.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, физическая культура, общество, спорт, студенты, здоровье.

V. D. Panachev, A. N. Legotkin

HEALTHY LIFE STYLE MOTIVATION FORMATION IN STUDENTS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *Background*. The sociological analysis of a complex phenomenon of students' healthy life style is quite topical due to its major importance in forming interpersonal communication during classes, physical culture, educational activity culture, culture of activity in sphere of physical training etc. At the present time the nation's health comes out to the first place among all the priority objectives of social development. The purpose of the work is to analyze the key features of healthy lifestyle motivation. *Materials and methods*. To realize the purpose of the work the authors used the following methods of sociological study: preparation of tools, res-

pondents' poll, analysis of obtained results and comparison thereof with the data by other researchers. The functions of physical culture and sport relating to health recovery and problems of socialization of the young generation are of particular interest. *Results*. Using the data of the poll conducted among students (2800 respondents) the authors obtained interesting results for the factor analysis. Thus, the answers to the question «What allows to form an image of future activity?» were distributed as follows (in %): university classes – 1,2; pedagogical practice – 29,0; parents' work experience – 23,4; independent work – 42,3; information from the other sources (TV, newspapers and others) – 1,7; friends' work experience – 0,4; found difficulty to answer – 2,0. The results of the study were reflected in diagrams and tables, and conclusions were made. *Conclusions*. According to the students' point of view the main value of physical culture in personality development lies in health building (89 %), in development of volitional and moral qualities (62,3 %), in all-round development of personality abilities from early age. At the same time the sociocultural conditions of life activity realization in the sphere of physical culture and sport, the favourable moral and psychological climate have a cultureforming effect on a person, determine value guide lines for individual's activity in other social groups, in spheres of social production and consumption.

Key words: healthy lifestyle, physical culture, society, sport, students, health.

Официальная статистика утверждает, что общая заболеваемость за последние пять лет в Российской Федерации возросла по большинству классов болезней. Основные причины этого, как следует из доклада комиссии Общественной палаты РФ по формированию здорового образа жизни, заключаются в невысоком социально-экономическом положении жизни части населения, росте алкоголизма, слабой пропаганде здорового образа жизни и отсутствии серьезной научной программы по укреплению здоровья.

Из совокупности понятия «здоровый образ жизни», объединяющего все сферы жизнедеятельности личности, социальной группы, нации, наиболее универсальная составляющая – физическая культура и спорт, которые являются гранями общей культуры человека, его здорового образа жизни, во многом определяют поведение человека в учебе, на производстве, в быту, способствуют решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач.

В настоящий момент на территории Пермского края проживает 397,5 тыс. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 26 % от общего числа населения. От нацеленности молодежи на качество услуг для обеспечения здорового образа жизни зависит и качество воспроизводства последующих поколений. Стоит только отметить, что за последний год число молодых людей, страдающих алкоголизмом и токсикоманией, увеличилось на 23 %, каждый третий юноша признан негодным для службы в армии. В связи с этим Комитетом по делам молодежи разработана целевая межведомственная программа «Студенчество Пермского края», важными направлениями которой являются формирование условий для оздоровления и отдыха студентов, развитие спорта. Негативные тенденции в молодежной среде продолжают усугубляться, поэтому просто необходимо предпринимать все усилия для их остановки путем реализации продуманной политики в отношении молодежи.

Студенты – наиболее активная и организованная часть молодежи, которая в значительной степени определяет развивающиеся в молодежной сре-

де тенденции и формирующиеся в этой среде моральные ценности. Молодежи свойственно стремление к занятиям спортом, с одной стороны, в силу своего возраста и сложившегося в обществе отношения к спорту и спортивным достижениям ведущих спортсменов, с другой – в связи с растущим пониманием ценности здоровья для будущей профессиональной деятельности и достижения своих, в хорошем смысле, карьеристских устремлений. Занятия спортом служат не только решению задачи физического совершенствования молодежи, укрепления здоровья, но и воспитывают у нее такие качества, как целеустремленность, умение планировать свое время и с пользой проводить свой досуг, закаляют характер, дают возможность для самореализации, воспитывают стремление вести здоровый образ жизни, способствуют уменьшению распространения в молодежной среде различных негативных явлений.

Прошедшие Олимпийские игры в Ванкувере с особенной остротой подчеркнули огромное отставание в создании комфортных условий для оздоровительных технологий физической культуры и спорта в любом городе Пермского края и Российской Федерации в целом. Пока ни один район не может похвастаться прекрасной учебно-спортивной базой для занятий физической культурой и спортом всех слоев населения края. Это должно быть заложено в перспективных урбанистических планах развития всех территорий Пермского края.

Один из главных целевых ориентиров в подготовке будущего специалиста – его саморазвитие на основе выработки личностного отношения к содержанию образования и культуры, освоению норм и способов мышления и деятельности. Сегодня мы понимаем, что процесс обучения строится не ради чистых знаний или навыков, а ради студента, поскольку он и обучаемый элемент системы, объект разнообразных манипуляций, и прежде всего личность, «для которой характерна не только самодеятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельностей» и своему месту в нем. Такая целевая установка объективно необходима в развитии образования и обусловлена сущностью самой образовательной системы, основная цель которой состоит в саморазвитии личностной индивидуальности. От каждого студента она требует самоопределения, а от вуза – создания ситуации для личностного самоопределения студентов по отношению к учебному процессу. И сегодня нужно реализовать эту цель, а не декларировать ее. С этой точки зрения необходимо отказаться от организации процесса обучения, построенного на усвоении отрывочных предметных знаний, которые не связаны в единую систему и не могут быть использованы в сфере профессиональной деятельности.

По данным анкетного опроса, проведенного среди студентов (в опросе приняли участие 2800 человек), удовлетворены качеством обучения 0,3 %, удовлетворены частично – 22,6 %, не удовлетворены – 76,1 %. На вопрос «Что позволяет сформировать представление о будущей деятельности?» ответы распределились следующим образом: учебные занятия в вузе – 1,2 %; педагогическая практика – 29,0 %; опыт работы родителей – 23,4 %; самостоятельная работа – 42,3 %; информация из других источников (просмотр телепрограмм, чтение газет и др.) – 1,7 %; опыт работы друзей – 0,4 %; затрудняюсь ответить – 2,0 %. Как видим, источники формирования представлений о будущей профессии различны. Но особенно важно, что роль вуза для

студентов сведена к минимуму. Однако при анализе крупного блока анкеты, посвященного выявлению роли различных дисциплин в подготовке к будущей профессии, были получены парадоксальные данные. Они свидетельствуют, что умению самостоятельно осуществлять планирование и организацию профессиональной деятельности способствует изучение предметов естественно-научного цикла, частично – общественно-политического и гуманитарного. В формировании профессионального мышления, умения применять полученные знания на практике роль общественно-политических дисциплин положительно оценили 52,1 % студентов, естественно-научных – 68,2 %, гуманитарных – 38,4 %, специальных – 76,3 %. По остальным позициям данные меняются лишь в процентном соотношении. Казалось бы, вуз выполняет основное свое назначение. Чем же объясняется неудовлетворенность студентов подготовкой к будущей деятельности?

Можно предположить, что материал учебных предметов усвоен студентами в прожективном плане. Так, например, известно, что формирование мышления, повышение общекультурной эрудиции, овладение навыками полемики – в основном задача предметов гуманитарного и общественно-политического циклов. Формирование профессиональных компетенций – задача предметов естественно-научного и специального циклов. Но оказывается, что в представлении студентов эти качества не являются первостепенными для выбранной профессии. Главное, по мнению будущих бакалавров, магистров и специалистов, – владение профессиональным мастерством. И несмотря на то, что каждый понимает его по-своему, рациональное зерно, на наш взгляд, заключается в том, что профессиональное мастерство – индивидуальная деятельность, обучить которой нельзя тотально, едиными для всех способами. А вуз, как известно, сегодня тиражирует только такой тип обучения. Профессиональное мастерство – это не только знания, умения и навыки, но еще и творчество, и проявление индивидуальности, самобытности. Вуз сегодня не имеет готовых средств и методик, целевых ориентиров и установок, чтобы следовать им. А выпускнику в своей жизнедеятельности приходится сталкиваться с ситуациями, действовать в которых в вузе его не обучили. Это требует от высшего образования необходимости обучения студента самостоятельному накоплению знаний, а не только их потреблению, творчеству, а не функционированию. Такой подход делает студента активным участником образовательного процесса.

Творческая личность формируется только в творческой деятельности. Другого пути нет. Таким образом, будущая профессиональная деятельность уже сегодня требует от студента самоопределения по отношению к процессу обучения. И здесь возможны два пути. Студент может самоопределяться как будущий специалист – носитель определенных производственных функций, готовящийся выполнять задания в рамках, установленных служебными предписаниями. Его характеризуют жесткость установок, приверженность к однажды усвоенным стереотипам. В таком случае он – в состоянии компетентного руководителя и оценивается административным аппаратом как хороший работник. Такого студента вполне может устраивать существующий сегодня тип обучения. Некоторые студенты, как показывает исследование, выбирают второй путь – путь профессионала, носителя социокультурных норм и способов осуществления деятельности, способного выходить за ее рамки, чтобы

анализировать контекст, в котором она выполняется, видеть за готовыми формулами проблемы, формировать личное отношение к ним на основе ценностных ориентаций и предлагать способы их разрешения, представляя проблему как комплекс задач, требующих совместного решения со специалистами из других областей знаний. Высокий профессионализм требует многогранной, разносторонней подготовки с личной включенностью в нее. Достичь этого можно посредством деятельностного содержания образования, которое подразумевает осмысление студентом ситуации и рефлексию своей деятельности на основе ценностных ориентаций.

Личностное саморазвитие каждого студента относительно процесса обучения является механизмом становления личности. Оно предполагает использование познания, способного переходить в осмысленное и культурно реализуемое практическое действие. В этом направлении в становлении и развитии высшей школы еще очень большое поле деятельности в смысле саморазвития личности студента.

Физическая культура представлена в вузах как учебная дисциплина и важнейший базовый компонент формирования общей культуры молодежи. Она способствует гармонизации телесно-духовного единства, обеспечивает формирование таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство студенческой молодежи. Понимание физической культуры личности студента как ценности может стать действенным фактором формирования резервов различных видов физической культуры, прогрессивных тенденций в развитии общественного мнения и потребностей в освоении ценностей физической культуры как вида культуры будущего специалиста.

В социологическом исследовании здорового образа жизни, проведенном авторами, 70,7 % студентов хотят улучшить состояние своего здоровья именно с помощью физической культуры и спорта. В последние годы значительно вырос объем, улучшились содержание и качество научных работ, посвященных исследованию эффективности внедрения нетрадиционных форм, средств и методов физкультурной деятельности студенческой молодежи. При этом значительный интерес представляют работы, в которых положено начало новым подходам к изучению физической культуры в аспектах теории культуры, оригинальным решениям в разработке новой концепции теории физической культуры и ее реализациии в условиях гуманитаризации вузовского образования. Оценивая положительный вклад специалистов в разработку проблемы физкультурной деятельности студентов, необходимо отметить, что теоретические аспекты различных видов физической культуры, обоснование целенаправленного использования ее нетрадиционных форм, средств и методов еще не нашли практического внедрения. Особого разговора заслуживают вопросы реформирования управленческой деятельности в социальном институте спорта. Остаются нерешенными и другие важные аспекты нравственного, духовного и физического оздоровления студенческой молодежи. Настало время теоретически обосновать виды, формы, средства и методы физкультурной деятельности молодежи, определить их специфику, объяснить сущность их различий и взаимосвязей, обосновать пути внедрения. Актуальна проблема формирования мотивов и потребностей студентов в неспециальном физкультурном образовании, спортивной деятельности, физиче-

ской рекреации и реабилитации. Главными критериями при разработке различных видов физической культуры в вузах следует считать как объективную (требования общества), так и субъективную составляющие (личное желание потребности в различных видах физкультурной деятельности). Для каждого из видов физической культуры необходимо разработать свою теорию, организацию, задачи, формы, средства и методы, связи с другими ее видами. Такой подход направлен непосредственно на удовлетворение потребности, мотивов и личностных ориентаций в физкультурной деятельности каждого молодого человека и в значительной степени повысит престиж физической культуры в системе гуманитаризации вузовского образования.

Основная форма функционирования физической культуры в вузах – неспециальное физкультурное образование. Как и образование в целом, оно является общей и вечной категорией социальной жизни личности и общества в целом. На необходимость усиления образовательной направленности физкультурной деятельности и обеспечения грамотности студенческой молодежи вузов нефизкультурного профиля указывается в ряде научных работ [1–6].

Повышение образовательной направленности физкультурной деятельности молодежи означает процесс не только их телесного развития, но и, главное, духовного обогащения их знаниями, которые способствуют осознанному, творческому отношению к задачам, средствам, методам и формам физкультурной деятельности, формированию отношения к физической культуре как ценности.

Основными целями неспециального физкультурного образования студенческой молодежи следует считать: 1) достижение целостности знания о человеке, его культуре как системе норм, ценностей, ориентированных на развитие личностных качеств каждого молодого человека; 2) создание гуманитарных основ (нравственно-этических, культурно-эстетических) формирования интеллигентности студента в единстве с его физкультурной деятельностью; 3) воспитание у студентов потребности и способности руководствоваться в своей жизнедеятельности гуманистическими мотивами и целями физкультурной деятельности, умения прогнозировать и самокритично оценивать результаты телесного и духовного развития; 4) ориентация студентов на самообразование, саморазвитие, саморегуляцию и самоконтроль в области физкультурной деятельности, непрерывное духовное и физическое развитие как важный фактор во всех сферах их жизнедеятельности; 5) олимпийское самообразование и самовоспитание.

Спортивная деятельность является логическим завершением неспециального физкультурного образования, так как оно создает только начальную базу для всестороннего развития физических качеств и двигательных навыков, формирует предпосылки для их многообразного саморазвития. Необходимость в занятиях спортом определяется потребностями общества иметь специфические средства воспитания психофизических способностей молодого человека, будущего специалиста.

Деятельность в сфере спорта позволяет расширить круг общения молодежи, дает возможность сопереживания, эстетического и эмоционального восприятия, решения научных, педагогических, социальных и других задач в нестандартных ситуациях. Это особенно важно в условиях перехода на многоуровневую систему образования, когда студенты вовлечены в стреми-

тельный ритм современной жизни, что иногда неблагоприятно сказывается на их психофизических качествах. В процессе спортивной деятельности создаются реальные условия для саморазвития, самосовершенствования, обеспечиваются условия для адекватного самопознания личностью студента значимых и социально приемлемых способов самореализации и самоутверждения средствами избранных видов спорта. Это дает молодому человеку возможность испытать радость и наслаждение от роста спортивных результатов, осуществления намеченных в плане самосовершенствования целей. В конечном счете спорт как социальный институт, по данным авторского социологического исследования, дает студентам полноценное развитие личности во время плодотворной учебы в вузе и подготовке к предстоящей профессиональной деятельности. И главным итогом спортивных увлечений и активных занятий спортом в вузе становится активная модель саморазвития молодого поколения будущих бакалавров, магистров и специалистов.

При социологическом анализе определенных предметов и объектов исследователь вынужден редуцировать многосложный феномен «культура» по ряду составляющих явлений культуры, которые можно зафиксировать, измерить и эмпирически сопоставить. По отношению, например, к изучению жизнедеятельности в сфере физкультуры и спорта (ФКиС) культура индивида, социальной группы может быть редуцирована как культура бытовой деятельности, культура межличностного общения, культура питания и гигиены, телесная физическая культура, культура образовательной деятельности, культура деятельности в сфере спортивных занятий и т.д. Следует подчеркнуть, что функции ФКиС как социального института обусловлены исторически, являются во многом детерминантой социально-экономических условий бытия и трансформируются как по набору, так и по их иерархичности. По мере цивилизованного развития общества в формировании института ФКиС все более актуализируются функции, связанные с общением, эмоциональными отношениями соревнующихся, учащихся и преподавателей, спортсменов и тренеров, обеспечением информацией и самозащитой. В авторском исследовании наибольший интерес представляют функции ФКиС, связанные с оздоровлением населения, материально-экономическим жизнеобеспечением сферы ФКиС, проблемами социализации молодого поколения, развитием демократических основ общественных отношений.

При анализе стабилизирующих и деструктивных факторов жизнедеятельности населения в сфере ФКиС необходимо выделить наиболее существенные принципы образования социальных общностей (групп) в этой сфере социальных контактов людей, ее сущностные признаки. Нарушение, деформация этих принципов и признаков является основой деструктивных процессов в повседневной жизнедеятельности и в конечном итоге – в общем развитии массовой физкультуры и спорта.

Во-первых, основной духовной силой, интегрирующей отдельных индивидов в общий семейный союз, является чувство обязательности и необходимости занятий ФКиС для удовлетворения целого ряда важнейших потребностей индивида, его референтной группы и общества в целом. Такая обязательность и необходимость детерминируют возникновение между ними взаимной моральной ответственности.

Во-вторых, главные социальные функции сферы ФКиС – воспроизводство жизненно важных качеств населения и первичная социализация нового

поколения – предопределяют присутствие во взаимоотношениях субъектов такой деятельности не только фактора материальной и моральной заботы друг о друге, но и создание, сохранение и передачу специфических духовных ценностей этой сферы, таких как любовь к занятиям ФКиС, стремление к достижению более высоких показателей, формирование выдержки, трудолюбия, упорства терпения в достижении социально значимой цели, взаимная солидарность участников в группе, уважение соперника.

В-третьих, члены групп в сфере ФКиС во многом связаны, особенно спортивные команды, общностью бытовой деятельности, идентичностью экипировки и символикой, характером жизнедеятельности во время занятий ФКиС (например, в период сборов), сравнительно близкой идентичностью удовлетворения большинства хозяйственно-бытовых нужд, определенным кругом общих предметов обихода и т.д. Это, в свою очередь, является существенным фактором, влияющим на формирование у молодых людей в какой-то степени одинаковых потребностей, стандартов, критериев, ценностных ориентаций, ибо «сознание... есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами» [2].

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения обусловили не только актуальность вопросов устойчивого и безопасного развития государства. В число наиболее острых социальных проблем входит проблема обеспечения стабильности и безопасности формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые для современного этапа развития цивилизованного человеческого сообщества черты работника, гражданина, семьянина. В конечном счете культура появляется там, где люди пытаются договориться между собой о приемлемых правилах общежития, той или иной деятельности, общих мировоззренческих и нравственных взглядах и суждениях, моральных и эстетических оценках, о системе ценностей и т.п. Таким образом, культура в обязательном порядке является продуктом социальной коммуникации, информационных связей между людьми, общего языка и взаимопонимания. Человек, живущий на необитаемом острове, не может создать культуру этого острова, поскольку ему не с кем коммуницировать, находить общий язык, договариваться о «правилах игры» сосуществования на этом острове. Всякая культура начинается с выработки основ разговорного языка, правил взаимного уважения (или неуважения: упорядоченный антагонизм является точно такой же культурой, как и упорядоченная комплиментарность).

Важнейшим мотиватором группового существования становится решение задач поддержания и воспроизводства их общности как социокультурного феномена, носителя свойственных только данной группе культурных особенностей сознания и поведения. Но поскольку эти культурные особенности не «падают с неба» и не являются биологически запрограммированными, а постепенно формируются в процессе длительного накопления опыта совместного проживания (адаптации к ландшафту и внешнему социальному окружению, внутренней самоорганизации сообщества, познания мира, селекции

этого опыта, кумуляции отдельных его черт в ценностных формах и принципах, фиксации и интерпретации в «культурных текстах» и т.п., а главное – в результате действия очень сложного механизма его передачи следующим поколениям), то становится очевидным, что «основа основ» устойчивого коллективного существования – социальная солидарность – является продуктом социального опыта истории данного общества, выраженным в формах его культуры:

1. Историческая обусловленность и преемственность социальных процессов, ибо «…если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего» [1].

2. Взаимосвязь и взаимообусловленность экономических и социокультурных процессов.

3. Природно-климатическая и территориально-поселенческая обусловленность развития физической культуры и спортивных занятий населения. Речь идет в первую очередь о существенной дифференциации условий, складывающихся в различных природно-климатических зонах, обеспечивающих природные условия для занятий населения физической культурой, тем или иным видом спортивной деятельности (наличие природного льда, снега, теплых водных акваторий, лесных и гористых территорий).

Развитие института ФКиС во многом детерминировано материально-экономическими условиями городских и сельских поселений (в одном и том же регионе) при создании и функционировании материально-технической базы для массовых занятий физической культурой. Нельзя недоучитывать и существенные различия городских и сельских жителей, разную степень их предрасположенности к занятиям ФКиС, которые, по определению Т. И. Заславской, заключаются, «во-первых, в социально-экономическом положении городского и сельского населения; во-вторых, в образе жизни этих групп населения; в-третьих, в характерном для них уровне развития личности [3]. Значительные территориально-поселенческие различия в регионе мы находим в разных городах и поселениях городского типа (например, рабочие поселки, малые, средние, крупные города). Эти различия обусловлены не только величиной городов, но и их географическим местоположением, особенностями развития производственной и социальной инфраструктуры, состава населения и т.д.

4. Взаимосвязь количественных и качественных параметров процессов воспроизводства общественной жизни, включая социальный институт ФКиС. Здесь проявляется один из основных законов материалистической диалектики, согласно которому изменение качества объекта происходит тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенного предела. Применительно к развитию процессов в сфере ФКиС проявление этого закона не столь прямолинейно и однозначно. Количественные и качественные параметры, характеризующие повседневную (ретро- и прогностическую) жизнедеятельность населения, причудливо переплетаются во взаимодействии посредством удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, обусловленных их ценностными ориентациями.

5. Диалектическое взаимодействие социального и асоциального в поведении субъекта ФКиС. Удовлетворение комплекса материальных и духовных

потребностей предполагает причастность индивидов, социальных групп к целому спектру различных видов жизнедеятельности, большинство из которых выступает не только в качестве утилитарного средства достижения той или иной цели, но и является самоценностью для личности (группы). Отсюда эффект «незаменимости» для личности того или иного вида деятельности другим видом. Здесь мы можем найти объяснение в причастности индивидов, с одной стороны, к самосохранительным видам жизнедеятельности и, с другой, – саморазрушительным, которые, по исследованиям В. М. Димова, характеризуются нежеланием считаться с нормами здорового образа жизни, питания, режима работы и отдыха, оздоровительными рекомендациями валеологии, предписаниями медицины, санитарии и гигиены [2]. Понятие «культурный уровень» можно представить как сравнительную характеристику культуры разных социальных субъектов, процессов или культурных изменений одного или нескольких социальных субъектов во времени. «Сравниваться по культурному уровню без предварительных условий могут только однотипные субъекты культуры, социальные группы или социальные процессы. Культурный уровень можно представить как отношение культуры одного социального субъекта к культуре другого субъекта или других субъектов или к своему собственному состоянию культуры в прошлом, или ожидаемому в будущем. Критерии культурного уровня представляют, по сути, ценностный вектор шкалы, по которой ранжируются показатели культуры.

Таким образом, ФКиС можно представить как обусловленные общественными отношениями способ и меру реализации во всех сторонах ее деятельности сущностных сил и творческих способностей как отдельных индивидов, так и социальных групп. При этом социокультурные условия реализации жизнедеятельности в сфере ФКиС, «благоприятный морально-психологический климат оказывают культуроформирующее воздействие на человека, во многом определяют ценностные ориентиры деятельности индивида в других социальных группах, в сферах общественного производства и потребления». В Концепции «Сбережение населения Пермского края на период до 2015 года» [4], например, в качестве одного из важных компонентов, призванных обеспечивать желаемый формат общественного воспроизводственного процесса, необходимо выделить рациональное цивилизованное потребление, обеспечивающее в перспективе создание российского стандарта благосостояния, «при котором нормативы потребления должны соответствовать достойному уровню жизни для основной массы российских граждан. Стандарт благосостояния основан не на минимальной потребительской корзине на грани физического выживания, а учитывает качественное жилье, высокую обеспеченность товарами длительного пользования, доступность качественных услуг здравоохранения, образования, досуга, занятия спортом, достойную заработную плату и пенсию и др.».

Важная роль в социологическом исследовании принадлежит оценке значимости влияния объективных различных и субъективных факторов на уровень физкультурно-спортивной активности.

Данные табл. 1 характеризуют отношение молодых людей к физкультуре: 81,5 % опрошенных студентов относятся к физкультуре положительно; лишь 1,2 % – отрицательно; безразличное отношение – у 7,4 % студентов; затруднились ответить 9,9 %.

Таблица 1

Отношение к физической культуре в группах студентов (в процентах)

Отношение к физической культуре	**Студенты**		**Все**
	Юноши	**Девушки**	
Положительное	79	84	81,5
Отрицательное	0,7	1,7	1,2
Безразличное	8,8	6	7,4
Не задумывался над этим	11,5	8,3	9,9

Главную ценность физической культуры в развитии личности студенты видят в укреплении здоровья (89 %), в развитии волевых и моральных качеств (62,3 %), во всестороннем развитии способностей личностей с раннего возраста (40 %) (табл. 2).

Таблица 2

Оценка ценности физической культуры в развитии личности в группах студентов (в процентах)

Ценности физической культуры в развитии личности	**Студенты**		**Все**
	Юноши	**Девушки**	
Всесторонне развивает способности личности с раннего возраста	48,7	31,4	40
Обеспечивает широкие материальные перспективы жизни	12	4,7	8,3
Готовит к достижению высоких результатов	23,3	17,4	20,3
Развивает высокие волевые и моральные качества	64,7	60	62,3
Утверждает авторитет, чувство личного достоинства и долга	38,7	20,2	29,4
Готовит к будущей профессиональной деятельности	17,3	4,2	10,7
Укрепляет здоровье	86	92	89
Можно стать известным специалистом спорта	16	10,5	13,2
По моему мнению…	2,5	0,6	1,5

Список литературы

1. **Анисимов, С. А.** Развитие культуры производства и потребления: социологический анализ : автореф. дис. … д-ра социол. наук / Анисимов С. А. – М., 1991.
2. **Димов, В. М.** Здоровье как социальная проблема самосохранения человека, безопасности этноса, выживания человеческого рода / В. М. Димов // Философия и социология здоровья. – Алматы, 1998.
3. **Заславская, Т. И.** Преодоление социальных различий между городом и деревней как объект междисциплинарного исследования / Т. И. Заславская // Социальная география СССР. – Л. : Изд-во ГО СССР, 1984.
4. Концепция «Сбережение населения Пермского края на период до 2015 года». Принята 6 июля 2009 г. № 393-09.
5. **Паначев, В. Д.** Спорт в системе физической культуры общества: институциональный подход : автореф. дис. … д-ра социол. наук / Паначев В. Д. – Пермь, 2008.
6. **Флиер, А. Я.** Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1.

References

1. Anisimov S. A. *Razvitie kul'tury proizvodstva i potrebleniya: sotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. d-ra sotsiol. nauk* [Development of production and consumption culture: sociological analysis: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of sociological sciences]. Moscow, 1991.
2. Dimov V. M. *Filosofiya i sotsiologiya zdorov'ya* [Philosophy and sociology of health]. Almaty, 1998.
3. Zaslavskaya T. I. *Sotsial'naya geografiya SSSR* [Social geography of USSR]. Leningrad: Izd-vo GO SSSR, 1984.
4. *Kontseptsiya «Sberezhenie naseleniya Permskogo kraya na period do 2015 goda»* [Conception "Population preservation in Perm region in the period up to 2015"]. 6 July 2009, no. 393-09.
5. Panachev V. D. *Sport v sisteme fizicheskoy kul'tury obshchestva: institutsional'nyy podkhod: avtoref. dis. d-ra sotsiol. nauk* [Sport in the system of society's physical culture: institutional approach: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of sociological sciences]. Perm, 2008.
6. Flier A. Ya. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times]. 2002, no. 1.

Паначев Валерий Дмитриевич
академик Международной академии наук педагогического образования, Российской академии естествознания, мастер спорта, председатель президиума Олимпийской академии Прикамья, доктор социологических наук, заведующий кафедрой физической культуры, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29)

E-mail: panachev@pstu.ru

Panachev Valeriy Dmitrievich
Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, the Russian Academy of Natural Sciences, master of sport, chairman of the presidium of the Prikamye Olympic Academy, doctor of sociological sciences, head of sub-department of physical training, Perm National Research Polytechnic University
(29 Komsomolsky avenue, Perm, Russia)

Леготкин Александр Николаевич
мастер спорта, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физической культуры, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29)

E-mail: panachev@pstu.ru

Legotkin Aleksandr Nikolaevich
Master of sport, candidate of pedagogical sciences, associate professor, sub-department of physical training, Perm National Research Polytechnic University
(29 Komsomolsky avenue, Perm, Russia)

УДК 613.83
Паначев, В. Д.

Формирование у студентов мотивации здорового образа жизни: социологический анализ / В. Д. Паначев, А. Н. Леготкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 120–131.

УДК 316.443

Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ УРОВНЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Трансформация социальной структуры современного российского общества обусловливает необходимость изучения основных подходов к измерению уровня бедности. Цель статьи заключается в определении теоретических и методологических основ измерения уровня бедности низших страт населения. *Материалы и методы*. Реализация поставленных задач была достигнута на основе использования базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны и исследований общественного мнения по проблеме уровня жизни в России, проведенным Аналитическим центром Юрия Левады в 2010 и 2012 гг. Отдельное внимание уделяется абсолютному, относительному и субъективному подходам как методам количественного анализа уровня жизни бедных слоев населения. *Результаты*. Проанализированы основные подходы к определению и измерению уровня бедности в современной России. На основании вторичного анализа социологических исследований представлена динамика численности бедных, выделенных в соответствии с различными подходами. *Выводы*. Анализ основных подходов измерения уровня бедности в современной России не позволяет получить однозначных результатов. Поэтому для более точного результата следует применять комбинированную методику исследования бедности, основанную на сочетании трех подходов: абсолютного, относительного и субъективного.

Ключевые слова: бедность, уровень жизни, прожиточный минимум, абсолютная бедность, относительная бедность, субъективная бедность, депривация.

G. B. Kosharnaya, L. F. Karimova

BASIC APPROACHES TO MEASURING THE LEVEL OF POVERTY IN MODERN RUSSIA

Abstract. *Background*.Transformation of the social structure of the modern Russian society causes the necessity of studying basic approaches to measuring the level of poverty. The article is aimed at determination of theoretical and methodological basis of measuring the level of poverty of the lower stratum of population. *Materials and methods*. Realization of the set objectives was achieved through using tha database of the Russian monitoring of economic condition and country's population health and through researching public opinion on the level of life in Russia carried out by the Analytical center of Yury Levada in 2010 and 2012. Special attention is paid to the absolute, relative and subjective approaches as the methods of quantitative analysis of the level of life of the lower stratum of population. *Results*. The researchers analyzed the basic approaches to determination and measuring of the level of poverty in modern Russia. On the basis of the secondary analysis of sociological researches the authors introduce the dynamics of numbers of the poor revealed via various approaches. *Conclusions*. The analysis of the basic approaches to measuring the level of poverty in modern Russia gives no univocal results. Therefore, in order to obtain more precise results it is necessary to apply a combined method of researching poverty based on combination of three approaches: absolute, relative and subjective.

Key words: poverty, level of life, living wage, absolute poverty, relative poverty, subjective poverty, deprivation.

В результате кризиса 2008 г. в России изменилась модель социальной структуры современного общества. Значительная часть населения не смогла реализовать себя в жизни. Статусные позиции российского общества сместились вниз.

В отечественной науке современное российское общество делится на среднеобеспеченные, малообеспеченные и низшие слои населения. Низший слой объединяет бедных и нищих. Учитывая особенности образа жизни малообеспеченных, следует отметить, что в современной России существуют три многочисленных группы бедных: малообеспеченные, бедные и нищие, различающиеся различной глубиной бедности. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения основных подходов измерения уровня бедности, которые предполагают получение неоднозначных результатов. Иногда данное расхождение может быть очень существенным и выражаться в десятках процентов. Так, например, по разным оценкам, в состоянии бедности в современной России проживает от 30 до 60 % россиян [1, с. 13; 2, с. 177].

На разных этапах развития общества и науки существовали различные подходы к определению понятия «бедность» и неоднозначное отношение к этому явлению.

В научной литературе под бедностью обычно понимают состояние, при котором домохозяйство по тем или иным причинам не может удовлетворить основные или базовые потребности, испытывая недостаток материальных ресурсов для ведения образа жизни, который в данном обществе является характерным [3, с. 47].

В отношении к личности бедность можно охарактеризовать как материальное положение индивидуума, при котором он не в состоянии удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Следует отметить, что бедность является относительным понятием и зависит от общего стандарта уровня жизни в данном обществе.

Уровень жизни характеризует материальное состояние определенного слоя населения. С этой точки зрения выделяется три категории:

1) достаток, который обеспечивает всестороннее развитие человека, нормальное восстановление физических и интеллектуальных возможностей;

2) бедность, характеризующая то количество потребляемых благ, которое сохраняет работоспособность человека как низшую границу его рабочей силы;

3) нищета, определяющая тот минимальный набор благ и услуг, который позволяет поддержать лишь биологические способности человека [4, с. 78].

В науке и на практике выделяют три основных подхода к определению бедности:

– абсолютный (к бедным относят домохозяйства и отдельно проживающих граждан, имеющих доход ниже определенного абсолютного минимума);

– относительный (в категорию бедных включают домохозяйства и отдельно проживающих граждан с доходом явно меньше, чем у основной массы населения);

– субъективный (учитывают мнение граждан, считающих, что они не располагают достаточными средствами для обеспечения достойной по меркам данного общества жизни) [5, с. 36].

В конце XIX – начале XX в. абсолютный подход получил развитие в трудах английских социологов С. Раунтри и Ч. Бута. Они одни из первых занялись количественными расчетами уровня бедности. В качестве инструмента выявления бедных в 1890-х гг. С. Раунтри и Ч. Бут ввели понятие «порог (линия, черта) бедности». Порог бедности – это нормативно устанавливаемый уровень дохода, необходимый для приобретения только жизненно необходимых продуктов питания, одежды и жилья [2, с. 252]. Он представляет собой величину дохода, равного прожиточному минимуму – стоимости минимального набора материальных благ, необходимого индивидууму для поддержания жизнедеятельности. Семьи, которые не имеют соответствующего дохода, считаются бедными [6, с. 173].

Абсолютная бедность представляет собой такое материальное положение индивидуума или семьи, уровень доходов которых ниже границы бедности, установленной с учетом стоимости минимальной потребительской корзины, соответствующей минимальному стандарту проживания в конкретной стране [7, с. 89].

Уровень бедности и численность бедных зависят от границы бедности, официально устанавливаемой государством. Следует отметить, что официально зарегистрированная часть бедного населения не показывает реальный процент бедности, так как не учитывает тех лиц, которые не пожелали или не смогли доказать своего низкого материального положения. Для определения реального уровня бедности следует использовать статистические данные, полученные в ходе исследования бюджетов домашних хозяйств, которые содержат сведения о доходах, расходах, потреблении и имуществе, характеристиках членов домохозяйства (пол, возраст, занятость). Эти сведения позволяют рассчитывать границу бедности по конкретной семье и сравнивать ее с фактическими доходами, расходами, потреблением или же определять размеры бедности исходя из социально-психологических оценок респондентами собственного материального положения.

Во второй половине XX в. в качестве альтернативы абсолютному подходу к определению бедности английский социолог П. Таунсенд начал активно разрабатывать относительный подход. Он рассматривал относительную бедность как материальное положение индивидуумов или семей, уровень доходов которых ниже порога бедности, соответствующего фиксированной доле среднего дохода. Относительная бедность определялась путем сравнения с общепринятым, считающимся «нормальным» в данном обществе уровнем жизни [8, с. 27].

Применение относительной черты отменяет необходимость расчета прожиточного минимума. Данный подход предполагает не столько недостаточность средств для удовлетворения жизненно необходимых потребностей, сколько то, что материальных средств у данного индивидуума меньше, чем у его соседа.

Под относительной бедностью в социологии понимается состояние, при котором индивидуум или семья получают доход ниже среднего – вне зависимости от того, имеются ли у них достаточные средства для обеспечения базовых потребностей. Исходя из этого подхода, бедность рассматривается как состояние, при котором нет возможности придерживаться «образа потребления», сложившегося в социальной среде, установившихся стандартов

жизни общества. Граница бедности, сформированная на основании относительной концепции, показывает, насколько индивидуум или семья бедны относительно выработанного стандарта жизни или тех групп общества, которые обладают определенным достатком.

Согласно абсолютному подходу бедность можно преодолеть при проведении соответствующей государственной политики. Относительный подход характеризует бедность как неустранимое социальное явление, которое будет существовать всегда, так как объектом измерения является население с доходами ниже среднего уровня. Специалист по исследованию уровня бедности Л. Н. Овчарова отмечает: «Как социально-экономическое явление бедность формируется вследствие объективно существующего неравенства в доступе к материальным и нематериальным благам. Это означает, что, во-первых, бедность будет существовать всегда, меняются только формы ее проявления; во-вторых, она относительна во времени и в пространстве» [9, с. 30].

В рамках относительного подхода бедности П. Таунсендом была выдвинута концепция относительной депривации (от англ. *deprivation* – потеря, лишение). Социолог считает, что люди относительно депривированы, если они не могут обеспечить себе подходящие условия жизни вообще или в значительной степени (питание, условия для отдыха, стандарты и услуги), которые позволили бы им играть определенную роль, участвовать во взаимодействиях, вести себя привычным образом. Если людям не хватает средств для доступа к ресурсам или если в таких средствах им отказывают и таким образом не дают возможности быть полноценными гражданами общества, можно сказать, что они живут в бедности.

Депривацию можно охарактеризовать как социальный процесс потери или лишения возможностей по удовлетворению жизненно необходимых потребностей индивидуума. В рамках социального анализа депривация определяется как неравенство доступа к социальным благам.

Список лишений, касающихся различных сторон жизни индивидуума, был определен П. Таунсендом экспертным путем. Наличие определенных лишений из экспертного списка означает, что у семьи имеется недостаток ресурсного потенциала для полноценной жизни в обществе, к которому она принадлежит. Существенным недостатком данного подхода являлось то, что собственное мнение эксперта, составляющего список лишений, субъективно, и возможно искажение реальной картины бедности. Для решения этой проблемы в рамках депривационной концепции Дж. Мэк и С. Лэнслей в середине 1980-х гг. предложили для составления списка лишений в качестве экспертов выбирать самих опрашиваемых.

Для измерения депривации статистические службы используют метод лишений, основанный на сопоставлении материального положения конкретного индивидуума или семьи с определенными стандартами. Эти стандарты определяются ситуацией, обусловленной временем и территориальными особенностями, и поэтому являются относительными критериями. При этом исследуется доступность питания, наличие одежды, доступность услуг системы образования и здравоохранения, качество жилищных условий, безопасность жизни и имущества, занятость и условия труда, обеспеченность средствами коммуникации и др. Те, кто не располагает такими возможностями, считаются бедными.

В рамках депривационной версии относительного подхода специалисты Института социологии РАН Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, И. П. Попова разработали специальный индекс уровня жизни, на основе которого была построена модель вертикальной стратификации российского общества. Этот инструмент дает наиболее полное представление об уровне жизни индивидуума, показывая не только имеющиеся у него ресурсы, но и испытываемые им лишения. Социологи считают, что дифференциация населения «проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет» [10, с. 122]. Для построения индекса использовалось 46 индикаторов, которые были распределены по следующим группам: субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; имущественная обеспеченность; наличие недвижимой собственности; качество жилищных условий; наличие сбережений и инвестиционных ресурсов; возможность пользоваться платными социальными услугами; досуговые возможности.

В свое время П. Таунсенд отмечал, что значительная часть населения, испытывающая лишения, имеет доход, равный 40–60 % от медианного дохода по стране. Медианная версия относительного подхода обычно рассчитывается путем сравнения показателя среднедушевых доходов населения с 40, 50 или 60 % его медианы. Данный подход делит население на две равные части. Одна половина имеет доход в размере больше медианного, а другая – меньше.

В соответствии с базой данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны в табл. 1 представлена динамика численности бедности в соответствии с абсолютным и относительным (депривационная и медианная версии) подходами.

Таблица 1

Динамика численности бедности
в соответствии с различными подходами [11]

Подходы	Годы								
	1998	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Абсолютный подход	59,1	51,7	43,4	40,3	42,1	36,7	35,2	33,1	26,5
Относительный подход (медианная версия)	34,6	25,8	25,8	24,5	22,9	23,5	23,7	22,6	21,8
Относительный подход (депривационная версия)	32,8	27,7	18,4	17,4	14,8	13,4	12,1	9,9	8,4

Как видно из данной таблицы, за период с 1998 по 2008 г. численность бедных в России постепенно уменьшалась и сократилась более чем в два раза. Однако и в 2008 г. каждый четвертый россиянин находился в состоянии бедности в соответствии с абсолютным подходом, каждый десятый – согласно депривационной версии относительного подхода, и практически каждый пятый – в соответствии с относительным подходом медианной версии.

Субъективный подход основан на исследовании общественного мнения населения об уровне низких или недостаточных доходов. Субъективная бедность характеризует материальное положение индивидуума или семьи по их собственным оценкам. Данный подход предусматривает, что люди сами указывают уровень дохода, который позволил бы им вести приемлемый уровень

жизни. Для определения субъективной бедности используются следующие методы:

1. Метод самозачисления. Основан на мнении самих членов общества относительно того, к какому социальному слою они относятся. Согласно этому методу масштабом бедности является процент населения, относящего себя к бедному слою.

2. Метод репутации. При этом методе опрашивается население, чтобы выяснить, кого они считают бедными. Опрашиваемым предлагается выбрать наименее обеспеченных из перечня социально-профессиональных групп или ранжировать их по уровню доходности.

3. Метод субъективного определения норматива. Минимально необходимый для обеспечения приемлемого уровня жизни размер дохода определяется исходя из субъективных мнений людей. Вопрос такого типа может задаваться как по отношению к собственной семье респондента, так и по отношению к представительной семье, состоящей из двух взрослых и двух детей. Черта бедности, отмеченная большинством опрошенных, определяет масштаб бедности [6, с. 173].

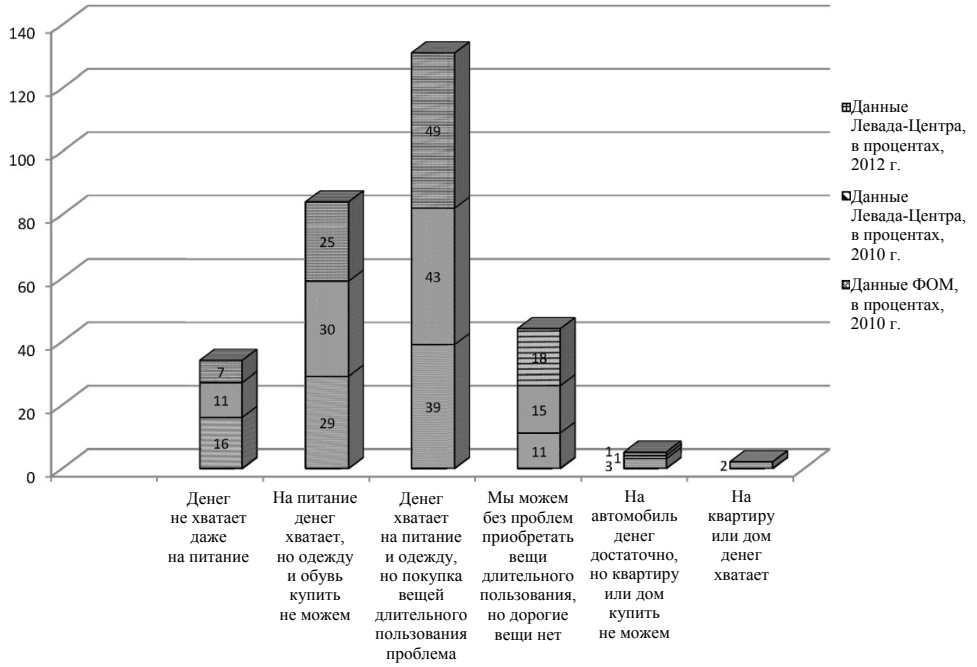

Рис. 1. Уровень жизни россиян в опросах общественного мнения

Как видно из рис. 1, в результате исследований общественного мнения по проблеме уровня жизни в России, проведенных аналитическим центром Юрия Левады в 2010 и 2012 гг., было выделено несколько слоев российского общества, различающихся по самооценке материального положения. За период с 2010 по 2012 г. произошло небольшое сокращение доли граждан первого и второго слоя, которые относятся к нищим и бедным. Кроме того, увеличилось число малообеспеченных (третий слой) и среднеобеспеченных (четвертый слой). Следует отметить высокий суммарный процент первых трех нуж-

дающихся слоев населения (84 и 81 %), который характеризует современное российское общество массовой малообеспеченностью.

Таким образом, необходимо отметить, что применение на практике рассмотренных выше подходов измерения уровня бедности не дает однозначных результатов. Для более достоверных результатов следует применять комбинированную методику исследования бедности, основанную на сочетании трех подходов бедности: абсолютного, относительного и субъективного. В соответствии с данной методикой бедными будут считаться семьи, соответствующие одновременно трем подходам. Это семьи, имеющие доходы ниже прожиточного минимума, испытывающие лишения в сфере потребления и ощущающие себя бедными.

Список литературы

1. **Горшков, М. К.** Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя : Аналитический доклад / М. К. Горшков. – М. : РАН, Ин-т социологии, 2013.
2. **Лапин, Н. И.** Непосредственные причины бедности в Йорке / Н. И. Лапин // Эмпирическая социология в Западной Европе. – М. : ГУ ВШЭ, 2004.
3. **Джери, Д.** Большой толковый социологический словарь : пер. с англ. / Д. Джери, Дж. Джери. – М. : Вече, АСТ, 2001. – Т. 1.
4. **Фахрутдинова, Е. В.** Бедность в структуре показателей качества жизни населения / Е. В. Фахрутдинова, Л. М. Хуснутдинова // Экономические науки. – 2011. – № 12.
5. **Римашевская, Н. М.** Бедность и маргинализация населения / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4.
6. **Сазанов, И. С.** Уровень бедности в России: национальные и международные критерии / И. С. Сазанов // Исторические, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12 (26). – Ч. 2.
7. **Щанина, Е. В.** Основные факторы трудовой активности пожилых людей / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25).
8. **Townsend, P.** The international analysis of poverty / P. Townsend. – New York : Harvester Wheatsceaf, 1993.
9. **Овчарова, Л. Н.** Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт / Л. Н. Овчарова. – М. : М-Студио, 2009.
10. **Тихонова, Н. Е.** Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества / Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, И. П. Попова // Социологические исследования. – 2004. – № 6.
11. **Слободенюк, Е. Д.** Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях / Е. Д. Слободенюк, Н. Е. Тихонова // Социология: 4М. – 2011. – № 33.

References

1. Gorshkov M. K. *Bednost' i neravenstva v sovremennoy Rossii: 10 let spustya: Analiticheskiy doklad* [Poverty and inequalities in modern Russia: 10 years later: Analytical report]. Moscow: RAN, In-t sotsiologii, 2013.
2. Lapin N. I. *Empiricheskaya sotsiologiya v Zapadnoy Evrope* [Emperical sociology in Western Europe]. Moscow: GU VShE, 2004.
3. Dzheri D., Dzheri Dzh. *Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskiy slovar': per. s angl.* [Great explanatory sociological dictionary: translation from English]. Moscow: Veche, AST, 2001, vol. 1.

4. Fakhrutdinova E. V., Khusnutdinova L. M. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2011, no. 12.
5. Rimashevskaya N. M. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2004, no. 4.
6. Sazanov I. S. Istoricheskie, politicheskie i yuridicheskie nauki. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, political and huridical sciences. Culture science and art study]. 2012, no. 12 (26), part 2.
7. Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 1 (25).
8. Townsend P. *The international analysis of poverty*. New York: Harvester Wheatsceaf, 1993.
9. Ovcharova L. N. *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Theoretical and practical approach to estimating the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience]. Moscow: M-Studio, 2009.
10. Tikhonova N. E., Davydova N. M., Popova I. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2004, no. 6.
11. Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. E. *Sotsiologiya: 4M.* [Sociology]. 2011, no. 33.

Кошарная Галина Борисовна
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Kosharnaya Galina Borisovna
Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of sociology and human resource management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Каримова Людмила Федоровна
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Karimova Lyudmila Fedorovna
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.443

Кошарная, Г. Б.

Основные подходы к измерению уровня бедности в современной России / Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 132–139.

УДК 316

Ю. М. Шабанов, В. В. Бондаренко

ФАКТОРЫ ГРУППОВОЙ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ БАНКОВСКИХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Возникновение интереса к феномену групповой интегрированности обусловлен прежде всего спецификой перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, когда человеческий фактор приобретает значение и статус измерителя экономического успеха современной организации. Актуальность определяется также особенностями теоретико-познавательной ситуации, сложившейся в области изучения организационной идентичности как общественного феномена, т.е. существующим противоречием между значительным объемом имеющегося разнородного научного материала и недостаточным уровнем его социологического обобщения и осмысления. Цель работы – проведение социологического анализа и выявление факторов, приоритетно воздействующих на формирование и развитие организационной идентичности в корпоративной социальной среде банковских учреждений. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа научных положений отечественных и зарубежных ученых, специалистов-практиков, отраженных в трудах по социологии и социальной психологии. Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды социологов, отражающие концептуальные основы теории и практики институализации, развития организационной идентичности и формирования корпоративной социальной среды. При решении поставленных задач применялись методы исследования: анкетный опрос, наблюдение, экспертный метод, общенаучные принципы анализа социальных явлений и экономико-математические методы с применением компьютерной обработки данных в EXCEL, SPSS. *Результаты*. На основе теоретического анализа выявлены характерные особенности групповой интегрированности идентичности современной организации; выявлены компоненты организационной идентичности в социальной среде банковских служащих, воздействующие на культуру современных банковских учреждений; установлена гендерная специфика поведенческих характеристик банковских служащих в реализации организационных ценностей финансово-кредитных учреждений; предложены основные направления организационной социализации банковских служащих, основанные на использовании фактора организационной идентичности. *Выводы*. Изучение проблемы формирования групповой интегрированности и обеспечения культивируемых образцов поведения наиболее полно возможно в ситуации, когда оценочные факторы способствуют выявлению рабочих результатов и уровня лояльности, позиционируемых с различиями в уровне профессиональной успешности. Предложенные в исследовании направления позволяют комплексно подойти к вопросам формирования организационной идентичности персонала и способствуют развитию образующих элементов оргкультуры в корпоративной социосреде банковских учреждений.

Ключевые слова: организационная идентичность, корпоративная социосреда, организационная культура, коммерческий банк, гендерная специфика.

Yu. M. Shabanov, V. V. Bondarenko

FACTORS OF GROUP INTEGRATEDNESS OF BANK EMPLOYEES

Abstract. *Background*. Emergence of the interest to a phenomenon of group integratedness is caused, first of all, by specifics of transition from the industrial to the

post-industrial civilization when the human factor gains the value and status of a measuring instrument of economic success of a modern organization. The topicality of the problem is also defined by features of the epistemological situation which has developed in the field of researching the organizational identity, as a public phenomenon, that is an existing contradiction between a considerable volume of available diverse scientific materials and the insufficient level of its sociological generalization and judgment. The purpose of the work is to carry out the sociological analysis and identification of the factors primatily influencing formation and development of the organizational identity in the corporate social environment of banking institutions. *Materials and methods*. Realization of research tasks was achieved on the basis of the analysis of scientific provisions of domestic and foreign scientists and experts, reflected in works on sociology and social psychology. The theoretical base of the research embraces fundamental works of sociologists reflecting conceptual bases of the theory and practice of institutionalization, development of organizational identity and formation of the corporate social environment. For the solution of the tasks set in research the following methods of investigation were applied: questionnaire, supervision, expert method, the general scientific principles of the analysis of the social phenomena and economic-mathematical methods with application of computer data processing in EXCEL, SPSS. *Results*. On the basis of the theoretical analysis the authors reveal characteristics of group integratedness of the identity of a modern organization, components of organizational identity in the social circle of bank employees, influencing culture of modern banking institutions, as well as establish gender specifics of behavioral characteristics of bank employees in realization of organizational values of financial credit institutions and suggest main directions of organizational socialization of bank employees, based on the use of the factor of organizational identity. *Conclusions*. Studying the problem of formation of group integratedness and providing cultivated examples of behavior are most fully possible in the situation when estimated factors promote identification of working results and the level of loyalty, positioned with distinctions in the level of professional success. The directions proposed in the research allow complex approach to questions of formation of the organizational identity of personnel and promote development of forming elements of the organisation culture in the corporate social atmosphere of banking institutions.

Key words: organizational identity, corporate social environment, organizational culture, commercial bank, gender specifics.

Возникновение интереса к феномену групповой интегрированности обусловлено прежде всего спецификой перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, когда человеческий фактор приобретает значение и статус измерителя экономического успеха современной организации. Актуальность определяется также особенностями теоретико-познавательной ситуации, сложившейся в области изучения организационной идентичности как общественного феномена, т.е. существующим противоречием между значительным объемом имеющегося разнородного научного материала и недостаточным уровнем его социологического обобщения и осмысления.

По мере трансформации России в международное социально-экономическое пространство, вхождения в ВТО внутренний рынок страны становится все более привлекательным для международных финансовых институтов, многие из которых стремятся уже сегодня занять свои ниши в российском банковском секторе. Некоторые из них, такие как «Ситибанк», «Райффайзенбанк», «Юникредитбанк» и др., достаточно активно конкурируют с местными кредитными организациями, имея в основе своей деятельности концептуаль-

ные образующие элементы организационной идентичности корпоративной социальной среды.

В связи с вышеизложенным современные банковские структуры рассматривают групповую интегрированность в качестве стратегического инструмента, ориентирующего сотрудников на достижение общих целей, мобилизацию их инициативы и обеспечение продуктивного взаимодействия с применением методов и средств, основанных на современных научных разработках. И хотя Россия во многом успешно интегрируется в мировые социально-экономические проекты, однако понимание организационной идентичности в корпоративной социосреде банковских учреждений остается неполным.

Следует согласиться с мнением ряда отечественных специалистов [1–3] в том, что групповую интегрированность нельзя рассматривать в отрыве от социально-культурной системы того общества, в котором находится конкретная организация. При этом культуру общества можно представить как систему, состоящую из нескольких уровней. Рассмотрение явления культуры, начиная от уровня отдельной личности и заканчивая уровнем общества в целом, дает разные уровни обобщения. Каждый последующий уровень расширяет перечень и разнообразие основных элементов идентичности.

В процессе социологического анализа было раскрыто понятие «групповая интегрированность» как отождествление выполняемой индивидом социальной роли в организации с учетом статуса профессиональной страты, совокупности приоритетных предположений, норм и установок, психофизиологических особенностей, требований к уровню профессиональных знаний и имеющегося опыта, получающих выражение в заявляемых во внешней и внутренней среде ценностях, задающих персоналу векторные ориентиры требуемого поведения и действий.

Культурная среда банковского учреждения со временем эволюционирует, но направление эволюции не всегда отвечает требованиям новой организационной стратегии. Поэтому для успешного развития требуется разработка политики изменения культуры, позволяющая достичь желаемых корпоративных амбиций. При этом в процессе изменения культурной среды банковского учреждения принципиально важно модифицировать существующие индивидуальные стили.

Создание и утверждение групповой интегрированности содействует процессу идентификации личности и дает возможность заполнить индивидуальную и социальную пустоту, имеющую место отчужденность в современном периоде. Прививая определенную систему ценностей, синтезирующую интересы всех уровней организации, культура создает ощущение идентичности у индивидов и групп – ее участников.

Банковское учреждение целесообразно рассматривать как открытую систему и одновременно некую субкультуру в контексте национальной культуры или даже, что характерно для России, «смеси» национальных культур, а личность работника – как основной организационный ресурс. В этом случае организационная идентичность представляется не только как фактор эффективности деятельности организации, но и как инструмент влияния на личность работника (и наоборот, поскольку последний также является открытой системой, которая взаимодействует в рамках организации с другими ее членами). Последнее, безусловно, указывает на важность развития способов согласования интересов сотрудника и организации.

Механизмы влияния групповой интегрированности через корпоративное сознание на деятельность банка заключаются в том, что сотрудники прогнозируют развитие ситуаций, относительно которых они оценивают и выстраивают модели своего поведения. Реализуя эти модели в своей деятельности, они усиливают те или иные тенденции и создают, таким образом, адекватные им ситуации. Содержание организационной идентичности определяется степенью личностной значимости профессиональной деятельности для большинства сотрудников банка.

Современный уровень развития корпоративного управления потребовал новых подходов к рассмотрению его культурной составляющей, что послужило причиной введения такого понятия, как «культурное организационное пространство».

Культурное организационное пространство современного банковского учреждения, являясь его неотъемлемой частью, характеризуется неоднородностью, связанной с наличием в нем культурного центра и периферии. При этом центром выступает организационная культура с наиболее высоким потенциалом, активно воздействующая на другие культурные формы пространства. В ней создается система ценностей, часть из которых имеет эталонную значимость для всех элементов корпорации, т.е. является ее своеобразным «культурным кодом».

Культурная среда банковского учреждения со временем эволюционирует, но направление эволюции не всегда отвечает требованиям новой тактики социального взаимодействия. Поэтому для успешного развития финансовой организации требуется разработка политики изменения ее культуры, позволяющая достичь желаемых амбиций. При этом в процессе изменения культурной среды банковского учреждения принципиально важно модифицировать индивидуальные стили управления, прежде всего административного персонала.

Для большинства сотрудников практически всех банков важнейшим фактором создания эффективного банковского учреждения является организационная идентичность. Так, для большинства сотрудников (52 %) организационная идентичность является стимулирующим элементом развития персонала банковского учреждения. При этом значительная часть работников (43,7 %) банков Пензенского региона относят организационную идентичность к факторам, лежащим в основе успешного функционирования организации.

Создавая новые рынки сбыта, банки-новаторы не только улавливают возможность изменений, но и заставляют эти изменения происходить быстрее. Как показал социологический анализ, основные направления инновационной деятельности банковских учреждений Пензенского региона формируются следующим образом: целесообразное и рациональное использование наиболее доступных результатов инновационной деятельности для выполнения цели – удовлетворения потребностей в определенных видах банковских услуг; обеспечение и использование социальных ресурсов в ходе освоения продуктов нововведений; использование творческой инициативы инновационной активности сотрудников банковских учреждений, а также передового опыта специалистов из сторонних организаций, являющихся разработчиками нововведений.

Выполнив анализ элементов групповой интегрированности, можно сделать вывод, что ее значение для развития банковских учреждений определяется рядом обстоятельств: во-первых, она определяет внутригрупповое представление, являясь важным источником стабильности и преемственности; во-вторых, знание основ организационной культуры своего банка помогает сотрудникам правильно интерпретировать происходящие в организации события, определяя в них все наиболее важное и существенное; в-третьих, стимулирует самосознание и высокую ответственность банковских служащих.

Для большинства сотрудников практически всех банков групповая интегрированность является важнейшим элементом создания социально-ориентированного банковского учреждения.

Как показал социологический анализ, к наиболее значимым характеристикам групповой интегрированности банковских учреждений относятся: осознание работником своего места и роли в организации (группе); тип совместной деятельности; принятые стиль управления и нормы поведения; культура делового общения; система внутренних и внешних коммуникаций; регламентируемый деловой этикет; традиции; особенности трактовки полномочий и ответственности; трудовая мораль и этика.

На рис. 1 отражено мнение опрошенных сотрудников относительно значения групповой интегрированности для их банковского учреждения.

Большинство работников (43,7 %) банков Пензенского региона относят групповую интегрированность к факторам, лежащим в основе создания и успешного функционирования организации.

Высокий уровень групповой интегрированности является важным социальным фактором, мобилизующим все структурные звенья банковского учреждения и отдельных работников на достижение поставленных целей в рамках продекларированных цели и миссии.

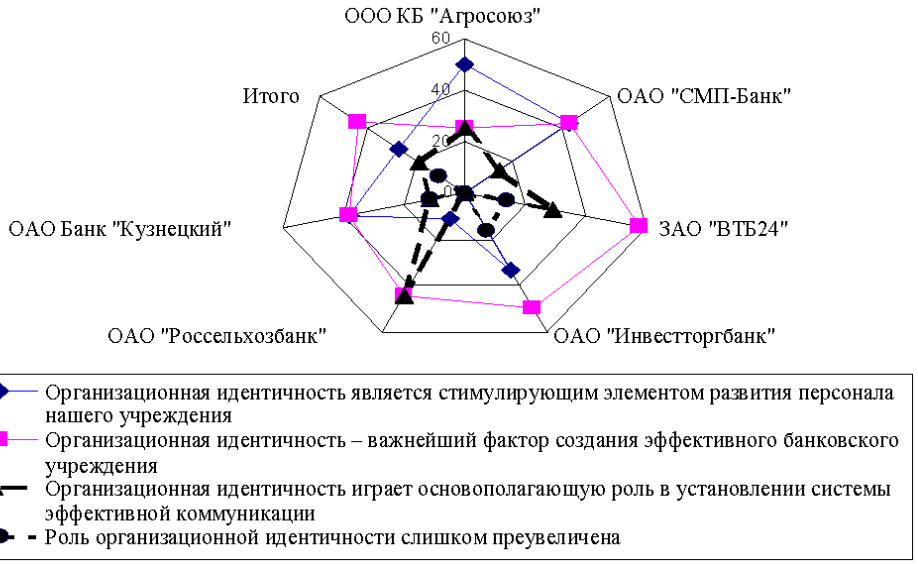

Рис. 1. Значение групповой интегрированности для банковского учреждения (n = 287), %

С учетом сложившейся в России социальной, экономической и политической обстановки особую актуальность приобретает использование адаптивных механизмов мотивации труда. От того, насколько работник удовлетворен условиями работы в банковском учреждении, зависит его трудоотдача, а также качество выполняемой работы. Наиболее часто в качестве мотивационных оснований в банковских организациях Пензенского региона используются поощрение в денежном эквиваленте (3,58 балла), перспектива карьерного роста (3,51 балла) и мобилизующий психологический климат в коллективе (3,45 балла), все остальные мотивационные методы воздействия получили крайне низкие оценки (от 2,11 до 3,42 балла), что свидетельствует о редком использовании широкого круга мотивационных методов воздействия и может негативно сказываться на результатах работы сотрудников.

Выполнив анализ элементов групповой интегрированности, можно сделать вывод, что ее значение для развития банковских учреждений определяется рядом обстоятельств:

– во-первых, она придает сотрудникам организационную значимость, определяет внутригрупповое представление, являясь важным источником стабильности и преемственности. Это, в свою очередь, создает у сотрудников ощущение надежности самой организации и своего положения в ней, способствует формированию чувства социальной защищенности;

– во-вторых, знание основ организационной принадлежности помогает сотрудникам банка правильно интерпретировать происходящие в организации события, определяя в них все наиболее важное и существенное;

– в-третьих, групповая интегрированность более, чем элементы внутрикорпоративной среды, стимулирует самосознание и высокую ответственность сотрудника, выполняющего поставленные перед ним задачи.

Российский банковский бизнес сохраняет традиционные «мускулинные» черты, хотя в качестве исполнительного персонала работают в основном женщины. Однако в ходе эволюционного развития появляется больший спрос и на типичные женские качества, такие как интуиция, открытость, чувство такта и т.д.

Во всех исследуемых коммерческих банках Пензенского региона среди банковских служащих преобладают женщины (85,4 %). Данное обстоятельство обусловлено спецификой банковской деятельности, когда на руководящих должностях чаще всего работают мужчины, а на должностях среднего и низшего уровня – женщины.

Ведущими мотивами для руководителей-женщин являются мотивы самореализации и интереса работы в банковских учреждениях. При этом важно подчеркнуть, что особенности мотивации труда руководителей-женщин отражают скорее своеобразие личности, а не общие закономерности. На рис. 2 отражена гендерная специфика в оценке важности организационной идентичности в банковских учреждениях.

Как показал анализ, основными препятствиями на карьерном пути в банковских учреждениях руководителя-женщины являются: дефицит времени (35,5 %), конфликты в домашней среде по поводу раннего ухода и позднего прихода, заброшенности хозяйства (33,0 %) и социально-психологическая дискриминация женщин (21,0 %).

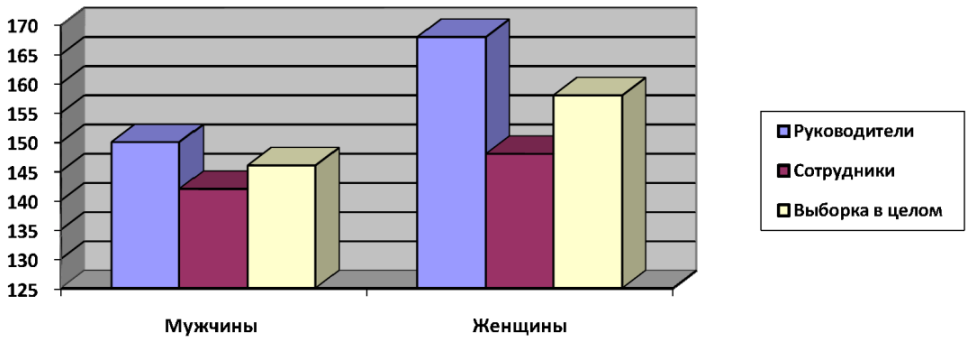

Рис. 2. Гендерная специфика в оценке важности групповой интегрированности в банковских учреждениях (в баллах)

Занятая в отрасли банковского бизнеса женщина испытывает удовлетворение от возможности улучшить материальное положение семьи (34,0 %), возможности реализации своих способностей (31,1 %), от сознания того, что она вносит свой вклад в деятельность банковского учреждения и укрепление личной экономической самостоятельности (24,0 %), от желания быть в коллективе (6,1 %) и от возможности профессионального и карьерного роста (6,0 %).

Наибольший практический интерес представляет исследование принятия решения в условиях риска. Сначала надо заметить, что у более опытных руководителей (имеющих стаж работы в должности руководителя более 10 лет), женщин и мужчин, готовность к принятию решения в условиях риска ниже, чем у работников с меньшим стажем. При этом руководители-женщины выбирают более осторожные стратегии и настроены на постепенные преобразования без ориентации на моментальный прорыв, что делает их действия весьма эффективными в ситуации неопределенности.

В результате эмпирического анализа определена гендерная специфика поведенческих характеристик банковских служащих в самоидентификации с коллективом, создании организационной идентичности. При этом воздействие идентичности на оргкультуру более полно присутствует у женщин в должностном статусе руководителей.

Конкурентоспособность деятельности банковских учреждений в современных условиях во многом определяется уровнем формирования групповой интегрированности персонала, что требует проведения кадрового аудита, мониторинга социосреды, позволяющих определять приоритеты и согласовывать использование технологий управления персоналом, способствующих профессиональному развитию работников, обогащению их функциональной деятельности и повышению удовлетворенности трудом.

С учетом результатов выполненного анализа корпоративной социосреды банковских учреждений можно сформулировать приоритетные направления формирования групповой интегрированности банковских служащих: обоснование функций организационной принадлежности персонала; разработка Кодекса корпоративной этики; создание адаптационного механизма как элемента организационной идентичности; качественное обогащение содержания трудовых функций; оптимизация индивидуальной системы стимулирования персонала; формирование инновационного потенциала банковского персонала; оценка оргкультуры персонала; побуждение работника к формированию организационной идентичности.

Таким образом, формирование групповой интегрированности и обеспечение культивируемых образцов поведения наиболее полно возможно в ситуации, когда оценочные факторы способствуют выявлению рабочих результатов и уровня лояльности, позиционируемых с различиями в уровне профессиональной успешности.

Предложенные направления, по нашему мнению, позволяют комплексно подойти к вопросам формирования групповой интегрированности персонала и способствуют развитию образующих элементов оргкультуры в корпоративной социосреде банковских учреждений.

Список литературы

1. **Абрамов, Р. Н.** Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англо-саксонской традиции исследования занятий / Р. Н. Абрамов // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2009.
2. Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2009. – 419 с.
3. **Терехина, Т. В.** Коллективная идентичность в структуре российской организационной культуры: социологический аспект / Т. В. Терехина, В. П. Воробьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 4. – С. 18–25.

References

1. Abramov R. N. *Professional'nye gruppy: dinamika i transformatsiya* [Professional groups: dynamics and transformation]. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2009.
2. *Professional'nye gruppy: dinamika i transformatsiya* [Professional groups: dynamics and transformation]. Ed. by V. A. Mansurov. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2009, 419 p.
3. Terekhina T. V., Vorob'ev V. P. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2008, no. 4, pp. 18–25.

Шабанов Юрий Михайлович
ассистент, кафедра естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Пензенский филиал Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ)
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33а)

E-mail: yms-penza@yandex.ru

Shabanov Yuriy Mikhaylovich
Assistant, sub-department of natural scientific disciplines and humanities, Penza branch of International Independent University of Ecology and Political Science
(33a Kalinina street, Penza, Russia)

Бондаренко Владимир Викторович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и маркетинга, директор Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33б)

E-mail: bond40@bk.ru

Bondarenko Vladimir Viktorovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management and marketing, director of Penza branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
(33b Kalinina street, Penza, Russia)

УДК 316
Шабанов, Ю. М.
Факторы групповой интегрированности банковских служащих / Ю. М. Шабанов, В. В. Бондаренко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 140–148.

УДК 316

Е. В. Щанина

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. *Актуальность и цели*. С переходом на пенсию образ жизни человека меняется. Сужается круг общения и потребностей, однако увеличивается объем свободного времени, который необходимо заполнить полезной и содержательной деятельностью для продолжения полноценной жизни. В связи с этим возникает необходимость содействия в решении проблемы организации свободного времени пожилых людей. В свою очередь, развитие активного образа жизни пожилых людей предполагает деятельное участие в этом процессе их самих. Цель работы – анализ основных направлений в организации свободного времени и досуга пожилых людей с учетом их потребностей. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа результатов проведенного социологического исследования среди пожилых людей г. Пензы. Особое место в рамках данного исследования уделялось изучению проблем и потребностей пожилых людей. В качестве методологического основания использован деятельностный подход. Основными источниками получения исследовательских результатов было проведение анкетного опроса. *Результаты*. Исследование проблем и потребностей пожилых людей позволило выявить, что пожилые люди весьма отличаются по критериям здоровья и трудоспособности, трудовой деятельности и ее мотивов, семейного положения и социальных связей, обеспеченности жильем и материального достатка, восприятия окружающего мира, адаптации к социальным условиям. *Выводы*. Изучение проблем и потребностей пожилых людей позволило сделать вывод о том, что определение старости должно быть функциональным, связанным с основными изменениями в социально-культурных ролях индивида. Результаты исследований подтвердили, что один из способов избежать социальной изоляции – повышение уровня включенности пожилого человека в общественную жизнь. Важным направлением гармонизации отношений пожилого человека и развития его социальных связей с обществом выступает досуговая активность вне зависимости от места проживания. Правильно организованный досуг значительно улучшает психическое состояние пожилого человека: поднимает настроение, успокаивает, пробуждает оптимизм, дает ощущение удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: пожилые люди, старость, потребности пожилых людей, социальная активность, досуговая активность пожилых людей.

E. V. Shchanina

ORGANIZATION OF LEISURE FOR ELDERLY PEOPLE

Abstract. *Background*. People’s life style changes as they enter the retirement. The circle of contacts narrows, however the amount of free time grows. This free time needs to be filled with useful and substantial activity to continue adequate sound life. In this connection there occurs a necessity to solve the problem organization of leisure for eldrly people. In turn, the development of active life style of elderly people presupposes active participation in the said process of elderly people themselves. The article aims at analyzing main directions in organization of leisure for elderly people taking into account their needs. *Materials and methods*. Realization of the research tasks was achieved through carrying out a sociological research athe mong elderly people of Penza. Special place in the said research is taken by the

study of problems and needs of elderly people. The activity approach was used a methodological base. The main source of research results was the questionary. *Results*. The study of problems and needs of elderly people revealed that elderly people are quite different in respect to criteria of health and labour ability, labour activity and motives thereof, marital status and social connections, housing and income, perception of the surrounding world, adaptation to social conditions. *Conclusions*. The study of problems and needs of elderly people allowed to conclude that identification of the old age should be functional, connected with main changes in social-cultural roles of an individual. The research results confirmed that one of the ways to avoid social isolation is to improve the level of elderly person's involvement in social life. An important direction of harmonization of elderly people's relations and their social contacts with society is the leisure activity independent of a place of residence. Correctly organized leisure improves psychological condition of elderly people – raises the spirits, calms, awakes optimism, gives the feeling of life satisfaction.

Key words: elderly people, old age, elderly people's needs, social activity, leisure of elderly people.

Сегодня российское общество вплотную подошло к такому периоду своего развития, когда увеличение доли пожилых людей в составе населения серьезно влияет на экономические, политические, социальные и духовно-нравственные изменения. В связи с этим становится необходимым использование трудового и общественного потенциала старшего поколения.

В условиях модернизации реализация идеи построения «общества для людей всех возрастов» ставит в качестве важнейшей в российском социуме задачу формирования в общественном сознании положительного образа старости, уважения к пожилым людям, использование их потенциала в экономике и общественной жизни.

Пожилые граждане в современном российском обществе, обладающие всей полнотой прав, предусмотренных российским законодательством для всего населения страны, в то же время находятся под защитой целого комплекса нормативных правовых актов, призванных обеспечить для них равенство возможностей во всех сферах жизнедеятельности, несмотря на происходящие в их жизни психофизиологические и социальные изменения.

С переходом на пенсию меняется образ жизни человека. Система ценностей смещается из активной сферы в пассивную, сужается круг общения и потребностей. Вместе с тем увеличивается объем свободного времени, требующий заполнения его полезной, содержательной деятельностью для продолжения полноценной жизни.

Наличие большого объема свободного времени у пенсионеров способствует проявлению ранее не отмечавшихся способностей вследствие возможности погрузиться в себя, стремления быть нужным, полезным. Поэтому проблему организации свободного времени можно интерпретировать как поиск путей реализации интересов, запросов, желаний пожилых людей, их стремление получать от жизни удовлетворение. В этом плане в настоящее время становится весьма актуальным исследование повседневной жизни пожилых людей, находящихся на пенсии, с целью выявления их потребностей для разработки мероприятий по организации свободного времени и досуга. В качестве методологической основы исследования досуга пожилых людей целесооб-

разно использовать концепцию образа жизни, отражающую внешнее повседневное поведение и интересы пожилых людей, количество и качество потребностей, личные отношения, эмоции и их субъективное выражение.

Г. Осадчая и А. Возьмитель определяют образ жизни как устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения. Он возникает в результате реализации и последующей объективации тех или иных многообразных способов и (или) стилей жизни, появления модальной личности, воспроизводящей определенное отношение к миру, характерное для доминирующих моделей жизнедеятельности и консолидирующее основные сегменты социального пространства [1, с. 62].

По мнению Н. Беловой, образ жизни – это осознанное или стихийное построение жизни, во-первых, на основе мировоззренческих ориентиров восприятия и реакции на окружающую среду (т.е. публичная жизнь) и, во-вторых, с учетом менталитета, традиций и обычаев (приватная, частная сфера повседневной жизни) [2, с. 295]. Используя данное определение понятия образа жизни, можно выделить в типологии образа жизни по социально-демографическим характеристикам образ жизни пожилых людей.

В систему образа жизни пожилого человека частично входит ведение домашнего хозяйства, использование средств жизнеобеспечения (устройство жилого пространства, обеспечение продуктами питания, одеждой, предметами повседневного обихода, энергообеспечение, санитарно-гигиеническая практика).

Другой важной составляющей образа жизни пожилого человека является рекреация – процессы восстановления жизненных сил (физических, интеллектуальных, эмоциональных), снятие психического напряжения, оздоровление, осуществляемые в различных формах отдыха, питания, активного или пассивного досуга, лечения, приема тонизирующих средств. Существенное место в рекреативных процессах занимает игровая досуговая практика – активная (физическая или интеллектуальная) и пассивная.

Кроме того, образ жизни пожилого человека включает такие процессы, как саморазвитие (физическое, интеллектуальное, эстетическое, творческое), общение и повседневные социальные отношения, формирование и развитие образов обыденного мировосприятия, воспитание внуков, формирование собственного образа, а также элементы религиозной и социальной обрядовой практики (свадьбы, похороны).

В образе жизни пожилых людей можно выделить такие параметры, как жизненный уклад (организационно-регулятивная составляющая), уровень жизни (характеризующийся объемом и качеством потребляемых благ), стиль жизни, под которым подразумевают индивидуально усваиваемый или избираемый личностью способ поведения, обладающий определенной автономностью и мерой свободы в выборе целей, содержания и форм социального поведения.

Социально-профессиональная принадлежность человека, его происхождение, воспитание, образование, вероисповедание, половозрастные критерии обычно оказывают заметное влияние на параметры его образа жизни – размеры материального достатка, сферу занятости, профиль социальных

и интеллектуальных интересов, отношение к религии, формы предпочитаемого потребления.

Для анализа понятия образа жизни пожилых людей целесообразно исходить из того, что старость для одних заключается в отдыхе, отказе от всяких действий и стремлений в силу физической немощи, в пассивной неподвижности, содержанием которой является ожидание неизбежной смерти, а для других в старости характерны творческая активность, стремление подвести итоги жизни, приблизиться к смыслу своего существования, сохранить любовь к жизни и в то же время готовность переносить ее трудности.

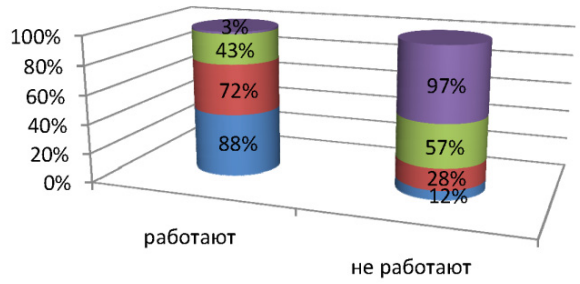
На наш взгляд, образ жизни в какой-то степени зависит и от уровня материального и духовного прогресса общества. Он определяется той социальной системой, выражением которой является жизнедеятельность, активность индивидов, групп, общества, и представляет собой систему показателей, отражающих наиболее существенные сферы социального бытия.

Результаты исследования, проведенного в 2011 г. с целью выявления проблем и потребностей пожилых людей г. Пензы (по целевой выборке было опрошено 300 респондентов (по 75 в каждом районе города)), показали, что образ жизни лиц старшего возраста в г. Пензе характеризуется достаточно высокой включенностью в трудовую сферу (55 % респондентов). Трудовая активность пожилых людей, по их оценке, в большинстве случаев носит вынужденный характер, обусловлена низким размером пенсии и необходимостью иметь дополнительный источник дохода. Показатели других составляющих образа жизни – активной общественной и семейно-бытовой деятельности – составляют 30 %. Однако досуговая активность пожилых людей оказалась довольно низкой.

Одной из возможных причин такой невысокой активности является состояние здоровья пожилых людей [3, с. 90]. Так, например, результаты авторского исследования показали, что возможность трудовой занятости находится в прямой зависимости от состояния здоровья пожилых людей: среди тех, кто имеет хорошее здоровье, 88 % получают пенсию и постоянно работают, 12 % получают пенсию и не работают; при вполне удовлетворительном состоянии здоровья 72 % постоянно работают, 28 % не работают; среди тех, кто оценивает свое состояние здоровья как скорее плохое, 43 % постоянно работают, 57 % не работают; а среди тех, кто оценивает свое состояние здоровья как плохое, 3 % работают, а 97 % не работают (рис. 1).

В кризисных социально-экономических ситуациях положение пожилых людей ухудшается, у них обостряются чувства зависимости, неустроенности, ущербности, усиливаются как пассивность, так и агрессивность реакций. Невостребованность пожилого человека входит в противоречие с его общественной сущностью.

Необходимо иметь в виду, что пожилые люди весьма неоднородны по критериям здоровья и трудоспособности, трудовой деятельности и ее мотивов, семейного положения и социальных связей, обеспеченности жильем и материального достатка, восприятия окружающего мира, адаптации к социальным условиям. Поэтому определение старости должно быть функциональным, связанным с основными изменениями в социально-культурных ролях индивида.

	работают	не работают
плохое состояние здоровья	3%	97%
скорее плохое состояние здоровья	43%	57%
вполне удовлетворительное состояние здоровья	72%	28%
хорошее состояние здоровья	88%	12%

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «*Работаете ли Вы?*» в зависимости от состояния здоровья (в процентах от общего числа респондентов, $n = 300$)

Пожилому человеку приходится по-новому организовывать свое время. Раньше его жизнь во многом регламентировалась внешними обстоятельствами, в особенности работой. Когда человек остается наедине с собой, часто ему становится тяжело и непривычно. В этот период самочувствие пожилых людей в значительной мере определяется сложившейся в семье атмосферой (в условиях дома-интерната в качестве семьи выступает коллектив проживающих) – доброжелательной или равнодушной, а возможно, и враждебной. Могут возникать конфликты. В вопросе о взаимоотношениях пожилых людей с детьми и внуками выявлены положительные моменты: 32 % респондентов отметили «мы всегда помогаем друг другу преодолевать возникающие трудности», 28 % – «я ощущаю себя нужным и полезным членом семьи», 18 % – «в нашей семье конфликтов нет». Но, несмотря на эти положительные моменты, все же велик процент конфликтов – 21 % (80 % – конфликты возникают из-за различия во взглядах на ту или иную ситуацию, 20 % – конфликты относительно материальной независимости). 5 % опрошенных чувствуют себя одинокими, забытыми, никому не нужными людьми. Итак, при всех положительных моментах взаимоотношения пенсионера с детьми и внуками складываются не совсем благополучно.

Особенно это характерно для пожилых людей, которые по тем или иным причинам не реализовали себя в родительстве, не сумели сформировать в отношениях со своими детьми атмосферу любви и взаимопонимания.

Некоторая часть пожилых людей предпочитает жить вместе со своими детьми и внуками, другая – отдельно. В проведенном нами исследовании было установлено:

– большинство респондентов живет в составе семьи: 61 % проживают с супругом (супругой), 15 % – с семьей детей, 17 % – один (одна), 7 % – с родственниками;

– 52 % одиноких пенсионеров проживают или с детьми, или с другими родственниками;

– большая часть опрошенных мужчин (81 %) проживает с супругой, почти в два раза меньше женщин живет в браке;

– совершенно одиноких женщин в четыре раза больше, чем мужчин.

Основными видами отдыха для пожилых людей остаются нормальный ночной сон, отдых после любой работы, разрядка в течение дня, развлечения, более длительный отдых в праздничные и выходные дни. Пенсионеры могут по-разному планировать свой день, но в любом случае домашние и внедомашние занятия должны перемежаться с отдыхом и развлечениями.

Результаты авторского исследования позволили сделать вывод о том, что среди пожилых людей можно выделить несколько групп:

– активные, творческие люди, которые долго не уходят на заслуженный отдых, а, расставшись с профессиональным трудом, продолжают участвовать в общественной жизни, воспитании молодежи, т.е. живут полнокровной жизнью (5 % респондетов);

– люди, также отличающиеся хорошей социальной и психологической адаптированностью, но их энергия направлена главным образом на устройство собственной жизни, включая материальное благополучие, отдых, развлечения и самообразование, на что раньше времени не хватало (18 % респондентов);

– пожилые люди, преимущественно женщины, которые находят главное приложение сил в семье (38 % респондентов);

– люди, смыслом жизни которых стала забота об укреплении собственного здоровья. Она не только стимулирует достаточно разнообразные формы активности (занятия физкультурой, посильный физический труд), но и дает определенное моральное удовлетворение (34 % респондентов);

– агрессивные, всем недовольные пожилые люди, обвиняющие в своих бедах всех, кроме самих себя, стремятся поучать окружающих, предъявляют им бесконечные претензии (2 % респондентов);

– одинокие, разочарованные в себе и в собственной жизни пожилые люди, которые, в отличие от предыдущей группы, винят во всем не других, а себя (3 % респондентов).

Немаловажна проблема одинокой старости, которая в настоящее время приобрела действительно массовый характер. В большинстве случаев именно на одиночество жалуются пожилые люди даже чаще, чем на болезнь или недостаточный уровень пенсионного обеспечения. Одинокие пожилые люди являются наиболее социально уязвимой группой с точки зрения угрозы мошеннических действий.

Один из способов избежать социальной изоляции – повышение уровня включенности пожилого человека в общественную жизнь. На наш взгляд, этому может способствовать участие в политической жизни на местном, региональном и национальном уровнях, добровольная (волонтерская) работа, охватывающая широкий спектр деятельности, организация досуговой деятельности.

В современном российском обществе осуществляются такие направления социальной поддержки пожилых людей, как предоставление ухода на дому, работа центров дневного пребывания, развитие добровольческого дви-

жения в сфере помощи людям старшего поколения, деятельность групп самопомощи и взаимопомощи, реализация обучающих программ для представителей третьего возраста, а также родственников пожилых людей со специфическими проблемами.

Следует, однако, учитывать, что готовность к изменениям у пожилых людей сильно снижается по ряду причин. Мешает скептицизм пожилых людей, формируемый в процессе жизненного опыта. Несмотря на желание поговорить, они, как правило, менее откровенны, им трудно отказаться от идеализированного представления о себе. В отношении болезней сказывается присущее пожилым людям неумение ощутить болезнь как следствие собственного поведения, за которое несет ответственность прежде всего сам человек. Вместо этого наблюдается стремление видеть в болезни только причины физического свойства и обращаться преимущественно к медикаментозному лечению. При этом нельзя не признать существование и объективных предпосылок трудностей социально-психологического характера, испытываемых пожилыми людьми.

Важным направлением гармонизации отношений пожилого человека и развития его социальных связей с обществом выступает досуговая активность вне зависимости от места проживания.

В процессе организации досуга реализуются развивающая, просветительская, культуротворческая и рекреативно-оздоровительная функции социально-культурной деятельности [4, с. 62]. Важное место в структуре досуга занимает общение с другими людьми (проведение досуга в кругу семьи, дружеские встречи в домашних условиях, на природе, в местах массового отдыха) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы проводите свободное время?*»
(в процентах от общего числа респондентов, $n = 300$)

Варианты ответов	%
1. Просмотр телевизора	86
2. Чтение книг, газет, журналов	78
3. Встречи с родственниками	54
4. Прогулки	46
5. Общаюсь, обсуждаю последние новости	42
6. Посещение родственников	31
7. Просто отдых	30
8. Посещение кино, театра, музея	22
9. Рукоделие и другие увлечения	17
10. Посещение дневных клубов для пожилых людей с занятиями по интересам	2
11. Другое (дача)	8

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Правильно организованный досуг значительно улучшает психическое состояние пожилого человека: поднимает настроение, успокаивает, пробуждает оптимизм, дает ощущение удовлетворенности жизнью.

Как показали результаты авторского исследования, в настоящее время в г. Пензе практически в каждом учреждении социальной защиты и клубном формировании пожилым людям предлагается целый комплекс культурной деятельности (включающий порядка 30 видов досуговой деятельности), которой пожилой человек может посвятить свое свободное время. Среди них: встречи и общение (за чашкой кофе или чая); посещение и участие в библиотечных мероприятиях; различные виды игровых занятий (шашки, шахматы, карты, другие настольные игры); дискуссии по обсуждению какой-либо конкретной темы, возможно, с участием представителей администрации города и области; образовательная деятельность (например, обучение компьютерной грамотности); занятия физкультурой (дыхательная гимнастика, аэробика); занятия пением, хоровые классы; работа в мастерских (рисование, лепка, резьба по дереву, роспись по глине, шитье и вышивание); работа «музея старых вещей», наполненного предметами, связанными с прошлым, или «театра воспоминаний»; концертная и выставочная деятельность (культурные программы с участием приглашенных артистов, выставки, фестивали, концерты, конкурсы, вернисажи).

Развитие активного образа жизни пожилых людей предполагает деятельное участие в этом процессе их самих. Лица старшего возраста могут заниматься посильной трудовой деятельностью, физической культурой, участвовать в общественной и культурной жизни общества. Для этого необходимо не только создавать оптимальные условия, но и способствовать преодолению барьера возраста – как можно более активно включать пожилых людей в пространство социальной жизни, помогать приспособиться к новым жизненным обстоятельствам, открывать доступ к общественным ценностям в области образования, культуры, духовной жизни и отдыха.

Список литературы

1. **Возьмитель, А. А.** Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа / А. А. Возьмитель, Г. И. Осадчая // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 58–64.
2. **Белова, Н. И.** Образ жизни / Н. И. Белова // Тезаурус социологии : тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 487 с.
3. **Щанина, Е. В.** Основные факторы трудовой активности пожилых людей / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 88–96.
4. **Щанина, Е. В.** Факторы социальной активности старшего поколения / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 57–67.

References

1. Voz'mitel' A. A., Osadchaya G. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2009, no. 8, pp. 58–64.
2. Belova N. I. *Tezaurus sotsiologii: tematicheskiy slovar'-spravochnik* [Sociology thesaurus: reference idioglossary]. Moscow: YuNITI-DANA, 2013, 487 p.
3. Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 1 (25), pp. 88–96.

4. Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2009, no. 2 (10), pp. 57–67.

Щанина Екатерина Владимировна
кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Shchanina Ekaterina Vladimirovna
Candidate of sociological sciences, associate professor, sub-department of sociology and human resource management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: shchanina@mail.ru

УДК 316
Щанина, Е. В.
Организация досуга пожилых людей / Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 149–157.

УДК 338.24

Г. А. Маркеева, С. Г. Михнева

ДИЛЕММА ВЫБОРА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Сегодня перед каждой организацией стоит вопрос о повышении эффективности экономической деятельности в условиях жесткой конкуренции. Руководители предприятий целенаправленно стремятся сокращать издержки производства, прибегая к различным методам. Одним из современных способов эффективного управления организацией является аутсорсинг, благодаря которому непрофильные бизнес-функции или бизнес-процессы «отдаются» специализированным предприятиям. Цель работы – проанализировать стратегию влияния аутсорсинга и инсорсинга на эффективность работы предприятия. *Материалы и методы*. Анализ выбора аутсорсинга и инсорсинга проведен на основе дилеммы внутренних и внешних источников предприятия, позволяющих оценить результативность и эффективность аутсорсинга. Рассматриваются экономические преимущества и недостатки его применения. При исследовании данного вопроса использован сравнительный метод, описанный М. Т. Дудзиком, который включает в себя комплекс критериев рационального принятия решения. Проанализирована методология аутсорсинга в западной научной литературе. *Результаты*. Результат проведенного исследования показал отличие стратегий аутсорсинга и инсорсинга в деятельности предприятия. Подробно рассмотрена дилемма выбора внутренних и внешних ресурсов, показаны преимущества и недостатки аутсорсинга и инсорсинга. Проведен стратегический анализ, определяющий ключевые стратегические компетенции организации, которые целесообразно или нецелесообразно отдавать на аутсорсинг. Проанализированы четкие критерии выбора партнера-аутсорсера. *Выводы*. Изучение проблематики выбора аутсорсинга и инсорсинга в деятельности организации показало совершенно новый взгляд на современную структуру предприятия, которая может модифицироваться в зависимости от выбранной стратегии. В деятельности предприятия методология аутсорсинга способствует созданию эффективных и конкурентных преимуществ, основанных на количественном анализе выделения бизнес-функций или бизнес-процессов. Поэтому перед каждым руководителем стоит задача альтернативного выбора стратегии аутсорсинга или инсорсинга, от правильного решения которой будет зависеть жизнедеятельность его компании. Актуальность данного вопроса очень значима, поэтому нами разработан полный анализ внешних и внутренних факторов аутсорсинга, выявлены его преимущества и недостатки.

Ключевые слова: аутсорсинг, инсорсинг, внешние и внутренние факторы, аутсорсинговые услуги, стратегическая податливость выделения бизнес-функции предприятия, контрактное выделение, аутсорсинговый партнер, экономические преимущества и недостатки аутсорсинга.

G. A. Markeeva, S. G. Mikhneva

DILEMMA OF CHOOSING A DEVELOPMENT STRATEGY IN PRACTICE OF INTERNATIONAL BUSINESS

Abstract. *Background*. At the present time, each organization faces a question of increasing the level of economic activity in conditions of fierce competition. Business executives purposefully seek to reduce production by resorting to various methods. A modern way of effective management of an organization is outsourcing, through which non-core business functions or business processes «are given» to specialized companies to perform certain tasks. Each head of the firm faces the question of the rational conduct of business: to produce in-house or outsource? The article objective is to analyze the impact of the strategy of outsourcing and insourcing on enterprise's performance. *Materials and methods*. Analysis of the choice of outsourcing and insourcing was conducted on the basis of a dilemma of enterprise's internal and external sources, allowing to assess the efficiency and effectiveness of outsourcing, as well as to examine the economic advantages and disadvantages of its use. In the study of this question the authors used the comparative method described by M. T. Dudzik, which includes a set of criteria for rational decision-making. The researchers analyzed the methodology of outsourcing in the western literature. *Results*. The result of the study showed the distinction of outsourcing and insourcing strategies of an enterprise. The article considers in details the dilemma of choosing internal and external resources, advantages and disadvantages of outsourcing and insourcing. The conducted strategic analysis helped to identify key strategic competences of an organization, which are reasonable or feasible to outsource. The authors also analyzed precise criteria for selecting an outsourcing partner. *Conclusions*. Exploring the issues of the choice between outsourcing and insourcing of an organization revealed a whole new perspective in the modern enterprise structure, which can be modified depending on the chosen strategy. In enterprise activity the outsourcing methodology helps to create efficient and competitive advantages based on quantitative analysis of allocation of business functions or business processes. Therefore, each executive faces the problem of alternative choosing of insourcing or outsourcing strategy, the correct decision on which will affect the future of his/her company. The relevance of this issue is very significant, so the authors have developed a complete analysis of external and internal factors of outsourcing and revealed its advantages and disadvantages.

Key words: outsourcing, insourcing, external and internal factors, dilemma of choice, outsourcing services, business functions of a company, contract allocation, outsourcing partner, economic advantages and disadvantages of outsourcing operations.

Сегодня перед каждой организацией стоит стратегическая цель – повышение эффективности производства и максимизация прибыли. Современные организации осуществляют альтернативный выбор между различными способами ведения бизнеса. От рационального решения этой проблемы зависит эффективность деятельности организаций. Поэтому перед каждым руководителем стоит дилемма выбора между собственным производством или приобретением услуг на стороне, другими словами, производить или покупать (*make or buy*).

Стратегия передачи бизнес-процессов или отдельных функций другой организации с целью минимизации издержек производства, повышения каче-

ства продукции и конкурентоспособности в целом получила название аутсорсинга. Цель применения аутсорсинга – сочетание использования как сторонних, так и собственных передовых бизнес-технологий (функций) и ноу-хау для завоевания конкурентных преимуществ в условиях обострения конкурентной борьбы, когда особые компетенции, умения, сконцентрированные в цепочке создания стоимости продукта/услуги, становятся долговременным залогом успеха на мировом рынке. Межфирменные аутсорсинговые сети активно формируются в отраслях, подверженных быстрым изменениям. Построение таких сетей позволяет каждой фирме идти по пути создания всего лишь нескольких своих специализаций и одновременно устанавливать тесные взаимосвязи, необходимые для интеграции различных компетенций. Гибкость этих взаимосвязей позволяет быстро адаптироваться к внешним изменениям, обеспечивать устойчивую конкурентоспособность компании.

Таким образом, усиление конкуренции в результате процессов глобализации ставит перед каждой организацией вопрос о переоценке своих бизнес-целей и существующей жизненной позиции, тщательной фокусировке на ключевых компетенциях. Организации отказываются от поддержки своих непрофильных процессов, передавая их внешним подрядчикам. Кроме ресурсных ограничений и необходимости концентрации активов на основном стратегическом направлении деятельности, другой весомой причиной использования аутсорсинга следует признать осуществление корпоративных изменений с целью повышения конкурентоспособности бизнеса. Следовательно, возникновение аутсорсинга как экономического явления обусловлено требованиями рынка и формированием на него стойкого спроса [1].

Противоположностью стратегии аутсорсинга выступает инсорсинг – стратегия, которая базируется на использовании внутренних ресурсов, их наращивании и качественном совершенствовании под воздействием НТР в пределах границ данной бизнес-структуры, а также на выполнении функций аутсорсинга для других структурных единиц организации.

Отличие стратегий аутсорсинга и инсорсинга как дилеммы выбора источников ресурсов (внутренних или внешних) представлено в табл. 1. В условиях кризиса стратегические решения сочетания разных форм аутсорсинга и инсорсинга обеспечивают увеличение дохода за счет перераспределения полномочий между внешними организациями и внутренними возможностями.

Следует отметить, что процесс принятия решения об использовании аутсорсинга представляет собой сложную комплексную задачу, решение которой осложняется недостатком информации о возможных поставщиках-аутсорсерах, неопределенностью внешней среды, не позволяющей порой провести детальный анализ и оценку стратегических альтернатив.

Одним из способов исследования целесообразности и возможности контрактного выделения является сравнительный метод, описанный М. Т. Дудзиком [2, с. 25]. Этот метод заключается в оценивании двух вариантов – собственной реализации деятельности и реализации внешней деятельности согласно комплексу критериев принятия решения, среди которых: качество, время, производственные мощности, эластичность, закупки, продажа, финансы, персонал, риск, планирование, организация и расходы. Обе оценки являются сравниваемыми, а результат этих сравнений (определенный как сальдо оценки) указывает на более полезный вариант. Если указание касается внешнего

выполнения деятельности, это значит, что контрактное выделение является возможным и целесообразным.

Проведенный анализ и обобщение западной научной литературы показывает, что стратегия аутсорсинга рассматривается как современная методология создания эффективных и конкурентных организаций и основывается на расчете количественной оценки стратегической податливости выделения бизнес-функций и бизнес-процессов организации. При этом под стратегической податливостью выделения бизнес-функций (процессов) организации понимается уровень целесообразности передачи организацией определенной части своих бизнес-функций или бизнес-процессов на аутсорсинг под воздействием определенных факторов. Согласно принципам стратегического анализа эти факторы делятся на две группы: внешние и внутренние.

Таблица 1

Дилемма выбора источников ресурсов (внутренних или внешних)

Дилемма выбора стратегии развития	Инсорсинг	Аутсорсинг
Цель стратегии и архитектура конечного продукта	Создание продукта за счет внутренней архитектуры	Создание продукта открытой (модульной) архитектуры
Степень интеграции процессов	Высокая	Низкая
Специфичность собственных ресурсов или процессов	Высокоспецифические: специализация на собственном производстве	Стандартные при ориентации на заемные бизнес-процессы и бизнес-функции и уникальные в рамках собственной организации
Компетенции организации	Замкнуты на себя	Частично предаются сторонним организациям
Вид компетенций, закрепляемых за организацией	Вся совокупность	Уникальные
Возможности экономии расходов	За счет эффективности управления ресурсами и активами	За счет эффективного привлечения внешних ресурсов и активов
Зависимость от сторонних поставщиков	Минимальная	Высокая
Ответственность за риски	Полная собственная ответственность	Ответственность ограничена условиями договора и распределением рисков между партнерами
Контроль	Тотальный	В пределах соглашения
Доступ к внешним процессам производства	Формирование собственных офшорных структур	В пределах сотрудничества с поставщиками внешних ресурсов
Инновационный потенциал	Ограничен внутренними активами фирмы	Определяется уникальностью собственных бизнес-процессов и бизнес-функций и ограничен возможностями ресурсных рынков специализированных услуг аутсорсеров

Внешние факторы касаются обстоятельств, не связанных непосредственно с выделяемой деятельностью, которая происходит в пределах предприятия-матери, однако существенно влияет на результативность и эффективность выделения. К важнейшим внешним факторам относятся следующие:

1. Величина рынка аутсорсинговых услуг. Величина рынка аутсорсинговых услуг и податливость на выделение находятся в прямой зависимости: чем крупнее рынок, тем большей является податливость на выделение.

2. Развитие рынка аутсорсинговых услуг. Развитие рынка аутсорсинговых услуг также увеличивает податливость на выделение: при более динамичном рынке большей является и податливость на выделение.

3. Стабильность рынка аутсорсинговых услуг. Стабильность рынка услуг увеличивает вероятность выделения, так как ограничивает риск изменений условий – ценовых, качественных, срочных и т.д., которые действуют на рынке.

4. Интенсивность конкуренции на рынке. Влияние интенсивности конкуренции на рынке аутсорсинговых услуг сводится к тому, что чем более сильная конкуренция на рынке, тем большими являются возможности реализации услуг на наилучших условиях для организации-матери, т.е. большей является податливость на выделение [3, с. 37].

5. Уровень ноу-хау, представленный участниками рынка аутсорсинговых услуг. Уровень ноу-хау способствует выделению, если он является выше уровня ноу-хау реализации деятельности в структуре организации-матери. Условием выделения является гарантия поддержания высокого уровня ноу-хау на период выделения.

6. Уровень качества аутсорсинговых услуг. Чем выше уровень качества аутсорсинговых услуг, предлагаемых на рынке, тем больше податливость на выделение. Уровень качества предлагаемых услуг должен быть по меньшей мере таким же или более высоким, чем уровень качества деятельности, реализованной в пределах организации-матери.

7. Уровень цен аутсорсинговых услуг. Уровень цен на предлагаемые аутсорсинговые услуги и податливость на выделение находятся в обратной зависимости, т.е. чем ниже цены на предлагаемые услуги при условии сохранения нужного уровня качества, тем большей является податливость на выделение.

8. Срочность аутсорсинговых услуг. Срочность реализации аутсорсинговых услуг является также важным фактором, который определяет податливость на выделение: чем большей является гарантия срочного, а следовательно, надежного предоставления услуг, тем большей является податливость на выделение.

9. Эластичность предложения аутсорсинговых услуг. Эластичность предложения аутсорсинговых услуг означает склонность приспособления предложения аутсорсинговыми партнерами к специфическим требованиям поручения. Эластичность предложения увеличивает податливость на выделение, в то время как стандартные предложения уменьшают ее.

10. Склонность аутсорсинговых партнеров к партнерскому сотрудничеству. Склонность аутсорсинговых партнеров к партнерскому сотрудничеству в период реализации аутсорсинговых услуг увеличивает податливость на выделение [4, с. 82].

К главным внутренним факторам, которые обусловливают контрактное выделение, относятся следующие:

1. Значение выделяемой деятельности для ключевой деятельности предприятия. Чем больше значение выделяемой деятельности для ключевой деятельности предприятия, тем меньше податливость на выделение. Аналогично: чем интенсивнее связи выделяемой деятельности с другими функциями организации, тем меньше податливость деятельности.

2. Связь выделяемой деятельности с другими функциями организации. Диапазон и подробность контроля выделяемой деятельности влияют на податливость на выделение: чем шире диапазон и выше тщательность необходимого контроля, тем меньше податливость на выделение.

3. Влияние выделяемой деятельности на имидж организации. Если реализация деятельности в структуре организации влияет положительно на его имидж, то податливость на выделение такой деятельности будет меньше, чем в случае деятельности, менее влиятельной с точки зрения имиджа.

4. Уровень и структура расходов ведения деятельности в пределах организации, диапазон организационных изменений материнского предприятия, которые являются следствием выделения. Если деятельность, реализованная в структуре организации, сопровождается большими расходами, а их структура является неправильной, то такая ситуация увеличивает податливость на выделение. Поскольку выделение может повлечь организационные изменения для предприятия, то чем большим является диапазон организационных изменений, вызванных выделением, тем меньше будет податливость на выделение [5, с. 132].

5. Расходы и средства, связанные с выделением, обеспечение защиты торговой тайны. Эти расходы и податливость на выделение находятся в обратной зависимости, т.е. чем выше расходы на выделение, тем меньше податливость на него. Более сильная гарантия сохранения торговой тайны, связанной с выделяемой деятельностью, увеличивает податливость на выделение.

6. Одобрение выделения работниками предприятия. Чем большим является одобрение, тем податливость на выделение является большей.

7. Возможность смены аутсорсингового партнера. Существенным фактором, который влияет на выделение, является возможность смены аутсорсингового партнера в случае, если сотрудничество с ним не обеспечивает выполнения условий и требований предприятия. Поэтому возможность быстрой и лишенной высоких расходов смены партнера увеличивает податливость на выделение.

Следует подчеркнуть, что совокупность внутренних и внешних факторов имеет открытый характер. В зависимости от обстоятельств она может быть модифицированной, т.е. сужаться или расширяться. Основным принципом выбора совокупности факторов является конкретная ситуация, которая исследуется.

К примеру, можно выделить следующие схемы использования аутсорсинговых услуг в кадровом аспекте:

– выведение персонала из штата. В этом случае компания-исполнитель не подбирает сотрудников, а оформляет в свой штат уже имеющийся персонал организации-заказчика. Как правило, подобный способ избирается в том

случае, когда заказчик по каким-либо причинам считает целесообразным не держать сотрудников в штате;

– лизинг – схема, при которой организация-исполнитель предоставляет находящихся в ее штате сотрудников заказчику на относительно длительный срок – от трех месяцев до нескольких лет. В основном это практикуется в тех случаях, когда спрос на услуги квалифицированного специалиста существует с определенной регулярностью;

– внешний источник (собственно аутсорсинг). В этом случае заказчик передает какую-нибудь из своих функций компании-исполнителю, т.е. покупает услугу, а не труд конкретных работников. Как правило, на аутсорсинг выводят работы, необходимые для поддержания жизнедеятельности компании, но такие, которые не являются профильными для нее (перевозка, строительные и ремонтные работы, логистика и т.п.).

Практическим результатом применения аутсорсинга должна стать возможность направить собственные ресурсы организации на выполнение тех функций (процессов), которые составляют ее сильную сторону, на то, что организация может делать лучше других, и, наоборот, предоставить внешнему представителю (аутсорсеру) выполнение функций (процессов), которые он умеет выполнять лучше других [6, с. 10].

При этом следует иметь в виду, что аутсорсинг не панацея от всех проблем, связанных со снижением издержек, повышением качества продукции, эффективности работы с потребителем, он сам способен оказывать негативное влияние на положение организации на рынке. Ниже представлена таблица экономических преимуществ и недостатков применения аутсорсинга в организации и виды основных экономических возможностей и рисков применения аутсорсинговых операций (табл. 2).

В целом, стратегический анализ податливости выделения бизнес-функций (процессов) должен обеспечить решение комплекса задач:

1) выделить те ключевые стратегические компетенции организации, от которых зависит ее жизнеспособность и которые не должны передаваться на сторону (инсорсинг);

2) определить основные и вспомогательные бизнес-функции и бизнес-процессы, которые необходимо и возможно передать внешнему исполнителю, а также очередность этой передачи (аутсорсинг);

3) выбор партнера-аутсорсера (поставщика услуг) и определение четких критериев такого выбора;

4) разработка аутсорсинг-проекта и договора (контракта), определяющих конкретные условия сотрудничества, целесообразность перевода аутсорсеру части активов, ответственность сторон, учет и разделение рисков, прибылей, правила поведения сторон и решения проблем в случае возникновения разногласий, сроки действия договора и условия выхода из него или досрочного прекращения.

Как видим, переход к аутсорсингу означает изменение односторонней направленности стратегии развития от развития только за счет собственных ресурсов к оптимальному сочетанию внешних и внутренних ресурсов, к переходу от сокращения издержек только за счет внутренних ресурсов организации к формированию качественно новых бизнес-процессов, основанных на принципах создания цепочек стоимости.

Таблица 2

Аутсорсинг: преимущества и недостатки[1]

Преимущества (возможные выгоды)	Недостатки (риски применения)
1. Снижение затрат (расходов): – привлечение аутсорсера дешевле содержания собственной структуры, особенно для второстепенных функций; – снижение затрат внедрения новых технологий, повышение производительности технологий; – снижение операционных расходов за счет экономии, обусловленной эффектом масштаба и централизации; – сокращение численности персонала: административного, технического, обслуживающего; – возможно снижение трансакционных расходов. 2. Повышение эффективности основных бизнес-процессов: – компания получает возможность превратить свои постоянные расходы в переменные (в зависимости от потребностей в обучении, можно варьировать выделенные на него ресурсы). 3. Связанный эффект у стороны, которая выполняет аутсорсинговый заказ: – эффект масштаба; – эффект специализации и централизации. 4. Эффект распределения рисков	1. Экономические: – возможность роста расходов в случае передачи на аутсорсинг слишком многих функций и процессов; – затраты, необходимые для четкого расчета проектируемых расходов, связанных с внедрением и использованием аутсорсинговых систем и экономического эффекта от передачи некоторых операций и функций на сторону; – расходы на содержание внешней инфраструктуры взаимодействия с поставщиками аутсорсинговых услуг; – возможность роста трансакционных расходов. 2. Риск банкротства аутсорсинговой компании

Список литературы

1. **Михнева, С. Г.** Формирование концепции аутсоринга и его место в хозяйственной деятельности современного предприятия / С. Г. Михнева, Г. А. Маркеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 156–162.
2. **Dudzik, M. T.** Zakup czy produkcja własna? / M. T. Dudzik // Gospodarka Materiałowa i Logistyka. – 1997. – № 2. – S. 24–28.
3. **Chapman, R. B.** Jnsourcing afler the Outsourcing. MIS Survival Guide. American Management Association / R. B. Chapman, K. Andrade. – N. Y., 2007. – 55 c.
4. **Harrison, S.** Outsourcing and the «New» Human Resource Management. Published by IRC Press. Industrial Relations Center, Queen's University / S. Harrison. – Kingston, 2009. – 103 c.
5. **Календжян, С. О.** Аутсорсинг: делегирование управления в стратегии развития компании / С. О. Календжян. – М. : Каталог, 2001. – 260 с.
6. **Манойленко, О. В.** Аутсорсинг как инструмент повышения эффективности антикризисного управления / О. В. Манойленко // Вестник Международного славянского университета. – 2006. – Т. IX, № 1. – С. 8–12.

References

1. Mikhneva S. G., Markeeva G. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 1 (25), pp. 156–162.

[1] Составлено непосредственно авторами.

2. Dudzik M. T. *Gospodarka Materiałowa i Logistyka* [Management and logistics materials]. 1997, no. 2, pp. 24–28.
3. Chapman R. B., Andrade K. *Insourcing after the Outsourcing. MIS Survival Guide. American Management Association*. New York, 2007, 55 p.
4. Harrison S. *Outsourcing and the «New» Human Resource Management. Published by IRC Press. Industrial Relations Center, Queen's University*. Kingston, 2009, 103 p.
5. Kalendzhyan S. O. *Autsorsing: delegirovanie upravleniya v strategii razvitiya kompanii* [Outsourcing: delegation of mamagement authority in the strategy of company's development]. Moscow: Katalog, 2001, 260 p.
6. Manoylenko O. V. *Vestnik Mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of International Slavic University]. 2006, vol. IX, no. 1, pp. 8–12.

Маркеева Галина Александровна
соискатель, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: galochkamarkeeva@mail.ru

Markeeva Galina Aleksandrovna
applicant, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Михнева Светлана Георгиевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: econm@pnzgu.ru

Mikhneva Svetlana Georgievna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of economics and world economy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.24
Маркеева, Г. А.
Дилемма выбора стратегии развития в практике международного бизнеса / Г. А. Маркеева, С. Г. Михнева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 158–166.

УДК 330.11

Д. Г. Маслов, Е. А. Кизон

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ КАК СИСТЕМНОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Современная экономическая система характеризуется широким распространением теневой экономики, что определяет необходимость ее концептуального и практического анализа. Статья посвящена проблеме, актуальность которой обусловлена несовершенством понятийного аппарата, расхождениями в понимании сущности категории «теневая экономика» при осознании необходимости ее концептуального анализа в связи с широким распространением в современном мире. Цель исследования – проанализировать сущность понятия «теневая экономика», выявить природу ее происхождения и раскрыть влияние теневого сектора на состояние экономики современной России. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа фундаментальных работ по экономической теории российских и зарубежных авторов, а также материалов периодических научных изданий, в которых нашли отражение различные, порой противоположные, взгляды авторов на сущность понятия «теневая экономика» и ее роль в системе национального хозяйства страны. Особое внимание в рамках настоящего исследования было уделено работам Р. Коуза, Э. де Сото, Ф. Шнайдера, Э. Файга, Д. Норта, В. В. Радаева, В. Тамбовцева, Ю. В. Латова, В. В. Колесникова. Кроме того, в работе использованы материалы Всемирного банка и Д. Ганнона – бывшего председателя Национального совета США по разведке. Методологию исследования составляют методы экономического анализа, в том числе экономико-статистического анализа, сравнения, метод графических построений, а также системный метод, которые дают возможность охарактеризовать теневую экономику с точки зрения различных подходов к выявлению ее сущности. *Результаты*. Показаны роль и место теневой экономики в системе экономических отношений. Раскрыты и проанализированы причины развития теневой экономической деятельности в России. Определены и структурированы подходы к выявлению сущности теневой экономики. Выделены основные формы ненаблюдаемой экономики. Раскрыто влияние теневого сектора на состояние экономики современной России. *Выводы*. Проведенное исследование позволяет уяснить причины развития теневой экономической деятельности в России, определить, что теневая экономика по своей сущности является частью экономики, но в силу несовершенства законодательства она становится институциональным явлением. Результаты исследования показали, что особенностью развития теневой экономики как системного явления является то, что она относится к классу так называемых сложных интравертных систем и нельзя априорно задать четкие целевые установки функционирования государственного механизма, противодействующего теневой экономике в конкретных регионах и отраслях. Авторы пришли к выводу, что в силу различной природы форм теневой экономики государственное воздействие на нее должно осуществляться дифференцированно.

Ключевые слова: теневая экономика, институциональное явление, криминальность экономики, иерархичность теневой экономики, подходы к определению теневой экономики, теневой сектор.

D. G. Maslov, E. A. Kizon

SHADOW ECONOMY IN RUSSIA AS A SYSTEM INSTITUTIONAL PHENOMENON

Abstract. *Background*. The modern economical system is defined by the large spread of shadow economy, which determines the importance of its conceptual and practical analysis. The article is devoted to the problem, topicality of which is based on the imperfection of the conceptual framework, disagreement between interpretations of the contents of "shadow economy" along with conciousness of the necessity of its conceptual analysis due to the wide spread of the phenomenon in the present-day world. The goal of the study is to analyze the essence of the concept of shadow economy, identify the origins of the phenomenon and discover the influence of shadow economy on the economy of present-day Russia. *Materials and methods*. Implementation of research objectives was achieved on the basis of the analysis of the fundamental works on economics written by Russian and foreign authors, as well as materials from scientific publications. In these materials and publications the authors found various, occasionally contrary opinions on the essence of the concept of shadow economy and its role in the country's national economy. Special attention in the study was given to the works by R. Coase, H. de Soto, F. Schneider, E. Feige, D. North, V. V. Radaev, V. Tambovtsev, U. V. Latov and V. V. Kolesnikov. Moreover, the uses the data collected by the World Bank and works by John C. Gannon, the ex-chairman of US National Intelligence Council. Methodology includes the methods of economic analysis, including statistical, comparative, graphing and systematic methods, which allow the characterization of shadow economy from various approaches to identification of its concept. *Results*. The authors showed the role and position of shadow economy in the system of economical relations, revealed and analyzed the reasons behind shadow economy activities development in Russia, defined and structured the approaches to identification of shadow economy, highlighted the main forms of non-observed economy and showed the influence of shadow economy on the economy of present-day Russia. *Conclusions*. The study allows to understand the reasons behind the development of shadow economy in Russia, and shows that shadow economy in its essence is a part of economy as a whole but became an instiurional phenomenon due to the imperfections in legal system. The results show that the distinctive feature of shadow economy as an institutional phenomenon is that it can be described as a complex introversial system and it is *a priori* impossible to define the exact functioning aims for a state mechanism designed to counter shadow economy in specific areas and economic sectors. The authors conclude that due to different nature of various forms of shadow economy the state influence must be differentiated as well.

Key words: shadow economy, institutional phenomenon, economy criminalism, shadow economy hierarchy, approaches to define shadow economy, shadow sector.

Современная экономическая система характеризуется широким распространением теневой экономики, что обусловливает необходимость ее концептуального и практического анализа. Важно отметить, что в условиях глобализации мирового хозяйства теневая экономика становится структурированной и комплексной социально-экономической системой, имеющей свои собственные законы развития. В этой связи она часто становится угрозой экономической стабильности и национальной безопасности государства. Вот почему исследование проблем, связанных с теневой экономикой, занимает

особое место в экономической науке. Это объясняется масштабностью и в то же время сложностями в точной оценке этого сектора [1, с. 84].

Термин «теневая экономика» (англ. «shadow economy», «underground economy», «black economy») появился в начале 1970-х гг. для обозначения сокрытия доходов и антиобщественных способов их извлечения. В отечественной науке и экономической практике интерес к проблемам теневой экономики стал отчетливо проявляться в 80-е гг. XX в. Это было обусловлено как социально-экономическими причинами, связанными с возрастанием ее роли в народном хозяйстве и криминализацией, так и идеологическими причинами. Последние проявились в стимулировании руководством страны научных исследований, направленных на выявление деформаций и дискредитацию командной социально-экономической системы государственного социализма.

Несмотря на достаточно большое количество научных публикаций по проблемам теневой экономики, в настоящее время единого общепринятого универсального восприятия сущности данной категории не сформировано. Без сомнения, это сложное системное явление, охватывающее всю систему общественно-экономических отношений, и прежде всего неконтролируемый обществом сектор воспроизводства, где производство, распределение, обмен и потребление экономических благ и предпринимательских способностей выпадают из сферы контроля органов государственного управления. Представленные на схеме определения теневой экономики доказывают, что это многогранное явление можно рассматривать и изучать с разных сторон (рис. 1).

Рис. 1. Возможные определения категории «теневая экономика»[1]

[1] Рисунок составлен авторами.

Отсутствие единства во взглядах обусловлено, как правило, различиями в характере решаемых авторами теоретических и прикладных проблем, а также в методологии исследования.

По сути, теневую экономику стоит рассматривать как часть экономики, но в силу несовершенства законодательства она становится институциональным явлением, т.е. имеет институциональную природу. С этой точки зрения любая экономика предстает как сложное переплетение легальных и нелегальных форм отношений. Такое явление можно изучать в рамках микроэкономического подхода, который ориентирован на изучение роли институтов в практике повседневной хозяйственной деятельности.

Существуют разнообразные виды деятельности, которые противостоят эффективному развитию экономики, деформируют социальные институты и создают теневую экономику – экономику, общественно опасную (табл. 1). Выявление подобных негативных явлений, их блокирование и преодоление – непременное условие полноценного развития общества.

Таблица 1

Виды экономики, создающие теневую экономику[1]

Виды экономики	Характерные черты
Криминальная	Встроена в официальную экономику, но основана на должностных и хозяйственных преступлениях
Подпольная	Скрываемая от всех форм контроля: наркобизнес, азартные игры, проституция, торговля оружием
Фиктивная	Основана на фальсификации показателей действующей системы хозяйственного учета и финансовой отчетности
Неформальная	Система взаимодействий экономических субъектов, базирующаяся на личных отношениях и дополняющая (или заменяющая) официальную контрактацию

Несомненно, главной целью теневой экономической деятельности является извлечение доходов, которые невозможно получить при соблюдении норм действующего законодательства. Таким образом, основное противоречие возникает на стадии становления отношений между юридическими и физическими лицами и российским государством. Многие ученые полагают, что наличие теневой сферы является индикатором неэффективной экономической политики государственных органов и избыточного регулирования. Кроме того, возникновение теневых процессов является реакцией агентов, чрезмерно обремененных государством и склонных к формированию оппозиции [2, с. 24].

В современной ситуации становится очевидным, что теневая экономика играет огромную роль в развитии нашей страны, влияя почти на все экономические, социальные и политические процессы. Теневые отношения сказываются на качестве налоговой системы страны, препятствуя поступлениям налогов в бюджеты всех уровней в полном объеме. Теневая деятельность отрицательно влияет на состояние государственных финансов, сокращает возможности формирования государственного бюджета, деформирует его структуру, негативно сказывается на всей бюджетной сфере, приводит к искажениям в инвестиционных отношениях.

[1] Таблица составлена автором работы.

Кроме того, существование теневой экономики создает невидимые барьеры для повышения эффективности легально работающих производств. Одновременно теневая деятельность субъектов приводит к нарушениям функционирования социальной сферы, поскольку несправедливое перераспределение доходов и рост рынков нелегально производимых товаров и услуг деформирует структуру потребления.

Стоит особенно подчеркнуть, что теневая экономика является одновременно причиной и следствием самовоспроизводящейся цепной реакции разрушения нормального хозяйственного процесса, который порождает новые сферы теневой деятельности.

Развитие и упорядоченность структуры теневой экономики характеризуется ее иерархичностью. Каждый элемент теневой экономики может рассматриваться как самостоятельная подсистема, а сама теневая экономика представляет собой один из компонентов более широкой системы – национального хозяйства.

Иерархическая структура теневой экономики характеризуется множеством связей между компонентами, наиболее характерными из них являются связи координации и субординации, которые свойственны современной теневой экономике, поэтому теневую экономику можно рассматривать не только как иерархическую, но и как сетевую структуру.

В результате теневой экономической деятельности часть производств, имеющих криминальное преимущество, увеличивает выпуск продукции. В целом же производство падает, сокращается, замедляется оборот материальных и финансовых ресурсов (рис. 2).

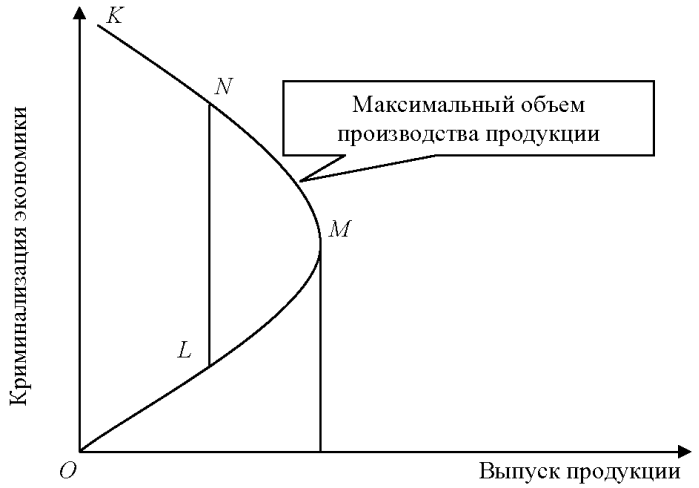

Рис. 2. Влияние теневой экономической деятельности на производство [3, с. 348]

Увеличение криминальности экономики (от точек *O* до *L* и затем до *M*) приводит к некоторому росту выпуска продукции вследствие того, что находящиеся под криминальным контролем организации за счет усиления криминальных преимуществ смогут увеличить выпуск продукции. Однако после этого при дальнейшем увеличении криминальности (от точек *M* до *N* и до *K*) криминальное влияние приведет к общей стагнации производства за счет

криминальных потерь и убытков даже при продолжающемся росте производства на криминализированных предприятиях.

В этих условиях рост производства продукции зависит от снижения теневой экономической деятельности (рис. 3). Объясняется это тем, что часть покупателей находит необходимые им товары и услуги в теневом секторе. В результате спрос на легально производимые товары и услуги снижается, а следовательно, замедляется рост и тормозится экономическое развитие в целом.

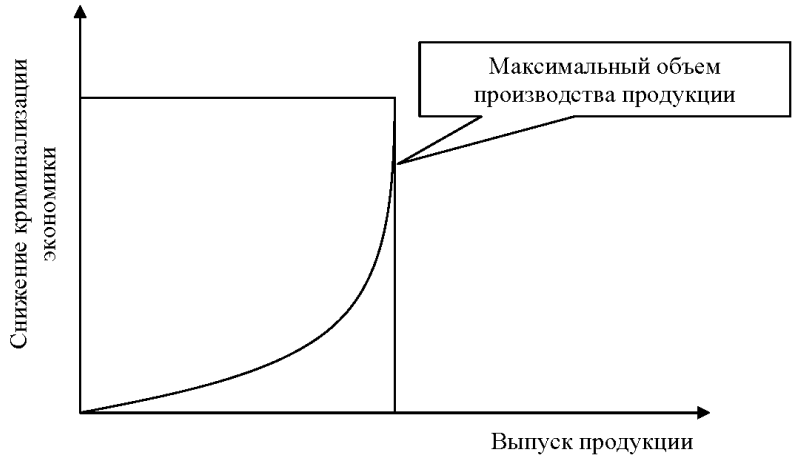

Рис. 3. Зависимость роста производства продукции от снижения теневой экономической деятельности [3, с. 349]

Таким образом, зависимость, подчеркивающая стимулирующую роль снижения криминальности экономики по отношению к важнейшим экономическим показателям, одним из которых является рост производства продукции, достаточно показательна.

Такие проблемы актуальны и для мировой экономики в целом. В исследовании Национального совета США по разведке «Глобальные тенденции до 2015 года» председатель Совета Д. Ганнон пишет: «Криминальные организации и сети, базирующиеся в Северной Америке, Западной Европе, Китае, Колумбии, Израиле, Японии, Мексике, Нигерии и России, расширяют масштаб и объем своей деятельности. Они образуют союзы друг с другом, с меньшими криминальными предпринимателями и повстанческими движениями для специальных операций» [4, p. 87].

Теневая экономика существует во всех странах мира, отличаются лишь ее объемы, формы и контроль. По оценке Всемирного банка, самый низкий уровень теневой экономики в Швейцарии – 8,6 %, в США – 8,8 % и Австрии – 9,8 %. Самый высокий в Грузии – 68,8 %, Боливии – 68,1 %, Азербайджане – 63,3 % и Таиланде – 52 % [5, с. 45].

В России, по оценкам различных исследований, теневая экономика составляет от 23 до 80 % ВВП. Такой огромный диапазон вариации экспертных оценок доли теневой экономики в российском ВВП может являться следствием определенных институциональных причин. Необходимо понимать, что невозможно точно измерить теневую деятельность, не имеющую в отечест-

венной экономической теории однозначного определения и включающую постоянно увеличивающийся перечень противоправных форм хозяйствования. Таким образом, возникает широкое поле для искажения реальной «картины» теневой экономики в зависимости от методик ее определения, используемых разработчиками прогнозов [6, с. 128].

Тем не менее важно отметить, что находящиеся даже на нижней границе указанного диапазона показатели являются критическими. Влияние теневых факторов на хозяйственную жизнь становится настолько ощутимым, что противоречие между неформальным и формальным укладами превращается из второстепенного в главное политическое и социально-экономическое противоречие, так как дальнейшее усиление теневой экономики грозит всеобщим ей подчинением. Поэтому проблема теневой экономики и борьба с ней приобрела сегодня первостепенное значение [7, с. 40].

Осознание масштабов российской теневой экономики путем оценки ее финансовых потоков приводит к пониманию того, что речь идет не просто о неучтенной части валового продукта, а о более серьезном явлении, которое в значительной степени определяет лицо современного российского экономического хозяйства.

Причин, способствующих развитию теневой экономической деятельности, немало. Это и различные недоработки в законодательстве, и высокие налоговые ставки, и коррумпированность государственного аппарата, и несовершенство механизма координации по борьбе с экономической преступностью.

По нашему мнению, существенным импульсом стремительного роста теневой экономики в России стали последствия перехода от командной системы управления к рыночной. В период проведения реформ доходы многочисленных слоев населения оказались значительно ниже прожиточного уровня, люди вели нерегистрируемую хозяйственную деятельность по производству товаров и оказанию услуг, поэтому ключевым признаком теневой деятельности можно считать уклонение от официальной регистрации коммерческих договоров или умышленное искажение их содержания при регистрации.

Развитию теневой экономики в немалой степени способствует и само государство, вытесняя законопослушных предпринимателей высокими налогами из легального бизнеса в теневой [6, с. 128]. Как показывает практика, самой распространенной формой теневых отношений всегда было и остается сокрытие доходов от предпринимательской деятельности и, соответственно, уклонение от уплаты налогов. По данным отчета компании Pricewaterhouse-Coopers (PwC) «Платим налоги в 2013 году» (Paying Taxes 2013), совокупная налоговая ставка в РФ составляет 54,1 %, что заметно выше как средней ставки фискальных платежей в странах Европейского союза – 42,6 %, так и в мире в целом – 44,7 % (рис. 4).

На этапе становления бизнеса в России условия, когда в среднем изымалось 60–80 % прибыли предприятий, с неизбежностью сформировали в поведении предпринимателей тенденцию по уклонению от уплаты налогов и увели значительную долю бизнеса в теневую экономику [7, с. 46].

Согласно докладу Ф. Шнайдера, «увеличение бремени налогов и взносов социального страхования – одна из главных причин увеличения теневой экономики. Чем больше разница между общей стоимостью труда и заработком после налогов в официальной экономике, тем больше стимул избавиться от этой разницы и работать в теневой экономике» [8, с. 8].

В то же время развитые страны с наименьшим уровнем налогового бремени – Швейцария, США – имеют относительно небольшой теневой сектор. По оценке профессора Ф. Шнайдера, предприятия уходят в тень из-за высоких прямых и косвенных налогов. Это подтверждается данными за 2013 г. (рис. 5).

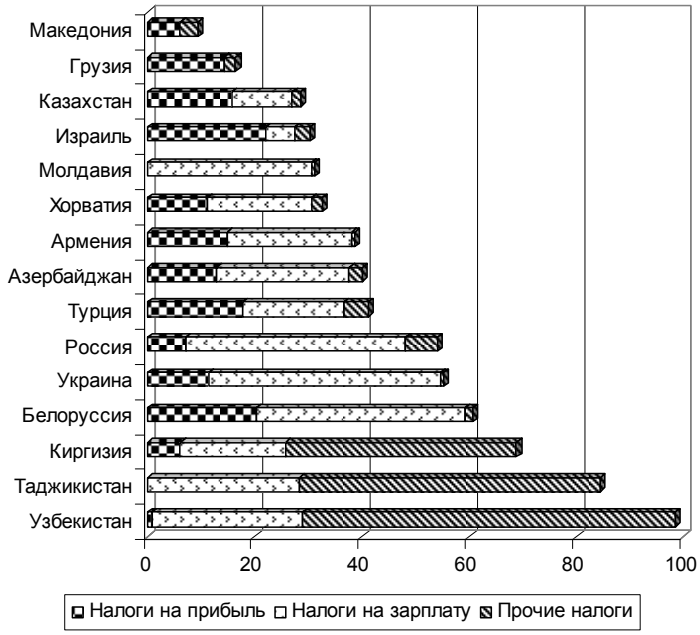

Рис. 4. Совокупная ставка налогов в странах Центральной Азии и Восточной Европы в 2012 г., % [9]

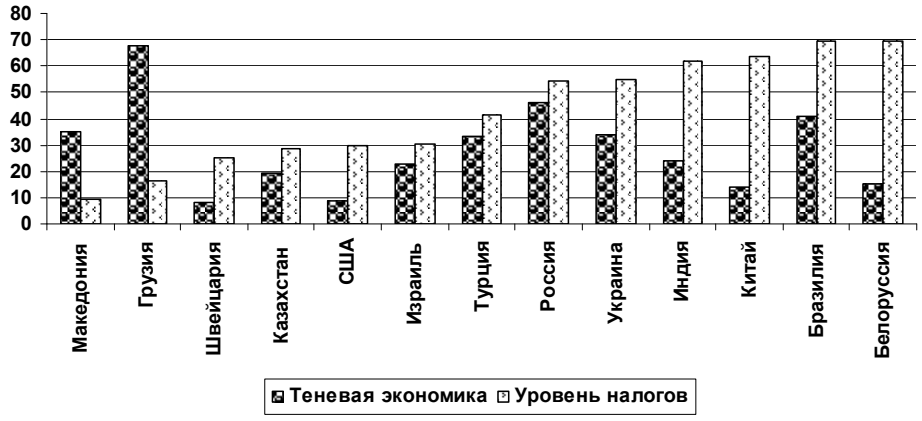

Рис. 5. Уровень развития теневой экономики в сопоставлении с уровнем налогообложения (совокупной налоговой ставкой) по странам мира в 2013 г., в процентах от ВВП[1]

При сопоставлении уровней теневой экономики и налогообложения в различных странах становится очевидным, что не всегда высокий уровень

[1] Рисунок создан авторами.

теневой экономики соотносится с высоким налогообложением (например, Грузия, Македония). Это объясняется тем, что на развитие теневой экономики влияет целый комплекс исторических, социально-экономических, политических, психологических и других причин.

Изучая институциональные причины существования теневой экономики, имеет смысл обратиться к классическим работам Р. Коуза. Возникновение фирмы он рассматривает как реакцию на высокие трансакционные издержки координации посредством рыночного механизма [10, с. 233]. Коуз отмечает, что отсутствие экономически эффективных, стабильно работающих институтов, защищающих права собственности и договорные отношения, заставляет предпринимателей сокращать трансакционные издержки путем ухода экономической деятельности в сферу теневой (нелегальной) экономики.

Основоположником наиболее популярной в настоящее время парадигмы, объясняющей причины развития теневой экономики, заслуженно считается перуанский ученый Эрнандо де Сото. Его монография «Иной путь» (1989) произвела подлинный переворот в представлениях исследователей о значении теневой экономики как в развивающихся странах (исследования де Сото посвящены именно им), так и в современном рыночном хозяйстве вообще.

По мнению Э. де Сото, теневая экономика – это «прибежище для тех, для кого трансакционные издержки превышают выгоды от достижения своих целей» [11, с. 25].

Подобная ситуация характерна для стран как с развивающейся, так и с переходной экономикой, где высокие издержки ведения легального бизнеса неизбежно приводят к расширению теневого сектора. Очевидно, в настоящее время наибольшего расцвета теневая экономика достигла именно в ряде развивающихся стран, таких как Грузия, Боливия, Египет, Таиланд и Нигерия. В этих странах теневая экономика достигает от 62 до 76 % уровня ВВП. Тенденция активного роста теневой экономики наблюдается сейчас и в странах СНГ, и в большинстве постсоветских стран (рис. 6).

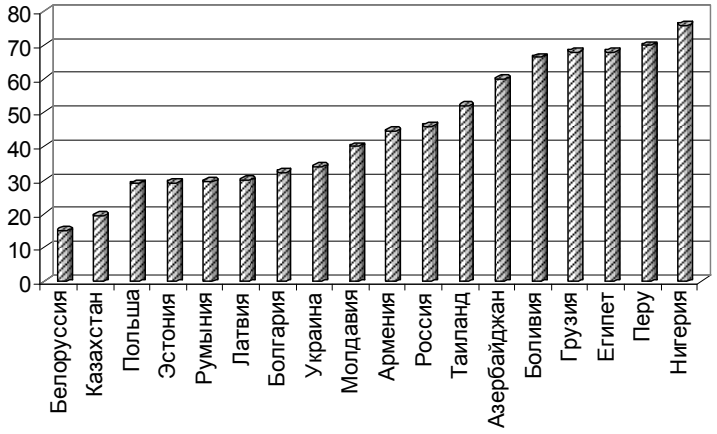

Рис. 6. Уровень теневой экономики в развивающихся странах в 2013 г., в процентах от ВВП[1]

[1] Рисунок создан авторами статьи на основе изучения статистических данных о развитии теневой экономики в странах мира за 2013 г.

Значение идей де Сото для понимания процессов, проходящих в современной России, трудно переоценить. Легко заметить, что экономические проблемы стран с переходной экономикой во многом те же, что и в развивающихся странах, о которых писал перуанский экономист. Если принять концепцию де Сото, постсоветская Россия страдает не столько от чрезмерного, сколько от недостаточного развития рыночных отношений. В таком случае в развитии подпольного бизнеса следует видеть симптом не болезни, а, скорее, выздоровления.

Немаловажное значение имеет то, что теневая экономика выступает как самоорганизующаяся, адаптивная система. Она в кратчайшие сроки приспосабливается к внешнему воздействию (государства и его правоохранительных, контрольных, фискальных, надзорных и иных органов), непрерывно развивается в соответствии с общими экономическими принципами и находится в гармоничном равновесии со своей средой.

Понимание сущности теневой экономики как общественно вредной деятельности позволяет в полном объеме выявить данный сектор, увидеть внутренние связи и взаимообусловленность соответствующих явлений, что дает возможность вскрыть условия, причины и механизмы возникновения и распространения теневого сектора экономики как социально-экономического явления, присущего любой общественной формации. Характеризуя сущность явления теневой экономики, выделяют следующие основные подходы, сгруппированные в табл. 2.

Таблица 2

Подходы к выявлению сущности теневой экономики[1]

Подход	Приверженцы	Суть подхода
1	2	3
Статистический	Т. И. Корягина, Ю. В. Степанов, Б. Т. Рябушкин, Э. Ю. Чурилов и др.	Трактует ее как деятельность, скрытую от официальной статистики, т.е. деятельность, находящуюся вне системы официального учета. Это совокупность неформальной, теневой и криминальной экономик. Данное направление разрабатывается специалистами в рамках Системы национальных счетов в целях более точного учета макропоказателей национального хозяйства
Экономический	К. А. Улыбин, В. В. Колесников, В. Ф. Латыпов, А. А. Смирнов и др.	Рассматривает теневую экономику как деструктивную экономическую деятельность, которая наносит вред обществу, в силу чего она пресекается законодательством
Экономико-социологический	В. В. Радаев, С. Ю. Барсукова, Ю. В. Латов и др.	Рассматривает неформальную экономику как более широкое понятие, чем теневую, которое включает в себя несколько сегментов, различающихся по степени легальности хозяйственных операций: легальные, внелегальные, полулегальные (теневые), нелегальные (криминальные)

[1] Таблица составлена авторами.

Окончание табл. 2

1	2	3
Институциональный	Д. Норт, Э. Файг, А. Олейник, В. Тамбовцев, А. Шастико и др.	Под теневой экономикой понимают попытки экономических агентов специфицировать права собственности и организовать обмен внелегально, т.е. без участия государства
Юридический	А. А. Сергеев, А. М. Яковлев, Т. И Корягина, А. Н. Шохин и др.	Под теневой экономикой понимается экономическая деятельность, осуществляемая вне рамок законодательства. Теневую экономику делят на два сектора – некриминальный («серый») и криминальный («черный»). Таким образом, этот подход исходит из определяющей роли правовых норм к теневым экономическим явлениям
Экономико-правовой (синтез экономического и юридического подходов)	К. В. Привалов	Определяет теневую экономику как деструктивную, функционирующую вне правового поля. Деструктивная экономика, существующая вопреки действующим запретительным в отношении ее законодательным актам, становится теневой экономикой. Значительная же часть деструктивной экономики находится «на свету», и общество вынуждено мириться с ее существованием. Деструктивная экономика – это только объективная реальность, а теневая экономика – это явление объективно-субъективное, результат взаимодействия объективных экономических процессов и субъективной воли государства. Принятие и претворение в жизнь неправовых законов выталкивает в тень нормальные, конструктивные формы экономической деятельности, что образует статутный сектор теневой экономики

Разумеется, все перечисленные подходы исходят из решения конкретных концептуальных задач: борьбы с противоправными формами экономической деятельности, учета реального производства ВВП, тенденций развития общественных институтов, роли правовых норм в формировании теневых экономических явлений и т.д.

В то же время нужно отметить, что до сих пор не выработано однозначной и общеупотребимой терминологии и классификации разных форм ненаблюдаемой деятельности. По нашему мнению, это связано с многогранностью теневой экономики, с тем, что данное явление изучают представители разных наук (антропологии, права, психологии, социологии, криминологии, экономики разных направлений и др.) из разных стран, с отличающимися за-

конами. Сам характер данной деятельности таков, что по нему сложно получить полные и подтверждаемые данные. Наиболее объективную, на наш взгляд, классификацию существующих форм ненаблюдаемой экономики можно представить в виде табл. 3.

Таблица 3

Классификация форм ненаблюдаемой экономики[1]

<table>
<tr><td rowspan="2">Законность</td><td colspan="2">Права другого хозяйствующего субъекта</td></tr>
<tr><td>Нарушены</td><td>Не нарушены</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Закон нарушен</td><td>Криминальная «черная» экономика</td><td rowspan="2">Неформальная «серая» экономика</td></tr>
<tr><td>«Вторая» («беловоротничковая») теневая экономика</td></tr>
<tr><td>Закон соблюден</td><td>Внелегальная «розовая» экономика</td><td>Легальная «белая» экономика</td></tr>
</table>

«Черная» экономика – криминальная деятельность, запрещенная законом (наркобизнес, торговля оружием, людьми и т.д.), представляющая угрозу жизни и здоровью человека.

«Вторая», или «беловоротничковая», теневая экономика – запрещенная законом экономическая деятельность работников официальной «белой» экономики, приводящая к скрытому перераспределению ранее созданного национального дохода. С точки зрения общества, эти работники не производят никаких товаров и услуг. Получаемая работниками выгода возникает за счет потерь другими людьми. Такой деятельностью в основном занимается руководящий персонал, что послужило основанием назвать этот сектор «беловоротничковым». Она связана с нарушением конкуренции, а также прав потребителей, работников, кредиторов, государства.

«Серая» экономика – деятельность, которая по существу является незаконной и подпадает под отдельные статьи налогового, трудового и уголовного законодательства (сокрытие доходов, работа без лицензии, деятельность с привлечением нелегалов и т.д.). Нарушители могут понести различные виды ответственности как административной, так и уголовной, но данные виды деятельности не наносят вреда здоровью и жизни человека.

К внелегальной «розовой» экономике можно отнести, например, финансовые пирамиды.

«Белая» экономика – деятельность на грани закона, например «серые» схемы. Такая деятельность в зависимости от трактовки законодательства различными судами может иметь статус как законной, так и незаконной [12].

По нашему мнению, теневая экономика – это часть экономики, образуемая незаконной экономической деятельностью между хозяйствующими субъектами по поводу присвоения дополнительного дохода за счет снижения трансакционных издержек, осуществляемых за рамками институционально оформленной деятельности. Субъектами теневых экономических отношений могут быть любые хозяйствующие субъекты: домохозяйства, индивидуальные предприниматели, а также чиновники, принимающие управленческие решения.

Особенностью развития теневой экономики как системного явления является то, что она относится к классу так называемых сложных интраверт-

[1] Таблица составлена авторами.

ных систем. Развитие ее подсистем осуществляется по своим внутренним закономерностям, что не позволяет априорно задать четкие целевые установки функционирования государственного механизма, противодействующего теневой экономике в конкретных регионах и отраслях.

Полагаем, что в силу различия природы разных форм теневой экономики государственное воздействие на нее должно осуществляться дифференцированно. Неофициальная, неформальная и фиктивная формы теневой экономической деятельности должны подвергаться в большей степени косвенному воздействию через совершенствование норм и «правил игры», создание стимулов легализации бизнеса. В то же время нелегальная и криминальная формы должны подавляться прямым государственным принуждением.

Важно понимать, что теневая экономика присуща любой экономической системе и погибает только вместе с ней и государством, регулирующим экономические отношения правовыми нормами. Полностью уничтожить теневую экономику не удастся: это чревато разрушением всей экономической системы. Речь можно вести только об уменьшении ее масштаба и уничтожении наиболее опасных для общества форм.

Список литературы

1. **Кизон, Е. А.** Соотношение сущности понятий «теневая экономика» и «неформальная экономика» с точки зрения современной практики их применения / Е. А. Кизон, Д. Г. Маслов // Новый университет. – 2012. – № 12 (22).
2. **Мациевский, Н. С.** Теневая экономика: анализ и оценки / Н. С. Мациевский // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316, № 6.
3. **Эриашвили, Н. Д.** Теневая экономика / Н. Д. Эриашвили, Н. В. Артемьева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА. – 2008.
4. **Gannon, J. A.** Word Panorama of Troubles Along the 2015 Horizon / J. A. Gannon // Intern. Herald Tribune. – 2001. – 2 Febr.
5. **Кизон, Е. А.** Теневая экономика в современных условиях / Е. А. Кизон // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2013. – № 1 (5).
6. **Трофимов, Е. А.** Международные аспекты теневой экономики / Е. А. Трофимов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 2 (82).
7. **Верещагин, С. Г.** Политика государства по борьбе с теневой экономикой, уклонением от уплаты налогов и противодействию легализации «грязных денег» / С. Г. Верещагин // Бизнес в законе. – 2006. – № 3–4.
8. **Буров, В. Ю.** Определение масштабов теневой экономики / В. Ю. Буров // Вестник-экономист. – 2012. – № 4.
9. **Вислогузов, В.** Россия превзошла мировой уровень налогообложения / В. Вислогузов // Коммерсант. – 2012. – № 221 (5006) (22 ноября).
10. **Агапова, И. И.** Институциональная экономика / И. И. Агапова. – М. : Экономистъ, 2006.
11. **Сото, Э. де.** Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. – М. : Catallaxy, 1995.
12. **Тертышный, С. А.** Институциональные основы теневой экономики современной России / С. А. Тертышный // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4 (40).

References

1. Kizon E. A., Maslov D. G. *Novyy universitet* [New university]. 2012, no. 12 (22).
2. Matsievskiy N. S. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Tomsk Polytechnic University]. 2010, vol. 316, no. 6.

3. Eriashvili N. D., Artem'eva N. V. *Tenevaya ekonomika* [Shadow economy]. Moscow: YuNITI-DANA, 2008.
4. Gannon J. A. *Intern. Herald Tribune*. 2001, 2 Febr.
5. Kizon E. A. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, systems, networks in economy, technology, nature and society]. 2013, no. 1 (5).
6. Trofimov E. A. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Proceedings of Irkutsk State Economic Academy]. 2012, no. 2 (82).
7. Vereshchagin S. G. *Biznes v zakone* [Business in the law]. 2006, no. 3–4.
8. Burov V. Yu. *Vestnik-ekonomist* [Bulletin-economist]. 2012, no. 4.
9. Visloguzov V. *Kommersant* [Businessman]. 2012, no. 221 (5006), 22 Nov.
10. Agapova I. I. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economy]. Moscow: Ekonomist", 2006.
11. Soto E. de. *Inoy put'. Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire* [Another way. Invisible revolution in the third world]. Moscow: Catallaxy, 1995.
12. Tertyshnyy S. A. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy]. 2011, no. 4 (40).

Маслов Дмитрий Георгиевич
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: maslovDG@mail.ru

Maslov Dmitriy Georgievich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and world economy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кизон Екатерина Андреевна
аспирант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

E-mail: katya_kizon@mail.ru

Kizon Ekaterina Andreevna
Postgraduate student, Penza State University of Architecture and Construction
(28 G. Titova street, Penza, Russia)

УДК 330.11

Маслов, Д. Г.

Теневая экономика в России как системное институциональное явление / Д. Г. Маслов, Е. А. Кизон // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 167–180.

УДК 338.43

Т. Ф. Янина, И. Г. Кильдюшкина

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РЕГИОНА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Позиционирование экономики в жестких рыночных условиях углубило ряд проблем, обусловивших необходимость адаптации и функционирования промышленных предприятий АПК в обстановке возрастающей конкуренции. Неотъемлемой частью экономики развитых стран давно стала существующая практика кооперации в использовании промышленного оборудования, машин, новых технологий и сооружений промышленного назначения через особую форму предпринимательской деятельности в виде лизинговых операций, не получивших достаточного развития в России. Цель работы – проанализировать направления повышения экономической эффективности в АПК региона на современном этапе и предложить инструменты совершенствования уровня использования машинно-транспортного парка (МТП) при существующих технологиях возделывания и уборки сельхозкультур в регионе. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута при опоре на теоретические и методологические подходы и установки, выработанные экономической наукой, на научные принципы и концепции, представленные в трудах зарубежных и отечественных ученых, посвященных разрабатываемой теме. Для анализа и систематизации материала применялись методы сравнительного, экономико-статистического анализа, структурного, функционального и системного подходов, методы обобщений и экспертных оценок. *Результаты*. В ходе исследования выявлены проблемы повышения эффективности агропромышленного производства, даны оценка и анализ его состояния, определены недостатки и резервы развития. Интенсификация неразрывно связана с устранением и сокращением потерь в процессе производства и воспроизводства общественного продукта. Для современного периода развития нашей экономики характерен разрыв между темпами роста ресурса производства и темпами роста его конечных результатов. Поэтому прежде всего предложены инструменты совершенствования уровня использования МТП при существующих технологиях возделывания и уборки сельхозкультур в регионе. *Выводы*. Рациональное планирование поставок топлива в сельскохозяйственные организации может снизить затраты по их хранению на 68–70 %. Годовая сумма экономического эффекта на региональном уровне может составить порядка 80 млн руб., а при учете также и современных договорных условий взаимоотношений агроорганизаций и поставщиков она еще больше возрастает.

Ключевые слова: производственно-технологическая активность, лизинговые операции, имущественные отношения, эксплуатация машинно-тракторного парка, рынок лизинговых услуг, система организации поставок горюче-смазочных материалов.

T. F. Yanina, I. G. Kil'dyushkina

FORMATION OF PRINCIPAL DIRECTIONS OF ECONOMIC EFFICIENCY IMPROVEMENT IN THE REGIONAL AGRICULTURAL SECTOR

Abstract. *Background*. Positioning the economy in tough market conditions has deepened a number of problems that led to the necessity for adaptation and opera-

tion of industrial enterprises of the agricultural and industrial sector in the environment of increasing competition. The practice of cooperation in the use of industrial equipment, machinery, new technologies and facilities for industrial use through a special form of entrepreneurial activity in the form of leasing operations has become an integral part of the developed countries' economies, but has not received sufficient development in Russia. The aim of this study was to analyze the directions economic efficiency improvement of the agricultural sector of the region at the present stage and offer the tools to improve the level of application of the machine and tractor fleet in conditions of the existing technologies of cultivation and harvesting of crops in a region. *Materials and methods*. The research was based on the theoretical and methodological approaches, developed by the economic science, scientific principles and concepts presented in the works by Russian and foreign scholars on the subject. For the analysis and systematization of the methods the authors applied comparative materials, the economic and statistical analysis, structural, functional and systemic approaches, methods of synthesis and peer review. *Results*. The study identified the problems of efficiency improvement of the agricultural production, the estimation and analysis of its condition, determined deficiencies and development of reserves. Intensification is inextricably linked with the elimination and reduction of losses in production and reproduction of social products. For the modern period, the development of our economy is characterized by the gap between the growth rates of resource production and the growth of its final results. Therefore, first of all, the proposed tools for improving the level of application of the machine and tractor fleet in conditions of the existing technologies of cultivation and harvesting of crops in a region. *Conclusions*. Rational planning of fuel supply in agricultural organizations can reduce costs for storage by 68–70 %. The annual amount of the economic effect at the regional level could reach about 80 million rubles. If we take into account also the modern contractual relations between agricultural enterprises and the suppliers, the amount of economic impact is even greater.

Key words: industrial and technological activity, leasing transactions, property relations, exploitation of the machine and tractor fleet, leasing services market, management system of lubricants delivery.

Позиционирование экономики в жестких рыночных условиях углубило ряд проблем, обусловивших необходимость адаптации и функционирования промышленных предприятий в обстановке возрастающей конкуренции, сокращения рынка сбыта вследствие высоких цен продукции и неплатежеспособности, поиска поставщиков сырья, материалов, ограниченности финансовых ресурсов. Неотъемлемой частью экономики развитых стран давно стала существующая мировая практика кооперации внутри страны и международная кооперация, состоящая в использовании промышленного оборудования, машин, новых технологий и сооружений промышленного назначения через особую форму предпринимательской деятельности в виде лизинговых операций. Эволюция развития лизинга в России указывает на его невостребованность как формы имущественных отношений, несмотря на то что в последние годы лизинг ассоциируется с новыми инвестиционными подходами к совершенствованию бизнеса.

Под *лизингом* (англ. *lease* – «брать и сдавать имущество во временное пользование») понимают имущественные отношения, при которых одна организация (лизингополучатель) обращается к другой (лизингодателю) с просьбой приобретения необходимого оборудования и передачи его ей во временное пользование [1, с. 18].

Причины пристального внимания к организации системы отечественного лизинга несколько отличаются от мотивов его возникновения и развития за рубежом в 1970-х гг., когда подобная форма предпринимательской деятельности была востребована техническим прогрессом с целью удовлетворения традиционных каналов финансирования. В условиях усиления конкуренции производителей лизинг стал дополнительным каналом реализации производимой продукции по причине его содействия расширению круга потребителей и завоевания новых рынков сбыта.

Освоение лизинговых операций как финансовый инвестиционный рычаг в России происходит при спаде производственной и технологической активности. Это требует расширения сферы лизинговых услуг как за счет стимулирования отечественных производителей, так и применения международного лизинга оборудования. В настоящее время количество лизинговых компаний на рынке постоянно увеличивается. Такие структурные единицы способны привести в движение высвобождающиеся производственные мощности, чем обеспечивают максимальное удовлетворение потребности промышленных и коммерческих предприятий в использовании оборудования (имущества). При ограниченности финансовых ресурсов они позволяют не только выжить хозяйствующим субъектам посредством технологического оснащения их производства, но выйти из кризисной ситуации [2; 3, с. 55; 4].

Для удобства изложения материала необходимо привести схему лизинговых операций с целью рассмотрения субъектов лизинга (рис. 1). Лизингодатель (лизинговая компания) представляет собой лицо, осуществляющее лизинговую деятельность, т.е. передачу в лизинг специально приобретенного для этих целей имущества. Различают специализированные компании, занимающиеся арендой одного вида товаров или их группы, и универсальные, передающие в аренду разнообразные виды машин и оборудования. Лизингополучатель получает имущество в пользование по договору лизинга. Участниками лизинговой сделки являются: 1) банки, кредитующие лизингодателя и выступающие гарантами сделок; 2) страховые компании, страхующие выданные кредиты на приобретение оборудования от возможных рисков неплатежей лизингополучателя лизингодателю, а также производят страхование имущества лизингополучателя; 3) брокерские и другие посреднические фирмы.

В зависимости от условий различают *финансовый* (*finance leasing*) и *оперативный* (*operative leasing*) виды лизинга. В первом случае лизингодатель покупает оборудование для пользователя (лизингополучателя), т.е. финансирует будущее пользование оборудования, возвращая себе его стоимость из периодических платежей пользователя. Наиболее распространен финансовый лизинг, характеризующийся тем, что срок, на который оборудование передается во временное пользование или с последующим правом выкупа, приближается по продолжительности к сроку его службы. В качестве лизингодателя выступает лизинговая компания, приобретающая оборудование в собственность у фирмы-изготовителя. По окончании срока действия договора лизинга пользователь может приобрести оборудование в собственность, возобновить договор на льготных условиях или прекратить договорные отношения. Оперативный лизинг, кроме объема обязанностей лизингодателя, отличается от финансового по сроку: оборудование используется намного меньше срока его экономической службы. Техобслуживание, ремонт и страхование при этом

виде лизинга лежат на лизинговой компании, а его предметом обычно выступает оборудование с высокими темпами морального старения [5].

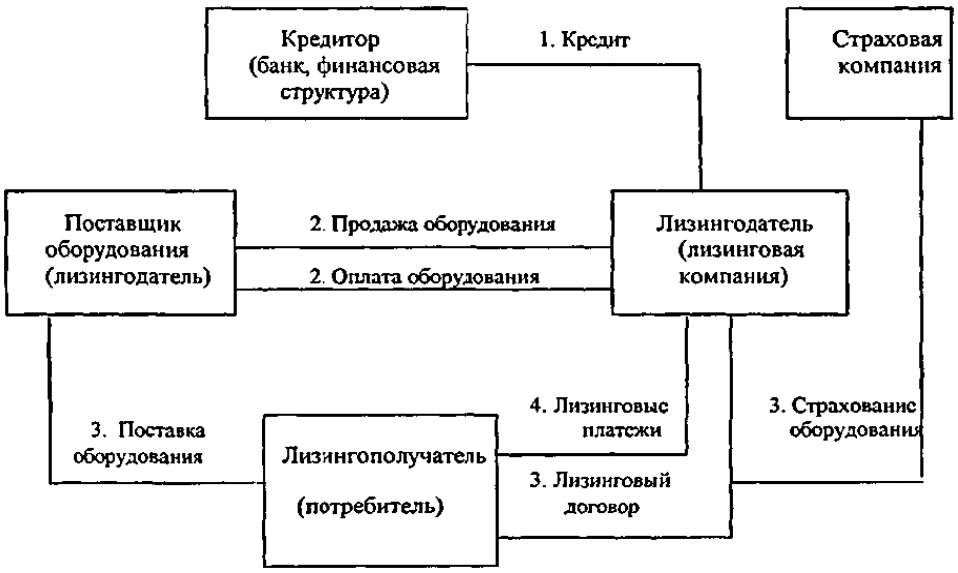

Рис. 1. Схема организационно-экономического механизма финансового лизинга

Лизинг различается по форме и бывает *внутренним* и *внешним* (*международным*), а также по типу – *кратко-*, *средне-* и *долгосрочный*. Лизинг как основа мер по выходу из кризиса материально-технического оснащения АПК совпадает с экономическими интересами производителей, поставщиков и потребителей, предоставляя им возможность реализовать товар через аренду в случае отсутствия других способов его сбыта. Преимущества лизинговых операций состоят в том, что арендатор вправе использовать взятую в аренду машину только до появления на рынке более совершенной модели. Лизингополучатель может возвратить морально устаревшую машину в обмен на новую, что позволяет арендатору постоянно использовать современную технику.

Учитывая особую роль лизингового механизма в экономике России, правительство приняло ряд постановлений, активизирующих роль лизинга в технологическом оснащении производственных процессов. Толчком этому послужили Указ Президента РФ от 17 сентября 1994 г. № 1929 «О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности», Постановление Правительства РФ от 29 июня 1995 г. № 633 «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» и разработка «Федеральной программы развития лизинга в Российской Федерации на 1996–2000 годы». С 1999 г. лизинг в России регулируется Законом «О лизинге» (от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ, с изменениями и дополнениями от 29 января 2002 г. № 10-ФЗ). Кроме того, 26 февраля 1999 г. Правительством РФ принято постановление № 228 «О лизинге машиностроительной продукции в АПК РФ с использованием средств федерального бюджета», где «лизингодателем по обеспечению сельскохозяйственных товаропроизводителей машиностроительной продукцией на основе финансовой аренды (лизинга) за счет средств федерального лизингового фонда могут являться лизинговые компании (фирмы), контрольный пакет ак-

ций которых закрепляется в федеральной собственности и не подлежит отчуждению и передаче на иных правах сторонним организациям».

В 1990-х гг. попытки применения лизинговых схем при существовавших в то время процентных ставках по кредитам в 200 % годовых при продаже сельхозтехники были обречены на провал. С 1994 г. финансовые средства на лизинг начали выделять из федерального бюджета. Постановлением Правительства РФ от 29 октября 1997 г. № 1397 «О совершенствовании лизинговой деятельности в АПК РФ» был введен порядок, согласно которому организации, получающие право на осуществление лизинговых операций, определяются на конкурсной основе. В 1998 г. «Росагроснаб» и его акционеры на местах выиграли на конкурсе право использования бюджетных средств при поставках машиностроительной продукции на условиях лизинга. В настоящее время «Росагроснаб», как один из основных структурных агросервисных подразделений агрокомплекса России, полностью подготовлен к проведению лизинговых операций в больших объемах. Для этого им изучался зарубежный опыт с учетом отраслевой специфики, разрабатывались формы договорных отношений на всех уровнях, обеспечена компьютеризация лизинговых операций по всей вертикали отношений от центра до региональных агроснабов с созданием специальных лизинговых программ. Создание в «Росагроснабе» всероссийской экспертно-вычислительной системы, позволяющей отслеживать товарные, транспортные, финансовые и другие схемы агроснабжения, способствовало отслеживанию движения значительного количества машин и оборудования, находящихся в лизинге три–восемь лет.

В число преимущественных сторон лизинговых отношений по сравнению с другими способами инвестирования входит то, что организациям (лизингополучателям) предоставляются не денежные средства, контроль за обоснованным расходом которых не всегда возможен, а непосредственно средства производства, необходимые для обновления и расширения производственного аппарата. Широкое распространение международного лизинга происходит благодаря его высокому потенциалу, заключающемуся в экономическом сотрудничестве с зарубежными странами. Ограничивают успешное развитие лизинговых операций в России нехватка стартового капитала для организации лизинговых компаний, непонимание сущности подобной формы имущественных отношений и его достоинств как у лизингодателей, так и у лизингополучателей, отсутствие инфраструктуры лизингового рынка, системы информационного обеспечения лизинговых операций и опытных кадров для лизинговых компаний. С учетом существующей в настоящее время в России нормативно-правовой базы лизинга его доля в общем объеме инвестиций составляет 20 % (в США, Великобритании и Франции – более 30–40 %). Это требует увеличения объема инвестиций в топливно-энергетический комплекс, промышленное оборудование, средства транспорта и связи, машиностроение для смягчения последствий мирового финансового и экономического кризиса в стране. Со стороны государства важным является создание условий заинтересованности финансово-кредитных, коммерческих и страховых организаций во вложении средств в лизинговые операции.

Многолетний опыт приложения лизингового механизма в предпринимательской деятельности многих мировых стран доказывает его эффективность. Исходя из существующего положения, позитивность его применения

и активного внедрения в производственную деятельность России в условиях рынка подтверждена множеством примеров. Осуществляются определенные шаги для стимулирования сбыта техники по лизингу. Например, введены в действие сезонные скидки, предусматривающие выгодное приобретение техники именно в межсезонье. Разработаны программы поддержки дилеров и партнеров по обслуживанию техники.

Распространение лизинга в стране позволяет решить проблему воспроизводства техники на выгодных для сельхозорганизаций и поставщиков-операторов условиях, выполнить технологические операции по производству продукции растениеводства и животноводства в оптимальные сроки, повысить производительность труда и способствовать увеличению прибыли.

Кстати, эффективность использования машинно-тракторного парка (МТП) в значительной мере определяется существующей технологией возделывания и уборки сельхозкультур и возможностью ее совершенствования [6; 7, с. 3; 8]. В связи с этим актуальны сегодня прогрессивные технологии сберегающего земледелия.

В условиях Республики Мордовия проводились испытания сельхозагрегатов с различными типами тракторов, позволившие выявить экономически более эффективные агрегаты на различных технологических операциях. Научные исследования, проводившиеся в ГОСНИТИ, показали, что установка сдвоенных колес на трактор К-701 позволила расширить диапазон его использования (табл. 1), при этом по своим характеристикам он незначительно уступал гусеничному трактору «Челленджер Е-95».

Таблица 1

Эффективность работы механизированных транспортных агрегатов (МТА) на базе трактора К-701 в зависимости от конструкции ходовой части

Технологические операции	К-701 на обычном ходу		К-701 со сдвоенными колесами	
	Сменная выработка, га	Расход горюче-смазочных материалов, кг/га	Сменная выработка, га	Расход горюче-смазочных материалов, кг/га
Культивация зяби (КПС)	45,0	5,0	51,3	4,5
Сев яровых зерновых (СЗУ-3,6)	55,0	4,6	64,5	3,9

Экономический эффект от внедрения одного экспериментального трактора со сдвоенными колесами можно определить, сопоставляя приведенные затраты базового и нового агрегатов (табл. 2).

Тракторы К-701 на сдвоенных колесах в составе широкозахватных агрегатов во время культивации (табл. 2) являются экономически обоснованными. Экономический эффект от их использования за счет снижения приведенных затрат составляет (в ценах 2008 г.) 25 570 руб. в год, а за счет прибавки урожая составит 557 руб./га [9–11]. Их применение на весенне-полевых работах в составе широкозахватных и комбинированных агрегатов позволяет повысить урожайность яровых культур на 7–11 %.

Таблица 2

Экономическая эффективность применения агрегатов

Виды затрат	Базовый агрегат	Проектируемый агрегат
Затраты на амортизацию, $З_а$, руб./га	69,98	63,65
Затраты на техническое обслуживание (ТО) и ремонт, $З_{ТО}$, руб./га	19,1	17,4
Затраты на горюче-смазочные материалы (ГСМ), $З_{ГСМ}$, руб./га	97,5	87,75
Затраты на хранение, $З_{хр}$, руб./га	0,42	0,38
Затраты на заработную плату, $З_о$, руб./га	3,2	2,8
Всего эксплуатационных затрат, $З_{экс}$, руб.	190,2	171,98
Удельные капвложения, $К_у$, руб./га	318,9	289,9
Нормативная прибыль, $Н_п$, руб./га	47,84	43,49
Приведенные затраты, руб./га	238,04	215,47
Годовой экономический эффект от внедрения одного трактора К-701 на сдвоенных колесах, руб./1000 га	22 570	

В целях совершенствования систем обработки почвы и повышения эффективности использования машинно-тракторных агрегатов необходимо: использовать широкозахватные машины на базе энергонасыщенных тракторов, в целом повышающих производительность, снижающих расход горюче-смазочных материалов (ГСМ) на 10–15 % и сокращающих сроки проведения полевых операций; применять минимальные приемы и системы обработки почвы на плодородных, чистых от сорняков почвах, сокращающих прямые затраты на сельскохозяйственные работы, снижающих себестоимость продукции на 7–10 % и повышающих рентабельность производства на 20–25 %; установить строгий контроль за технологической дисциплиной выполнения полевых работ и не допускать нарушений установленных агротехнических требований к обработке почвы с определением оценки качества ее обработки. В целом это позволит не только получить значительный экономический эффект, но и существенно повысит эффективность использования МТП.

При выборе лучшего варианта использования наличного состава МТП обычно используются технологический и экономико-математический подходы. Суть первого подхода заключается в проведении расчетов с учетом фактического использования имеющегося парка машин и выполнения планируемого годового объема работ. Расчеты обычно заканчиваются построением графиков использования тракторов по каждой марке в отдельности с учетом работ по всем технологическим операциям. Прямые затраты на эксплуатацию различных механизированных транспортных агрегатов (МТА) на конкретных технологических операциях не одинаковы (табл. 3) [11, с. 60]. Так, осуществляя оперативный выбор лучшего варианта проведения работ на основе расчетных величин прямых затрат на эксплуатацию, следует отдать предпочтение следующим видам МТА на базах тракторов: «Кировец» при боронование, культивации, севе и дисковании; Т-4А при вспашке и плоскорезной обработке; ДТ-75М при снегозадержании и лущении. Хотя при однократном выполнении всех этих операций каждым МТА затраты в расчете на один гек-

тар составят соответственно 4795,49 руб., 4214,38 руб. и 4313,84 руб. Для рыночных условий хозяйствования важно использовать экономико-математический подход с элементами технологического подхода.

Таблица 3

Эксплуатация МТА (руб./га) и трудоемкость (чел.-ч/га) по технологическим операциям

Эксплуатационные характеристики МТА на базе трактора				
К-701	Т-150К	Т-4А	ДТ-75М	МТЗ
1. Снегозадержание				
665,41 / 0,13	345,00 / 0,20	311,85 / 0,20	256,84 / 0,20	
2. Боронование				
287,32 / 0,08	338,47 / 0,08	456,65 / 0,16	522,11 / 0,55	
3. Культивация				
212,28 / 0,07	536,52 / 0,10	231,96 / 0,10	228,12 / 0,16	349,66 / 0,26
4. Сев				
365,78 / 0,06	702,06 / 0,14	513,39 / 0,14	488,99 / 0,22	623,10 / 0,43
5. Лущение				
1245,70 / 0,50	1688,19 / 0,50	984,13 / 0,63	869,44 / 0,63	
6. Дискование				
157,80 / 0,05	237,44 / 0,08	184,79 / 0,08	159,47 / 0,13	282,34 / 0,25
7. Вспашка				
921,77 / 0,35	1350,53 / 0,43	686,53 / 0,43	856,67 / 0,69	
8. Плоскорезная обработка				
939,43 / 0,42	1956,21 / 0,71	845,08 / 0,52	932,20 / 0,71	
Суммарные затраты по всем работам (однократное выполнение)				
4795,49 / 1,66	7154,42 / 2,04	4214,38 / 2,26	4313,84 / 3,09	

Для сельхозпредприятия наиболее приемлемы три задачи: определение оптимального состава МТП для вновь организуемого хозяйства или подразделения; определение оптимального состава МТП при условии, что на предприятии имеется некоторый набор тракторов и машин; определение плана наилучшего использования имеющегося парка путем оптимального распределения заданных работ между МТА. Все задачи в числовом варианте реализуются по алгоритму типовой модели линейного программирования по следующему принципу.

Записывается целевая функция модели:

$$F(x) = \sum \sum \sum Ckit \cdot Xkit \rightarrow \min.$$

Задаются условия, ее ограничивающие: на неотрицательность переменных $Xkit \geq 0$ (2); на объемы работ $\sum Wkit \cdot Xkit = bit$ (3); на другие ресурсы и условия, где C – стоимостной или другой постоянный параметр МТА; X – искомое число МТА соответствующего типа; W – производительность МТА соответствующего типа; b – заданный объем выполнения соответствующих работ; k – тип (вид) МТА; i – вид работы; t – период выполнения работы.

В качестве критериев оптимальности (значений целевой функции) используются: минимум приведенных затрат на выполнение заданного объема; минимум текущих затрат; минимум капвложений на приобретение тракторов и сельхозтехники: минимум энергомашин, расхода топлива и др. Обычно

стоимостной параметр (*Ckit*) целевой функции (1) рассчитывается заранее и остается величиной постоянной. Но учитывая особенности расчетов затрат на эксплуатацию МТП, такое предположение постоянства затрат методически не оправдано, поскольку амортизация и затраты на ремонт, нормируемые в процентах от балансовой стоимости в расчете на единицу работы, зависят от годовой загрузки (наработки) трактора. Если трактор используется на всех технологических операциях, то погрешность расчетов незначительна; в случае использования МТА на нескольких (наиболее предпочтительных с точки зрения минимума прямых затрат) операциях возникает потребность корректировки параметра (*Ckit*) в сторону его увеличения из-за снижения годовой наработки. И если такую корректировку не произвести, то затрат на текущее (ремонтно-техническое) и перспективное (амортизация) воспроизводство МТА может оказаться недостаточно.

Для уточнения методики и повышения точности расчетов к типовой оптимизационной задаче добавляется специальный корректирующий блок (рис. 2). Корректировка выполняется в случае, если по результатам оптимизации годовая наработка ($\sum Tkit$) трактора (*i*-й марки) в составе всех МТА (*k*) за сроки (*t*) проведения технологических операций отличается от принятой при расчетах удельных затрат на амортизацию (*Ca*) и ремонтно-техническое обслуживание (*Cp*) годовой загрузки трактора (Тгт). Модель расчета эксплуатационных затрат по МТП на основе электронной таблицы Excel, возможности практической реализации которой представлены на рис. 3 и в табл. 4 [12–16], используется не только в справочно-информационных целях для оперативного и тактического управления, но и позволяет оценивать прогнозные сценарии развития, важные для стратегического управления воспроизводственных процессов. В простом варианте такой прогноз можно получить, задав направление изменения исходных параметров МТА и их числовое значение.

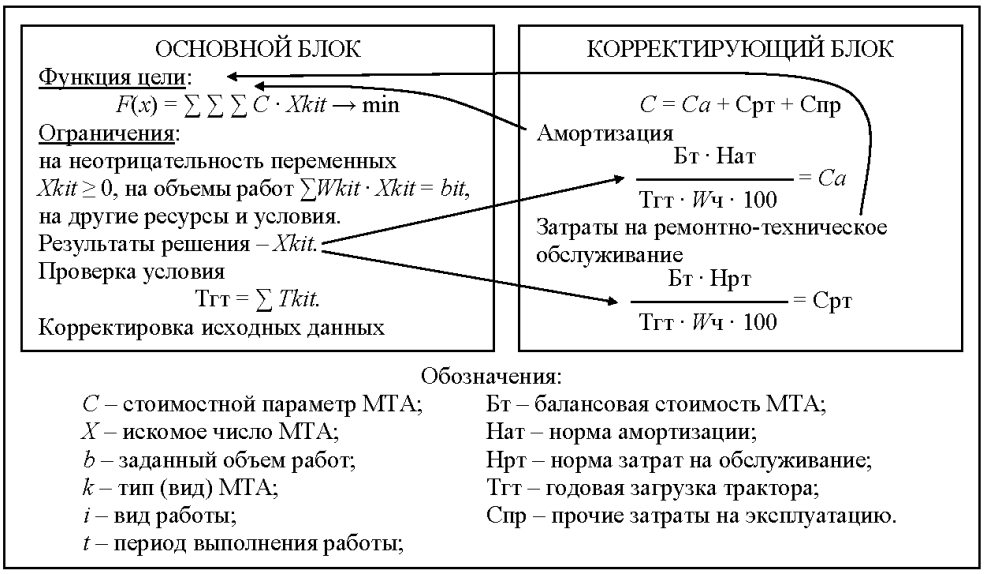
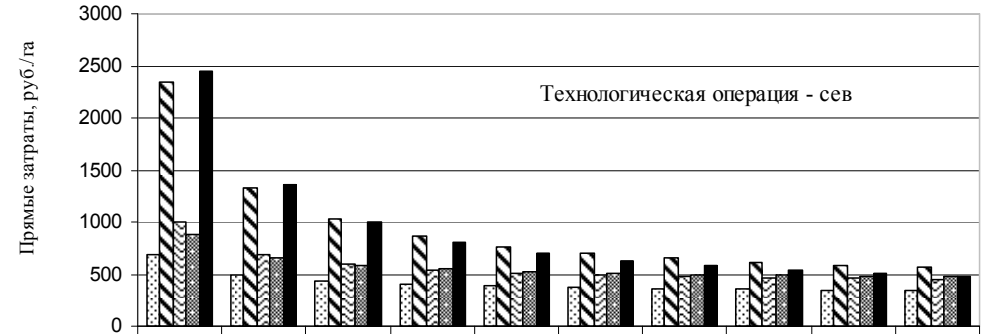

Рис. 2. Методика повышения точности по блокам расчетов к типовой задаче оптимизации годовой наработки трактора в составе МТА

Загрузка, час.	200	400	600	800	1000	1200	1400	1600	1800	2000
К 701	690,4	497,6	433,4	401,2	382,0	369,1	359,9	353,0	347,7	343,4
Т-150К	2346,3	1335,6	1028,7	864,0	765,2	699,3	652,2	616,9	589,5	567,5
Т-4А	996,8	692,9	591,6	540,9	510,6	490,3	475,9	465,0	456,6	449,8
ДТ-75М	884,4	658,1	582,7	545,0	522,4	507,3	496,5	488,4	482,1	477,1
МТЗ	2445,8	1356,4	993,3	811,7	702,8	630,1	578,3	539,4	509,1	484,9

Рис. 3. Таблично-графическая диаграмма расчета уровня прямых затрат на эксплуатацию различных МТА

Таблица 4

Сравнительные результаты расчетов по обоснованию состава МТП

Марка трактора	Данные о количественном составе (шт. на 1000 га пашни)			
	Фактическое наличие	Расчетные данные по подходам		
		Технологический	Экономико-математический	
			типовой	скорректированный
К-701	1,85	0,96	1,21	2,02
Т-150 К		0,5	0,96	
Т-4А		1,8	1,36	0,96
ДТ-75 М	1,2	2,1	1,25	2,51
МТЗ	0,91	2,4	1,38	1,2
Себестоимость 1 усл. эт. га тракторных работ, руб.	736,1	833,75	718,95	684,58

Таким образом, перспективные направления машинно-технологической стратегии в регионе в условиях рыночных взаимоотношений сводятся к освоению прогрессивных технологий с разным уровнем интенсивности производства в зависимости от классификации сельскохозяйственного предприятия и природно-экономической зоны расположения. Эффективность использования МТП в значительной мере определяется существующей технологией возделывания и уборки сельскохозяйственных культур. Совершенствование существующих технологий их возделывания и уборки позволяет не только получить значительный экономический эффект, но и существенно повысить эффективность использования МТП. При этом целесообразно использовать экономико-математические методы расчета оптимального состава МТП, включающие элементы технологического подхода. Их применение позволяет

одновременно учесть большинство экономических и агротехнических условий и найти лучший вариант использования агротехники (см. рис. 3). Формирование механизма распределительных взаимоотношений, предусматривающего усиление межхозяйственных связей, может значительно повысить эффективность использования МТП и качественно изменить параметры машинно-технологического обеспечения агропроизводства. Одним из эффективных путей улучшения общей технической оснащенности сельхозпредприятий следует рассматривать организацию совместного использования техники. Предпочтительны для них кооперативные машинные формирования, наиболее полно отражающие их интересы. Поэтому расширение кооперации при использовании и обновлении техники должно стать приоритетом в развитии АПК.

Кооперация входит в последнее время в число ключевых систем, обеспечивающих удовлетворение экономических и иных потребностей сельхозтоваропроизводителей. На базе объектов производственной инфраструктуры нужно формировать обслуживающие машинные кооперативы с принципом открытого членства, участниками которых могут стать близлежащие сельхозпредприятия. Сельскохозяйственный обслуживающий машинный кооператив создается сельскими товаропроизводителями (гражданами и (или) юридическими лицами) при условии их обязательного участия в его хозяйственной деятельности. Последовательность организационных мероприятий по созданию обслуживающего машинного кооператива должна включать ряд основных этапов (рис. 4).

Для организации процесса целесообразно создание рабочей группы, в состав которой включаются два-три представителя аграрных организаций с инженерным образованием и консультант-экономист. Такая группа занимается изучением возможностей создания обслуживающего машинного кооператива, последовательно выполняя действия по проведению информационно-разъяснительной работы с потенциальными членами кооператива; принятию заявлений о вступлении в ее члены; подготовке технико-экономического обоснования проекта производственно-экономической деятельности и проектов Устава кооператива и учредительных документов; определению размера паевого фонда и источников его образования; организации общего собрания его членов.

Ввиду сложности данного процесса необходимо предусмотреть поэтапное совершенствование структуры обслуживающего машинного кооператива. На первом этапе целесообразно создать лишь основные структурные подразделения – по выполнению механизированных и ремонтно-обслуживающих работ. В дальнейшем по мере укрепления экономического потенциала, роста объема выполняемых работ и авторитета кооператива у сельских товаропроизводителей могут быть созданы дополнительные структурные подразделения (группы по механизации работ в животноводстве, обеспечению нефтепродуктами, автотранспорту и др.). Весьма важным в работе обслуживающего машинного кооператива является оснащение современными средствами диспетчерской связи и компьютерной техникой.

Для управления рабочим процессом, оперативного учета различных факторов, влияющих на производственную деятельность обслуживающего машинного кооператива, необходимо иметь эффективную структуру управ-

ления. Организационная структура зависит от видов и объемов выполняемых работ. При этом основным требованием к созданию такой структуры является минимум затрат на содержание административно-управленческого персонала. В обслуживающем машинном кооперативе легко добиться предельно минимальной численности руководителей структурных подразделений вследствие того, что кооператив создается для выполнения услуг своим же членам, а организационная структура формируется с учетом выполнения только механизированных и ремонтно-обслуживающих работ (рис. 5).

Рис. 4. Организационные мероприятия по созданию обслуживающего машинного кооператива

Обеспечение надлежащего проведения механизированных работ возлагается на агронома, ему же подчинен и участок проведения механизированных работ. Организация выполнения ремонтно-обслуживающих работ поручается инженеру-механику, возглавляющему и ремонтно-обслуживающий участок. Для оперативного управления производством предусматривается диспетчер с центральным диспетчерским пунктом и средствами мобильной связи. Для планирования работ, ведения учетно-расчетных операций в тече-

ние всего календарного года на должном уровне обеспечивается создание административно-хозяйственного участка с минимальным составом работников. После завершения периода становления обслуживающего машинного кооператива и экономической стабилизации производства возможно некоторое расширение исполняемых функций: обслуживающий машинный кооператив сможет выполнять заказы небольших фермерских и Л(П)Х, а также позволит объединить усилия сельхозпроизводителей в условиях кризисного состояния сельхозпроизводства и острого дефицита техники.

Рис. 5. Схема организационной структуры машинного кооператива

В деятельности служб материально-технического обеспечения агроорганизаций можно встретить различные достаточно простые принципиальные системы регулирования запасов ГСМ, основанные на различных стратегиях и определенных правилах пополнения запасов, выраженных в достаточно общей форме. Параметры этих систем – величина имеющихся на складе ГСМ, допустимые колебания уровня запасов, размеры заказа на пополнение запасов, его периодичность и др. Системы отличаются между собой в зависимости от того, какие из параметров выбраны в качестве регулирующих. Выбор системы для конкретной организации зависит от финансовых возможностей, договорных взаимоотношений с поставщиками, размера и специали-

зации производства, удаленности от баз материально-технического снабжения и поставщиков, наличия подъездных путей, автотранспорта и др.

Системы с фиксированным размером являются наиболее распространенными в практике, в которой объем заказа на пополнение запасов выступает постоянной величиной. Очередная партия товара поступает при уменьшении остатков запасов до определенного критического уровня, называемого точкой заказа. Регулирующими параметрами системы с фиксированным размером заказа являются точка заказа (фиксированная величина ГСМ, при снижении до которой организуется приобретение очередной партии товара) и его размер (величина партии поставки ГСМ). Система с фиксированной периодичностью заказа отличается от предыдущей тем, что заказы на очередную поставку ГСМ повторяются через равные промежутки времени. В конце каждого периода проверяется уровень запасов и, исходя из этого, определяется размер заказываемой партии. При этом заказ пополняется каждый раз до определенного уровня, не превышающего максимальный. Регулирующим параметром этой системы выступают: 1) максимальный уровень запаса ГСМ, до которого осуществляется их пополнение; 2) продолжительность периода повторения приобретения ГСМ [17–20].

Систему с фиксированной периодичностью заказа эффективно использовать, когда имеется возможность изменять объем заказа, а затраты на оформление любого заказа невелики. Одним из достоинств подобной системы можно считать возможность периодической проверки остатков на складе ГСМ и отсутствие ведения систематического учета движения остатков. К ее недостаткам относится то, что она не исключает возможность нехватки ГСМ и достаточно слабо контролирует наличие и расход запасов в период между смежными поставками. Данную систему можно применять в сельхозорганизациях для пополнения тех видов запасов, расход которых не зависит от сезонного характера деятельности организации. Это связано с возможным резким увеличением потребности в запасах, в результате чего образуется их нехватка.

В системе с двумя фиксированными уровнями запасов и с фиксированной периодичностью заказа установлены верхний и нижний пределы допустимого уровня запасов. Кроме максимального верхнего уровня запаса, устанавливается нижний уровень (точка заказа). Если размер запаса снижается до нижнего уровня еще до наступления фиксированного времени его пополнения, то делается внеочередной заказ. В остальных случаях система функционирует как система с фиксированной периодичностью. В данной системе имеются три регулирующих параметра: 1) максимальный уровень запаса; 2) нижний уровень запаса (точка заказа); 3) длительность периода между заказами. Первые два параметра постоянны, а третий может быть переменным.

Рассматриваемая система является более сложной, но одновременно и более гибкой по сравнению с предыдущей. Она позволяет исключить возможность дефицита ГСМ, но в то же время пополнение таких запасов до максимального уровня не может производиться независимо от фактического их расходования. Система с двумя фиксированными уровнями запасов с фиксированной периодичностью заказа является достаточно удобной для применения в сельском хозяйстве, кроме случаев, когда потребление ГСМ неритмичное и могут возникать ситуации «затоваривания», поскольку пополнение

происходит через определенный промежуток времени без учета потребности в ГСМ.

Система с двумя фиксированными уровнями ГСМ без постоянной периодичности заказа в практике называется *S*-*s*-система, или система «максимум-минимум». Данная стратегия является более динамичной, устраняет недостаток предыдущей системы и является ее модификацией. В ней имеются два регулирующих параметра: нижний (критический) уровень запаса *s* и верхний уровень запаса *S*. Если через *x* обозначить величину запасов для принятия решения о их пополнении, через *p* – величину пополнения, через $y = x + p$ – величину запасов ГСМ после пополнения, то стратегия управления запасами ГСМ (*s*, *S*) задается следующими условиями:

$$Y(x) = \begin{cases} x, \text{прих.} > s \\ S, \text{прих.} \le s \end{cases}.$$

Таким образом, пополнения не происходит, если имеющийся уровень запасов ГСМ больше критического уровня *s*; если же существующий уровень меньше или равен *s*, то принимается решение о пополнении запаса обязательно до верхнего уровня *S*, так что величина пополнения равна $p = S - x$ [21, с. 68]. Данная стратегия управления запасами ГСМ, на наш взгляд, является универсальной и наиболее подходящей для сельскохозяйственных организаций, поскольку позволяет учитывать сезонность и исключить возможную нехватку производственных запасов. Система проста в применении, и эффективность ее полностью зависит от установленного максимального/минимального уровней запасов. Чрезмерно большой уровень запасов повысит затраты на хранение и замедлит движение оборотных средств. Слишком низкий уровень может вызвать временный дефицит в условиях нестабильной работы поставщиков.

Рассмотренные выше системы регулирования запасов предполагают относительную неизменность условий функционирования систем. На практике такое постоянство условий редко встречается из-за изменений потребности в производственных запасах, условий поставок и т.д. В связи с этим возникает необходимость создания комбинированных систем с возможностью саморегулирования (адаптации к изменившимся условиям), т.е. с изменяющейся периодичностью и размером заказов, учитывающих недетерминированные условия. В каждой такой системе устанавливается определенная целевая функция, которая служит критерием оптимальности ее функционирования в рамках соответствующей экономико-математической модели управления запасами.

Одним из элементов целевой функции при построении саморегулирующихся систем управления запасами являются затраты, связанные с организацией заказа и его реализацией, начиная с поиска поставщика и кончая оплатой всех услуг по доставке товарных запасов на склад. Часть расходов, связанных с реализацией заказа, зависит от размера заказанной партии, причем расходы в расчете на единицу товара уменьшаются при увеличении размера партии. Другим его элементом являются затраты, связанные с хранением запаса. Часть издержек хранения носит постоянный характер (амортизационные отчисления, освещение, охрана и др.). Другая часть этих издержек находится в прямой зависимости от уровня запасов (потери и недостачи, из-

держки учета и др.). При расчетах на основе экономико-математических моделей управления запасами ГСМ обычно пользуются удельной величиной издержек хранения, равной издержкам на единицу хранимого товара в единицу времени. Предполагается, что издержки хранения за календарный период пропорциональны размеру запасов и длительности периода между заказами и обратно пропорциональны количеству заказов за этот период. Третий элемент рассматриваемой целевой функции – потери из-за дефицита, когда снабженческо-сбытовая организация несет материальную ответственность за неудовлетворение потребности потребителей из-за отсутствия запасов. Вероятность дефицита – это ожидаемая относительная частота появления случаев нехватки товарной продукции в течение более или менее продолжительного интервала времени.

Изучение различных систем организации поставок ГСМ показали, что при выборе той или иной системы управления запасами для конкретной организации следует учитывать определенные факторы. Так, систему с фиксированной периодичностью заказа разумно применять при возможности заказа различных по величине партий. Расходы, связанные с размещением и доставкой заказа, незначительны, поэтому и потери от возможного дефицита сравнительно недороги. Системы с фиксированным размером заказа лучше применять в случаях, когда организация несет меньшие потери в результате отсутствия запасов. Издержки хранения и стоимость заказываемых запасов достаточно велики, высока и степень неопределенности спроса и наличие скидок поставщиков в зависимости от размера заказываемой партии.

Определение необходимого объема финансовых средств, авансируемых в формирование запасов товарно-материальных ценностей, осуществляется путем определения потребности в отдельных видах ГСМ. Потребность запасов каждого вида определяется раздельно по группам запасов: 1) текущего хранения; 2) сезонного хранения; 3) целевого назначения. Среди настоящих групп запасов основное внимание должно быть уделено определению потребности в запасах текущего хранения.

Формула, по которой определяется необходимый объем финансовых средств, авансируемых на формирование запасов товарно-материальных ценностей, имеет следующий вид [22, 23]:

$$ФСз = СР \cdot Нз – КЗ,$$

где ФСз – объем финансовых средств, авансируемых в запасы; СР – среднедневной объем расхода запасов в сумме; Нз – норматив хранения запасов, в днях (при отсутствии разработанных нормативов может быть использован показатель средней продолжительности оборота запасов в днях); КЗ – средняя сумма кредиторской задолженности по расчетам за приобретенные товарно-материальные ценности. При этом расчет ведется по каждому из видов запасов. Суммирование их результатов позволяет получить общую потребность в финансовых ресурсах, авансируемых на формирование запасов, т.е. определить размер оборотных активов, обслуживающих эту стадию производственно-коммерческого цикла.

Проблема оптимизации размера запасов ГСМ, необходимых для эффективной работы сельхозорганизации в условиях рынка, особенно важна и всегда стоит перед ее руководством. В теории управления запасами разра-

ботаны специальные модели для определения объема одной партии заказа и их частоты. Одна из простых моделей имеет вид

$$q = \sqrt{\frac{2SZ}{H}},$$

где q – объем партии в единицах; S – общая потребность в сырье на период в единицах; Z – стоимость выполнения одной партии заказа; H – затраты по хранению единицы сырья.

Данная формула впервые была предложена Ф. У. Харрисом в 1913 г., но распространение получила в работах английского экономиста Р. Х. Уилсона в 1934 г. Предполагая, что эта формула не учитывает возможность возникновения дефицита запасов, П. М. Ферейра в своих исследованиях использовал производную от формулы Р. Х. Уилсона, позволяющую рассчитывать рациональную партию с учетом минимизации потерь от дефицита:

$$q = \sqrt{\frac{2SZ}{H}} \cdot \sqrt{\frac{H+b}{b}},$$

где b – потеря от дефицита единицы материала в единицу времени. Эта формула – производная от формулы Р. Х. Уилсона, поскольку при стремлении b к бесконечности, т.е. повышение штрафа за дефицит превращает вторую дробь в единицу и приводит формулу к первоначальному виду.

Издержки на хранение следует рассчитывать на единицу ГСМ, находящихся на хранении, в единицу времени либо за период при условии принятия в расчете расхода ГСМ за тот же срок. Кроме того, затраты, связанные с хранением ГСМ, как правило, не зависят от размера запасов, поскольку все организации имеют собственные нефтебазы и издержки на хранение, фактически не зависящие от их заполнения. При этом с увеличением партии закупки ГСМ накладные расходы в расчете на единицу запаса уменьшаются, а расходы на хранение не зависят от количества хранимых ГСМ (чем больше партия закупки, тем лучше).

На практике организации зачастую не имеют свободных денежных средств на приобретение запасов, и потому возникает необходимость привлечения кредита и учета затрат на уплату процентов. Для расчета оптимальной партии с учетом стоимости приобретаемого сырья, а также среднего банковского процента целесообразно использовать формулу Матца – Карри – Фрэнка, которая имеет следующий вид:

$$q = \sqrt{\frac{2SZ}{CBT}},$$

где q – объем партии в единицах; S – общая потребность в ГСМ на период в единицах; Z – стоимость выполнения одной партии заказа; C – стоимость единицы запаса; B – предполагаемая ставка банковского процента; T – транспортные расходы на единицу материала в год.

В данной формуле предполагается, что сельхозорганизация при закупках несет три вида издержек: издержки, связанные с привлечением финансовых ресурсов на приобретение единицы запаса (C – B) в размере средней ставки банковского процента; издержки, связанные с транспортировкой еди-

ницы запаса – T; издержки на выполнение заказа – условно-постоянные расходы, не зависящие от размера заказываемой партии Z. Цель такой формулы сводится к минимизации суммарных издержек.

Приведенные формулы обладают общим свойством: партия оптимальна тогда, когда стоимость заказа равна издержкам на хранение или транспортным расходам. При этом следует учитывать, что скорость расхода ГСМ всегда неизменна в единицу времени, объем партии пополнения всегда постоянный, время разгрузки и время от принятия решения до прихода заказа равно нулю, остаток запасов на складе ГСМ всегда больше нуля. Таким образом, суммарные издержки на приобретение запасов складываются из платы за отвлечение ресурсов, транспортных расходов и накладных расходов, связанных с осуществлением заказа. Плата за ресурсы и транспортные расходы прямо пропорционально зависит от количества приобретаемых и перевозимых ГСМ и задается формулой

$$I_1 = \frac{Q}{2}(CB + T),$$

где I_1 – издержки, связанные с отвлечением ресурсов и транспортировкой. Причем отвлечение ресурсов предполагает средний уровень запаса, поскольку с их расходом ресурсы возвращаются.

Издержки, связанные с выполнением заказа, зависят от величины партии пополнения и с ростом партии в расчете на единицу запаса уменьшаются и задаются формулой

$$I_2 = Z\frac{S}{q},$$

где I_2 – издержки, связанные с осуществлением заказа.

Таким образом, суммарные издержки складываются из суммы I_1 и I_2:

$$I = \frac{q}{2}(CB + T) + Z\frac{S}{q}.$$

Далее можно предложить четыре способа решения данного уравнения с целью минимизации суммарных издержек: 1) берут производную по dq и приравнивают полученное выражение к нулю. Экономический смысл производной заключается в нахождении точки нулевого наклона касательной и кривой минимума совокупных издержек; 2) учитывая, что обе составляющие зависят от величины партии закупки, наименьшая их сумма будет достигнута в случае равенства издержек, связанных с заказом и его выполнением; 3) графически находят точку пересечения двух линий, совокупные оптимальные издержки в которой будут равны и, соответственно, минимальны; 4) методом перебора значений партии закупки с целью достижения оптимального результата (данный способ достаточно трудоемок и неэффективен, однако при наличии компьютера и пакета прикладных программ фирмы Microsoft Excel можно с помощью опции по подбору параметра или поиску решения легко и быстро выполнить данную задачу) [24, с. 104]:

$$q^2 = \frac{2ZS}{CB + T}.$$

Резюмируя изложенное, следует заключить, что рациональное планирование поставок топлива в сельскохозяйственные организации может снизить затраты по их хранению на 68–70 %. Годовая сумма экономии на региональном уровне может составить порядка 80 млн руб. [11, 25]. С учетом современных договорных условий взаимоотношений агроорганизаций и поставщиков сумма экономического эффекта еще больше возрастает.

Список литературы

1. **Николаева, И. П.** Экономический словарь / И. П. Николаева. – М. : Проспект, 2008. – 157 с.
2. **Иванов, С. П.** Новости ресурсосбережения / С. П. Иванов // Сельскохозяйственные вести. – 2005. – № 4. – С. 12–15.
3. **Кусмагамбетов, С. М.** Формирование инвестиций при оптимизации развития производства в сельскохозяйственных предприятиях / С. М. Кусмагамбетов. – Воронеж, 2000. – С. 55.
4. **Курносов, А. П.** Оптимизация параметров функционирования сельскохозяйственных предприятий при изменяющихся условиях хозяйствования / А. П. Курносов, А. В. Улезько, А. К. Камалян, Н. М. Бухонова. – М. : Изд-во Моск. гос. соц. ун-та «Союз», 2000. – 416 с.
5. **Демченко, А. Ф.** Менеджмент в АПК : учеб. пособие для вузов / А. Ф. Демченко, Е. А. Демченко. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 1999. – С. 25–27.
6. **Бурбель, А. Ф.** Агропромтехнология полей юга России / А. Ф. Бурбель, А. Н. Белан, Б. А. Землянский, А. С. Найденов. – М., 1996. – 181 с.
7. **Краснощеков, Н. В.** Приоритет технологизации сельскохозяйственного производства // Техника и оборудование для села. – 2001. – № 1. – С. 3–9.
8. **Лачуга, Ю. Ф.** О стратегии машинно-технологического обеспечения производства сельскохозяйственной продукции / Ю. Ф. Лачуга // Научно-технический прогресс в АПК России – стратегия машинно-технологического обеспечения производства сельхозпродукции на период до 2010 г. : сб. материалов науч. сессии Россельхозакадемии. – М., 2004. – С. 15–24.
9. **Ример, М. И.** Экономическая оценка инвестиций : учеб. для вузов / М. И. Ример, А. Д. Касатов, Н. Н. Матиенко. – СПб. : Питер, 2008. – С. 22–25.
10. **Северный, А. Э.** Вторичный рынок сельскохозяйственной техники / А. Э. Северный, М. А. Халфин // Достижения науки и техники АПК. – 2008. – № 9. – С. 25–28.
11. **Столяров, А. В.** Повышение эффективности эксплуатации машинно-тракторного парка в условиях Республики Мордовия / А. В. Столяров // Регионология. – 2009. – № 2. – С. 56–60.
12. Дипломное проектирование на экономическом факультете / сост. К. С. Терновых, Б. А. Дубровский, А. С. Алексеенко, А. В. Саввин, А. С. Анненко, В. Г. Закшевский, З. П. Меделяева, В. И. Новиков. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 1998. – 252 с.
13. **Камалян, А. К.** Принятие управленческих решений в условиях риска и неопределенности: теория, методология, практика / А. К. Камалян, Л. П. Яновский. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 2000. – С. 82–85.
14. **Курносов, А. П.** Вычислительная техника и программирование / А. П. Курносов. – М., 1991. – 316 с.
15. **Курносов, А. П.** Информатика : учеб. / под ред. д-ра экон. наук, проф., засл. деятеля науки РФ, академика Академии аграрного образования А. П. Курносова / А. П. Курносов, С. А. Кулев, А. В. Улезько, А. С. Чернигин, С. В. Ломакин. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 1997. – 196 с.
16. Методика определения экономической эффективности технологий и сельскохозяйственной техники. – М., 1998. – 219 с.

17. **Конкин, Ю. А.** Экономика ремонта сельскохозяйственной техники / Ю. А. Конкин. – М. : Агропромиздат, 1990. – 366 с.
18. **Коршунов, А. П.** О критериях оценки эффективности сельскохозяйственной техники / А. П. Коршунов // Техника в сельском хозяйстве. – 1998. – № 2. – С. 6–10.
19. **Михалев, А. А.** Повышение технологического и технического уровня сельскохозяйственного производства – основа обеспечения его конкурентоспособности / А. А. Михалев // Научно-технический прогресс в АПК России – стратегия машинно-технологического обеспечения производства сельхозпродукции на период до 2010 г. : сб. материалов науч. сессии Россельхозакадемии. – М., 2004. – С. 5–11.
20. Повышение эффективности функционирования АПК и применение методов математического моделирования в исследованиях агроэкономических систем. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 2001. – 96 с.
21. **Демченко, Е. А.** Тенденции пореформенного управления интеграционными процессами в АПК: Теория и практика / Е. А. Демченко. – Воронеж, 1997. – 186 с.
22. **Драгайцев, В. И.** Организационно-экономические меры повышения технического оснащения сельского хозяйства / В. И. Драгайцев. – М. : ВНИЭСХ, 1997. – 68 с.
23. **Курносов, А. П.** Стратегия и тактика управления рисками в аграрном производстве / А. П. Курносов, А. В. Агибалов, А. В. Улезько [и др.] ; под ред. проф. А. П. Курносова. – Воронеж : Воронеж. гос. аграрный ун-т, 2000. – С. 150–151.
24. **Бирман, Г.** Экономический анализ инвестиционных проектов / Г. Бирман, С. Шмидт. – М. : Банки и биржи, Юнити, 1997. – 631 с.
25. **Автайкина, Л. А.** Лизинг / Л. А. Автайкина, Д. А. Костенецкий, В. П. Миничкина // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2002–2004 гг. (Аналитический обзор). – Саранск, 2005. – С. 72–73.

References

1. Nikolaeva I. P. *Ekonomicheskiy slovar'* [Economic dictionary]. Moscow: Prospekt, 2008, 157 p.
2. Ivanov S. P. *Sel'skokhozyaystvennye vesti* [Agricultural news]. 2005, no. 4, pp. 12–15.
3. Kusmagambetov S. M. *Formirovanie investitsiy pri optimizatsii razvitiya proizvodstva v sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiyakh* [Formation of investments in the course of production optimization at agricultural enterprises]. Voronezh, 2000, p. 55.
4. Kurnosov A. P., Ulez'ko A. V., Kamalyan A. K., Bukhonova N. M. *Optimizatsiya parametrov funktsionirovaniya sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy pri izmenyayushchikhsya usloviyakh khozyaystvovaniya* [Optimization of agricultural enterprises functioning in changing economical conditions]. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. sots. un-ta «Soyuz», 2000, 416 p.
5. Demchenko A. F., Demchenko E. A. *Menedzhment v APK: ucheb. posobie dlya vuzov* [Management in the agricultural complex: tutorial for universities]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 1999, pp. 25–27.
6. Burbel' A. F., Belan A. N., Zemlyanskiy B. A., Naydenov A. S. *Agropromtekhnologiya poley yuga Rossii* [Agricultural and industrial technology at Russian south fields]. Moscow, 1996, 181 p.
7. Krasnoshchekov N. V. *Tekhnika i oborudovanie dlya sela* [Technonoly and equipment for rural area]. 2001, no. 1, pp. 3–9.
8. Lachuga Yu. F. *Nauchno-tekhnicheskiy progress v APK Rossii – strategiya mashinno-tekhnologicheskogo obespecheniya proizvodstva sel'khozproduktsii na period do 2010 g.: sb. materialov nauch. sessii Rossel'khozakademii* [Scientific-technical progress in the agricultural sector of Russia – strategy machine and technological support of agricultural production for the period up to 2010: proceedings of the scientific session of the Russian agricultural academy]. Moscow, 2004, pp. 15–24.

9. Rimer M. I., Kasatov A. D., Matienko N. N. *Ekonomicheskaya otsenka investitsiy: ucheb. dlya vuzov* [Economic estimation of investments: textbook for universities]. Saint Petersburg: Piter, 2008, pp. 22–25.
10. Severnyy A. E., Khalfin M. A. *Dostizheniya nauki i tekhniki APK* [Science and technology advance in the agricultural sector]. 2008, no. 9, pp. 25–28.
11. Stolyarov A. V. *Regionologiya* [Regional studies]. 2009, no. 2, pp. 56–60.
12. Ternovykh K. S., Dubrovskiy B. A., Alekseenko A. S., Savvin A. V., Annenko A. S., Zakshevskiy V. G., Medelyaeva Z. P., Novikov V. I. *Diplomnoe proektirovanie na ekonomicheskom fakul'tete* [Diploma work preparation at the faculty of economics]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 1998, 252 p.
13. Kamalyan A. K., Yanovskiy L. P. *Prinyatie upravlencheskikh resheniy v usloviyakh riska i neopredelennosti: teoriya, metodologiya, praktika* [Management decision making in risk and uncertainty conditions: theory, methodology, practice]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 2000, pp. 82–85.
14. Kurnosov A. P. *Vychislitel'naya tekhnika i programmirovanie* [Computers and programming]. Moscow, 1991, 316 p.
15. Kurnosov A. P., Kulev S. A., Ulez'ko A. V., Chernigin A. S., Lomakin S. V. *Informatika: ucheb.* [Computer science: textbook]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 1997, 196 p.
16. *Metodika opredeleniya ekonomicheskoy effektivnosti tekhnologiy i sel'skokhozyaystvennoy tekhniki* [Methods of determination of economic effectiveness of technologies and agricultural machinery]. Moscow, 1998, 219 p.
17. Konkin Yu. A. *Ekonomika remonta sel'skokhozyaystvennoy tekhniki* [Agricultural machinery maintenance economy]. Moscow: Agropromizdat, 1990, 366 p.
18. Korshunov A. P. *Tekhnika v sel'skom khozyaystve* [Technology in agriculture]. 1998, no. 2, pp. 6–10.
19. Mikhalev A. A. *Nauchno-tekhnicheskiy progress v APK Rossii – strategiya mashinno-tekhnologicheskogo obespecheniya proizvodstva sel'khozproduktsii na period do 2010 g.: sb. materialov nauch. sessii Rossel'khozakademii* [Scientific and technical progress in the agricultural sector – strategy of machine-technological support of agricultural production for the period up to 2010: proceedings of the scientific session of the Russian agricultural academy]. Moscow, 2004, pp. 5–11.
20. *Povyshenie effektivnosti funktsionirovaniya APK i primenenie metodov matematicheskogo modelirovaniya v issledovaniyakh agroekonomicheskikh system* [Effectiveness improvement of the agricultural sector functioning and application of mathematical modeling methods in research of agrarian economic systems]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 2001, 96 p.
21. Demchenko E. A. *Tendentsii poreformennogo upravleniya integratsionnymi protsessami v APK: Teoriya i praktika* [Trends of post-reform management of integration processes in the agricultural sector: Theory and practice]. Voronezh, 1997, 186 p.
22. Dragaytsev V. I. *Organizatsionno-ekonomicheskie mery povysheniya tekhnicheskogo osnashcheniya sel'skogo khozyaystva* [Organizational and economic means of technique improvement in agriculture]. Moscow: VNIESKh, 1997, 68 p.
23. Kurnosov A. P., Agibalov A. V., Ulez'ko A. V. et al. *Strategiya i taktika upravleniya riskami v agrarnom proizvodstve* [Strategy and tactics of risk management in agrarian production]. Voronezh: Voronezh. gos. agrarnyy un-t, 2000, pp. 150–151.
24. Birman G., Shmidt S. *Ekonomicheskiy analiz investitsionnykh proektov* [Economic analysis of investment projects]. Moscow: Banki i birzhi, Yuniti, 1997, 631 p.
25. Avtaykina L. A., Kostenetskiy D. A., Minichkina V. P. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Mordoviya v 2002–2004 gg. (Analiticheskiy obzor)* [Socioeconomic development of the Republic of Mordovia in 2002-2004 (analytical review)]. Saransk, 2005, pp. 72–73.

Янина Татьяна Федоровна
кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-исследовательского сектора, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pspu-grants@mail.ru

Yanina Tat'yana Fedorovna
Candidate of economic sciences, associate professor, head of the research department, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела современного регионального развития, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
(Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Льва Толстого, 3)

E-mail: guniign@list.ru, institute@niign.ru

Kil'dyushkina Irina Gennad'evna
Candidate of historical sciences, associate professor, leading researcher, department of modern regional development, Research Institute of Humanities under the government the Republic of Mordovia
(3 Lva Tolstogo street, Saransk, the Republic of Mordovia, Russia)

УДК 338.43
Янина, Т. Ф.
Формирование основных направлений повышения экономической эффективности в агропромышленном комплексе региона / Т. Ф. Янина, И. Г. Кильдюшкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 181–202.

УДК 332.87

В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, М. А. Танина

МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ РЕГИОНА[1]

Аннотация. *Актуальность и цели*. Инновационная направленность российской экономики определяет необходимость развития инновационной инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства и строительной отрасли. При этом важнейшими задачами реформирования ЖКХ являются следующие: разработка механизмов внедрения экономических инструментов саморегулирования, использование концепции кластерного подхода для осуществления институциональных преобразований. Цель исследования – теоретическое обоснование и разработка методических положений и рекомендаций по формированию системы эффективного управления жилищно-коммунальным хозяйством региона, сочетающей государственное регулирование с саморегулированием субъектов. *Материалы и методы*. В работе использован системный подход к изучению фундаментальных и прикладных исследований отечественных и зарубежных специалистов и ученых, отражающих проблемы экономики, организации и управления в социально-экономических системах, концептуальных подходов к формированию и развитию системы управления жилищно-коммунальным хозяйством на основе принципов саморегулирования, кластерного подхода. Достижение задач исследования достигнуто за счет применения апробированного в научной практике исследовательского и аналитического аппарата, включающего использование методов: системного, структурного, логического и сравнительного анализа, математико-статистического моделирования, метода статистической группировки, анализа документов, отражающих результаты социально-экономической и финансово-хозяйственной деятельности организаций жилищно-коммунального хозяйства региона. *Результаты*. В научной статье отражены результаты теоретико-методологического и эмпирического исследования современного состояния проблем формирования экономического инструментария саморегулирования системы управления ЖКХ в условиях инновационно-ориентированного развития. Разработана модель жилищно-социального кластера региона, предложены методические положения по внедрению экономических инструментов саморегулирования системы управления жилищно-коммунального хозяйства на мезо- и микроуровнях. *Выводы*. Выявление экономических предпосылок развития жилищно-коммунального комплекса как регионального отраслевого кластера позволило авторам обосновать направления структуризации и упорядочения отношений, возникающих в процессе производства, потребления, распределения жилищно-коммунальных услуг, целесообразность использования кластерного подхода в управлении развитием ЖКХ региона. Внедрение экономических инструментов саморегулирования в систему управления ЖКХ региона позволит создать условия для введения инновационных и наукоемких технологий в сферу ЖКХ, развития инфраструктурного обеспечения развития кластерных моделей региона, улучшения качества жилищно-коммунальных услуг.

[1] Научное исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Разработка экономических инструментов саморегулирования системы управления жилищно-коммунальным хозяйством в условиях инновационно-ориентированного развития (региональный аспект)» (№ 01201261620).

Ключевые слова: экономические инструменты, саморегулирование, кластер, региональная система управления ЖКХ.

V. V. Bondarenko, V. A. Yudina, M. A. Tanina

MECHANISMS OF IMPLEMENTATION OF ECONOMIC INSTRUMENTS OF SELF-REGULATION IN MANAGEMENT OF THE SYSTEM OF REGIONAL HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Abstract. *Background*. The innovative orientation of the Russian economy determines a need of development of the innovative infrastructure of the housing and communal services and construction industry. Thus, the most important tasks of housing and communal services reformation are the following: development of mechanisms of implementation of economic instruments of self-regulation, use of the concept of cluster approach for implementation of institutional transformations. The article aims at researching theoretical reasons and development of methodical provisions and recommendations to form a system of effective management of housing and communal services of a region, combining subject's state regulation and self-regulation. *Materials and methods*. The work uses the system approach to study basic and applied researches by domestic and foreign specialists and scientists reflecting the problems of economy, 1organization and management in social and economic systems, conceptual approaches to form and manage a system of development of housing and communal services on the basis of the principles of self-regulation and the cluster approach. The research goals were acheived due to the use of the approved in scientific practice research and analytical mechanism combining the following methods: the system, structural, logical and comparative analysis, mathematical and statistical modeling, the method of statistical groups, the analysis of the documents reflecting the results of socioeconomic and financial-economic organization activity of housing and communal services of a region. *Results*. The aricle shows the results of the theoretical-methodological and empirical research of the current state of the problems of formation of economic tools of self-regulation of the management system of housing and communal services in conditions of innovation-oriented development. The model of a regional housing and social cluster is developed, methodical provisions on implementation of the economic instruments of self-regulation of the management system of housing and communal services at meso- and microlevels are offered. *Conclusions*. Detection of economic prerequisites of development of housing and communal services as a regional industry cluster allowed the authors to determine the directions of structurization and streamlining of relations, arising in the production process, consumption, distribution of housing-and-municipal services, feasibility of cluster approach usage in management of regional housing and communal services development. Implementation of economic instruments of self-regulation in the management system of regional housing and communal services will allow to create conditions for implementation of innovative and high technologies into the sphere of housing and communal services, for development of the infrastructure ensuring the development of regional cluster models, for improvement of housing and communal services quality.

Key words: economic tools, self-regulation, cluster, regional management system of housing and communal services.

В условиях глобализации мировой экономики необходимым условием реализации целевых приоритетов инновационно-ориентированного развития экономики России является внедрение во все ее отрасли наукоемких, иннова-

ционных технологий и наноматериалов. Жилищно-коммунальное хозяйство является стратегически важной отраслью с точки зрения оказания жизненно необходимых услуг населению, эффективной реализации воспроизводственного процесса основных фондов региональных инновационных систем.

Концепция модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства РФ на 2010–2020 гг. в качестве приоритетных целей социально-экономического развития отрасли выделяет следующие: проведение соответствующих современным требованиям капитальных ремонтов жилых домов, включая требование энергоэффективности; снижение уровня износа объектов коммунальной инфраструктуры; формирование финансовой устойчивости предприятий коммунальной сферы.

Таким образом, в условиях реализации программ по созданию энергоэффективных коммунальных сетей и объектов коммунальной инфраструктуры в Российской Федерации, развитию производств инновационного энергосберегающего оборудования и систем учета энергоресурсов, в условиях выполнения требований Федерального закона РФ от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», стратегического партнерства между Фондом содействия реформированию ЖКХ и государственной корпорацией «Российская корпорация нанотехнологий», в рамках инновационно-активных сценариев стратегий социально-экономического развития региональной экономики муниципальных образований внедрение экономических инструментов саморегулирования, использование концепции кластерного подхода для осуществления институциональных преобразований в системе управления развитием жилищно-коммунальным хозяйством являются актуальными на современном этапе реформирования отрасли.

Поиск оптимальных направлений повышения конкурентоспособности организаций ЖКХ в условиях естественного развития процессов регионализации, когда ключевой стратегической единицей развития являются локализованные территории – регионы, обладающие определенными конкурентными преимуществами, является возможным на основе развития отраслевого кластера, внедрения инновационных и наукоемких технологий в сферу ЖКХ, развития инфраструктурного обеспечения кластерных моделей региона, улучшения качества жилищно-коммунальных услуг и введения стимулирующих норм для внедрения инновационных и наноматериалов в жилищно-коммунальное хозяйство и строительную отрасль.

В 2012–2013 гг. авторами было проведено научное исследование, целью которого являлось теоретическое обоснование и разработка методических положений и рекомендаций по формированию системы эффективного управления жилищно-коммунальным хозяйством региона, сочетающей государственное регулирование с саморегулированием субъектов.

Использование системного подхода к изучению фундаментальных и прикладных исследований отечественных и зарубежных специалистов и ученых, отражающих проблемы экономики, организации и управления в социально-экономических системах, концептуальных подходов к формированию и развитию системы управления жилищно-коммунальным хозяйством на основе кластерного подхода позволило сформулировать ряд выводов.

В зарубежной практике кластерная теория начала применяться в начале 1990-х гг. благодаря трудам Дж. Даннинга, Дж. Хамфри, Р. Мартина, М. Портера, М. Энрайта.

Основоположником кластерной теории считается Майкл Портер, профессор кафедры делового администрирования Harvard Business School. Кластер является специфическим субъектом конкурентной стратегии для экономики региона или страны, а также инструментом стимулирования инноваций и экономического роста.

Майкл Портер определил кластер как группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере (рыночной нише) и взаимодополняющих друг друга [1].

Теория региональных кластеров М. Энрайта основана на анализе региональных различий в конкурентоспособности внутри страны. Он предполагал, что конкурентные преимущества создаются не на наднациональном или национальном уровне, а на региональном, где главную роль играют исторические предпосылки развития регионов, разнообразие культур ведения бизнеса, организации производства и получение образования [2].

Применение кластерного подхода М. Потера и М. Энрайта позволяет в региональном развитии достичь следующих результатов [1, 2]:

1. Увеличиваются производительность труда и эффективность производства, так как фирмы существуют в рамках единой производственной сети.

2. Стимулируется создание нововведений ввиду того, что фирмы имеют доступ к самой совершенной информации по усовершенствованию производственного процесса, а образовательные и научно-исследовательские центры генерируют новые знания и имеют возможность экспериментально подтвердить или опровергнуть правильность новых теорий.

3. Обеспечивается коммерциализация знаний и производства. Создаются льготные условия (наличие соответствующего персонала, инфраструктуры, поставщиков) для создания новых фирм и запуска новых ассортиментов товаров.

В основе кластерной методологии лежит рассмотрение формы экономических отношений, направленных на создание «современного инновационного продукта» как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними. Следовательно, можно говорить о кластере как сложной экономической системе. Кластерные системы характеризуются общими особенностями:

– наличие предприятия-лидера, определяющего долговременную хозяйственную, инновационную и иные стратегии всей региональной экономической системы;

– территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов – участников кластерной системы;

– создание участниками некоммерческого объединения, добровольность вхождения в данное объединение и наличие координирующей организации и сайта;

– устойчивость стратегических хозяйственных связей в рамках кластерной системы, включая ее региональные, межрегиональные, внутригосударственные и международные связи;

– долговременная координация взаимодействия участников кластерной системы в рамках ее общенациональных и внутрирегиональных программ развития, инвестиционных проектов, инновационных процессов;

– наличие корпоративных систем управления, контроля бизнес-процессов, коллективного хозяйственного мониторинга [3].

Таким образом, рассматривая ЖКХ как социально-экономическую систему, можно выделить следующие кластерные признаки:

– наличие подрядных, ресурсоснабжающих организаций и организаций по управлению жилищным фондом, непосредственно предоставляющих жилищно-коммунальные услуги;

– участие в процессе оказания жилищно-коммунальных услуг производственных мощностей организаций различных отраслей экономики;

– наличие саморегулируемых организаций (СРО) в ЖКХ – некоммерческой организации, сведения о которой внесены в государственный реестр саморегулируемых организаций и которая основана на членстве предприятий и организаций, осуществляющих деятельность в различных сферах по оказанию жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ);

– территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов обусловлена спецификой жилищно-коммунальных услуг: принадлежностью к общественным благам, слабой степенью заменяемости и локальностью предоставления, длительностью и непрерывностью использования, сетевым характером предоставления, а также неразрывностью производства и потребления;

– сложившаяся структура управления жилищно-коммунального хозяйства, включающая федеральный центр, органы местного самоуправления, предприятия и организации в сфере управления эксплуатацией и обслуживанием жилищного фонда.

По состоянию на 01.01.2013 жилищно-коммунальный комплекс является одним из крупных секторов экономики Российской Федерации. Доля основных фондов составляет около 30 % от общего объема основных фондов экономики. Общее количество предприятий, функционирующих в жилищно-коммунальном хозяйстве РФ, составляет более 50 тыс. Доля основных фондов составляет около 30 % от общего объема основных фондов экономики (рис. 1.)

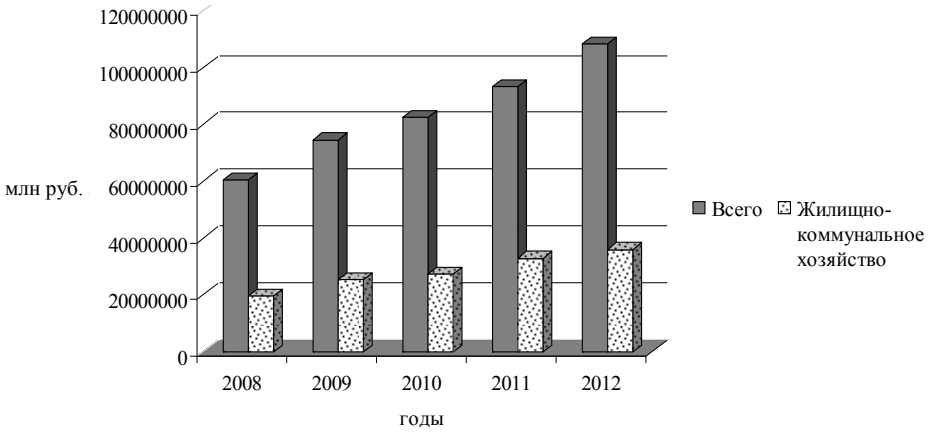

Рис. 1. Доля основных фондов организаций жилищно-коммунального хозяйства РФ[1]

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: www.gks.ru

По данным Госкомстата на 01.01.2013, общая площадь жилищного фонда в Российской Федерации составила более 3272 млн кв. м. В среднем на проживающего приходится 22,98 кв. м общей площади.

По состоянию на 01.01.2013 количество частных управляющих организаций, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами, превысило 13 тыс. По данным ГК Фонда содействия реформированию ЖКХ, около 80 % многоквартирных домов фактически управляются именно управляющими организациями (непосредственно или по договору с ТСЖ).

Таким образом, значительный потенциал жилищно-коммунального комплекса РФ, выявление экономических предпосылок развития жилищно-коммунального комплекса как регионального отраслевого кластера позволяют сделать вывод о необходимости внедрения кластерной модели управления развитием жилищно-коммунального комплекса на современном этапе развития постиндустриального общества. Считаем целесообразным выделить в ее составе элементы инновационной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса как регионального отраслевого кластера, определить механизмы сотрудничества с научно-исследовательскими и образовательными учреждениями, бизнес-инкубаторами в контексте разработки и внедрения энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии, производства современных строительных материалов в условиях реализации федеральных и региональных программ инновационного развития экономики субъектов РФ.

Жилищно-коммунальный кластер – локальная горизонтально распределенная совокупность взаимосвязанных участников финансовой, социальной, инвестиционной и экономической деятельности, осуществление которой на основе согласования интересов сторон должно обеспечить рациональное использование жилищно-социальных активов, ответственное предоставление жизненно важных услуг, оптимизацию системы расчетов, комплексное внедрение инновационных технологий.

Компоненты жилищно-социального кластера региона представлены на рис. 2.

Одним из структурообразующих элементов жилищно-социального кластера региона является саморегулируемая организация, содержание функций которой определено в соответствии с ФЗ № 315 «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007. Жилищный кодекс РФ и Федеральный закон от 18.10.2007 № 230-ФЗ (ред. от 14.07.2008) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» (принят ГД ФС РФ 05.10.2007) устанавливают, что органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления имеют различные полномочия и функции, связанные с функционированием и развитием жилищно-коммунального комплекса.

Интеграция СРО в систему регулирования предпринимательской деятельности реализуется посредством взаимодействия с органами государственного и муниципального регулирования, региональными системами сертификации, стандартизации, подготовки и переподготовки кадров.

Основным преимуществом саморегулирования перед другими способами является солидарная и коллективная ответственность членов (в форме компенсационного фонда), что позволяет гарантировать финансовую ответственность и компенсацию вреда в случае оказания некачественных услуг.

Институт саморегулирования стимулирует создание профессиональных стандартов деятельности, формирование ответственных участников рынка и самоочистки рынка от недобросовестных участников, позволяет сохранить за органами государственной власти важнейшие регулятивные и контролирующие функции в области ценообразования, предупреждения и пресечения как монополистической деятельности (в монопольных секторах), так и фактов недобросовестной конкуренции (в конкурентных секторах).

Рис. 2. Компоненты жилищно-социального кластера региона

Примечание. ТСЖ – товарищество собственников жилья; ТИВК – товарищество индивидуальных владельцев квартир.

В качестве экономических инструментов инновационного саморегулирования кластера ЖКК Пензенского региона можно выделить следующие [4]:

1. Стандарты и правила профессиональной деятельности членов саморегулируемых организаций с целью унификации содержания управления в данной сфере, взаимодействия всех участников рынка жилищно-коммунальных услуг, а также обеспечения долговременной координации взаимодействия участников кластерной системы. Так, согласно ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», стандарты и правила саморегулируемой организации должны соответствовать правилам деловой этики, устранять или уменьшать конфликт членов СРО. Более того, законом предусматривается, что субъектами управления саморегулируемых организаций являются физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность, регулируемую в соответствии с федеральными законами. Целью регламентации в области определения профессионально-квалификационных характеристик аппарата управления СРО является конкретизация зоны ответственности сотрудников за выполняемые ими работы, формулировка ключевых компетенций, разработка методов.

Разработка стандартов профессиональной деятельности должна осуществляться руководителями организаций – членов СРО в сфере ЖКХ с учетом Жилищного кодекса РФ, Общероссийского классификатора услуг населению

ОК 092-93 (ОКУН), Федерального закона Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», иных федеральных законов, нормативных актов Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти. Результатом должен стать стандарт СРО в сфере ЖКХ «Общие требования к проведению работ и оказанию жилищно-коммунальных услуг», а также методический документ, отражающий алгоритм проведения и перечень показателей анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций – членов СРО отраслевого кластера.

2. Система допуска хозяйствующих субъектов на рынок соответствующих услуг, необходимая для развития конкурентных отношений в сфере предоставления коммунальных услуг и рынка управления жилищным фондом.

Поправки в Жилищный кодекс РФ (Федеральный закон № 93-ФЗ от 25.96.2012) ужесточили требования к допуску хозяйствующих субъектов на рынок ЖКУ. В частности, членами правления, бухгалтерами и членами ревизионных комиссий жилищных кооперативов не могут являться индивидуальные предприниматели, ранее исключенные из числа членов СРО. С начала 2013 г. обязательным условием работы на рынке и гарантом безопасности для собственников жилья, одним из основных критериев выбора управляющей организации собственниками помещений в многоквартирных домах будет являться ее обязательное членство в СРО. Более того, данная система является элементом контроля в системе отраслевого кластера.

3. Механизм имущественной ответственности перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг), позволяющий сформировать систему финансовой компенсации в случае нарушения своих обязательств.

Законом № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» предусмотрен механизм имущественной ответственности перед потребителями жилищно-коммунальных услуг, включающий создание компенсационного фонда и личного и (или) коллективного страхования. Компенсационный фонд формируется первоначально исключительно в денежной форме, в размере не менее чем три тысячи рублей в отношении каждого члена, количество которых регламентировано: не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее 100 субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

По мнению авторов, необходимо усилить механизм контроля за соблюдением стандартов и правил профессиональной деятельности в кластерной системе ЖКХ, а также за результатами финансово-хозяйственной деятельности за счет разработки Требований к страхованию гражданской ответственности организаций – членов СРО и Методических рекомендаций по аттестации руководителей СРО и организаций – членов СРО.

4. Тарифно-ценовая политика на жилищно-коммунальные услуги, позволяющая обосновать направления оптимизации стоимости жилищно-коммунальных услуг за счет снижения расходов на управление и затрат, связанных с обработкой и передачей информации.

Одним из экономических механизмов, ориентированных на самофинансирование организаций, является ценовой (тарифный). Тарифно-ценовой механизм призван согласовать интересы трех основных участников процесса оказания услуг ЖКХ: производителей (предприятий, стратегических инвесторов), потребителей (населения, предприятий различных сфер народного

хозяйства, учреждений и т.п.), государства, заинтересованного в эффективном функционировании рассматриваемых субъектов рынка и поступлении налоговых платежей. При этом он выступает в роли регулятора, определяющего силу действия обратной связи между различными участниками отраслевого кластера.

В зависимости от порядка утверждения, формирование тарифов на жилищно-коммунальные услуги в Пензенской области осуществляют органы исполнительной власти (Управление по регулированию тарифов, энергосбережению и размещению государственного заказа Пензенской области, отдел мониторинга и тарифной политики Управления ЖКХ Пензенской области). В настоящее время происходит деформация рыночного механизма ценообразования, что приводит к необоснованному росту тарифов при неизменном качестве и ассортименте жилищно-коммунальных услуг, увеличению объемов неплатежей и росту дебиторской задолженности, несовпадению целей и интересов субъектов ЖКХ.

5. Система контроллинга, предусматривающая оценку результатов социально-экономического развития ЖКК региона, повышающая детерминированность результатов функционирования организаций – участников отраслевого кластера, что определяет возможность их прогнозирования на среднесрочную перспективу.

Для повышения эффективности кластерной политики развития ЖКК предлагается внедрить систему контроллинга на основе создания «электронного информационного портала», предусматривающего создание информационной системы управления жилищно-коммунальным хозяйством Пензенской области. Информационный портал жилищно-коммунального хозяйства обеспечит интерактивное взаимодействие граждан с предприятиями жилищно-коммунального комплекса, позволит совершенствовать системы платежей населения за реально потребленные услуги, объединить наибольшее количество предложений различных поставщиков жилищно-коммунальных услуг в единую базу данных и использовать мощные поисковые возможности Интернета. В свою очередь, у Управления ЖКХ Пензенской области, органов, осуществляющих надзор за деятельностью СРО в ЖКХ и других организаций, осуществляющих регулирование и контроль за деятельностью предприятий жилищно-коммунального хозяйства, появится возможность интегрировать информационные потоки и ресурсы отрасли, рационально использовать информационно-коммуникационные технологии для принятия решений.

Механизмы внедрения экономических инструментов саморегулирования в систему управления жилищно-коммунальным хозяйством региона представляют собой определенную совокупность управляющих воздействий, посредством которой элементы системы саморегулирования взаимодействуют, переводят ее в новое качественное состояние.

Опираясь на полученные результаты теоретико-методологического и прикладного исследований, совокупность механизмов внедрения экономических инструментов саморегулирования в систему управления жилищно-коммунальным хозяйством региона можно представить следующим образом:

– нормативно-правовые основы создания и развития кластеров в ЖКХ, позволяющие определить организационно-правовые основы функционирования и взаимодействия кластерообразующих элементов в составе жилищно-

коммунального комплекса, в совокупности образующих материальную, экономическую, финансово-инвестиционную, институциональную и инновационную основы, формирующие адаптивную социально-экономическую систему;

– стратегия развития кластера в сфере жилищно-коммунального хозяйства региона, направленная на стимулирование и внедрение инноваций в отрасль, реализацию мероприятий по повышению конкурентоспособности участников кластера, формирование благоприятных условий для развития кластера и возможность участия в развитии инженерной и транспортной инфраструктур, жилищного строительства, помощь в реализации инновационных проектов, выполняемых малыми инновационными предприятиями при участии научно-исследовательских организаций, и план мероприятий по ее реализации;

– кластерная политика развития жилищно-коммунального хозяйства региона, сочетающая государственное регулирование с саморегулированием субъектов, функционирующих в данной сфере, позволяющая установить контроль за соблюдением профессиональных стандартов и оптимизировать распределение финансовых ресурсов организаций жилищно-коммунального хозяйства за счет совершенствования нормативно-правовой базы СРО в области повышения квалификации и аттестации специалистов организаций – членов СРО, стандартизации требований к проведению работ и оказанию жилищно-коммунальных услуг, методической базы, отражающей алгоритм проведения и перечень показателей анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций – членов СРО в сфере ЖКХ, а также оптимизации тарифно-ценовой политики на жилищно-коммунальные услуги;

– формирование единого информационного пространства в рамках кластера, в первую очередь в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и др.

Таким образом, внедрение экономических инструментов инновационного саморегулирования системы управления жилищно-коммунальным хозяйством позволит наиболее полно использовать преимущества кластерной модели развития жилищно-коммунального комплекса за счет создания на основе государственно-частного партнерства условий для привлечения инвестиций (в сфере разработки инновационных систем энергоучета, формирования платежеспособного спроса на энергоэффективное оборудование и технологии), профессионального регулирования допуска на рынок хозяйствующих субъектов в сферах оказания соответствующих услуг (критерии допуска, механизм имущественной ответственности перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг), позволяющий сформировать систему финансовой компенсации в случае нарушения своих обязательств), повышения качества жизни населения (разработка и реализация программ модернизации и строительства энергоэффективных многоквартирных домов, учет при формировании тарифов уровня доходов населения, величины субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг).

Список литературы

1. **Портер, М.** Конкуренция : [пер. с англ.] / М. Портер. – М. : Вильямс, 2006. – 698 с.
2. **Enright, M. J.** Why Clusters are the Way to Win the Game? / M. J. Enright // Word Link. – 1992. – № 5 (July/August). – P. 24–38.

3. **Домбровский, М. А.** Актуальные проблемы формирования конкурентоспособных региональных кластеров в России / М. А. Домбровский // Конкурентоспособность компаний и территорий: кластерные технологии : сб. науч. статей / под ред. Т. В. Миролюбовой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2012. – С. 96–101.
4. **Бондаренко, В. В.** Развитие саморегулирования жилищно-коммунального хозяйства Пензенской области в условиях инновационно-ориентированной экономики / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 46 (277). – С. 2–9.

References

1. Porter M. *Konkurentsiya: per. s angl.* [Competition: translation from English]. Moscow: Vil'yams, 2006, 698 p.
2. Enright M. J. *Word Link*. 1992, no. 5 (July/August), pp. 24–38.
3. Dombrovskiy M. A. *Konkurentosposobnost' kompaniy i territoriy: klasternye tekhnologii: sb. nauch. statey* [Competition between companies and areas: cluster technologies: collected papers]. Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet. Perm, 2012, pp. 96–101.
4. Bondarenko V. V., Yudina V. A. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2012, no. 46 (277), pp. 2–9.

Бондаренко Владимир Викторович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и маркетинга, директор Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33б)

E-mail: bond40@bk.ru

Bondarenko Vladimir Viktorovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management and marketing, director of the Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina street, Penza, Russia)

Юдина Вера Александровна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента и маркетинга, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33б)

E-mail: veraluzgina@ya.ru

Yudina Vera Aleksandrovna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of management and marketing, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina street, Penza, Russia)

Танина Мария Алексеевна
кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33б)

E-mail: margo10@inbox.ru

Tanina Mariya Alekseevna
Candidate of economic sciences, senior lecturer, sub-department of management and marketing, Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina street, Penza, Russia)

УДК 332.87
Бондаренко, В. В.

Механизмы внедрения экономических инструментов саморегулирования в систему управления жилищно-коммунальным хозяйством региона / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, М. А. Танина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 203–214.

УДК 005.2:344.7

А. А. Малышев

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ В РОССИИ И ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. *Актуальность и цели*. С подписанием Российской Федерацией Декларации устойчивого развития (1992) решение проблем глобального характера стало важной задачей нашей страны. Однако экономические, социальные и экологические трансформации в России в 90-х гг. XX в. привели к снижению эффективности функционирования системы управления охраной окружающей среды, сложившейся еще в советский период. С появлением экологического менеджмента актуальной стала проблема устойчивого развития эколого-экономической системы страны и регионов, в рамках которой необходимо решение ряда задач как в теоретическом, так и практическом плане. Это определило необходимость исследования особенностей устойчивости эколого-экономических систем, а также формирования механизмов управления ею. Цель работы – рассмотреть практику управления эколого-экономической системой России и Пензенского региона, проанализировать организационную структуру, выявить основные задачи и функции органов управления устойчивостью эколого-экономической системы России и Пензенского региона, систематизировать различные механизмы управления, применяемые на практике. *Материалы и методы*. Теоретической и методологической базой статьи послужили научные труды ведущих отечественных и зарубежных авторов, публикации по исследуемой проблеме в периодической печати, материалы международных, всероссийских, региональных конференций и семинаров, посвященных проблеме управления устойчивостью эколого-экономических систем. Использовались различные методы исследования: моделирование, логический метод, абстрагирование, анализ, а также графический метод представления результатов исследования. Информационную базу исследования составили материалы научно-практических конференций, статьи в научных и периодических изданиях и ресурсы сети Интернет, а также результаты исследования, проведенного автором. *Результаты*. Рассмотрена практика управления эколого-экономической системой России и Пензенского региона, проанализирована организационная структура, выявлены основные задачи и функции органов управления устойчивостью эколого-экономической системы России и Пензенского региона. Систематизированы различные механизмы управления, применяемые в практике. *Выводы*. Разработанные методические положения и практические рекомендации возможно использовать в деятельности предприятий различных отраслей, а также на уровне региона для решения проблем повышения уровня устойчивости эколого-экономической системы. Результаты исследования могут быть полезны экологическим службам предприятий, Министерству природных ресурсов и экологии при разработке стратегии развития региона, Управлению экономики, инновационной и научно-технической политики для разработки инновационных концепций экологической политики в регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: практика управления, эколого-экономическая система, устойчивость, механизмы управления.

A. A. Malyshev

MANAGEMENT PRACTICES OF ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC SYSTEM IN RUSSIA AND THE PENZA REGION

Abstract. *Background*. With the signing of the Declaration of the Russian Federation for Sustainable Development (1992) addressing the global problems became

an important task of our country. However, economic, social and environmental transformation in Russia in the 90-s of the XX century led to decrease in efficiency of the management system of environmental protection, established during the Soviet period. With occurence of environmental management the sustainable development of the eco-economic system of the country and the regions became a topical problem. It was necessary to solve a number of problems both in theoretical and practical terms. It identified the need for studying the ecological and economic systems' stability, as well as the formation of mechanisms controlling the stability of ecological-economic systems. The article aims to consider management practices regarding the ecological and economic system of Russia and Penza region, to analyze the organizational structure, to identify main objectives and functions of bodies that manage the stability of ecological and economic systems of Russia and Penza region, to systematize various mechanisms of control applied in practice. *Materials and methods*. Theoretical and methodological basis of article includes scientific works by leading Russian and foreign authors, publications on the researched topic in proceedings of international, national and regional conferences and seminars devoted to the problem of managing sustainability of ecological and economic systems. The author used different methods: modeling, logical method, abstraction, analysis, and graphical presentation of the research results. The information base of the research included scientific and practical conferences, articles in scientific periodicals and Internet resources, as well as the results of the research conducted by the author. *Results*. The author considered practical management of the eco-economic system of Russia and Penza region, analyzed the organizational structure, identified the main tasks and functions of controlling the stability of the eco-economic system of Russia and Penza region. The researcher also systematized various control mechanisms used in practice. *Conclusions*. It is possible to apply the developed methodological principles and recommendation at the enterprises of various industries, as well as at the regional level to address the problem of eco-economic system sustainability improvement. The results can be used by environmental services companies, the Ministry of Natural Resources and Environment in preparation of the regional development strategy, the Office of the economy, innovation and scientific and technological policy to develop the innovative concepts of environmental policy in the regions of the Russian Federation.

Key words: management practices, ecological and economic system, stability, control mechanisms.

Управление устойчивостью эколого-экономической системы осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и на уровне предприятия. В качестве субъекта управления в Российской Федерации выступают органы исполнительной власти: Президент, Государственная дума РФ, Совет Федерации РФ, Министерство природных ресурсов и экологии и его подразделения и ведомства, Министерство финансов, Министерство экономического развития; подразделения; общественные экологические организации разных организационных уровней; экологический менеджмент предприятия. Экологические требования и нормативы устанавливают уполномоченные организации органов федеральной исполнительной власти, например Санэпиднадзор Минсоцздрава России, Госгортехнадзор Российской Федерации, Госпожнадзор МЧС России, Российская земельная кадастровая палата и др.

Управление эколого-экономической ситуацией в РФ осуществляется при помощи набора инструментов, представляющих собой ряд законодательных актов, предписаний и постановлений в области охраны окружающей среды. Начиная с 1999 г. была проведена ревизия ведомственных нормативно-правовых актов. Работа до сих пор не закончена, в результате чего в РФ

существуют институциональные противоречия и неоформленная система в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности. На сегодняшний день управление устойчивостью эколого-экономической системы осуществляется в соответствии с Законом «Об охране окружающей среды»[1] федеральными и региональными органами исполнительной власти в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.97 № 2-ФКЗ с изменениями и дополнениями от 30.12.2008 № 309-ФЗ. Этим законом установлен круг полномочий должностных лиц и органов государственного экологического контроля.

В России в сфере охраны окружающей природной среды и экологии задействован 21 орган и 12 министерств. Структура органов управления устойчивостью эколого-экономической системы России представлена на рис. 1. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации образовано в соответствии с указом Президента РФ 12 мая 2008 г. Ему подведомственны Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральное агентство водных ресурсов и Федеральное агентство по недропользованию. На рис. 1 система органов управления делится на три уровня: федеральный, региональный и уровень предприятия. Ресурсным блоком Минприроды и экологии являются органы исполнительной и законодательной власти через систему подразделений, отраслей и ведомств.

Начиная с 1991 г. управление в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности РФ постоянно изменялось, что не привело к сохранению эффективно функционирующей системы. Скорее, наоборот, институциональные преобразования привели к потере общей логики и внутренней согласованности различных элементов системы управления. Наиболее крупные институциональные реформы проводились в 1994, 1996, 2000 и 2008 гг. [1, с. 46–52]. За этот период значительно сократилось число квалифицированных сотрудников в области контрольно-надзорных органов и государственной системы управления в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности РФ.

Действующим законодательством федеральным органам власти предоставлено право не только осуществлять государственный контроль за рациональным использованием и охраной природных ресурсов, но и устанавливать порядок его проведения. К компетенции субъектов РФ отнесено осуществление государственного экологического контроля. Такие правовые положения предусмотрены Основами Лесного законодательства РФ, Законом РФ «О недрах» и др. В Водном кодексе РФ эти положения более детализированы, хотя основополагающие принципы распределения функций остались без изменения. Полномочия федеральных органов представительной власти ограничены установлением порядка организаций и проведения государственного контроля за использованием и охраной водных объектов, а федеральным органом исполнительной власти поручено его осуществление.

[1] Об охране окружающей среды : Закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ.

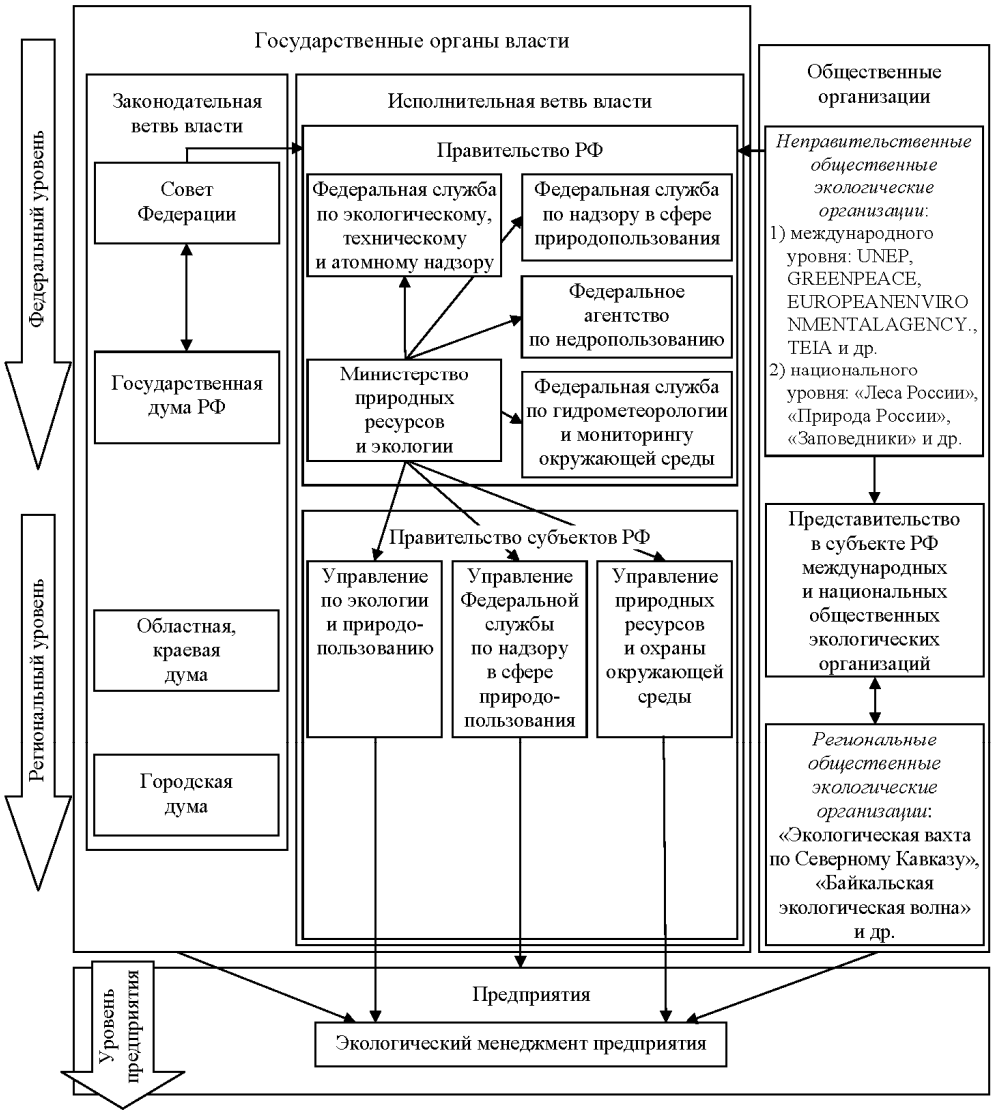

Рис. 1. Структура органов управления эколого-экономической системой РФ

Специализированный экологический контроль выполняется федеральными министерствами и ведомствами, а также соответствующими негосударственными структурными организациями субъекта РФ в виде общественных палат при главе правительства субъекта. По всем видам природных ресурсов в целом организация и осуществление государственного контроля по вопросам экологии возложена Правительством РФ на Министерство природных ресурсов и экологии.

По характеру специализации государственные контролирующие органы подразделяются на отраслевые и функциональные. Например, Госэпиднадзор является отраслевым контролирующим органом. К числу функциональных органов государственного экологического контроля относятся МВД России и др. Специфика отраслевых государственных органов заключается в том, что к сфере их компетенции относится один вид природных ресурсов.

Роскомзем следит за охраной и рациональным использованием земель, Роскомвод – водных ресурсов, Рослесхоз – лесов и т.д. В некоторых случаях в сферу интересов отдельных ведомств попадает еще один вид природных ресурсов. Так, Роскомрыболовство отвечает за состояние водных объектов, но только с узкоотраслевых позиций продуктивности и воспроизводства рыбных запасов. Роскомнедра, помимо контроля за рациональным использованием полезных ископаемых, осуществляет контроль за выполнением экологических требований в отношении подземных вод.

Отсутствие целей и задач контрольно-надзорных органов приводит зачастую к превратному толкованию деятельности как своих собственных служб, так и экономических агентов. Например, эффективность контроля оценивается по количественным, но не качественным показателям: по количеству выявленных нарушений, предписаний и санкций. Таким образом, невозможно оценить ни экономическую эффективность контроля, ни снижение уровня опасности для окружающей среды в результате контрольно-надзорных мероприятий.

Немаловажную роль в системе управления природоохраны и экологии играют неформальные институциональные организации. К ним относятся различные общественные структуры, занимающиеся вопросами экологии и охраной окружающей среды. Это неправительственные организации, которые финансируются только на пожертвования граждан и частных благотворительных фондов. Они ответственны за эффективное использование выделяемых средств, направляемых на природоохранные проекты. По существующему законодательству РФ общественные экологические организации способны проводить экологические акции, инициировать проверки и контроль контрольно-надзорных органов в сфере нарушения существующего законодательства в области природоохраны и экологии. Имея различную территориальную организацию, общественные экологические организации делятся на международные, неправительственные организации, действующие в пределах страны, а также региональные природоохранные организации. К первой группе неформальных организаций относятся UNEP, GREENPEACE, EUROPEAN ENVIRONMENTAL AGENCY., TEIA и др.; вторая группа организаций – это «Леса России», «Природа России», «Заповедники» и др.; наконец, к представителям третьей группы можно отнести «Экологическую вахту по Северному Кавказу», «Байкальскую экологическую волну» и др.

Таким образом, российская система управления в области охраны окружающей среды и экологии требует оптимизации и институциональной трансформации. Необходимо завершить ревизию и реформу в данной области и ввести систему механизмов управления и оценки качества ее работы.

Рассмотрение продолжения принципиальной структуры органов управления устойчивостью эколого-экономической системы РФ на региональном уровне осуществляется на примере Пензенского региона. К государственным органам экологического контроля и надзора Пензенского региона относятся:

1) управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Пензенской области;

2) управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Пензенской области.

Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Пензенской области образовано постановлением Правительства Пензенской области

от 06.02.2006 № 50 и осуществляет свою деятельность на территории Пензенской области на основании «Положения об Управлении природных ресурсов и охраны окружающей среды Пензенской области»[1].

В рамках работы Управления природных ресурсов и охраны окружающей среды Пензенской области образована Межведомственная комиссия по гидротехническим сооружениям на территории Пензенской области. Межведомственная комиссия создавалась в целях обеспечения безопасности гидротехнических сооружений на территории области и в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» (с последующими изменениями), руководствуясь Законом Пензенской области от 22.12.2005 № 906-ЗПО «О Правительстве Пензенской области» (с последующими изменениями). Постановлением Правительства Пензенской области было утверждено Положение о создании Межведомственной комиссии по гидротехническим сооружениям от 9 ноября 2006 г. № 290-рП. Основной функцией межведомственной комиссии является обеспечение безопасности гидротехнических сооружений Пензенской области[2].

Другой орган управления – Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзора) по Пензенской области (сокращенное наименование – Управление Росприроднадзора по Пензенской области) – является территориальным органом регионального уровня, осуществляющим функции Федеральной службы по надзору в сфере природопользования на территории Пензенской области.

Управление в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, актами Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Управление осуществляет свою деятельность во взаимодействии с территориальными органами других федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, другими организациями.

Управление подчиняется непосредственно Росприроднадзору, находится в оперативном подчинении Департаменту Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Приволжскому федеральному округу.

Управление осуществляет следующие полномочия в установленной сфере деятельности:

1) контроль и надзор в области особо охраняемых природных территорий и природного законодательства;

2) контроль полноты и качества осуществления органами государственной власти переданных полномочий в области охраны окружающей среды;

3) принятие решений в сфере выдачи лицензий и информации о добыче и экспорте природных ресурсов;

4) ведение и распределение средств экологического фонда региона;

[1] URL: http://www.penzalaws.ru/ (дата обращения: 29.03.2013).

[2] URL: http://www.prirodnadzor-penza.ru/ (дата обращения: 29.03.2013).

5) профессиональная подготовка кадров в сфере природоохраны и природопользования;

6) проведение экологической экспертизы, исследования и анализа оценок[1].

Таким образом, органами управления в сфере охраны окружающей среды и экологии по Пензенской области осуществляется контрольно-надзирательная функция. Если Управлением природных ресурсов и окружающей среды по Пензенской области эта функция реализуется в области охраны окружающей среды, то Управлением Федеральной службы в сфере природопользования – в сфере пользования особо охраняемых территорий и природоохранного законодательства. Однако, несмотря на имеющиеся незначительные различия органов управления эколого-экономической системой Пензенской области, общим правовым положением для всех государственных органов является их надведомственный характер, позволяющий контролировать в пределах своей юрисдикции деятельность всех предприятий, организаций, учреждений и отдельных граждан.

Среди общественных экологических организаций Пензенской области можно выделить: «За химическую безопасность», «ЭКА Пенза», ООО АСБ, ООО «БРИЗ», НО «Пенза – Экология» (региональная ассоциация экологов), ООО «Русэкология». Они проводят экологический контроль состояния окружающей среды, разрабатывают экологические программы, работают со СМИ, предоставляя необходимую информацию населению о экологических изменениях. Таким образом, объединение правительственных и общественных организаций в сфере охраны окружающей среды необходимо для достижения состояния устойчивости эколого-экономической системы.

На крупных промышленных предприятиях Пензенской области система управления охраной окружающей среды, здоровья населения и обеспечения безопасности труда осуществляется органами экологического менеджмента, охраны здоровья и обеспечения безопасности труда в соответствии с требованиями ИСО 14001, ИСО 9001:2000, OHSAS 18001 и др. Принципы управления экологического менеджмента предприятия являются неотъемлемым элементом экологической политики в таких организациях, как ФГУП «ПО «Электроприбор», ОАО «Пензтяжпромарматура», ОАО «Биосинтез», ОАО «Радиозавод» и др. При этом экологический менеджмент принимает на себя ответственность за реализацию экологической политики, выполнение законодательных требований, обеспечение ресурсами, необходимыми для достижения эколого-экономических целей предприятия.

Таким образом, экологический менеджмент предприятий Пензенского региона представляет собой развивающуюся систему управления. В большинстве же организаций, в том числе и достаточно крупных, подобная система развита слабо или же экологонаправленная политика не является для них приоритетной. Это связано с отсутствием комплексной системы необходимых механизмов стимуляции ее развития в административном управлении региона.

Анализ организационной структуры управления позволил выявить основные задачи и функции органов управления устойчивостью эколого-экономической системы России и Пензенской области. Практика управления ус-

[1] URL: http://www.prirodnadzor-penza.ru/ (дата обращения: 29.03.2013).

тойчивостью эколого-экономической системы федерального, регионального уровней и уровня предприятия показывает, что можно выделить общие функции органов управления устойчивостью эколого-экономической системы:

1) регулирующая, которая заключается в корректировке управления в связи с изменившимся действием факторов устойчивости эколого-экономической системы;

2) контролирующая, связанная с проверкой результатов природоохранной деятельности;

3) прогностическая, связанная с научным предвидением изменения устойчивости эколого-экономической системы;

4) планирование, подразумевающее составление плана действий в соответствии с прогнозом устойчивости эколого-экономической системы;

5) информационное обеспечение, которое представляет собой совокупность форм документов, классификаторов, нормативной базы и реализованных решений по сохранению и достижению устойчивости эколого-экономической системы;

6) стимулирующая, подразумевающая развитие инициативы и мотивации к проведению природоохранных мероприятия;

7) аккумулирующая, состоящая в накоплении необходимых средств для осуществления природоохранных мероприятий по сохранению устойчивости эколого-экономической системы.

Функции органов управления различных уровней организации представлены в табл. 1.

Таблица 1

Функции органов управления устойчивостью эколого-экономической системы

Органы управления	Функции						
	регулирующая	контролирующая	планирование	прогностическая	информационное обеспечение	стимулирующая	аккумулирующая
1	2	3	4	5	6	7	8
Совет Федерации, Государственная дума РФ, городская, областная, краевая дума	+						
Министерство природных ресурсов и экологии	+	+	+	+	+		+
Федеральная служба по экологическому, техническому и атомному надзору	+	+	+				
Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральное агентство по недропользованию, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и т.д.		+		+	+		
Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования	+	+			+		+
Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды	+	+	+	+	+	+	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Общественные экологические организации: «За химическую безопасность», «ЭКА Пенза», НО «Пенза – Экология» (региональная ассоциация экологов) и т.д.		+			+	+	
Совет директоров, акционерное собрание	+	+	+			+	+
Руководитель подразделения экологического менеджмента и маркетинговой службы предприятия	+		+	+	+	+	
Ревизионная служба предприятия, экологический аудитор		+			+		

Анализ табл. 1 показывает, что органы управления устойчивостью эколого-экономической системы выполняют преимущественно контролирующую и регулирующую функции, а также функцию планирования и информационного обеспечения, в значительно меньшей степени – прогностическую, стимулирующую и аккумулирующую. Эта диспропорция приводит к снижению эффективности функционирования системы управления устойчивостью эколого-экономической системы.

Органами управления природоохранной сферой в России и Пензенской области используются различные механизмы, которые выполняют определенные функции и оказывают необходимое воздействие на устойчивость эколого-экономической системы. Функции и способы воздействия существующих механизмов управления устойчивостью эколого-экономической системы представлены в табл. 2 [2, с. 57].

Таблица 2

Существующие механизмы управления устойчивостью эколого-экономической системы

Механизмы управления		Функции					Методы воздействия	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уровень подсистемной организации	Механизмы управления устойчивостью эколого-экономической системы	стимулирование	перераспределение	регулирование	контроль	аккумулирование	прямое	косвенное
Экологическая подсистема	Экологическая стандартизация			+			•	
	Государственный экологический мониторинг и контроль				+		•	
	Экологический муниципальный и общественный мониторинг и контроль				+		•	
	Общественный экологический контроль				+		•	
Экономическая подсистема	Экологические и ресурсные налоги	+				+		•
	Экологическое страхование	+				+		•

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Социальная подсистема	Общественная экологическая экспертиза				+			•
	Деятельность общественных экологических и природоохранных организаций				+			•
	Нормирование потребления природных ресурсов		+		+		•	
	Добровольная экологическая сертификация	+		+				•
	Общественный экологический контроль				+		•	
Институциональная подсистема	Федеральное экологическое законодательство			+			•	
	Региональное экологическое и природно-ресурсное законодательство			+			•	
	Экологический аудит				+			•
	Внутренний аудит	+			+			•

Анализ табл. 2 показывает, что на практике механизмы управления устойчивостью эколого-экономической системы в основном выполняют контролирующие функции и в меньшей мере – стимулирующие, перераспределительные и функции аккумулирования финансовых средств, направляемых на организацию природоохранных мероприятий, что в целом соответствует функциям органов управления. Сложившаяся практика не позволяет сконцентрировать значительные финансовые средства и использовать их на мотивацию природоохранной деятельности предприятий региона.

Таким образом, исследование системы механизмов позволяет создать модель функционирования механизмов управления устойчивостью эколого-экономической системы (рис. 2). Субъектом управления выступает предприятие, а объектом – устойчивость эколого-экономической системы.

Таким образом, механизмы управления устойчивостью эколого-экономической системы направлены на достижение устойчивости и позволяют рационально планировать и эффективно разрабатывать региональные программы развития. Они представляют собой сложный комплекс экономических, экологических, социальных и институциональных ограничений. Разделение механизмов по уровням организации управления дает возможность определить компетенции органов управления каждого уровня в пределах их эколого-экономических систем. Кроме того, это способствует облегчению работы по согласованию интересов органов управления и увеличивает эффективность их работы. Использование предложенной системы механизмов управления способствует более эффективному управлению устойчивостью эколого-экономической системы, а также планированию ее показателей при разработке региональных программ развития [2, с. 58].

Таким образом, анализ структуры, функций и механизмов управления эколого-экономической системой показал, что российская система регулирования в области охраны окружающей среды и экологии требует оптимизации, институциональной трансформации, а также расширения функций управляющих органов. Система управления устойчивостью эколого-экономической системы России и Пензенской области имеет несовершенную систему

механизмов, в результате чего происходит дублирование функций органов управления уже на этапе их создания.

Рис. 2. Модель функционирования механизмов управления устойчивостью эколого-экономической системы

Список литературы

1. **Желаева, С. Э.** Институциональные аспекты устойчивого развития социо-эколого-экономических систем различных типов / С. Э. Желаева, В. Е. Сактоев, Е. Д. Цыренова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. – С. 156.
2. **Резник, Г. А.** Механизмы управления устойчивостью эколого-экономической системы / Г. А. Резник, А. А. Малышев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4.

References

1. Zhelaeva S. E., Saktoev V. E., Tsyrenova E. D. *Institutsional'nye aspekty ustoychivogo razvitiya sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem razlichnykh tipov* [Institutional aspects of sustainable socio-eco-economic systems of various types]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU, 2005, p. 156.
2. Reznik G. A., Malyshev A. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 4.

Малышев Алексей Алексеевич
кандидат экономических наук, доцент, кафедра маркетинга и экономической теории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28)

Malyshev Aleksey Alekseevich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of marketing and economics, Penza State University of Architecture and Construction
(28 G. Titova street, Penza, Russia)

E-mail: malyshe-aleksej@yandex.ru, alekseymallyshev27@rambler.ru

---

УДК 005.2:344.7

Малышев, А. А.

Практика управления эколого-экономической системой в России и Пензенском регионе / А. А. Малышев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 215–226.

УДК 316.334

С. Г. Михнева, Ю. А. Рыжкова, Е. О. Петрухина

ТИПОЛОГИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. В настоящее время заметно актуализировалась проблема исследования неформального сектора экономики, что обусловлено в первую очередь тем, что неформальная экономика объединяет качественно разнородные виды деятельности, полностью или частично не подчиненные формальным нормам хозяйствования, не подкрепленные контрактами и не фиксируемые статистическим учетом. Состав неформальной экономики довольно разнороден и включает в себя теневую и криминальную активность, домашний труд по самообеспечению семей и сетевые обмены между домохозяйствами на нерыночной основе. Цель работы – на основе выделения критериев определить типологии неформального сектора экономики. *Материалы и методы*. При написании работы в зависимости от особенностей решаемых задач использовались различные методы экономического исследования: абстрактно-логический – при постановке цели и задач исследования; сравнительный анализ – при выявлении особенностей формального и неформального секторов экономики; индукция и дедукция – при определении основных критериев типологии неформального сектора экономики. Теоретическую базу исследования составили работы отечественных, в частности С. Ю. Барсуковой, и иностранных (L. A. Munro, P. Doeringer, J. Losby, G. S. Fields и др.) экономистов по проблемам влияния неформального сектора на национальную экономику. Информационно-эмпирическую базу исследования составили материалы периодической печати и Интернета. *Результаты*. В ходе исследования проанализированы подходы к типологизации неформального сектора экономики, выявлены основные критерии классификации неформального сектора экономики, проведено сравнение формального и неформального секторов экономики. *Выводы*. Таким образом, неформальный сектор экономики включает столь различные формы, что довольно сложно дать им единственно верное его определение. Для более полного определения необходимо выделять его основные критерии: легальность; тип оборота; результат деятельности; оценка государственными органами; налогообложение; условия трудоустройства; инициатива контрагентов.

Ключевые слова: неформальность, неформальная экономика, неформальный сектор экономики, теневая экономика.

S. G. Mikhneva, Yu. A. Ryzhkova, E. O. Petrukhina

TYPOLOGY OF INFORMAL SECTOR OF THE ECONOMY

Abstract. *Background*. At the present time the issue of studies of the informal sector has become topical primarily due to the fact that the informal economy unites qualitatively dissimilar activities, fully or partially not subordinate to the formal standards of management, without being backed by contracts and recorded by the statistical records. The composition of the informal economy is quite heterogeneous and includes the shadow and criminal activity, domestic labour providing self-sufficiency of families and network exchanges between households on non-market basis. The purpose of the work is to define a typology of the informal sector of economy on the basis of the selection criteria. *Materials and methods*. In this work, depending on the features of the tasks, different methods of economic research were used: abstract-logical – when setting the goals and objectives of the research; comparative analysis –

to reveal the peculiarities of formal and informal sectors of the economy and other issues addressed in the work; induction and deduction – for determination of the definitions of the main criteria of the informal economy typology. Theoretical basis of the study consisted of the works by Russian scientists, in particular, S. Y. Barsukova, and foreign (L. A. Munro, P. Doeringer, J. Losby, G. S. Fields and others) economists on the influence of the informal sector on the national economy. Information and empirical base of the research includes materials from periodicals and the Internet. *Results*. In the course of the study the authors analyzed the approaches to the typology of the informal sector, identified the main criteria of classification of the informal sector of the economy, compared the formal and informal sectors of the economy. *Conclusions*. Thus, the informal economy includes such different forms that it is difficult to give them only the right definition. For a more complete definition one must allocate its main criteria: legality; type turnover; the result of activity; assessment of the state bodies; taxation; terms and conditions of employment; the initiative of the counterparty.

Key words: informality, informal economy, informal sector of the economy, shadow economy.

Определение неформального сектора экономики, впрочем, как и самого термина «неформальность», стало предметом альтернативных взглядов, большого количества споров последнего десятилетия.

Для понимания сущности неформального сектора экономики необходимо рассмотреть типологии, согласно которым неформальный сектор экономики разделяется по видам деятельности в системе различных экономических действий.

Согласно исследованиям Шнейдера (Schneider) и Энстэ (Enste) неформальная деятельность определяется как экономическая деятельность в незарегистрированных компаниях, которые вносят свою лепту в ВВП. Другие ученые исследуют неформальность согласно источнику активности (надомные предприятия, уличные предприятия) или уровню организации. Часть ученых определяют неформальных рабочих как тех, которые не получают преимущества от социальной защиты (медицинское страхование), и тех, кто не защищен трудовым законодательством (меры, регулирующие прием сотрудников на работу, увольнение, минимальный размер оплаты труда).

Определение «неформальности», данное Международной организацией труда (МОТ), охватывает множество элементов, представленных выше и наиболее часто упоминаемых в научной литературе. В соответствии с этим определением, неформальный сектор экономики включает «всех рабочих с высокой заработной платой – индивидуальных предпринимателей и людей, работающих по найму, деятельность которых не регулируется существующим законодательством, и рабочих с низкой заработной платой, занятых в подпольных организациях». Согласно этим критериям неформальный сектор экономики включает:

1) неформальную занятость в «неформальных» компаниях (включая работодателей, работников, неоплачиваемые семейные предприятия);

2) неформальную занятость в «формальных» организациях (включая домохозяйства, разовую и однодневную занятость, временную и почасовую занятость, надомную занятость, незарегистрированную или незадекларированную занятость).

Следует отметить, что неформальный сектор экономики включает различные группы рабочих. В то время как МОТ использует дуалистический подход к типам занятости (формальная и неформальная), другие утверждают, что нужна большая детализация. Например, Фьелдс (Fields) проводит границу между двумя различными формами неформальной занятости:

1) свободный доступ на рынок, низкая заработная плата, что менее привлекательно, чем занятость в формальном секторе;

2) ограниченный доступ, высокая заработная плата, что более привлекательно, чем занятость в формальном секторе.

Вторая категория относится к рабочим, имеющим человеческие ресурсы и финансовый капитал для того, чтобы покинуть формальный сектор и основать небольшой собственный бизнес (например, ремонтную компанию или небольшое производственное предприятие). Существуют основания поддерживать систему деления, предложенную Фьелдсом. Например, в ежегодном отчете о национальном хозяйстве Бразилии содержатся данные о том, что 62 % самозанятых не хотели бы работать в формальном секторе.

Третья классификация форм занятости представлена в литературе моделью, разработанной WIEGO (*Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing* – Женщины в неформальной экономике: глобализация и организация). Так же, как и Фьелдс, они отмечают неоднородность внутри неформального сектора экономики. В соответствии с их подходом, неформальная занятость делится на области в соответствии с типом и степенью:

1) экономического риска (потери работы и (или) сбережений);

2) органа управления (учреждения или работодатель) [1].

Четвертая классификация рассматривает неформальную занятость как категорию рынка труда. Адаптация «дуалистической теории рынка труда» предлагает один из способов концептуализации, увеличивающей подвижность границ рынка труда. В ранних формулировках Дойрингер (Doeringer) и Пиор (Piore) спорили относительно перспектив США, в которых рынок труда отражал классовое, расовое и гендерное расслоение общества. В их работах выделялось четыре сектора. Первичный сектор был представлен в основном мужчинами (как правило, «белыми»), работающими в тяжелой индустрии, а также «белыми воротничками»; вторичный сектор – женщинами и низкоквалифицированными рабочими-мужчинами; сектор неформальной экономики – людьми, неспособными попасть в первые два сектора по расовым и гендерным причинам, а также из-за недостаточного уровня умений и навыков [2]. Неформальная деятельность включает людей, которые открыли свой собственный бизнес, основанный на наличных расчетах или нерегулируемых условиях, или людей, которые работают на работодателя, но получают зарплату на руки. Четвертая категория – это нелегальная деятельность, которая включает в себя всякую криминальную деятельность, позволяющую создавать доход.

В табл. 1 представлена типология неформального сектора экономики на основе критерия «рынок труда».

Под воздействием процессов глобализации происходит перемещение занятых в первичном секторе в более «низкие» сектора.

Поздние исследования показали, что границы секторов были более подвижными, чем это первоначально представлялось; и многие люди, кото-

рые должны были в соответствии с представленными выше характеристиками работать в первичном секторе, были также вовлечены в неформальный сектор, используя его и как первоначальный источник доходов, и как дополнительный источник [3].

Таблица 1

Типологии рынков труда по Дойрингеру и Пиору

Показатели	**Первичный сектор**	**Вторичный сектор**	**Неформальный сектор**	**Нелегальный сектор**
Степень регулируемости	Хорошо регулируемый	Плохо регулируемый	Нерегулируемый	Нерегулируемый
Обеспечение работой	Гарантировано	Низкие гарантии	Временная работа	Не гарантирована, связана с криминалом
Зарплата	Регулярная	Нерегулярная	Самозанятые	Невозможно регулировать
Занятые	Мужчины («белые»)	Женщины, низкоквалифицированные рабочие	Расовая и гендерная дискриминация, низкий уровень квалификации	Связанные с криминальными группами

Согласно обзору Лозби (Losby) количество рабочих мест первичного сектора сокращается в двух случаях. Первый – это сокращение рабочих мест, когда корпорация переносит свое производство в страны с низким уровнем регулирования и низкой стоимостью труда. Второй – это увеличение продуктивности за счет перевода стандартных видов работ на гибкие схемы, «в рамках» формального сектора [4]. Эти изменения создают цепную реакцию, когда рабочие первичного сектора вынуждены переходить сначала во вторичный сектор, а потом уже в неформальный сектор. До сих пор этот процесс занимал несколько десятилетий, но экономический спад последних пяти лет значительно ускорил его. Исчезновение рабочих мест в формальном секторе, который в прошлом веке являлся основным источником торговых союзов и силой, способной диктовать свои условия и оказывать влияние, не было сбалансировано увеличением профсоюзных организаций во вторичном и неформальном секторах. Результатом стало снижение влияния профсоюзов во всем мире. Вследствие этого многие объединения и организации труда по всему миру переключили свое внимание на способы организации рабочих в этих двух секторах в тех случаях, когда нет легальных рамок, контролирующих их рабочих и (или) определяющих категории работодателей, которые обязаны заключать трудовые договоры с работниками [5].

Единственная проблема данной типологии в том, что она пытается объединить отдельные категории, основываясь на классе, расе или гендерных отличиях. Другие исследования показывают, что многие люди, которые имеют возможности без проблем работать в первичном секторе, тем не менее делают свой выбор в пользу неформальной занятости, выбирая ее в качестве основного или дополнительного заработка.

Описанные выше типологии представлены на рис. 1.

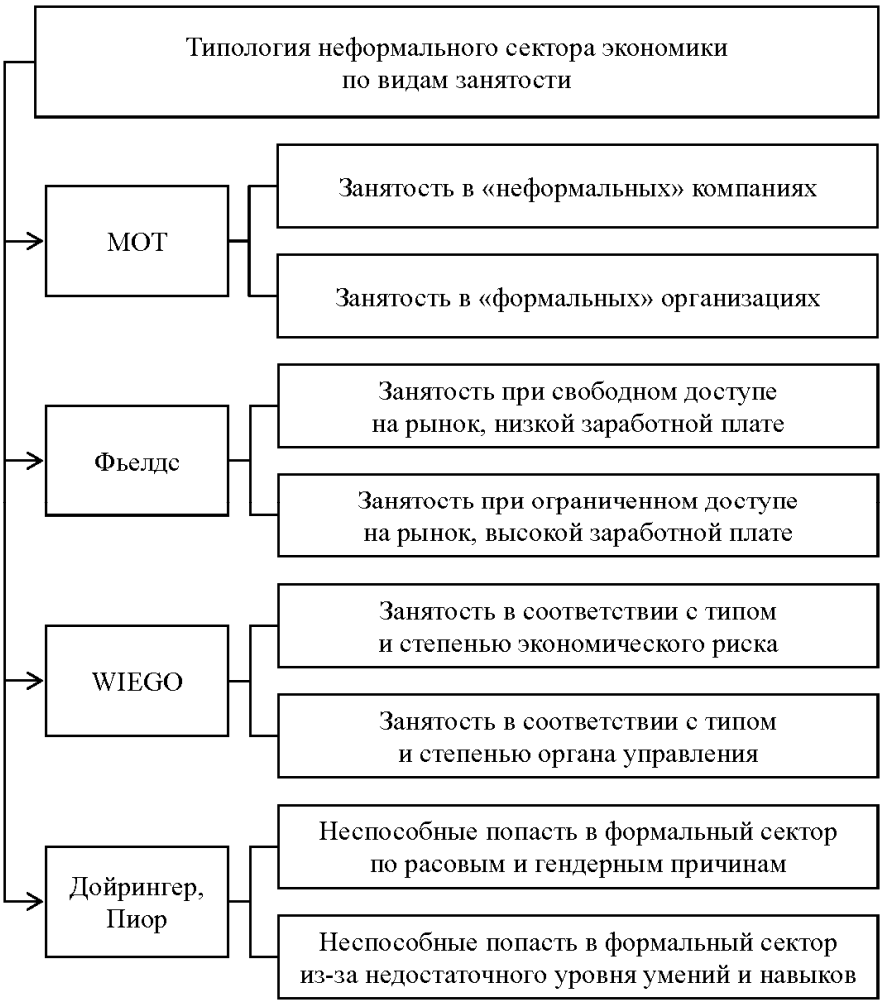

Рис. 1. Типология неформального сектора по видам занятости

Пятая типология представляет разделение неформального сектора экономики с точки зрения контекста деятельности.

Существует множество определений неформального сектора экономики, поэтому неудивительно, что на их основе выделяются различные формы и структурные единицы неформального сектора.

На рис. 2, представленном ниже, неформальная деятельность разделена на два направления: когда неформально занятые работают на себя или на работодателя. Каждая из этих двух категорий включает в себя две подгруппы.

Рис. 2. Типология неформального сектора экономики
в зависимости от контекста деятельности работника

Люди, работающие на работодателя, могут рассматривать свою деятельность как основную работу или как дополнительную работу к основному заработку. Например, ситуация, в которой люди, работающие в маленькой, средней или крупной компании, предоставляющей горничных для отелей, нанимают своих рабочих незаконно и платят им наличными деньгами.

Другой пример: человек нанят собственным работодателем для работы в выходные или по вечерам или выполняет часть работы на дому для того, чтобы получить дополнительную прибыль. Это тоже незаконная деятельность. В данном случае существует два возможных пути: работники могут просить своего работодателя, чтобы он увеличил их доходы (дополнительная работа) или же сам работодатель будет просить своих рабочих взять дополнительную работу. Примером может послужить Вера, которая работает на текстильной фабрике и берет одежду домой, чтобы закончить отдельные части и получить дополнительную зарплату.

Другая категория – самозанятые. К этой категории относятся люди, открывшие свой бизнес, дающий основной или дополнительный заработок к своей основной работе. Например, Олег открыл фирму, предоставляющую услуги по стрижке газонов, или Анна, которая занимается ремонтом, что является ее дополнительным заработком к основной работе. В том и в другом случае человек считается самозанятым, но осуществляет свою деятельность в менее формальных рамках. Например, Лиза, которая делает коробки для подарков в свободное время и продает их друзьям [6].

Определения неформального сектора экономики, которые существуют на сегодняшний день, плохо сочетаются друг с другом, поскольку опираются на различные концепции. Но, несмотря на такое многообразие, можно выделить два основных подхода к трактовке понятия «неформальный сектор экономики»: производственный и легалистский.

Производственный подход представлял К. Харт. Под «неформальным сектором экономики» понималась примитивная и разнообразная самозанятость, типичная в основном для обитателей городских трущоб развивающихся стран. Он исследовал самозанятость рынков труда, включая занятость городских бедняков, неквалифицированных рабочих. Для этих двух групп населения самозанятость, как правило, представляла основной источник средств к существованию [7]. Самозанятость в описанной ситуации служила первостепенной альтернативой безработице, поскольку для таких категорий работников формальный рынок труда ничего не мог предложить, а системы помощи безработным в этих странах не существует.

На 15-й Международной конференции статистиков труда в 1993 г. неформальный сектор экономики был определен как «совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью – обеспечить работу и доход для тех, кто связан с этими единицами» [8]. Характеристики таких единиц включают в себя низкий уровень организации, низкую капиталоемкость и небольшие размеры. Трудовые отношения в том случае, если они имеют место быть, основываются не на договорных началах, а на привлечении случайных работников, родственников или личных связях.

Вышеуказанное определение закреплено МОТ в резолюции об измерении занятости в неформальном секторе в 2000 г. МОТ ссылается на то, что предприятия неформального сектора экономики представляют собой частные предприятия, владельцами которых являются индивиды или домашние хозяйства, не имеющие статуса юридического лица и не разделяющие собственные финансовые ресурсы и финансовые ресурсы микропредприятий.

Такой подход основывается на характеристиках предприятий и рабочих мест и получил название «производственный» (*productivity-based*) [9].

Среди основных положений производственного подхода назовем следующие:

1) неформальный сектор экономики четко отделен от формального;

2) в него попадают вынужденно;

3) малооплачиваемая и социально незащищенная работа;

4) примитивный труд, работники не имеют ни образования, ни квалификации.

Доходы занятых в неформальном секторе уступают доходам тех, кто занят в формальном секторе, налоги уплачиваются крайне редко.

В числе неформальных работников довольно большую долю составляют мигранты из сельской местности. Такие работники приезжают в город в поисках «лучшей» жизни и более высокой заработной платы, но в большинстве своем застревают среди городских низов.

Они стремятся попасть в формальный сектор, который по разным причинам не создает для них достаточного количества рабочих мест. Иными словами, неформальный сектор экономики образует устойчивый сегмент «плохих» рабочих мест, в отличие от формального сектора, в котором пред-

положительно сосредоточены все «хорошие» рабочие места, но по ряду причин они доступны не всем.

Первым переосмысление производственного подхода представил Г. Филдс. Неформальный сектор экономики он рассматривал как внутренне неоднородный и двухъярусный (*two-tiered*) [10]. «Высококачественный сегмент» неформального сектора (*upper-tier jobs*) представлен самозанятыми работниками, которые осознанно и на добровольной основе стремятся в него войти, поскольку такой тип занятости для них сопряжен с получением определенных выгод. Доступ в такой сектор ограничен. «Низкокачественные» рабочие места заполняются по остаточному принципу теми, кто не смог попасть ни в сегмент формальной занятости, ни в «высококачественный» сегмент неформальной занятости.

Еще более углубил данный подход У. Мэлони (W. Maloney). Взяв за основу ряд эмпирических исследований, проведенных в Латинской Америке, он оспаривает тезисы, которые положены в основу традиционного подхода. Выводы, предложенные У. Мэлони, сводятся к следующим:

1) неформальные рабочие места не всегда хуже по качеству, чем формальные;

2) работники могут перемещаться в неформальный сектор по собственному желанию;

3) разница в заработной плате между формальным и неформальным секторами несущественна;

4) жесткие преграды отсутствуют [11].

Таким образом, самозанятые работники и владельцы небольших компаний не всегда стремятся перейти в формальный сектор, поскольку их вполне устраивает текущий статус занятости. Недостаточным стимулом для перехода в формальный сектор является даже гарантированная правовая защита. Выявлено, что отдельные категории работников выше правовой защищенности ценят независимость и рост заработной платы.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о том, что не существует никаких гарантий, что, если бы работники, занятые в неформальном секторе, решили перейти в формальный, результаты их деятельности приносили бы такие же доходы и иные преимущества, как их текущая «неформальная» занятость.

Есть случаи, когда наиболее приемлемым является легалистский подход [12], согласно которому неформальную занятость следует определять исходя из того, в какой мере фирмы или индивидуумы следуют установленным формальным правилам и нормам законодательного регулирования [13]. Иными словами, деление рабочих мест на полностью формальные и полностью неформальные зависит от того, насколько они подчинены действующему законодательству [14].

Неоднозначность легалистского определения является результатом изначальной постановки вопросов, ответы на которые сложноопределяемы. Фактически работники могут быть абсолютно формальными в одной области регулирования и при этом неформальными в другой. Например, они могут платить социальные взносы в систему социального обеспечения, но не использовать социальные гарантии защиты занятости. Также доступ к системе социального обеспечения может быть ограничен по сравнению с тем, который характеризует формальных работников в крупных компаниях. Для точ-

ного определения уровня неформальности в занятости работника внутри формальных фирм необходима полная картина его трудовой деятельности, что порождает серьезные проблемы, связанные с измерениями, поскольку часть аспектов регулирования и применения правовых норм остаются неочевидными для исследователя.

Согласно легалистскому определению, неформальные рабочие места часто существуют и в зарегистрированных компаниях в том случае, если они не полностью соблюдают действующие нормы трудового законодательства по отношению к работникам.

С другой стороны, существующие рабочие места в небольших компаниях, соблюдающих нормы законодательного регулирования, на первый взгляд кажутся достаточно формальными. В таком случае проблема неформальности сводится к слабости механизмов, которые не способны обеспечивать соблюдение регулирующих норм по отношению к работникам, а не к существующим барьерам внутри сегментов рынка труда [15].

Изначальное определение неформального сектора экономики методом от противного вылилось в набор ряда позитивных характеристик, представленных в табл. 2 [16].

Таблица 2

Сравнение формального и неформального секторов

Критерии сравнения	**Формальный сектор**	**Неформальный сектор**
Барьеры входа	Высокие	Низкие
Технологии	Капиталоемкие	Трудоемкие
Управление	Бюрократическое	Семейное
Капитал	Избыточен	Недостаточен
Рабочее время	Регулярное	Нерегулярное
Заработок	Нормальный	Низкий
Рынок	Протекционистский (лицензии, квоты, тарифы)	Нерегулируемый, конкурентный
Финансовый сервис	Банки	Неформальное кредитование
Отношения с потребителями	Деперсонифицированные	Персонифицированные
Реклама	Необходима	Редко используется
Правительственные субсидии	Вплоть до крупных	Отсутствуют
Рынки сбыта	Часто на экспорт	Редко на экспорт
Ресурсы	Местные и импортные	Преимущественно местные
Масштаб деятельности	Крупный	Малый
Квалификация	Формально подтвержденная	Не подтвержденная формально

Существующие научные исследования показывают, что дуалистическое деление экономики на формальный и неформальный секторы излишне упрощает ситуацию. Правильнее говорить о совокупности, включающей рабочие места, внутри которой соотношение формального и неформального может варьироваться в зависимости от выбора различных характеристик.

Список литературы

1. **Munro, L.** A Literature Review on Trade and Informal Labour Markets in Developing Countries / L. Munro // OECD Trade Policy Working Papers. – 2010. – Vol. 14, № 132.
2. **Doeringer, P.** Internal Labor Markets and Manpower Analysis / P. Doeringer, M. Piore. – Lexington : MA: Health/Lexington Books, 1971.
3. **Georgiou, G. M.** Measuring the size of the Informal Economy: A critical Review / G. M. Georgiou. – 2007. – URL: http://www.centralbank.gov.cy/nqcontent.cfm?a id=5755 (дата обращения: 11.05.2013).
4. **Frege, C.** International Trends in Unionization – Global Industrial Relations / C. Frege. – London : Routledge, 2006.
5. **Grembell-McCormick, R.** Trade Union Organizing in the Informal Economy: A Review of the Literature on Organizing in Africa, Asia, Latin America, North America and Western, Central, and Eastern Europe / R. Grembell-McCormick, R. Hyman, C. DiLeo, S. RyKlief, M. Varga, V. Viajor. – Rutgers University, 2012.
6. **Losby, J.** Informal Economy Literature Review. ISED Consulting and Research and the Aspen Institute / J. Losby. – 2002. – URL: http://www.kingslow-assoc.com/images/Informal_Economy_Lit_Review.pdf (дата обращения: 05.03.2013).
7. **Hart, K.** Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // The Journal of Modern African Studies. – 1973. – Vol. 11, № 1.
8. Современные международные рекомендации по статистике труда. – М. : Статинформ, 1994. – 400 с.
9. **Hussmanns, R.** Defining and measuring informal employment / R. Hussmanns. – Geneva : International Labor Office working paper, 2004.
10. **Fields, G. S.** Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence / G. S. Fields // The Informal Sector Revisited / eds. David Turnham, Bernard Salomé and Antoine Schwarz. – Paris : Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990.
11. **Maloney, W. F.** Informality Revisited / W. F. Maloney // World Development. – 2004. – Vol. 32, № 7.
12. **Merrick, J.** Employment, Incomes and Equality / J. Merrick. – Oxford University Press, 1972.
13. **Saavedra, J.** Structural reform, institutions and earnings: Evidence from the formal and informal sectors in urban Peru / J. Saavedra, A. Chong // Journal of Development Studies. – 1999. – Vol. 2, № 1.
14. **Kanbur, R.** Conceptualising Informality: Regulation and Enforcement / R. Kanbur // IZA Discussion Paper. – 2009. – Vol. 34, № 4186.
15. Неформальная экономика и неформальная занятость: два подхода к определению. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0483/tema01.php (дата обращения: 15.05.2013).
16. **Барсукова, С. Ю.** Неформальная экономика. Курс лекций : учеб. пособие / С. Ю. Барсукова. – М. : Изд. дом «Гос. ун-т – Высшая школа экономики», 2009. – 354 с.

References

1. Munro L. A *OECD Trade Policy Working Papers*. 2010, vol. 14, no. 132.
2. Doeringer P., Piore M. *Internal Labor Markets and Manpower Analysis*. Lexington: MA: Health/Lexington Books, 1971.
3. Georgiou G. M. *Measuring the size of the Informal Economy: A critical Review*. 2007. Available at: http://www.centralbank.gov.cy/nqcontent.cfm?a id=5755 (accessed 11 May 2013).
4. Frege C. *International Trends in Unionization – Global Industrial Relations*. London: Routledge, 2006.

5. Grembell-McCormick R., Hyman R., DiLeo C., RyKlief S., Varga M., Viajor V. *Trade Union Organizing in the Informal Economy: A Review of the Literature on Organizing in Africa, Asia, Latin America, North America and Western, Central, and Eastern Europe*. Rutgers University, 2012.
6. Losby J. *Informal Economy Literature Review. ISED Consulting and Research and the Aspen Institute*. 2002. Available at: http://www.kingslow-assoc.com/images/Informal_Economy_Lit_Review.pdf (accessed 5 March 2013).
7. Hart K. *The Journal of Modern African Studies*. 1973, vol. 11, no. 1.
8. *Sovremennye mezhdunarodnye rekomendatsii po statistike truda* [Modern international recommendations on labour statistics]. Moscow: Statinform, 1994, 400 p.
9. Hussmanns R. *Defining and measuring informal employment*. Geneva: International Labor Office working paper, 2004.
10. Fields G. S. *The Informal Sector Revisited*. Eds. David Turnham, Bernard Salomé and Antoine Schwarz. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990.
11. Maloney W. F. *World Development*. 2004, vol. 32, no. 7.
12. Merrick J. *Employment, Incomes and Equality*. Oxford University Press, 1972.
13. Saavedra J., Chong A. *Journal of Development Studies*. 1999, vol. 2, no. 1.
14. Kanbur R. *IZA Discussion Paper*. 2009, vol. 34, no. 4186.
15. *Neformal'naya ekonomika i neformal'naya zanyatost': dva podkhoda k opredeleniyu* [Informal economy and informal employment: two approaches to determination]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0483/tema01.php (accessed 15 May 2013).
16. Barsukova S. Yu. *Neformal'naya ekonomika. Kurs lektsiy: ucheb. posobie* [Informal economy. Course of lectures: tutorial]. Moscow: Izd. dom «Gos. un-t – Vysshaya shkola ekonomiki», 2009, 354 p.

Михнева Светлана Георгиевна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: econm@pnzgu.ru

Mikhneva Svetlana Georgievna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of economics and world economy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Рыжкова Юлия Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ulya_01@list.ru

Ryzhkova Yuliya Anatol'evna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and world economy, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Петрухина Елена Олеговна
соискатель, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: elena.petruhina@ptpa.ru

Petrukhina Elena Olegovna
Applicant, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 316.334
Михнева, С. Г.

Типология неформального сектора экономики / С. Г. Михнева, Ю. А. Рыжкова, Е. О. Петрухина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 227–238.

УДК 378:33

В. М. Володин, В. А. Скворцова, А. О. Скворцов

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ В НАУКОЕМКОМ СЕКТОРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Широкое использование информации, знаний и высоких технологий в производстве обусловливают необходимость изучения тех изменений, которые претерпевают модели и формы занятости в наукоемком секторе промышленности. Информатизация и интеллектуализация производства повышают требования к уровню образования и квалификации работников и обеспечивают возможности для развития индивидуальных и дистанционных форм организации труда и занятости. Цель работы – проанализировать изменение моделей трудовых отношений и диверсификации форм занятости в наукоемком секторе промышленности. *Материалы и методы*. Цели исследования были достигнуты на основе анализа новых трудовых и имущественных отношений, возникающих в наукоемких отраслях производства, а также изучения влияния технологического прогресса на масштабы и структуру занятости, статистики занятости и безработицы, численности рабочих мест, изменения социальной структуры. Методологический потенциал включает методы сравнительного и историко-логического анализа, которые позволяют сопоставить традиционные модели и формы занятости по найму и формирующиеся в наукоемком секторе промышленности индивидуальные и дистанционные модели организации труда и занятости. *Результаты*. Исследованы особенности трудовых и имущественных отношений в наукоемком производстве, влияние технологического прогресса на масштабы и структуру занятости, состоящее в вытеснении людей во всех секторах и отраслях экономики не только в материальном производстве, но и в наукоемких отраслях, новые модели организации труда и занятости в наукоемком секторе промышленности. *Выводы*. Проведенное исследование позволяет выявить изменение статуса работника как собственника рабочей силы и интеллектуального капитала, направления модификации моделей и форм занятости в наукоемком секторе промышленности под влиянием информационной революции, тенденцию отхода от наемного труда к индивидуальным и дистанционным моделям организации труда и занятости.

Ключевые слова: наукоемкий сектор промышленности, интеллектуальный капитал, модель занятости, традиционная занятость, дистанционная занятость.

V. M. Volodin, V. A. Skvortsova, A. O. Skvortsov

PROSPECTS OF EMPLOYMENT IN SCIENCE-INTENSIVE INDUSTRIES

Abstract. *Background*. Extensive application of information, knowledge and high technologies in production calls forth the study of the changes that occur in models and forms of employment in science-intensive industries. Informatization and intellectualization of production increase the requirements to educational and qualification level of employees and provide opportunities for individual and remote forms of organization of labour and employment. The goal of the study is to analyze the change of models of labour relations and diversification of forms of employment in science-intensive industries. *Materials and methods*. Implementation of the goal of the study was achieved on the basis of the analysis of new labour and property rela-

tions in science-intensive industries, as well as examination of technological progress influence on scale and structure of employment, statistics of employment and unemployment, quantity of working places, changes of social structure. Methodology includes the methods of comparative and historical and logical analysis, which allows to compare traditional models and forms of employment and individual and remote forms of organization of labour and employment in science-intensive industries. *Results*. The authors investigated the peculiarities of labour and property relations in science-intensive production, technological progress influence on scale and structure of employment which is reflected in displacement of human skill by equipment in all sectors and branches of the economy not only in material production but also in science-intensive industries, new models of organization of labour and employment in science-intensive industries. *Conclusions*. Examination allows to reveal the change of status of workers as the owners of labour force and intellectual capital, directions of modification of models and forms of employment in science-intensive industries that are influenced by information revolution, tendency of deviation from hired labour to individual and remote forms of organization of labour and employment.

Key words: science-intensive industries, intellectual capital, model of employment, traditional employment, remote employment.

В наукоемком секторе промышленности, где возрастает значение профессий, связанных с высокой насыщенностью информацией и знаниями, использованием высоких технологий, основным «средством производства» является квалификация сотрудников. По мере распространения интеллектуального капитала усиливается роль носителей и создателей знаний. Их называют по-разному: интеллектуальные работники (*knowledge workers*), научные работники, «золотые воротнички», когнитариат [1].

Характеристикой интеллектуальных работников является высокий уровень квалификации, определяющий востребованность обществом, профессиональную и социальную мобильность. Обладание знаниями и способность продуцирования новых знаний позволяют им получить социальное признание и войти в состав доминирующих социальных групп. Интеллектуальный работник направляет процесс производства, от его решений и действий зависят судьба и качество любого элемента промышленного производства и его результатов. По словам Т. Шульца, использование человеческого капитала контролируется самими владельцами, независимо от источников его формирования, которые могут быть частными или государственными [2].

В наукоемком секторе промышленности наемный работник, оставаясь носителем и собственником рабочей силы, потенциально может стать также собственником интеллектуального капитала [3]. Объектом собственности в данном случае выступают его знания, умения, опыт, образующие его человеческий капитал.

Включение работника в систему отношений присвоения осуществляется через процесс принятия решений непосредственно на рабочем месте [4]. Выполнение современными работниками принципиально новых функций по владению и распоряжению собственностью придает им новый экономический статус. В основном это касается проблем, связанных с производственным (улучшение и совершенствование техники и технологии, оценка и внедрение инноваций, участие в реконструкции и модернизации производства), экономическим (повышение качества и конкурентоспособности продукции)

и социальным развитием. В результате создается база для формирования новых трудовых и имущественных отношений: отношений взаимодействия, коллективизма, сотрудничества, партнерства [5]. При этом предприятия наукоемкого сектора промышленности переходят от централизованной иерархической к иерархическо-сетевой структуре с повышением самостоятельности сотрудников.

Согласно историческому опыту технологический прогресс приводит к замене труда людей более эффективными орудиями производства, в результате люди переходят от одного вида деятельности к другому. Так, в Великобритании между 1780 и 1988 гг. сельскохозяйственная рабочая сила сократилась по абсолютной численности наполовину. А рост производительности позволил вложить капитал в промышленность, а затем в производство услуг, что дало работу растущему населению. Аналогичные изменения происходили и в американской экономике: технологические новшества в течение XX в. также в массовом порядке забирали трудовые ресурсы у сельского хозяйства, но общее число рабочих мест, созданных американской экономикой, выросло примерно с 27 млн в 1900-х гг. до 124,5 млн в 1990-х гг.

Важнейший результат информационной революции заключается в том, что машины активно замещают людей во всех секторах и отраслях экономики.

Прежние промышленные технологии замещали физическую силу человека. Новые технологии, базирующиеся на компьютерах, заменяют человеческий разум. Более трех четвертей работающих в промышленно развитых странах заняты трудом по исполнению простых повторяющихся функций. Большинство из этих функций способны выполнять автоматы, роботы и компьютеры.

Растущие расходы на рабочую силу, которые снижают конкурентоспособность фирм, побуждают компании замещать живую рабочую силу новыми информационными и телекоммуникационными технологиями, изменять организационные структуры, укорачивать и упрощать процессы производства и распространения товаров, рационализировать управление, обучать работающих выполнять новые разнообразные функции и т.п. Все это способствует повышению производительности труда, но вместе с тем ведет к росту безработицы.

«Наступила информационная эпоха. В грядущие годы новые, более совершенные технологии будут все в большей мере приближать цивилизацию к такому состоянию, когда почти исчезнут работающие. В сельскохозяйственном, промышленном и сервисном секторах машины стремительно замещают человеческий труд и сулят появление к середине XXI столетия экономики с практически автоматизированным производством, – пишет Дж. Рифкин. – Полное замещение работающих машинами заставит все страны пересмотреть свои представления о роли людей в социальном процессе. Переосмысление возможностей и обязанностей миллионов людей в обществе, в котором отсутствует формальная массовая занятость, вполне может стать самой насущной социальной задачей столетия» [6].

Однако эта тенденция будет прослеживаться и в информационном секторе производства. Уже создан «робот-станок» по автоматическому программированию информационных систем для максимально возможного изъятия из процесса «строительства» информационного общества основной дви-

жущей силы – программистов. Создание и оперативное «обучение» адаптивных информационных систем управления позволит, в свою очередь, на новом качественном уровне оптимизировать глобальное управление. Многие управленческие процессы динамически будут трансформироваться в автоматические сценарные режимы «автопилотирования», принципиально сокращающие управленцев и бюрократию.

М. Кастельс различает две складывающиеся в мире модели занятости, соответствующие информационной стадии развития экономики [7]:

– «модель экономики услуг» (частично США, Великобритания, Канада) характеризуется вытеснением промышленной занятости при расширении сферы услуг и управленческой занятости;

– «модель индустриального производства» (частично США, Германия) характеризуется не столь существенным вытеснением занятых в промышленности при сохранении высокой доли производственных услуг.

Рост безработицы в 1980-е и 1990-е гг. в Западной Европе заставил задуматься над возможной трансформацией всей социальной структуры под массированным воздействием трудосберегающих технологий.

В информационную эпоху большинство традиционных рабочих мест в промышленности ждет судьба рабочих мест в сельском хозяйстве, но есть надежда, что новые рабочие места будут создаваться в высокотехнологичном промышленном производстве и сфере услуг.

Опыт технологически передовых экономик – США, Японии, европейских стран – показывает, что они создали большинство рабочих мест между 1970 и 1992 гг. Однако в Европе вся новая занятость была создана государственным сектором, занятость в частном секторе в эти годы оставалась на том же уровне.

Ни рыночный, ни публичный секторы не смогут спасти экономику от нарастающей технологической безработицы и ослабления потребительского спроса. Информационные и телекоммуникационные технологии несут угрозу ликвидации десятков миллионов рабочих мест. Новые технологии, возможно, создают новые виды рабочих мест, но их число незначительно.

Вместе с тем обладающий профессиональными знаниями работник может использовать их самостоятельно, не отдавая свой труд внаем, получая тем самым свободу использования собственного интеллектуального капитала [8]. Благодаря растущей приоритетности знаний, принадлежащих непосредственно индивиду, складывается тенденция отхода от наемного труда к самостоятельной деятельности или самозанятости. Персональный компьютер открыл колоссальные возможности восстановления индивидуального характера процесса труда.

Интеллектуальный работник, являющийся собственником неосязаемых средств производства и в значительной степени контролирующий собственный производственный процесс, обеспечивает себя работой на основе самозанятости, т.е. практически является индивидуальным предпринимателем. По свидетельству западных специалистов, изменения общественного производства под влиянием информационного и технологического прогресса приводят к повышению самостоятельности и мобильности работников, которые предпочитают «работать с компанией, например, в области обработки и оценки данных, но не *на* компанию, не в качестве ее работников». К сере-

дине 90-х гг. XX в. в США было создано около 21 млн домашних (надомных) фирм (*full-time home-based businesses*), значительное число которых представляло наиболее высокотехнологичные отрасли производства [9]. Работник больше не предан своему рабочему месту, предприятию.

В условиях развития и расширения индивидуальной занятости собственник интеллекта и собственник вещественных условий производства могут выступать в одном лице. Это характерно для сферы мелкого и среднего интеллектуального бизнеса, где основные факторы производства – компьютер и первоначальная информация – могут быть доступны отдельному индивиду.

Индивидуальный интеллектуальный капитал представляет собой совокупность знаний работника, который может быть наемным или самостоятельным, т.е. обеспечивать себе рабочее место как индивидуальный предприниматель [10]. Соответственно, доход такого рода работников должен формироваться на основе комбинации зарплаты, ренты, процента и прибыли, т.е. отражать не только стоимость рабочей силы, но и приобретать характер инвестиционного дохода в той части, которая связана с затратами на формирование интеллектуального капитала. Стоимость же рабочей силы должна отражать затраты на ее подготовку и обучение.

Информатизация и интеллектуализация обеспечивает все большие возможности для развития индивидуальных и дистанционных форм организации труда [11].

Речь идет о занятости несколько часов в неделю, по краткосрочным проектам и контрактам. Развивается дистанционная занятость, когда работник, находясь дома, выполняет работу путем использования компьютерных технологий. В конце XX в. в США было 11,1 млн таких работников, а за последующее десятилетие их число выросло до 32 млн человек [12]. В странах Евросоюза их насчитывается около 10 млн [13].

Дистанционная занятость демонстрирует ряд преимуществ перед традиционной. В первую очередь снимает ограничения, связанные с местоположением работника, контролем со стороны менеджмента и работодателя, предполагает организационную свободу, а также обеспечивает свободу творчества, более комфортные условия труда, рост производительности труда. Эта модель занятости обеспечивает экономию затрат работодателю на организацию рабочих мест и аренду помещения.

В России дистанционная занятость только начинает развиваться. Ее медленное развитие объясняется высокими издержками организации и оборудования домашнего рабочего места (офиса), недостаточным развитием информационно-коммуникативной инфраструктуры, отсутствием должного юридического обеспечения взаимодействия работодателей и работников. Однако, учитывая удаленность российских регионов друг от друга, неравномерное распределение рабочей силы по территории страны, развитие дистанционных форм организации труда и занятости населения является необходимым и обоснованным.

Одновременно с этим наблюдается рост использования неквалифицированных работников в сфере услуг на нижних ступенях социальной лестницы. Эти рабочие места, несмотря на более медленные темпы роста их численности, смогут составлять существенную долю социальной структуры по абсолютной численности. Иными словами, развитие информационного общества может характеризоваться поляризующейся социальной структурой.

Таким образом, новые явления в сфере использования трудовых ресурсов и организации труда в наукоемком секторе промышленности позволяют говорить о множественности моделей трудовых отношений и диверсификации форм занятости. Наблюдается появление новых видов деятельности, основанной прежде всего на использовании знаний, новых форм организации занятости: по краткосрочным проектам и контрактам, непостоянной занятости, гибкой занятости, дистанционной занятости и т.п.

Влияние технологического прогресса на сферу занятости имеет противоречивый характер. В связи с этим странам приходится выбирать между развитием высоких технологий и социальной стабильностью. Информатизация и интеллектуализация производства вызывают необходимость выработки новых методов регулирования занятости. Требуются новые трудовые институты, которые бы позволили децентрализовать и индивидуализировать процесс труда и формы занятости.

Список литературы

1. **Васин, С. М.** Исторические предпосылки трансформационных изменений в промышленности региона / С. М. Васин, Л. И. Крутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 150–157.
2. **Schultz, *T.*** Investing in People / T. Schultz. – Berkeley, 1981. – 173 p.
3. **Скворцова, В. А.** Становление сектора наукоемких отраслей промышленности / В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 163–169.
4. **Скворцова, В. А.** Интеллектуальная собственность: экономическая трактовка / В. А. Скворцова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2006. – № 2 (6). – С. 49–54.
5. **Розанова, Н.** К вопросу о марксистской теории отношений труда и капитала: современный подход / Н. Розанова, А. Назаренко // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 131–140.
6. **Rifkin, J.** The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era / J. Rifkin. – N. Y., 1996. – 350 p.
7. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – 608 с.
8. **Скворцов, А. О.** Экономическая природа интеллектуального капитала / А. О. Скворцов // Журнал экономической теории. – 2009. – № 1. – С. 223–226.
9. **Naisbitt, J.** Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990's / J. Naisbitt, P. Abudene. – N. Y., 1996. – 338 p.
10. **Скворцов, А. О.** Институциональная форма функционирования интеллектуального капитала / А. О. Скворцов // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С. 248–252.
11. **Загладин, Н.** Глобальное информационное общество и Россия / Н. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 7. – С. 15–31.
12. Экономика 21 века на базе интернет-технологий. – URL: http://ieie.nsc.ru~eto/faq/faq02-r.htm
13. Eurostat regional yearbook. – URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained

References

1. Vasin S. M., Krutova L. I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 1 (21), pp. 150–157.

2. Schultz T. *Investing in People*. Berkeley, 1981, 173 p.
3. Skvortsova V. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 1, pp. 163–169.
4. Skvortsova V. A. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Social sciences]. 2006, no. 2 (6), pp. 49–54.
5. Rozanova N., Nazarenko A. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 2004, no. 12, pp. 131–140.
6. Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York, 1996, 350 p.
7. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The infromational age: economy, society and culture]. Moscow, 2000, 608 p.
8. Skvortsov A. O. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of economics]. 2009, no. 1, pp. 223–226.
9. Naisbitt J., Abudene P. *Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990's*. New York, 1996, 338 p.
10. Skvortsov A. O. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of economics]. 2008, no. 4, pp. 248–252.
11. Zagladin N. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relation]. 2005, no. 7, pp. 15–31.
12. *Ekonomika 21 veka na baze internet-tekhnologiy* [Economy of the XXI century on the basis of Internet technologies]. Available at: http://ieie.nsc.ru~eto/faq/faq02-r.htm
13. *Eurostat regional yearbook*. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Скворцова Валентина Алексеевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, истории и политики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics, history and politics, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Скворцов Алексей Олегович
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, истории и политики, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: skvortsov_84@mail.ru

Skvortsov Aleksey Olegovich
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics, history and politics, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 378:33

Володин, В. М.

Перспективы занятости в наукоемком секторе промышленности / В. М. Володин, В. А. Скворцова, А. О. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 239–246.

УДК 37:061.2/.4

П. А. Касатеев, О. В. Мраморнова

ФАКТОРЫ И КРИТЕРИИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПРОЦЕССЕ ВНУТРИФИРМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

Аннотация. *Актуальность и цели*. На современном этапе руководители большинства организаций имеют четко осознанное представление о необходимости обучения и развития собственного персонала, что является приоритетным для успеха в достижении поставленных перед организациями целей и задач. Осуществление процесса внутрифирменного обучения кадров для подавляющего большинства современных компаний стало не только одним из основных инструментов достижения стоящих перед ними целей и задач, но также нормой и необходимостью для успешного ведения бизнеса на современном этапе. Одним из основных вопросов для руководства организаций, проводящих внутрифирменное обучение, стало выявление факторов и критериев, влияющих на повышение качества рабочей силы в процессе данной подготовки, а также ее эффективность. Цель данной работы заключается в определении факторов и критериев повышения качества рабочей силы в процессе внутрифирменного обучения. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа процесса внутрифирменного обучения в российских компаниях. Использована модель оценки эффективности обучения, разработанная американским исследователем Д. Киркпатриком. *Результаты*. Предложена система факторов и критериев повышения качества рабочей силы в процессе внутрифирменной подготовки. Рассмотрен характер воздействия указанных факторов на повышение качества рабочей силы в процессе внутрифирменной подготовки. Предложена методика расчета эффективности внутрифирменной подготовки, базирующаяся на применении указанных критериев. Введено понятие «новое качество рабочей силы», формирование которого является целью внутрифирменного обучения. *Выводы*. Организация и осуществление процесса внутрифирменной подготовки направлены на реализацию целей руководства организаций в отношении развития кадров. Использование системы факторов и критериев повышения качества рабочей силы в процессе внутрифирменного обучения позволит целенаправленно осуществлять развитие сотрудников, применять оценку эффективности внутрифирменной подготовки на основе использования предложенных критериев.

Ключевые слова: факторы повышения качества рабочей силы, критерии формирования нового качества рабочей силы, персонал, внутрифирменное обучение персонала.

P. A. Kasateev, O. V. Mramornova

FACTORS AND CRITERIA OF THE LABOUR FORCE QUALITY IMPROVEMENT IN THE PROCESS OF INTRAFIRM STAFF TRAINING

Abstract. *Background*. Nowadays the majority of managers of organizations have a clear understanding of the need for training and development of their own staff, which is a priority for success in achieving the goals, set by the organization's objectives. Implementation of the process of intrafirm training for the vast majority of companies today has become not only one of the main tools to achieve their ob-

jectives and tasks, but also the norm and the need for a successful business nowadays. One of the main issues for organization's management, conducting personnel training, was to identify the factors and criteria influencing the quality of the labour force in the process of this training, and effectiveness of personnel training. The aim of this paper is to understand the factors and criteria of improving the quality of labour force in the process of personnel training. *Materials and methods*. Realization of the research objectives was achieved on the basis of the analysis of the process of personnel training in Russian companies. The evaluation model of the effectiveness of intrafirm training, designed by the American researcher D. Kirkpatrick was used. *Results*. The authors suggest a system of factors and criteria of improving the quality of labour force in the process of personnel training and considered the impact of these factors on the quality of the labour force in the process of intrafirm training. The researchers suggest a model for calculation of the efficiency of intrafirm training based on the application of the above mentioned criteria. The scientists also introduce the notion of a «new quality of the labour force», the formation of which is the purpose of personnel training. *Conclusions*. Organization and implementation of the intrafirm training sre intended for realization of the objectives of organizations regarding staff development. The use of factors and criteria of labour force quality improvement in the process of intrafirm training will help to develop personnel and to carry out the effectiveness assessment of intrafirm training by using the proposed criteria.

Key words: factors improving the quality of labor force, formation criteria of a quality of labor force, staff, intrafirm staff training.

На современном этапе руководители большинства организаций имеют осознанное представление о необходимости развития собственного персонала, которое является приоритетным для успеха в достижении поставленных задач. При принятии взвешенного решения о проведении обучения сотрудников руководители компаний, кадровая служба руководствуются анализом необходимости обучения, которая может быть следствием внедрения новых технологий производства, обновления основных производственных фондов, компьютеризации процесса производства и т.д. Таким образом, первоочередной является оценка качества рабочей силы, точнее, ее соответствия определенным стандартам (знание компьютерных технологий, специфика выпуска новой продукции, формирование кадрового резерва и т.д.). Исходя из этого, перед кадровой службой или ответственными за развитие персонала сотрудниками стоит цель выявления профессиональной пригодности работников, определения их знаний и навыков применительно к новым технологиям и технологическим нормам, выявление способностей руководителя, определение достойных к зачислению в кадровый резерв и т.д. Таким образом, после проведения мероприятий по обучению и развитию сотрудников проводится оценка эффективности обучения, которая служит индикатором достижения запланированных руководством целей посредством его осуществления.

Для оценки эффективности проведенного обучения собственного персонала руководители организации и ответственные за подготовку сотрудников должностные лица часто прибегают к оценке непосредственно самих обучающих программ. Наиболее известная и часто используемая – модель оценки эффективности обучения американского исследователя Д. Киркпат-

рика, предложенная им в 1959 г.[1] Она состоит из четырех уровней, каждый из которых имеет собственный набор инструментов для оценки:

1. Реакция на обучение его участников. Здесь рассматривается интерес участников обучения к проводимым образовательным мероприятиям, их вовлеченность в процесс обучения, осознание необходимости подготовки и доступность курсов для понимания и усвоения. Инструментами оценки выступают различные опросные листы, отзывы сотрудников и т.д.

2. Знания и навыки, полученные в результате обучения. На данном уровне оцениваются знания и навыки сотрудников, приобретенные за время обучения. Для их измерения используются различные тесты, проверочные листы, задания и деловые игры.

3. Применение сотрудником полученных знаний и навыков в своей профессиональной деятельности. В данном случае поддается оценке то, как применяет сотрудник в практической деятельности полученные им за время обучения знания. Инструментами оценки служат мнение непосредственного руководителя и специальным образом составленные анкеты, ориентированные на то, чтобы выявить реальное применение приобретенных навыков и знаний, степень их усвоения.

4. Результаты деятельности сотрудника, отдела или всей организации после проведенного обучения. Это наиболее сложно поддающийся оценке уровень эффективности обучения, так как на показатели работы организации или ее звеньев воздействуют множество факторов, влияние которых сложно нивелировать для достижения корректности проводимой оценки. Здесь оцениваются как результативность сотрудника или целых отделов организации при выполнении поставленных перед ними задач, так и результат деятельности всей организации путем сопоставления аналогичных показателей за промежутки времени, взятые до и после проведения обучения.

В 1991 г. американский исследователь Д. Филлипс в качестве следующего уровня оценки проведенного обучения предложил добавить в модель Киркпатрика *ROI*, или «отдачу от инвестиций в обучение»[2]. Она заключается в количественном измерении результатов обучения и затрат на него:

$$ROI = \frac{(Доходы - Затраты)}{Затраты} \times 100\,\%.$$

При расчете данного показателя следует учитывать воздействие большого количества внешних факторов в работе организации, от которых невозможно абстрагироваться и которые в большей или меньшей степени влияют на итоговое значение денежного выражения эффективности проведенного обучения. В качестве внешних факторов могут выступать текучесть персонала; изменение рыночной конъюнктуры; появление сильного конкурента; экономические воздействия вследствие принятия правительством различных нормативных актов и положений, в том числе в сфере трудового законодательства и охраны труда и т.д.

Первоочередной целью обучения персонала является улучшение качественных характеристик рабочей силы, вывод ее качественной составляющей

[1] URL: http://www.finexpert-training.ru/index.php?ID=196&articleID=354.
[2] URL: http://www.finexpert-training.ru/index.php?ID=196&articleID=354.

на уровень соответствия требованиям, предъявляемым руководством, уровнем технического оснащения производства и др. Иными словами, в результате проведения подготовки персонал должен обладать определенными знаниями, навыками, компетенциями, т.е. необходимыми компании качествами. Опираясь на это, можно сказать, что внутрифирменная подготовка персонала преследует цель создания нового качества рабочей силы. Рассмотрим подробнее критерии и факторы, влияющие на формирование нового качества рабочей силы (рис. 1).

Рис. 1. Критерии и факторы, влияющие на формирование нового качества рабочей силы (составлено авторами)

Рассмотрим факторы, влияющие на формирование нового качества рабочей силы:

1. Одним из определяющих факторов формирования нового качества рабочей силы является постановка вопроса о развитии сотрудников внутри компании. Важную роль играет правильность постановки вопроса о развитии персонала согласно направлению развития компании и состоянию рынка и отрасли, в которой компания осуществляет свою деятельность. Решения о проведении обучающих мероприятий, формировании кадрового резерва, организации и планировании развития персонала должны приниматься руководством компании согласно избранной ими стратегии развития и в соответствии со стоящими перед ней текущими и перспективными целями и задачами.

2. Исходные качества сотрудника являются следующим фактором формирования нового качества рабочей силы. Здесь подразумевается набор его личных качеств, таких как память, склонность к обучению и развитию, ответственность, совокупность профессиональных компетенций; заинтересованность в высоких результатах обучения и собственной профессиональной деятельности; желание развивать свои навыки и получить продвижение по служебной лестнице.

3. Непосредственно сам процесс обучения и особенности его организации являются следующим фактором формирования нового качества рабочей силы. Процесс обучения должен быть грамотно спланирован, его содержание должно быть понятно и интересно его участникам. Используемые инструменты, формы (активная и пассивная, индивидуальная и групповая, с отрывом и без отрыва от производства) и методы обучения (обучение на рабочем месте и вне рабочего места), уровень компетенции проводящих обучение

преподавателей и т.д. имеют непосредственное влияние на формирование нового качества рабочей силы. Также немаловажное значение имеет то, насколько совпадают интересы сотрудников и самой компании. Необходимо, чтобы участие в обучении как можно меньше отвлекало сотрудника от его рабочей деятельности, но и не проходило также исключительно в личное время сотрудника, т.е. в неоплачиваемое время. Руководители должны идти на компромисс с проходящими обучение сотрудниками в отношении планирования места и сроков обучения, совмещения учебы и рабочей деятельности. Наличие обратной связи между обучающимися, преподавателями и руководством плодотворно влияет на эффективность обучения, позволяет внести в процесс обучения изменения на основе принятых замечаний, что способствует его совершенствованию.

Рассмотрим подробнее критерии формирования нового качества рабочей силы:

1. Приобретенные качества сотрудника. Здесь должен быть определен набор знаний, навыков и компетенций, полученных работником в процессе подготовки. Фактически это разность между качественными характеристиками сотрудника после и до процесса обучения.

2. Соответствие характеристик процесса обучения задачам формирования нового качества рабочей силы. Они характеризуются степенью соответствия используемого набора форм, методов, инструментов и информационной составляющей заданным в процессе обучения целям по развитию персонала. Степень соответствия результатов обучения данному критерию является основанием для определения путей совершенствования внутрифирменной подготовки в организации. Также в данном случае оценивается наличие заинтересованности и увлеченности в процессе обучения со стороны учащихся.

3. Результативность работы сотрудника. Результаты работы сотрудника, прошедшего обучение, по нашему мнению, также необходимо рассматривать как критерий формирования нового качества рабочей силы. Соответствие данному критерию подразумевает не просто уровень производительности труда или различные количественные показатели работы, но и умение сотрудника применять в практической деятельности полученные знания и навыки на постоянной основе и достижения в рабочей деятельности, являющиеся следствием их применения. Например, низкий показатель брака готовой продукции, вызванный ремонтом производственной линии, является высоким производственным результатом, не связанным с обучением. А этот же низкий показатель брака, связанный с обучением обслуживающего производственную линию сотрудника, считается положительной оценкой по данному критерию, что свидетельствует о формировании нового качества рабочей силы.

Необходимо, чтобы применение сотрудником новых знаний и навыков в повседневной рабочей деятельности было систематическим и организованным на постоянной основе, должна присутствовать постоянная обратная связь с руководством относительно результатов работы, все аспекты трудовой деятельности сотрудника должны быть направлены на поощрение достижения им высокой результативности. К примеру, имеется необходимость в некоторых случаях оценивать различные аспекты рабочей деятельности коллектива, в котором трудится сотрудник, например психологическую обстановку в коллективе и ее влияние на сотрудника и его результативность,

так как в некоторых обстоятельствах работник не может добиться высоких результатов, оставаясь в прежнем коллективе, боясь неодобрения его участников и т.д. Возможно, следует перевести сотрудника в другой отдел или на новую должность, а в исключительных случаях даже сформировать новый отдел или подразделение в компании из прошедших обучение, чтобы добиться от них высоких показателей трудовой деятельности, реализации своих возможностей и, следовательно, получить желаемый эффект от обучения в виде формирования нового качества рабочей силы.

4. Результат деятельности компании. Ключевые показатели деятельности всей компании, достижение ею запланированных целей и результатов, в том числе и в отношении развития персонала, также следует рассматривать как критерий формирования нового качества рабочей силы. По данному критерию оценивается, насколько точно руководством были определены цели и задачи обучения, степень их соответствия вектору развития компании; насколько точно были учтены воздействия рынка и других внешних условий на функционирование компании и, наконец, как в совокупности с этими условиями повлияло проведение обучения сотрудников на достижение компанией своих производственных целей, насколько оправдано проведенное обучение на основе анализа текущей ситуации. Другими словами, насколько верно были обозначены руководством цели обучения на основе прогнозов состояния рынка, внешних условий, текущих и будущих производственных задач и др. К примеру, принятое руководством решение об обучении сотрудников целого подразделения в отношении его профильной деятельности в рамках функционирования всей компании фактически не дало положительного эффекта, так как данное подразделение было в короткие сроки переоборудовано для производства иного вида продукции. Даже если по обозначенным ранее трем критериям формирование нового качества рабочей силы имело место (учащиеся обладали нужными качествами, был грамотно организован процесс обучения, сотрудники успешно применяли в практической деятельности полученные знания и навыки), то по данному критерию оно отсутствует, так как в результате обучения не произошло формирования нового качества рабочей силы, которое бы соответствовало направлению развития компании.

На основе вышеизложенного, рассмотрев перечисленные критерии и факторы, можно предложить следующий показатель результативности формирования нового качества рабочей силы, отражающий эффективность обучения:

$$E = (Q \times P \times R \times K) \times 100\ \%,$$

где E – степень формирования нового качества рабочей силы как первоочередной цели обучения; Q, P, R, K – показатели соответствия критериям формирования нового качества рабочей силы: Q – приобретенные качества сотрудника; P – соответствие характеристик процесса обучения задачам формирования нового качества рабочей силы; R – результат работы сотрудника. K – результат деятельности компании.

При расчете данного показателя результативности формирования нового качества рабочей силы каждому из элементов Q, P, R, K присваивается значение ≤ 1 в соответствии с проведенной оценкой соответствия каждому конкретному критерию. Показателю присваивается значение 1, если было

выявлено наличие формирования нового качества рабочей силы в соответствии с данным критерием. $E = 1$, если запланированные в обучении цели по формированию нового качества рабочей силы были в полной мере достигнуты компанией.

Таким образом, определение факторов и критериев формирования нового качества рабочей силы в процессе внутрифирменной подготовки помогает количественно оценить приращение знаний, навыков и компетенций, полученных работником, что, в свою очередь, необходимо для оценки результативности обучения сотрудников.

Список литературы

1. Компания ООО «ФИНЭКСПЕРТ-ТРЕНИГ» : официальный сайт. – URL: http://www.finexpert-training.ru/index.php?ID=196&articleID=354

References

1. Available at: http://www.finexpert-training.ru/index.php?ID=196&articleID=354

Касатеев Павел Александрович
аспирант, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина (Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, 77)

E-mail: nickopol@mail.ru

Kasateev Pavel Aleksandrovich
Postgraduate student, Saratov State Technical University named after Y. A. Gagarin (77 Polytekhnicheskaya street, Saratov, Russia)

Мраморнова Ольга Владимировна
доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и экономики труда, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина (Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, 77)

E-mail: o.mramornova@yandex.ru

Mramornova Ol'ga Vladimirovna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of economics and labor economics, Saratov State Technical University named after Y. A. Gagarin (77 Polytekhnicheskaya street, Saratov, Russia)

УДК 37:061.2/.4

Касатеев, П. А.

Факторы и критерии повышения качества рабочей силы в процессе внутрифирменного обучения персонала / П. А. Касатеев, О. В. Мраморнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 247–253.

УДК 338.24

В. С. Шутов

СМЕНА ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Спад экономики России, балансирование на грани очередного кризиса являются свидетельством исчерпания ресурсов применяемых моделей развития. Это вынуждает ученых или искать новые модели, или коренным образом модернизировать существующую либеральную модель развития. Данная статья посвящена одному из стратегических, антикризисных инструментов государства, которым является смена форм собственности. Основное внимание уделяется экономическим и историческим аспектам данной проблемы, которые доказывают возможность и необходимость использования данного инструмента в антикризисном управлении экономикой страны. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа теории и практики применения смены форм собственности в антикризисном управлении экономикой государства. Теоретической основой исследования послужили труды ученых о философской категории – гомеостатической системе, которая поддерживает свое состояние в заданных границах, т.е. границах, соответствующих окружающей среде. Такой же системой является экономика государства. Исторической основой исследования является анализ положительных и негативных фактов применения смены форм собственности как стратегического инструмента антикризисного управления. *Результаты*. Исследовано применение смены форм собственности в стратегии антикризисного управления экономикой государства, проанализированы условия, факторы, положительные и отрицательные результаты такого применения. *Выводы*. Изучение теории и практики смены форм собственности позволит расширить арсенал средств стратегии антикризисного управления, повысить эффективность модернизации существующей модели развития России, усилить поиск конвергентных моделей, более адекватных условиям существования современной России.

Ключевые слова: гомеостатическая система, собственность, формы собственности, антикризисное управление, управление рисками, национализация, муниципализация, приватизация.

V. S. Shutov

CHANGE OF PROPERTY FORMS AS A TOOL OF STATE ANTI-CRISIS POLICY

Abstract. *Background*. Economic recession in Russia, balancing on the verge of another crisis are the evidences of the applied development models exhaustion. It forces scientists rather to research new models or to drastically modernize the existing liberal model of development. The article is devoted to one of the strategic anti-crisis instruments of the state which is the change of property forms. The stress is placed on economic and historical aspects of the problem that prove the possibility and necessity of using the said instument in national anti-crisis economy management. *Materials and methods*. Realization of the research objectives was achieved through the analysis of the theory and practice of experience in changing property forms in national anti-crisis economy management. Theoretical base of the research included the works by scientists on a philosophical category – the homeostatic sys-

tem, that maintains its condition in the set limits, i.e. the limits corresponding to the environment. State economy appears to the same system. Historical base of the research is the analysis of positive and negative factors of implementation of property form changes as a strategic instrument of anti-crisis management. *Results*. The author researched the experience of property form change in the strategy of national anti-crisis economy management, analyzed the conditions, factors, positive and negative results of the said experience. *Conclusions*. The study of the theory and practice of property form change will allow to expand the store of instruments of the strategy of anti-crisis management, to increase the modernization effectiveness of the existing development model of Russia, to intensify the search of convergent models, more adequate to the modern Russian conditions.

Key words: homeostatic system, property, ownership, crisis management, risk management, nationalization, municipalization, privatization.

Исследование экономической деятельности, особенно в 90-е гг. прошлого века, опровергает один из постулатов классической рыночной экономики, который гласит, что треть вины за банкротство предприятий страны падает на внешние факторы, а две трети – на внутренние. Чаще всего, особенно в России, все наоборот. Более того, при характеристике рисков, связанных с возникновением кризисов, нами используется понятие «гомеостатистическая система», которое равнозначно понятию «адаптивная система» [1, с. 232–233]. Эта категория лежит в основе применения смены форм собственности как инструмента антикризисного управления экономикой страны.

Как известно, гомеостатические системы характеризуются тем, что поддерживают свое состояние в заданных границах, т.е. границах, соответствующих окружающей среде. Таким образом, в нашем случае речь идет о подчинении развития экономики страны законам и принципам поддержания некоторых переменных состояний экономики на определенном уровне или в узких границах (безопасность, рискозащищенность, темпы экономического роста, инфляции, безработицы и т.д.). Именно наличие в стране гомеостатической системы управления реализует основополагающий принцип стратегии антикризисного менеджмента, который гласит, что скорость изменений организации должна соответствовать скорости изменений окружающей среды.

Одним из переменных состояний гомеостатической системы государства является динамика соотношения различных форм собственности. Такой вывод подтверждает, в частности, современная экономическая практика. Она показывает, что многие страны всегда использовали и используют своеобразные качели «приватизация – национализация», т.е. смену форм собственности как важнейший инструмент антикризисного управления экономикой. Именно этот факт и определяет актуальность темы данной статьи.

Как известно, понятие собственности имеет два значения. С юридической точки зрения собственность – это владение имуществом, или, в обыденном смысле, само имущество. С другой стороны, в экономическом смысле понятие собственности включает в себя всю совокупность экономических отношений общества, так называемых 11 «пучков собственности» [2, с. 523].

Таким образом, в экономической практике существует два противоположных процесса относительно динамики форм собственности. Это разгосударствление (чаще всего в форме приватизации) и национализация (муниципализация).

Под разгосударствлением, как известно, понимают процесс упразднения государственного монополизма, формирование многоукладной смешанной экономики, ее децентрализация, освобождение государства от функций прямого хозяйственного управления. Так, Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ подчеркивает, что «под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации (федеральное имущество), субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц» [3].

Обратный разгосударствлению процесс называется национализацией или муниципализацией. Национализация – это передача в собственность государства земли, промышленных предприятий, банков, транспорта или другого имущества, принадлежащего частным лицам или акционерным обществам. Национализация может осуществляться через безвозмездную экспроприацию, полный или частичный выкуп.

Институт национализации предусмотрен и Конституцией РФ. Она закрепляет право государства на отчуждение имущества, а также определяет условия реализации этого права. Данные положения Основного закона развиты в части 1 Гражданского кодекса РФ. Так, ст. 235 гл. 15 «Прекращение права собственности» ГК РФ (ч. 1) гласит:

1. «Право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

2. Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, предусмотренным законом…» [4].

Таким образом, национализация может проводиться в порядке, установленном федеральным законом. Однако, поскольку такой закон в настоящее время не принят, национализация в России проводиться не может. Вместе с тем на практике это относится лишь к безвозмездной национализации. Полный или частичный выкуп государством вполне возможен на основании обычных договоров купли-продажи. В связи с этим в последнее время появилась новая, чисто российская интерпретация национализации – бархатная реприватизация. Это понятие было впервые использовано главой «Финансгрупп» Олегом Шварцманом в интервью газете «Коммерсантъ» [5].

Таким образом, и приватизация, и национализация при определенных условиях могут быть антикризисными инструментами государства. И, конечно, в этом случае государство имеет значительно больший арсенал средств антикризисного управления.

Действительно, законы о приватизации и национализации есть практически во всех ведущих странах G20. Право на приватизацию и национализацию частной собственности – бесспорная прерогатива суверенного государства, которое давно признается международным правом. Это право является неотъемлемым элементом права государства свободно распоряжаться своими естественными ресурсами и богатствами. В частности, право на национализацию закреплено в «Хартии экономических прав и обязанностей государств», подписанной в 1974 г. странами – участницами ООН.

В целом, мировой опыт показывает, что государственные менеджеры, правильно организуя процесс, могут попеременно запуская качели «национализация – приватизация», извлекать для казны значительный доход. Вместе с тем каждая страна имела свои особенности проведения национализации и приватизации. Вот лишь некоторые из них:

1. Австрия. Особенностью развития отношений собственности в Австрии стало то, что после Второй мировой войны в целях скорейшего восстановления страны был образован огромный государственный сектор в сфере транспорта, телекоммуникаций, банковской деятельности. Государственный сектор экономики Австрии стал одним из крупнейших в Европе. В 1946 г. более 70 % австрийских предприятий были национализированы, в том числе три крупнейших коммерческих банка, значительная часть предприятий тяжелой промышленности, предприятия нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Большинство национализированных предприятий определялись Потсдамскими соглашениями как «германская собственность». Однако особенно в 1993 г. правительство приступило к реализации обширной программы приватизации промышленных холдингов в рамках общего плана привлечения иностранных инвестиций. К 1997 г. были распроданы государственная нефтехимическая группа OMV, а также два из трех коммерческих банков – BankAustria и Creditanstalt-Bankverein. В целом за 1999–2001 гг. приватизационные процессы принесли правительству страны 2,46 млрд евро, что в большой степени помогло австрийскому руководству уменьшить федеральный долг. Сейчас государство по-прежнему сохраняет ощутимую долю предприятий собственности в своих руках, эксперты оценивают приватизационный потенциал страны примерно в 45 млрд евро.

2. Великобритания. Власти государства после 1945 г. национализировали газовую промышленность, черную металлургию, ключевые авиакомпании, добычу угля, железнодорожный транспорт и электроэнергетику. В Великобритании, как и во многих других европейских странах, послевоенное восстановление и реконструкция наиболее капиталоемких отраслей промышленности осуществлялись на государственные средства. Так, доля инвестиций в огосударствленные после Второй мировой отрасли экономики достигала 40 % вложений в ту или иную хозяйственную отрасль. Для послевоенного периода характерным было и огосударствление крупных финансово-кредитных учреждений. В руках государства сосредотачивалась военная промышленность, атомная промышленность, комплексные предприятия, организации и учреждения, связанные с развитием фундаментальной науки, исследованиями космоса и проч. Нередко в руки государства переходили и сырьевые отрасли, транспорт, связь. В то же время рост государственного участия в ряде отраслей вплоть до их полной национализации не был самоцелью – правительство лишь помогало перераспределять средства между отраслями в таких размерах, которых сложно было бы достичь при свободных рыночных отношениях. Поэтому когда необходимость в таких экстренных переливаниях отпала, начались обратные приватизационные процессы, потому что в новых рыночных условиях более эффективной работы можно уже было ожидать от частного капитала, а не от государственного.

Таким образом, Великобритания представляет собой наиболее классический пример качелей «национализация – приватизация» смены форм соб-

ственности. По мнению экспертов, госбюджет заработал на этих циклах свыше 100 млрд долл.

3. Италия. Государственный сектор итальянской экономики начал формироваться в 1930-х гг. одновременно с тем, как Италия превращалась из аграрной страны в развитое промышленное государство. Государство очень активно участвовало в развитии как промышленности, так и финансово-банковской системы. В стране появились несколько крупных производственно-финансовых объединений, главенствующую роль в которых играл государственный капитал. В результате к 1960-м гг. правительство Италии прямо или косвенно контролировало около 40 % национальной экономики, а в отдельных отраслях эта доля могла доходить и до 90 %[1].

В 1992 г. правительство приступило к программе частичной реализации предприятий государственного сектора. Основными целями приватизации были объявлены повышение конкурентоспособности предприятий и уменьшение дефицита государственного бюджета. В том же году были приняты несколько важнейших для приватизационных процессов законов. Согласно одному из них, все основные государственные монополии (ENI – нефть, газ, химия, цветная металлургия, машинное оборудование; IRI – тяжелое машиностроение, авиа- и железнодорожный транспорт, моторы, страховые компании; ENEL – электроэнергетика; INA – страховой бизнес), а также некоторые банки были преобразованы в акционерные общества.

Множество примеров смены форм собственности имеется уже в истории XXI в. Так, уже известно, что в 2008–2009 гг. – в период наиболее острой фазы мирового финансового кризиса – правительства США и некоторых стран Евросоюза прибегали к процедуре национализации кредитных, страховых компаний, промышленных предприятий. В этот период в США были частично национализированы автомобильный концерн GeneralMotors, ипотечные компании FannieMae и FreddieMac, в Великобритании – крупнейший ипотечно-сберегательный банк Bradford&Bingiiy, в Германии – ипотечный банк HypoRealEstate, в странах Бенилюкса – банк Fortis, и это лишь самые крупные национализации.

Рецептом национализации готова воспользоваться Япония, побережье которой лежит в руинах после цунами и аварии на АЭС «Фукусима». Министр национальной стратегии Японии Коитиро Гемба уже заявил, что национализация компании-оператора злополучной АЭС «Фукусима-1» Tokyo-ElectricPowerCompany (TEPCO) является адекватным объектом для обсуждения. Ранее японская газета «Йомиури» написала, что в японском правительстве обсуждаются планы временной национализации TEPCO. По информации газеты, в рамках национализации японское правительство может выкупить у одной из крупнейших в Азии энергетических компаний контрольный пакет акций и поможет возместить убытки, понесенные из-за аварии на АЭС.

5 мая 2012 г. Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер подписала Указ № 660, в соответствии с которым вступает в силу закон об экспроприации 51 % акций YPF, принадлежащих испанской нефтегазовой компании Repsol (всего у нее 57,4 % акций), а также ее «дочки» YPF Gas S.A. Подписание, которое транслировалось в прямом эфире государственными те-

[1] URL: http://gorod.tomsk.ru/index-1301506010.php

леканалами, состоялось в президентском дворце «КасаРосада» в присутствии губернаторов, министров, политических и общественных деятелей. Надо отметить, в связи с тем, что решение Буэнос-Айреса о национализации вызвало резко отрицательную реакцию со стороны США и Евросоюза. Испания, которая считает, что экспроприация YPF была произведена дискриминационно и вопреки правовым процедурам, прекратила закупку биодизеля аргентинского производства, призвала лишить Аргентину таможенных льгот, а также подать на нее иск в ВТО за введенные ограничения на импорт европейских товаров. Мадрид намерен дипломатическими и юридическими способами добиваться «справедливой» компенсации.

Есть примеры принятия законов о национализации в странах СНГ. Так, 24 марта 2012 г. Казахстан впервые ввел в законодательство понятие «национализация», пообещав прибегать к ней «в крайних случаях» и выплачивать инвесторам компенсации. «Национализация – это процесс изъятия имущества, который используется только в чрезвычайных случаях, когда все другие формы изъятия или согласования с собственниками имущества исчерпаны», – объяснила министр экономического развития и торговли Жанар Айтжанова после заседания правительства Казахстана, где был представлен принятый закон.

Проблемы развития экономики в условиях мирового экономического кризиса вновь поставило вопрос о национализации и приватизации и в России [6]. При этом дискуссия по данной проблеме приобретает ныне скорее не экономический, а политический характер.

Так, сторонники национализации утверждают, что еще 20 лет назад официальная пропаганда убеждала нас, что государственное управление заведомо неэффективно и толково распоряжаться производством может только частник. Под разговоры о создании массового класса эффективных собственников в стране была наскоро проведена приватизация, впрочем, в народе ее иначе, как «прихватизация», никто не называл. Результаты «эффективного управления» не замедлили сказаться. Предприятия промышленности и сельского хозяйства пошли ко дну, в стране начались многомесячные задержки зарплат.

Уже тогда раздавались голоса, что некоторые приватизированные предприятия надо вернуть в собственность государства – национализировать. Приватизация 1990-х гг., с точки зрения сторонников национализации, обернулась разграблением страны, ее научного, промышленного, сельскохозяйственного потенциала. За эти годы прекратило свою деятельность более 75 тыс. промышленных и 29 тыс. крупных сельскохозяйственных предприятий. Промышленное производство по своим объемам откатилось на послевоенный уровень, практически уничтожены такие отрасли, как авиастроение, судостроение, машиностроение. Производительность труда понизилась более чем в два раза. Количество морских судов сократилось более чем в четыре раза, речных судов – вдвое, автобусов и трамваев – на треть, морских пассажирских судов – в три раза, речных – в два. Объемы сельхозпроизводства снизились вдвое, при этом страна потеряла продовольственную независимость, что уже угрожает национальной безопасности.

За семь лет приватизации только из-за заниженной оценки предприятий нефтяного комплекса страна потеряла сумму, равную 16 годовым бюджетам.

Кроме того, как утверждают сторонники национализации, за 20 лет (с 1992 по 2012 г.) из России было вывезено 2 трлн долл., нефтегазовые доходы и сегодня вывозятся за границу, в то время как региональные бюджеты имеют дефицит в 15 % ежегодно[1].

Во время кризиса 2008–2009 гг. многие крупнейшие российские предприятия, по сути, являлись банкротами, потому что их активы не могли покрыть зарубежные долги. Например, стоимость «Евраза» Романа Абрамовича снизилась с 45 до 3 млрд долл., а его долги перед российским и зарубежным банкам составляли около 10 млрд долл. Тогда правительство из «запасного» Фонда национального благосостояния помогло его собственникам, выделив им 1,8 млрд долл. для оплаты долгов. И точно так же помогло «Мечелу» Игоря Зюзина, выделив 1,5 млрд долл. Но и госпредприятия тоже нуждались в деньгах на оплату долгов, к примеру, только одной «Роснефти» пришлось дать 4,5 млрд долл. В общей сложности, как подсчитали депутаты Госдумы, государство за кризисные годы рассчиталось по долгам российских предприятий и банков на 3 трлн руб. из бюджета и резервных фондов.

Поэтому становится понятным, что внешний долг корпораций и банков России растет на глазах и уже достиг 565 млрд долл., в то время как ее золотовалютные резервы снижаются и сейчас составляют лишь 530 млрд долл. Конечно, можно возразить, что страна не отвечает своими резервами по долгам олигархов, но, как говорят эксперты, более трети из них – это долги госпредприятий, таких как «Газпром», «Роснефть», Сбербанк и ВТБ. И по ним основным акционерам – правительству и Центробанку – придется платить «из собственного кармана», а точнее – из народного.

Есть еще один важнейший фактор, влияющий на необходимость национализации, это национальная безопасность. Дело в том, что в ходе приватизации в погоне за инвестициями большая часть собственности попадает в руки иностранных граждан. И тут уместно вспомнить слова германского канцлера Отто Бисмарка, который говорил, обращаясь к иностранным инвесторам: «…не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».

В последнее время в России проблема национализации была поднята на различных уровнях. Так, в интервью «Российской газете» глава Счетной палаты России Сергей Степашин заявил, что его ведомство готово содействовать закрытию темы «нечестной приватизации» 1990-х гг. и провести расчет разовых компенсационных взносов от новых собственников.

Степашин считает, что, в принципе, можно посчитать разницу в цене тех активов, за которую они приобретались в 1990-х гг., и их стоимость в то время на самом деле. Но сделать это, по мнению чиновника, будет непросто. Не исключено, что во многих случаях вопросы придется решать через суд.

Кстати, ранее с этой инициативой уже выступали депутаты Госдумы, предлагавшие взимать разовый налог с крупных состояний, созданных во

[1] URL: http://www.dal.by/news/19/16-04-12-21/

время приватизации. В январе 2012 г. за легитимизацию собственности через плату в виде налогов выступил бизнесмен Михаил Прохоров.

С еще более радикальным предложением относительно результатов приватизации выступила оппозиция. Так, КПРФ внесла в Госдуму первый законопроект, предлагающий пересмотреть итоги приватизации. 24 депутата-коммуниста во главе с лидером КПРФ Геннадием Зюгановым внесли в Госдуму законопроект о деприватизации бывшей государственной и муниципальной собственности. По мнению авторов законопроекта, «ни одна из идей приватизации выполнена не была. Частный собственник не оправдал надежды на эффективное использование государственного имущества».

В законопроекте Госдумы «Об обращении в государственную и муниципальную собственность имущества юридических и физических лиц, отчужденного из государственной и муниципальной собственности в процессе приватизации» предлагался механизм возврата имущества в государственную собственность «путем изъятия его у недобросовестных и неэффективных собственников». Внесенный проект закона, по мнению компартии, позволит повысить эффективность экономики, восстановить социальную сферу и решить социальные вопросы в полном объеме для всех граждан страны.

КПРФ считает, что для сохранения целостности России, ее обороноспособности и обеспечения неуклонного роста качества жизни всего населения страны необходимо провести национализацию, основанную на следующих принципах: законности; многоукладности экономики; справедливого возмещения; антиолигархического характера национализации; неразрывности национализации и методов налогового стимулирования экономического роста.

Автором второго законопроекта № 500676-5 был тогда еще вице-спикер Совета Федерации Сергей Миронов.

Проект закона «О возмездном изъятии (национализации) имущества социально неэффективных собственников», как известно, был внесен в Госдуму. Данный законопроект был отклонен. Можно привести различные аргументы, прозвучавшие в обсуждении этого проекта. В частности, противники национализации говорят:

1. Государство не должно поддерживать убыточные предприятия. Не зря правительство, например, Китая, на деле доказавшее свое умение управлять экономикой в условиях кризиса, вместо выделения субсидий умирающим предприятиям предпочитает создавать условия для того, чтобы они стали более прибыльными: понижать налоги и повышать внутренний спрос.

2. Национализация в российском варианте нарушает Конституцию и снижает инвестиционный потенциал страны. Любая национализация означает нарушение ранее принятых договоренностей. У нас ее понимают так: отнять предприятие за неэффективное управление.

3. Национализация способствует коррупции и непрозрачности. Консолидация с участием государства чаще всего происходит в непрозрачном пространстве. Никто не считает нужным подробно информировать бизнес-сообщество о нюансах перемещения собственности из рук в руки. При этом представители власти не говорят и о том, когда и как госкомпании начнут выходить из капитала частных игроков и будет ли оно делать это вообще. Национализированная собственность становится инструментом манипуляций.

4. Национализация – популистская мера. Она выгодна скорее власти, чем государству и рабочим. В связи с этим можно привести доводы известного экономиста, научного руководителя ВШЭ Е. Ясина. «Если вы хотите помогать – помогайте людям, не спасайте предприятия, эта истина давным-давно известная. Пожалуйста, выясните, сколько денег должны эти предприятия своим работникам. Постарайтесь сделать так, чтобы там было или банкротство, или другой способ, чтобы деньги были заплачены. В крайнем случае, эти выплаты должно взять на себя государство, органы социальной защиты. Есть пособие по безработице. Вот с моей точки зрения это нормальный выход», – добавляет экономист. Он поясняет, что при национализации предприятий государству предстоят гораздо большие расходы, поскольку ему придется платить не только рабочим, но и тем, кто управляет предприятиями, а также тем, кто поставляет на эти заводы сырье и другие ресурсы. «Платите людям. Если вы хотите, чтобы люди сами для себя что-то сделали, то вы подумайте о том, чтобы привлечь их к малому предпринимательству, открыть какие-то перспективы. Это же проще всего», – предлагает Евгений Ясин[1].

Другой противник национализации В. Милов приводит в интервью газете «Известия» факты значительных успехов российской нефтяной и угольной промышленности после их приватизации. В частности, он отмечает, что, «получив нефтянку в собственность, частный бизнес за короткие сроки успел вывести ее из полуобморочного состояния в мировые лидеры: добыча выросла с 300 млн т в год до более чем 500 млн т, выведя Россию в мировые лидеры, в 2000–2004 гг. (до тех пор, пока не началась частичная ренационализация) средние темпы роста нефтедобычи составляли 8,5 % в год. Выросли инвестиции, средний дебит скважины, открывались и вводились в действие новые месторождения – все это силами частных компаний. Еще более впечатляющая история успеха – угольная промышленность. В результате приватизации и реформ удалось полностью снять угольную отрасль с иглы государственных дотаций, производительность труда за десятилетие выросла вдвое, добыча выросла почти до 350 млн т в год. Самое главное: Россия впервые за свою историю в конце 1990-х гг. стала нетто-экспортером угля, начав производить его больше, чем потребляла сама» [6].

Доводы противников национализации показывают, что в России до сих пор господствует точка зрения о большей эффективности частного бизнеса, будь это обычные предприятия или олигархически-монополистические.

Звучат и более взвешенные голоса о необходимости национализации. Так, Михаил Делягин, директор Института проблем глобализации, сказал в интервью, что «прежде чем вообще обсуждать вопрос национализации, нужно оздоровить государство. Потому что у нас есть, например, такие государственные компании, как «Газпром», РАО «РЖД», «Московский метрополитен», «Росатом», «Сберегательный банк РФ», ряд других замечательных компаний. И что, они обслуживают интересы общества? Ничего подобного. Они обслуживают интересы различных групп бюрократов. Они предельно неэффективны, они совершенно не связаны с общественными интересами и пользуются государственной собственностью как «крышей» и инструментом лоббизма. Поэтому, прежде чем обсуждать, стоит ли национализировать

[1] URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/135271

какой-нибудь холдинг, нужно сначала, грубо говоря, национализировать государство. Потому что государство у нас превращено в закрытое акционерное общество с неограниченной безответственностью. Если же говорить исходя из экономической теории – можно, безусловно, национализировать базовые отрасли промышленности и инфраструктуры, в частности электроэнергетику. Просто потому, что они по своей природе являются нерыночными отраслями. Естественная монополия – это сфера, в которой конкуренция невозможна по техническим причинам. Соответственно, если естественная монополия становится частной компанией или частично частной и начинает работать не ради обеспечения потребностей общества, а ради прибыли, она тем самым душит все остальное общество. Существует статистика, что в разных странах, в зависимости от уровня развития, один рубль прибыли, полученный естественной монополией, означает 3–6 рублей убытка для остальных участников рынка».

Другой участник дискуссии, известный экономист Михаил Хазин, президент консалтинговой компании «НЕОКОН», отметил, что, «если считать, что прибыль от того, что строил весь народ, должна идти всему народу, – нужно национализировать успешные предприятия. Если речь о неуспешных предприятиях, ситуация простая: их нужно банкротить и списывать долги, чтобы государство могло приобретать чистые активы. Эта схема неэффективная – с точки зрения нынешних владельцев (долги перекладывают на них), и с точки зрения держателей долгов (они несут убытки). Но она эффективна с точки зрения государства»[1].

Каковы же официальные результаты дискуссии? Как известно, российское государство пока отвергло идею национализации предприятий. Госдума РФ на пленарном заседании 13 апреля 2012 г. отклонила оба альтернативных законопроекта о национализации приватизированного имущества, внесенных депутатами фракций КПРФ и «Справедливая Россия». Причем на сей раз они недобрали совсем немного голосов. Проект коммунистов о национализации, например, поддержали 206 депутатов при необходимых для его прохождения в парламенте 226 голосах.

В целом, как отмечают специалисты в области экономического права, национализация на сегодняшний день – скорее потенциальный инструмент рыночной экономики, чем реальный [7]. Более того, в настоящее время в России готовится новая приватизация, что вызвало бурю эмоций и политического противостояния в обществе. Так, до 2016 г. государство планирует выйти из уставного капитала «Зарубежнефти», «РусГидро», «ИНТЕР РАО ЕЭС», «Шереметьева», «Аэрофлота», «Россельхозбанка», «АЛРОСА», «Росагролизинга», «Совкомфлота», «ВТБ», «Роснефти». Госдоля будет сокращена в «Транснефти», ФСК ЕЭС, Сбербанке и др. От продажи собственности правительство планирует выручить около 300 млрд руб. в год [8].

Эта акция правительства, как известно, подверглась резкой критике среди ученых. В частности, «Российская газета» опубликовала открытое письмо директора Института экономики РАН Руслана Гринберга президенту В. Путину, где академик высказывает серьезные сомнения в своевременности начинающейся продажи пакетов акций госкомпаний. «В 90-е годы страна уже

[1] URL: http://otchizna.su/politics/3930

прошла через поспешно проведенную приватизацию, которая отрицательно сказалась на благосостоянии миллионов людей. Считаю эту ошибку слишком дорогой, чтобы повторять ее вновь», – отмечает Руслан Гринберг в письме к президенту» [9].

Похоже, что столь же взвешенную позицию разделяет и Президент РФ Владимир Путин: «Для нас очевидно – новая приватизация должна быть, безусловно, принята российским обществом. Это значит, что она должна быть понятной, честной и справедливой, должна быть основана на открытой, конкурентной продаже государственных активов, причем лучшему покупателю и по реальной цене. Это должна быть принципиально другая приватизация, не имеющая ничего общего с практикой залоговых аукционов и прочих сомнительных сделок, широко применявшихся в 90-е годы», – заявил В. Путин на 16-м Петербургском международном экономическом форуме [10].

Список литературы

1. **Васин, С. М.** Управление рисками на предприятии : учеб. пособие / С. М. Васин, В. С. Шутов. – М. : КНОРУС, 2010. – 204 с.
2. Большая экономическая энциклопедия. – М. : Эксмо, 2007. – С. 523.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».
4. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1, гл. 15, ст. 235. «Основания прекращения права собственности». – М., 1994.
5. **Шварцман, О.** Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин / О. Шварцман // Коммерсантъ. – 2007. – № 221 (3797). – 30 ноября.
6. Нужна ли нам национализация // Российская газета. – 2012. – 19 марта.
7. Национализация – плохое слово. Политик В. Милов – о том, надо ли пересматривать результаты приватизации // Известия. – 2013. – 5 апреля.
8. **Губин, Е. П.** Национализация как инструмент государственного регулирования рыночной экономики / Е. П. Губин // Российский судья. – 2005. – № 2. – С. 42–46.
9. **Гудкова, В.** Как произойдет новая приватизация? / В. Гудкова // Аргументы и факты. – 2012. – № 26.
10. Выступление Президента РФ В. В. Путина на 16-м Международном экономическом форуме в С.-Петербурге // Российская газета. – 2012. – 22 июня.

References

1. Vasin S. M., Shutov V. S. *Upravlenie riskami na predpriyatii: ucheb. posobie* [Risk management at an enterprise: tutorial]. Moscow: KNORUS, 2010, 204 p.
2. *Bol'shaya ekonomicheskaya entsiklopediya* [Great economic encyclopedia]. Moscow: Eksmo, 2007, p. 523.
3. Federal law from 21.12.2001 № 178-FZ “On privatization of state and municipal property”.
4. Civil code of the Russian Federation from 30.11.1994 № 51-FZ. Part 1, chapter 15, point 235 “Grounds for property rights termination”. Moscow, 1994.
5. Shvartsman O. *Kommersant"* [Businessman]. 2007, no. 221 (3797), 30 November.
6. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2012, 19 March.
7. *Izvestiya* [News]. 2013, 5 April.
8. Gubin E. P. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge]. 2005, no. 2, pp. 42–46.
9. Gudkova V. *Argumenty i fakty* [Arguments and facts]. 2012, no. 26.
10. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2012, 22 June.

Шутов Владимир Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент, кафедра управления бизнесом, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: spayk1984@mail.ru

Shutov Vladimir Sergeevich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of business administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.24
Шутов, В. С.
Смена форм собственности как инструмент антикризисной политики государства / В. С. Шутов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 254–265.

УДК 637.5

И. А. Сергеева

ИНТЕГРАЦИЯ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Основными проблемами функционирования предприятий промышленности региона, как и в целом по стране, являются: отсутствие оборотных и инвестиционных средств, значительный физический и моральный износ основных фондов, низкая конкурентоспособность, превышение импорта над экспортом, слабый внутренний спрос, неэффективность механизмов государственной поддержки, утрата инновационного характера развития производства, несбалансированная с промышленной тарифная политика естественных монополий. В сложившихся условиях наиболее действенным инструментом промышленной политики является кластерная стратегия, обусловливающая гарантию установления стабильных экономических отношений между партнерами на основе развития интеграционных процессов, хорошо зарекомендовавшая себя во всем мире и обеспечивающая высокую рентабельность производства, повышение конкурентоспособности продукции и расширение рынков сбыта. Цель работы – обосновать необходимость интеграции кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий региона на основе выявления конкурентных преимуществ кластеров по сравнению с аналогичными структурными формированиями. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования официальных материалов Правительства Пензенской области, а также изучения трудов отечественных ученых по данной проблеме. Методологический потенциал включает монографический метод, применение которого позволяет исследовать ранее предложенные учеными подходы к развитию промышленных предприятий, имеющуюся для этого законодательную базу и ее недостатки, а также положительный опыт зарубежных стран в решении изучаемой проблемы; статистический метод, значимость которого очевидна для анализа данных, связанных с выявлением тенденций создания и развития кластеров как на уровне региона, так и в целом по стране; сравнительный анализ, позволяющий выявить конкурентные преимущества кластера по сравнению с другими формированиями подобного типа. *Результаты*. Выявлен ряд условий, которые как способствуют, так и препятствуют развитию кластеров в регионе. Исследованы основные направления кластерной политики в регионе. На основе целевых ориентиров аргументирована необходимость интеграции кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий. Проведен мониторинг деятельности и развития кластеров в регионе. Обоснованы конкурентные преимущества кластера по сравнению с другими формированиями. *Выводы*. Исследование конкурентных преимуществ кластерных структур подчеркивает острую необходимость интеграции кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий, способствующую системному решению широкого круга задач по переходу российской экономики к инновационному социально ориентированному типу развития.

Ключевые слова: промышленный комплекс, кластерный подход, интеграция, стратегия развития.

I. A. Sergeeva

CLUSTER APPROACH INTEGRATION IN THE STRATEGY OF REGIONAL INDUSTRIAL ENTERPRISES DEVELOPMENT

Abstract. *Background*. The main functioning problems of the industrial enterprises of the region, and in the country as well, are the following: lack of working capital and investment funds, significant physical and moral depreciation of fixed assets, low competitiveness, excess of imports over exports, weak domestic demand, lack of efficient mechanisms of state support, loss of the innovative character of production, disbalance with industrial tariff policy of natural monopolies. In these circumstances, the most effective instrument of industrial policy is the cluster strategy, stipulating the guarantee of establishing lasting economic relations between partners on the basis of development of integration processes, well-proven worldwide, and providing high profitability of production, increasing competitiveness of production and expansion of sales markets. The purpose of the work is to substantiate the necessity of integration of the cluster approach in the development strategy of industrial enterprises in the region on the basis of identification of the competitive advantages of the cluster compared with similar structural formations. *Materials and methods*. Realization of the research task was accomplished through the usege of official materials of the Government of the Penza region, as well as the study of works by Russian scientists on the problem. Methodological potential includes monographic method that allows to investigate the approaches to the development of industrial enterprises previously proposed by scientists, the available legislation to accomplish the developemnt and shortcomings thereof, as well as the positive experience of foreign countries in solving the problem under investigation. The author also used the statistical method, the importance of which is obvious for the analysis of the data related to the identification trends in creation and development of clusters, both at the level of the region and at the country level; and the comparative analysis to identify the competitive advantages of the cluster in comparison with other groups of this type. *Results*. The author identified a number of conditions that both drive and prevent the development of clusters in the region as well as the main directions of cluster policy in the region. On the basis of targets the author substantiated the necessity of integration of the cluster approach in the development strategy of industrial enterprises. The researcher carried out the monitoring of activities and development of clusters in the region and substantiated the competitive advantages of the cluster compared with other groups. *Conclusions*. Study of the competitive advantages of cluster structures emphasizes the urgent need for the integration of the cluster approach in the development strategy of industrial enterprises, promoting systematic approach for solving wide range of tasks on the transition of Russian economy to innovative socially oriented type of development.

Key words: industrial complex, cluster approach, integration, strategy development.

Системное решение широкого круга задач по переходу российской экономики к инновационному социально ориентированному типу развития сдерживается рядом проблем функционирования предприятий различных сфер экономики. Основными проблемами функционирования предприятий промышленности региона, как и в целом по стране, являются: отсутствие оборотных и инвестиционных средств, значительный физический и моральный износ основных фондов, низкая конкурентоспособность, превышение импорта над экспортом, слабый внутренний спрос, неэффективность механизмов государственной поддержки, утрата инновационного характера раз-

вития производства, несбалансированная с промышленной тарифная политика естественных монополий.

Кроме того, не выполняется ряд требований, предъявляемых к промышленным предприятиям, и в частности необходимость преодоления отставания российских предприятий от зарубежных в области информатизации производства, систематического обновления продукции, обеспечения сервиса в соответствии с требованиями рынка, рационального использования производственных ресурсов, а также многое другое.

Промышленный комплекс области представлен такими отраслями, как машиностроение и металлообработка, пищевая и лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, медицинская и легкая промышленность. В составе промышленного комплекса – более 1500 предприятий. В промышленности производится до четверти объемов валового регионального продукта, работают около 100 тыс. человек.

Отрасль машиностроения области представлена более чем 30 крупными и средними предприятиями. Важнейшими видами машиностроительной продукции являются промышленная запорная арматура, металлорежущие и деревообрабатывающие станки, дизели, воздушные и газовые компрессоры, автомобильные прицепы, бензовозы и спецавтомобили и многое другое. Динамика объемов производства важнейших видов промышленной продукции региона представлена в табл. 1.

Таблица 1

Производство важнейших видов промышленной продукции Пензенской области [1]

Показатели	2000 г.	2011 г.	2012 г.
Станки металлорежущие, шт.	246	34	47
Насосы центробежные, шт.	1744	2482	2356
Сеялки тракторные, шт.	1854	207	189
Краны, вентили, клапаны для трубопроводов, тыс. шт.	1720,7	1299,1	1003,4
Сборные железобетонные конструкции и детали, тыс. м изделий	96,1	144,8	147,5

Исходя из целевых ориентиров, заданных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., в Пензенской области была разработана Стратегия социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (до 2021 г.), приоритетными задачами которой являются:

– технологическое обновление базовых секторов экономики;

– развитие высокотехнологичных секторов с высокой добавленной стоимостью.

Разработка стратегий отечественных предприятий должна осуществляться на основе индикаторов развития региона в целом и основываться на синтезе элементов следующих школ:

– *элементы школы позиционирования*, ориентированной на разработку стратегий, учитывающих специфику отрасли, рыночные условия и характер

конкуренции. Наиболее весомой публикацией для этой школы является книга Майкла Портера «Конкурентная стратегия» [2];

– *элементы школы предпринимательства*, предусматривающей формирование стратегии как процесса предвидения. Наиболее ярким представителем данной школы является Г. Минцберг [3];

– *элементы школы обучения*, предусматривающей гибкость стратегии развития отечественных предприятий и способность их к модификации. Определяющей для этой школы послужила публикация Дж. Куинна «Стратегия перемен: логический инкрементализм» [4];

– *элементы школы власти*, рассматривающей формирование стратегии как процесс ведения переговоров. Особого внимания заслуживает предложенная в рамках этой школы теория «соконкуренции» (сотрудничество плюс конкуренция), предложенная А. М. Бранденбургером [5] и Б. Дж. Нейлбаффом [6];

– *элементы школы внешней среды*, исходящей из идеи, что внешнее окружение является главным элементом процесса создания организационной стратегии. Среди ее представителей можно выделить таких ученых, как Д. Миллер, М. Ханнан, Дж. Фриман, А. Ван де Вен и др. [7–9].

В сложившихся условиях наиболее действенным инструментом промышленной политики является кластерная стратегия, обусловливающая гарантию установления стабильных экономических отношений между партнерами на основе развития интеграционных процессов, хорошо зарекомендовавшая себя во всем мире и обеспечивающая высокую рентабельность производства, повышение конкурентоспособности продукции и расширение рынков сбыта.

Кластерные стратегии получили большое распространение в развитых странах Европы, Азии, Америки. При этом органы власти концентрируют усилия на поддержке и создании кластеров, обеспечивающих конкурентоспособность бизнеса и регионов в долгосрочной перспективе. Причем государство не только способствует формированию кластеров, но и само становится их участником [10].

Кластер – это одна из форм сетей (с горизонтальными и вертикальными связями), обеспечивающих повышение согласованности экономических интересов взаимодействующих сторон посредством развития эффективных коммуникаций. Для кластера это означает, что все коммуникации отдельных субъектов, так или иначе связанных с увеличением в регионе производства конкурентоспособной продукции, должны быть регулируемыми в едином центре.

Кластер представляет собой неформальное объединение усилий различных организаций, кооперацию самостоятельных субъектов хозяйствования, имеющих высокую степень сходства технико-технологических параметров с требованиями производства высококачественной продукции.

Кластер позволит использовать преимущества самых эффективных способов координации экономических отношений (внутрифирменная иерархия, рыночные механизмы, партнерское взаимодействие и др.), что даст возможность быстро и эффективно осуществлять трансферт новых знаний, научных открытий, преобразуя их в инновации, востребованные рынком. Объединение в кластер формирует ориентированную на распространение новых

знаний, технологий и инноваций систему. При этом формирование устойчивых экономических отношений между участниками кластера является условием эффективной трансформации изобретений в инновации, а инноваций – в конкурентные преимущества.

Кластеры принципиально отличаются от других гибридных форм координации экономических отношений, так как в одной местности возникают постоянно повторяющиеся неофициальные контакты (взаимодействия), которые стимулируют установление эффективных коммуникаций, снижают трансакционные издержки.

Согласно М. Портеру [11], методика формирования кластера состоит из трех стадий.

Во-первых, устанавливается состав кластера. Определяется его ядро – крупная компания или группа компаний, от которых по вертикали строятся технологические цепочки взаимосвязанных с ними ниже- и вышестоящих предприятий. Затем по горизонтали по отношению к ядру определяются производства, проходящие через общие каналы или создающие побочные продукты и услуги.

Во-вторых, выделяются групповые образования внутри кластера, в особенности организации, обеспечивающие для него специализированные навыки, технологии, капитал и инфраструктуру – все то, что является основой получения конкурентных преимуществ.

В-третьих, определяются правительственные и иные законодательные структуры, влияющие на поведение участников кластера.

М. Портер показал, что кластеры обеспечивают усиление взаимосвязанности, взаимодополняемости отраслей благодаря более быстрому распространению специфических для данного региона технологий, профессиональных навыков, информации и т.д. [11]. У промышленных предприятий, расположенных в одном регионе, существует много общих потребностей и возможностей, а также ограничений и препятствий. Улучшая условия развития кластера, государственные органы управления действуют одновременно в интересах многих предприятий региона.

Кластерный подход обеспечивает концентрацию внимания не на отдельных отраслях, а на связях между отраслями, предприятиями и организациями. Связи на подобной основе способствуют развитию производства и конкуренции; упрощению доступа к новейшим технологиям; распределению рисков в различных видах совместной деятельности; совместному выходу на внешние рынки и т.д. Кластерный подход оказывает положительное воздействие на согласование экономических интересов взаимодействующих сторон посредством развития эффективных коммуникаций.

Относительно всех ранее предложенных учеными кластерный подход является инновационным способом развития предприятий. Он мобилизует положительные эффекты и информационное взаимообогащение [11].

Существует ряд условий, которые как способствуют, так и препятствуют развитию кластеров в регионе. К позитивным условиям можно отнести наличие технологических и научных инфраструктур, высококвалифицированных кадров, а к сдерживающим:

– низкую психологическую готовность к кооперации;

– низкий уровень развития ассоциативных структур (торгово-промышленных палат, промышленных ассоциаций), которые не справляются с задачей выработки и продвижения приоритетов и интересов бизнеса;

– относительно краткосрочный горизонт планирования.

Для успешной реализации стратегии развития региона и отдельных кластерных систем должны быть взаимно согласованы. При развитии кластерной системы власть и бизнес должны играть разные, но взаимодополняющие роли. Кластерный подход не вступает в конфликт с задачами развития вертикальных корпораций, что и представляет собой главную мотивацию для объединения предприятий.

Организации, работающие в рамках одной системы, имеют взаимосвязанную стратегию развития, определяемую не только экономическими (инвестирование, финансирование и т.д.), но и организационными аспектами, которые промышленные предприятия используют для реагирования на изменения во внешней среде своей деятельности. В кластере сочетаются элементы рынка и иерархической координации действий, кооперационные, информационные и имущественные связи (в форме долевого участия).

В последнее время и федеральные российские власти стали проявлять заметный интерес к кластерной политике. Основным инструментом, который эксперты предложили для реализации кластерной политики в России, стала та же система грантов для регионов, которая используется в США и Великобритании и становится все более популярной в других странах, а также интеграция кластерного подхода в отраслевые стратегии соответствующих министерств [10].

Правительство Пензенской области осуществляет целенаправленную политику по развитию кластерных инициатив на территории области. В рамках Центра кластерного развития осуществляется поддержка и координация развития кластерных инициатив в Пензенской области. Центр кластерного развития осуществляет:

– формирование предложений по совершенствованию региональной кластерной политики Пензенской области;

– оценку конкурентоспособности региональных отраслевых кластеров, определение целесообразности и направлений их поддержки;

– разработку и реализацию целевых программ поддержки региональных кластеров;

– организацию работы по поддержке межкластерного взаимодействия;

– мониторинг деятельности и развития региональных кластеров[1].

Основные направления кластерной политики в Пензенской области отражают созданные и функционирующие в настоящее время кластеры.

Создание биомедицинского кластера на территории Пензенской области способствует ускорению разработок в области высокотехнологичных изделий медицинского назначения. Так, в регионе проводится широкий спектр научно-исследовательских работ по медицинскому направлению, в результате которых уже достигнуты положительные результаты и организуется производство современной инновационной продукции медицинского назначения[2].

[1] URL: www.clustercenter.ru

[2] URL: www.clustercenter.ru

Сложные экономические условия, рост спроса на высокотехнологичную продукцию привел к необходимости кооперации предприятий для более эффективного решения производственных задач, создав предпосылки для формирования в регионе приборостроительного кластера[1].

Основными направлениями кластера является создание крупномасштабных интегрированных готовых решений для корпораций и холдингов (Росатом, Газпром, СИБУР, Роскосмос), производство компонентов современных средств приборостроения, средств автоматизации и информационных систем для ТЭК, Росатома, Министерства обороны и т.д.[2]

Приборостроительный кластер обладает рядом компетенций, позволяющих ему производить продукцию мирового уровня, особенно продукцию космической отрасли, интегрированные системы безопасности, оборудование для контроля процессов атомной энергетики, оборудование для защиты информации. Кластер имеет высокий экспортный потенциал. Динамика производства продукции кластера имеет тенденцию к увеличению, и в 2016 г. планируется ее увеличение с 21 до 32 млрд рублей[3].

Конкурентными преимуществами кластера являются:

– наличие предприятия-лидера, определяющего долговременную инновационную и иную стратегию кластера в целом;

– долговременная координация взаимодействия участников системы в рамках основных систем управления, производственных программ, инновационных процессов; контроля качества и пр.

Наиболее важным условием развития в регионе кластерных инициатив является взаимодействие бизнеса и власти, что и позволило приступить к реализации эффективных мероприятий кластерной политики, направленной на повышение инвестиционного и экспортного потенциала региона.

Кластеры позволяют использовать преимущества самых эффективных способов координации экономических отношений (внутрифирменная иерархия, рыночные механизмы, партнерское взаимодействие и др.), что дает возможность эффективно осуществлять трансферт новых знаний, научных открытий при преобразовании их в инновации, востребованные рынком.

Кластеры являются объектом крупных капиталовложений, которые осуществляются в специализированные исследования, в развитие родственных технологий, в информацию, в развитие инфраструктуры и в человеческие ресурсы, что проявляется в синергетическом эффекте и позволяет промышленным предприятиям выстоять в конкурентной борьбе. Все участники кластера получают дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного влияния и специализации, обеспечивающей повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции.

Установлению длительных и прочных экономических отношений в кластере будет способствовать совпадение целей, координация и совместимость интересов горизонтально и вертикально связанных организаций, а также неформальные отношения отдельных специалистов и руководителей, их совместное участие в научных разработках, территориальная близость.

[1] URL: www.clustercenter.ru

[2] URL: www.clustercenter.ru

[3] URL: www.clustercenter.ru

Механизм регулирования экономических отношений функционирует на основе ряда принципов (рис. 1).

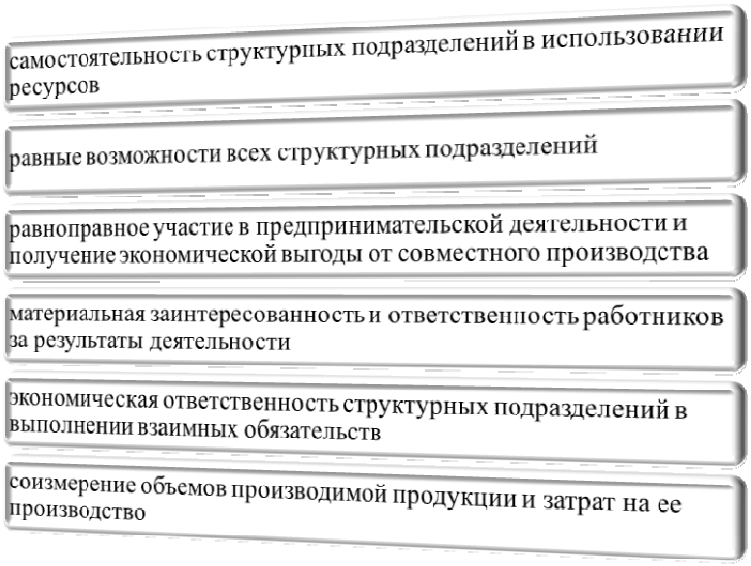

Рис. 1. Основные принципы механизма регулирования экономических отношений интегрированных формирований

Создание кластеров исключительно важно для перевода экономики области на инновационный путь развития, что требует постоянных контактов участников инновационного процесса, позволяющих корректировать научные исследования и производственный процесс. Такое взаимодействие позволит промышленным предприятиям проще приспособиться к изменениям конъюнктуры рынка. Это будет способствовать развитию всех участников кластера и обеспечит им конкурентные преимущества по сравнению с другими обособленными предприятиями, не имеющими столь отлаженной системы прямых и обратных связей.

Объединение участниками кластера имеющихся у них ресурсов будет способствовать повышению эффективности производства, улучшению качества производимой продукции, применению инновационных энергосберегающих технологий и на этой основе удовлетворению интересов участников, а также эффективному регулированию совместной деятельности, которое позволит:

1) организовать производство на основе замкнутого технологического цикла в интересах всех участников;

2) укрепить партнерские отношения между предприятиями промышленности на основе согласованности их экономических интересов;

3) улучшить финансовое положение предприятий за счет объединения капитала и ускорения оборотов денежных средств;

4) расширить рынки сбыта.

В отличие от других формирований (холдингов), внутри кластера имеют место как экономические отношения, основанные на конкуренции, так и экономические отношения, основанные на сотрудничестве входящих в его

структуру организаций. При этом экономические отношения между структурными звеньями кластера, основанные на конкуренции, предполагают, что одна сторона реализует свои интересы максимально за счет подавления интересов другой стороны, а вторая сторона максимально реализует свои интересы за счет ущемления интересов первой стороны.

Экономические отношения между структурными звеньями кластера, основанные на сотрудничестве, характеризуются высоким уровнем согласования интересов и более характерны для формирований, чья деятельность строится на принципах кооперации и интеграции, позволяют получить максимальный синергетический эффект за счет образования единого интегрированного субъекта, действующего объединенно и взаимно.

На современном этапе развития экономических отношений возможно применение нескольких интеграционных моделей как по форме объединений, так и по механизмам интеграции.

Механизмы интеграции определяются прежде всего статусом интегратора, в качестве которого могут выступать:

– региональная администрация или муниципальный орган;

– промышленная, торговая или финансовая компания;

– одно предприятие или группа промышленных предприятий.

В первом случае основным инструментом является административный ресурс и бюджетные инвестиции в создание интеграционного ядра, во втором – деловая экспансия и стартовые инвестиции, в третьем – коллегиальность выбора решений и оптимальных управленческих схем.

Значительный эффект в регулировании экономических отношений внутри кластера может дать интрапренерство, в основе которого лежит интеллектуальная деятельность работников, направленная на осуществление инновационных проектов.

Интрапренерство предполагает организацию рискованных подразделений внутри отраслевого кластера, создание условий и выделение ресурсов для реализации творческих проектов.

Экономические отношения могут успешно развиваться, если в кластере будут созданы условия, позволяющие интрапренеру проявить свой инновационный, творческий потенциал, в том числе сеть поддержки интрапренеров. Важнейшим условием сети поддержки является финансовое обеспечение рискованных проектов. На научные разработки планируется использовать общекорпоративные средства, специальные инновационные фонды. Кроме того, базовое предприятие должно создать специальные структурные подразделения – отделы нововведений, венчурные группы, консультационные службы и т.д., в задачи которых входит выявление инициативных творческих работников, ценных научно-технических идей, поддержка наиболее ценных проектов.

Основные задачи интрапренерства:

– эффективное использование факторов производства;

– получение дополнительных финансовых ресурсов для поддержки и развития базовой организации;

– создание условий для разработки и внедрения новых прогрессивных технологий производства;

– расширение ассортимента и улучшение качества выпускаемой продукции, работ и услуг;

– повышение творческой и деловой активности работников и др.

В качестве организационной основы интрапренерства необходимы:

– гибкие организационная и производственная структуры базовой организации, легко трансформируемые для реализации новых идей;

– эффективная кадровая политика, направленная на подбор квалифицированного творческого персонала;

– система материального стимулирования, направленная на развитие творчества, разработку и внедрение идей.

Становление интрапренерства проходит через этапы, представленные на рис. 2.

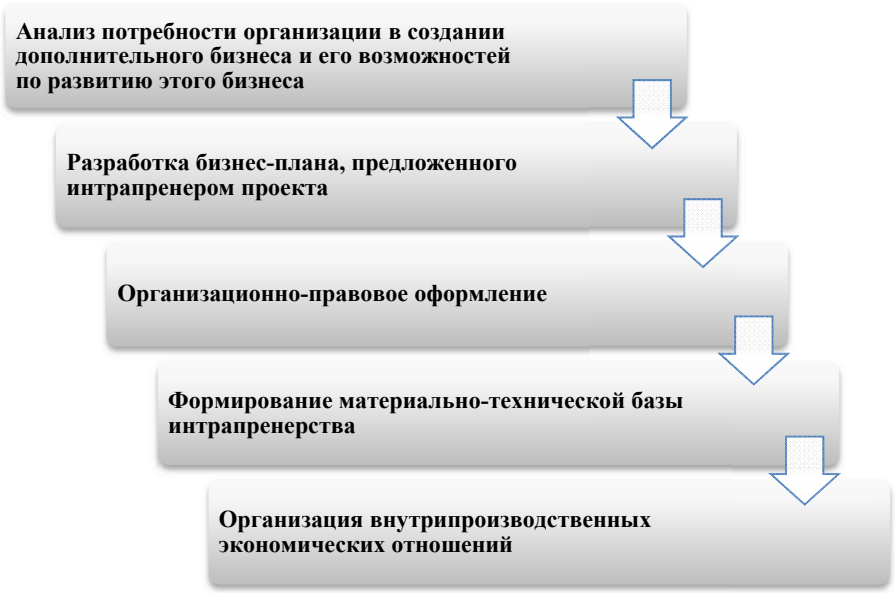

Рис. 2. Этапы становления интрапренерства

Организация интрапренерства позволит повысить эффективность функционирования кластера в целом за счет более рационального использования производственных ресурсов на основе роста деловой активности работников, быстрой реализации инновационных проектов.

Стратегия развития промышленных предприятий региона подразумевает: преодоление технологического отставания на основе заимствования новых конкурентоспособных технологий у мировых лидеров; развитие инновационного задела на основе трансферта технологий; импортозамещение за счет обеспечения развития собственного производственного потенциала; выход на международные рынки за счет реализации накопленного производственного потенциала отечественных предприятий[1].

Одним из направлений реализации стратегии является создание кластеров. Реализация стратегии развития промышленных предприятий региона

[1] Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

представляется возможной на основе системного подхода, который объединяет теорию обеспечения конкурентных преимуществ и инновационного менеджмента. Данный подход объединяет макроэкономический подход обеспечения конкурентоспособности [12, 13] и кластерный подход[1].

Интеграция кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий региона ведет к выработке новых путей приобретения конкурентных преимуществ и порождает совершенно новые возможности. Множество предприятий в составе кластера в процессе развития взаимодействия и сближения интересов постепенно преодолевают разобщенность, инертность и ориентированность на внутренних проблемах, что благотворно влияет на рост их технического уровня и конкурентоспособности.

Формирование и функционирование кластеров позволит более эффективно использовать ресурсный потенциал предприятий. Использование подобных структур в качестве инструмента реализации стратегии развития промышленных предприятий региона будет способствовать переходу экономики к инновационному социально ориентированному типу развития.

Список литературы

1. Пензенская область 2012 в цифрах (официальное издание) : статист. справочник. – Пенза : Пензастат, 2013. – 77 с.
2. **Porter, M.** Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors / M. Porter. – New York : Free Press, 1980. – (Idem. Competitive).
3. **Mintzberg, H.** Mintzberg on management: inside our strange world of organizations / H. Mintzberg. – New York : Free Press, 1989. – 418.
4. **Quinn, J. B.** Strategies for change: Logical incrementalism. Homewood / J. B. Quinn. – 1980.
5. **Brandenburger, A. M.** Coopetition / A. M. Brandenburger, B. M. Nalebuff. – New York : Doubleday, 1996.
6. **Nalebuff, B.** Bundling as an entry barriers / B. Nalebuff // Quarterly Journal of Economics. – 2004. – V. 119, № 1. – P. 159–187.
7. **Hannan, M. T.** The population ecology of organization / M. T. Hannan, J. Freeman // American journal of sociology. – 1977. – Vol. 82. – P. 929–964.
8. **Miller, D.** Momentum and revolution in organizational adaptation / D. Miller, P. H. Friesen // Academy of Management Journal. – 1980. – Vol. 23, № 4. – P. 591–614.
9. **Van de Ven, A. H.** Suggestions for studying strategy process: A research note / A. H. Van de Ven // Strategic Management Journal. – 1992. – № 13 (Special Issue). – P. 169–191.
10. **Шелюбская, Н.** Косвенные методы государственного стимулирования инноваций: опыт Западной Европы / Н. Шелюбская // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3.
11. **Портер, М.** Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2000. – 495 с.
12. **Портер, М. Э.** Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Э. Портер. – М. : Альпина бизнес букс, 2008.
13. **Юданов, А. Ю.** Конкуренция: теория и практика : учеб.-практ. пособие / А. Ю. Юданов. – М. : Ассоц. авт. и изд. «ТАНДЕМ»: Гром-Пресс, 1998. – 381 с.

References

1. *Penzenskaya oblast' 2012 v tsifrakh (ofitsial'noe izdanie): statist. spravochnik* [Penza region 2012 in figures (official publication): statistical reference]. Penza: Penzastat, 2013, 77 p.

[1] Концепция кластерной политики в Российской Федерации. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

2. Porter M. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. New York: Free Press, 1980. (Idem. Competitive).
3. Mintzberg H. *Mintzberg on management: inside our strange world of organizations*. New York: Free Press, 1989, 418.
4. Quinn J. B. *Strategies for change: Logical incrementalism.* Homewood. 1980.
5. Brandenburger A. M., Nalebuff V. M. *Coopetition*. New York : Doubleday, 1996.
6. Nalebuff B. *Quarterly Journal of Economics*. 2004, vol. 119, no. 1, pp. 159–187.
7. Hannan M. T., Freeman J. *American journal of sociology*. 1977, vol. 82, pp. 929–964.
8. Miller D., Friesen P. H. *Academy of Management Journal*. 1980, vol. 23, no. 4, pp. 591–614.
9. Van de Ven A. H. *Strategic Management Journal*. 1992, no. 13 (Special Issue), pp. 169–191.
10. Shelyubskaya N. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of management theory and practice]. 2001, no. 3.
11. Porter M. *Konkurentsiya* [Competition]. Moscow: Vil'yams, 2000, 495 p.
12. Porter M. E. *Konkurentnoe preimushchestvo: kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoychivost'* [Competitive advantage: how to achieve high results and ensure stability thereof]. Moscow: Al'pina biznes buks, 2008.
13. Yudanov A. Yu. *Konkurentsiya: teoriya i praktika: ucheb.-prakt. posobie* [Competition: theory and practice: practical tutorial]. Moscow: Assots. avt. i izd. «TANDEM»: Grom-Press, 1998, 381 p.

Сергеева Ирина Анатольевна
доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Sergeeva Irina Anatol'evna
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

УДК 637.5
Сергеева, И. А.
Интеграция кластерного подхода в стратегии развития промышленных предприятий региона / И. А. Сергеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 266–277.

УДК 33

И. А. Фирсова, Л. Г. Кухтинова

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОДУЦЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. *Актуальность и цели*. Целью работы явилось исследование проблемы эффективности взаимодействия продуцентов образовательных услуг (образовательных учреждений) и работодателей малого и среднего бизнеса на основе социального партнерства *Материалы и методы*. В качестве методологической основы использовался существующий подход российских ученых, в котором выделены необходимые стороны деятельности социального института. *Результаты*. Социальное партнерство рассмотрено как условие стабилизации социально-экономических отношений и фактор развития общества на основе использования механизма согласования разнообразных интересов субъектов экономики, создания условий для воспроизводства человеческого капитала. Исследованы особенности развития социального партнерства в образовании, выделены основные аспекты процесса становления и функционирования социального партнерства в сфере образования. Определена роль социального партнерства в повышении эффективности взаимодействия продуцентов образовательных услуг (образовательных учреждений) и работодателей малого и среднего бизнеса, в результате стираются препятствия для генерации новых идей, совершения научных открытий, создания новых образовательных программ; возникает необходимость искать инновационные комбинации факторов производства, эффективные технологии и пути повышения качества образования. Проанализированы положительные стороны социального партнерства образовательных учреждений и работодателей, исследованы проблемы социального партнерства образовательных учреждений и работодателя. Доказана целесообразность использования социального партнерства для повышения эффективности взаимодействия образовательных учреждений и работодателей малого и среднего бизнеса. *Выводы*. Введение новых государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения изменяет систему взаимодействий на российском рынке образовательных услуг. Полученные результаты свидетельствуют, что новая система образования в России должна базироваться на социальном партнерстве с работодателем при использовании следующих механизмов: сотрудничество; обмен идеями; формирование активной позиции в решении проблем в образовании; взаимодействие с родителями и т.д. Это позволит учреждениям высшего и среднего профессионального образования развиваться на современном рынке образовательных услуг в соответствии с ожиданиями общества, государства и работодателей.

Ключевые слова: социальное партнерство, воспроизводство человеческого капитала, рынок образовательных услуг, учреждения высшего и среднего профессионального образования – продуценты образовательных услуг, эффективность развития высшего и среднего образования, социальное партнерство образовательных учреждений и работодателя.

I. A. Firsova, L. G. Kukhtinova

SCIENTIFIC BASIS OF INTERACTION BETWEEN EDUCATIONAL SERVICE PROVIDERS AND EMPLOYERS OF SMALL AND MEDIUM SIZE BUSINESS BASED ON SOCIAL PARTNERSHIP

Abstract. *Background*. The article aims at researching the effectiveness of interaction between educational service providers (educational institutions) and employers of small and medium size business based on social partnership. *Materials and methods*. The methodology includes the existing approach of the Russian scientists that points out the necessary aspects of the social institution activity. *Results*. Social partnership is considered as a condition of socioeconomic relations stabilization and as a factor of society development on the basis of a mechanism of coordination of diverse interests of subjects of the economy, as well as on the basis of providing the conditions for human capital reproduction. The authors researched the features of social partnership development in education, pointed out main aspects of formation and functioning of social partnership in education, determined the role of social partnership in increasing the effectiveness of interaction between the providers of educational service (educational institutions) and the employers of small and medium size business. As a result, there are no obstacles for generation of new ideas, creation of new educational programs; there appears a necessity to search for innovative combinations of production factors, effective technologies and ways of educational quality improvement. The authors analyzed the positive sides of social partnership of educational institutions and employers, researched the problems of social partnership between educational institutions and employers. The researchers proved the expediency of using social partnership to increase the effectiveness of interaction between educational institutions and employers of small and medium business. *Conclusions*. Introduction of new state educational standards of higher education of third generation changes the system of interaction in the Russian market of educational services. The obtained results show that the new system of education in Russia shoul be based on social partnership with employers using the following mechanisms: cooperation, exchange of ideas, formation of active position in solving problems in education, interaction with parents etc. This will allow the institutions of higher and vocational education to develop in the modern market of educational services in accordance with expectations of society, state and employers.

Key words: social partnership, human capital reproduction, educational service market, institutions of higher and vocational education – providers of educational services, effectiveness of higher and secondary education development, social partnership between educational institutions and employers.

Исторически социальное партнерство возникло из потребности общества смягчить противоречия между трудом и капиталом, между предпринимателями и наемными работниками. По мере своей институционализации в обществе социальное партнерство стало охватывать более широкий круг социальных взаимодействий, способствуя достижению компромисса между субъектами экономических, политических, социальных и прочих отношений, и выражать общественную необходимость социального консенсуса как одного из основных условий политической стабильности и экономического прогресса.

Теоретические направления развития понятия «социальное партнерство» можно отнести к возникновению в социологической науке понятия «социальный институт»[1]. В социологии сформировалось два подхода к раскрытию понятия социального института. В первом случае упор делается на функции и нормативно-поведенческую сторону этого социального образования. Значит, основным его атрибутом считаются устоявшиеся модели, образцы поведения и социальных отношений, основанные на совокупности норм или правил.

Социальное партнерство является условием и целью общественного развития. Оно становится не только условием стабилизации социальных отношений, но и фактором развития общества, так как выступает механизмом согласования разнообразных интересов социальных субъектов для достижения их собственных целей, которые, в том числе, могут быть ориентированы на изменения. Как справедливо подчеркивают В. Н. Киселев и В. Г. Смольков, «социальное партнерство – не только средство стабилизации политического и экономического развития. Это еще и инструмент изменений в обществе…» [2].

В современной науке и практике превалирует такой подход к социальному партнерству, который рассматривается преимущественно как технология регулирования социально-трудовых отношений в организациях [3, 4]. Однако в последнее время стал проявляться научный интерес к социальному партнерству как к условию развития различных сфер общественной жизни, а также как к фактору социальной интеграции общества в целом [5, 6].

Можно согласиться с точкой зрения Е. М. Осипова, что «социальное партнерство – это особый тип социальных отношений между субъектами власти, бизнеса, профессиональными, социальными группами, общественными организациями и населением, ориентированный на согласование разнообразных интересов и целей этих социальных субъектов в современном действии, а также на создание условий для воспроизводства человеческого капитала, решения социально значимых вопросов в социумах различного уровня и консолидации общества» [7].

В целом социальное партнерство необходимо рассматривать как один из основных институтов в обществе, главной функцией которого является согласование разнообразных индивидуальных и групповых интересов.

В качестве методологической основы социального партнерства правомерно, на наш взгляд, использовать подход российских ученых М. С. Комарова и А. М. Яковлева, которые выделяют следующие необходимые стороны деятельности социального института:

1) наличие специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения;

2) интеграцию партнерства не только в социально-политическую, но и идеологическую и ценностную структуру общества, что позволяет легитимировать социально-правовую основу его деятельности;

[1] Первоначально возник термин «институт» (учреждение, установление, устройство), который был заимствован социологами из правоведения, где он означает совокупность юридических норм, регулирующих определенную группу общественных отношений одного порядка, например институт собственности, наследования, налогов, социальной защиты, страхования и т.д. [1].

3) наличие материальных средств, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний;

4) наличие условий, позволяющих осуществлять социальный контроль [8].

Рассмотрим каждую из сторон применительно к социальному партнерству.

Социальные нормы могут быть сформулированы в виде принципов или правил поведения, например:

– равноправие партнеров;

– уважение и учет интересов всех субъектов социального партнерства;

– участие субъектов социального партнерства в договорных отношениях;

– свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу социального партнерства;

– добровольность принятия обязательств;

– контроль за выполнением принятых коллективных договоров и соглашений;

– ответственность субъектов социального партнерства и их представителей за выполнение или невыполнение обязательств, договоров и соглашений;

– содействие государства в управлении и развитии социального партнерства на демократической основе.

Несоблюдение названных принципов приводит к дисфункции института социального партнерства.

Рассмотрим особенности развития социального партнерства в образовании. Почему необходимо социальное партнерство в образовании? Этот вопрос все еще остается риторическим в России. Социальное партнерство в образовании вызвано непрерывным процессом нарастания разнообразия в обществе. Если государство в лице министерства и соответствующих региональных комитетов отвечает за обеспечение единого образовательного пространства в стране (цели, задачи, стандарты) и предоставление системе образования необходимых ресурсов, то вряд ли государство может охватить всю сложность задач, потребностей, условий конкретных сообществ. Это особенно касается местных различий в отношении отраслевых пропорций в структуре рабочих мест, динамики молодежных групп риска, безработицы, экологических и исторических обстоятельств, различий в семейных условиях жизни детей и т.д. Эти обнаруживаемые различия привели во многих странах к гораздо большей свободе образования и вовлечению разнообразных институтов гражданского общества в жизнь школ, колледжей, институтов и университетов.

Логика необходимости широкого социального партнерства в образовании коренится и в современных теоретических взглядах на образование. Оно видится как один из социальных институтов, которому всегда были присущи тесные взаимосвязи и взаимообусловленность со всеми основными сферами социума – экономикой, социальной структурой, культурой и политикой. В отечественной социологии развивается концепция функций образования, в определенном смысле опережающая соответствующие разработки в зарубежной науке. Формулировки функций в этой концепции носят системный характер, обладают операциональностью и поддаются эмпирической интерпретации, а потому не только очерчивают области ответственности системы образования, но и яснее обозначают в ней дисфункциональные зоны и уточняют приоритеты отраслевого и макросоциального управления [9].

Социальное партнерство в образовании начало развиваться в современной России несколько лет назад. Однако не всегда партнерские отношения могут иметь место между образованием и различными секторами общества [10]. На наш взгляд, новая система образования в России должна базироваться именно на социальном партнерстве с работодателем. Строиться данные социальные отношения должны на следующих механизмах: сотрудничество; обмен идеями; формирование активной позиции в решении проблем в образовании; взаимодействие с родителями и т.д.

Можно выделить следующий ключевой момент социального партнерства, который основывается на изучении социальных проблем, анализе сильных и слабых сторон партнеров и инновационных путей их решения. Для выявления и осознания социальных проблем необходимо понимание их социальной значимости. Важно осознание своей роли, статуса в социальном партнерстве, установление интересов каждой стороны участвующих партнеров, все это позволит сформулировать цели и задачи деятельности в рамках социального партнерства и даст кумулятивный эффект.

Необходимо отличать простое взаимодействие от партнерства в решении проблем. Социальное партнерство основано обычно на равноправном, долгосрочном и взаимовыгодном сотрудничестве сторон, разделяющих и стремящихся решить социальную проблему.

В современных индустриальных странах, например Европейского союза (ЕС), организация систем общего и профессионального образования и выработка образовательной политики все больше опираются на динамичное социальное партнерство. Жизненная необходимость социального партнерства в образовании давно никем не оспаривается.

Общие описания структур социального партнерства в образовании по странам ЕС уже есть в нашей литературе. Выделяются типы и модели социального партнерства, но из них вовсе не вытекает убедительное решение о применимости тех или иных образцов иностранного опыта. Описательной информации оказывается явно недостаточно. Прежде всего зарубежный опыт отнюдь не универсален, и требуется более глубокий его социальный и историко-сравнительный анализ.

В обсуждении данной проблемы редко учитывается зависимость партнерства от достигнутого в зарубежных странах уровня социальной интеграции. Во-первых, предстоит глубже освоить теоретические наработки зарубежных коллег по проблеме социального партнерства в образовании. Во-вторых, большое разнообразие ситуаций в современной России потребует привязки любой научно-практической разработки к условиям типичных региональных и локальных сообществ. Шаги российских ученых в этой проблематике носят пока недостаточный характер, но, бесспорно, заслуживают особой поддержки в рамках приоритетного национального проекта «Образование».

Исследования в области социального партнерства в образовании, проводимые западноевропейскими специалистами, позволяют выделить несколько ключевых параметров системы социального партнерства, от которых зависит устойчивость и социальная эффективность систем партнерства:

1. Уровень свободы в развитии образовательного учреждения. В основном «свобода» зависит от организационно-правовой формы образовательного учреждения. Важным фактором в проявлении свободы играет гибкость

в принятии управленческих решений как на уровне образовательного учреждения, так и на уровне всей системы в целом. Если достаточной «свободы» нет, то социальные партнеры (например, заинтересованные гражданские организации, ассоциации работодателей), не найдут точек соприкосновении в их взаимодействии и развитии, что негативно влияет на оптимизацию содержания образования. Степень «свободы» образовательного учреждения является необходимой и существенной переменной, позволяющей ему адаптироваться к изменяющимся потребностям общества и местного сообщества.

2. Свобода выбора участников социального партнерства. Степень свободы выбора родителя как участника социального партнерства предопределяет осознанный характер и активность в поведении внешних социальных партнеров. От этой свободы зависит широта спектра взаимодействия партнеров, их потенциал, а также стимулы, ведущие к адаптации всех участников партнерства.

3. Дифференциация партнеров, в том числе и образовательных учреждений, является условием свободы выбора в рамках совершенствования их деятельности. При этом степень привлечения маркетинга в сферу образования стимулирует образовательное учреждение к развитию и совершенствованию. Так, вопросы развития профессионально-образовательных учреждений могут обсуждаться с участием гражданских организаций.

4. Способность образовательных учреждений к выработке собственной политики в рамках социального партнерства должна опираться на гражданские позиции с учетом требований как работодателей, так и потребителей услуг. Если образовательное учреждение не подготовлено к обсуждению и выбору стратегии развития совместно с партнерами, то может возникнуть опасность недостаточности ресурса и потенциала для перевода внешних влияний в свои стратегические цели и в собственные ресурсы и способности.

5. Финансирование образовательных учреждений должно гарантировать определенную свободу в соответствии со своей политикой (миссией, программой и принципами развития) и потребностями. Собственные финансовые ресурсы образовательного учреждения – существенное условие для вовлечения внешних партнеров и определенной экономической поддержки их деятельности в интересах системы образования [9].

Представители бизнеса, науки, менеджмента, профсоюзов в рамках социального партнерства могут принять на себя функцию экспертов учебных планов, программ и стандартов, что позволяет говорить о сертификации с точки зрения их соответствия требованиям рабочих мест в соответствующих отраслях [11].

Реформаторский подход прошлого столетия предполагал, что в сфере образования выстроится новая система партнерства взамен практики шефских отношений. Однако в среде образовательного менеджмента стремление к выживанию оказывалось сильнее чувства социальной ответственности, что привело к дефициту в подготовке рабочих, к противоречию между контингентом высшего профессионального образования и низкими показателями трудоустройства по полученной специальности. В рамках такого дисбаланса возникают различные эксперименты, способствующие «взращиванию» партнерства «снизу» – на локальном отраслевом уровне. Спустя десятилетие можно говорить об устойчивости такого типа партнерства, но и оно возмож-

но, к сожалению, только в рентабельных отраслях хозяйства. Не каждый регион страны может сегодня говорить о наличии отлаженной системы социального партнерства в сфере образования.

О достижении социального эффекта партнерства в России пока говорить не приходится. Вероятно, в России, как это было и за рубежом, становление систем партнерства также займет не одно десятилетие, но общество и государство заинтересованы в том, чтобы стимулировать и корректировать этот процесс, тем более что он входит в число приоритетных национальных проектов. В рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. «Наша новая школа» ставится основная задача – привлечение общественности к управлению развитием образования.

Основная ее цель – создание качественно нового уровня отношений по решению проблем развития образования всех заинтересованных субъектов, способных к достижению конструктивных соглашений, позволяющих выработать единую образовательную политику. Перемены в социально-экономической жизни, произошедшие в последние десятилетия, привели к существенным изменениям в системе образования. Расширилась сфера дополнительного образования. Все это обеспечило семье реальные возможности выбора вида образовательного учреждения и набора предоставляемых им образовательных услуг.

Анализируя состав и структуру семей обучающихся детей, мы выяснили, что подавляющее число заинтересовано в том, чтобы дети получили качественное дополнительное образование, воспитание и развитие, в дальнейшем продолжили свое обучение в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования.

Образовательное партнерство как сотрудничество абсолютно равноправных учреждений и как конструктивное объединение педагогов вокруг одного большого дела – создания условий для получения профессии молодым человеком, делающим при этом осознанный выбор, реально оценивающим свой потенциал и перспективы социальной и профессиональной интеграции в современном обществе. Все стороны взаимодействия оговорены в договорах о совместной деятельности. Это дает право преимущества выпускникам вузов при поступлении по профилирующим специальностям на работу в организации малого и среднего бизнеса.

Безусловно, введение новых государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения вносит существенные коррективы во всю систему взаимодействий на российском рынке образовательных услуг. И в этой связи мы надеемся, что существующий опыт социального партнерства позволит учреждениям высшего и среднего профессионального образования развиваться на современном рынке образовательных услуг в соответствии с ожиданиями общества, государства и работодателей.

Таковы основные аспекты процесса становления и функционирования социального партнерства в сфере образования. Практически важно не только удержание в поле зрения управленческого персонала учреждений и органов образования отмеченных выше граней партнерства, но и создание достаточно чувствительной системы информации, помогающей регулярно анализировать

состояние реальных и потенциальных партнеров, противоречия взаимодействий с ними, выбор путей и средств укрепления положения образовательных учреждений в конкретном сообществе.

В России проблемы социального партнерства начали официально обсуждаться и пропагандироваться с 1991 г., когда страна стала переходить к рыночной экономике, которая не может развиваться без системы социального партнерства. Трудовой кодекс РФ, вступивший в силу с 2002 г., открыл новую страницу в истории развития социального партнерства в России, которое появилось не как результат сложившегося многостороннего социального диалога, но было инициировано государством в русле общей стратегии реформирования общества. В 1991 г. Президентом РФ был подписан Указ «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)», а в начале 1992 г. – «О создании Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений».

Можно утверждать, что законодательная база социального партнерства в РФ создана, но преимущественно в социально-трудовой сфере.

Сотрудничество в рамках социального партнерства предполагает, что:

– идет постоянный обмен информацией, данные согласуются по результатам действий и в ходе непосредственных социальных контактов;

– участники наблюдают друг за другом, корректируют свои действия, согласуют их с действиями других участников, вырабатывают правила взаимодействия;

– могут имитироваться и распространяться не самые эффективные институциональные формы;

– возникают устойчивые равновесия при неоптимальных условиях.

Согласование интересов сторон при социальном партнерстве возможно лишь при социальных взаимодействиях, основанных на соблюдении ряда правил: во-первых, каждый субъект социального партнерства имеет равные права и собственные полномочия независимо от масштабов деятельности и статуса; во-вторых, столкновение интересов сторон допустимо только в процессе переговоров, направленных на конструктивный диалог и завершающихся договоренностями; в-третьих, принятие обязательств носит добровольный характер, но принятые обязательства не могут быть сняты в одностороннем порядке; в-четвертых, стороны несут полную ответственность за невыполнение обязательств, договоров и соглашений; в-пятых, информация о деятельности в рамках социального партнерства является открытой и прозрачной.

Установление согласованного порядка на условиях социального партнерства с широким спектром социальных субъектов позволяет оптимизировать условия развития высшего и среднего образования, так как:

– правила игры и формы контроля согласуются и принимаются всеми социальными субъектами, вовлеченными в высшее и среднее образование;

– равноправие участников рынка обеспечивается не только нормативными актами и этическими нормами, но и добровольными соглашениями;

– повышается защищенность субъектов высшего и среднего образования от недобросовестной конкуренции;

– социальное партнерство способствует аккумуляции и совместному использованию информационных ресурсов;

– формируется общепринятая система ценностей и норм, на которые ориентируются в своем поведении субъекты высшего и среднего образования;

– оптимизируются условия деятельности субъектов высшего и среднего образования;

– распространяются эффективные институциональные формы социальных взаимодействий;

– повышается возможность активного участия предпринимателей в решении социальных проблем и вопросов социально-экономического развития территорий.

При наличии институциональных условий и соблюдении правил социального партнерства повышается эффективность развития высшего и среднего образования. Стираются препятствия для генерации новых идей, совершения научных открытий, создания новых образовательных программ; возникает необходимость искать инновационные комбинации факторов производства, эффективные технологии и пути повышения качества образования; формируются условия для снижения трансакционных издержек и повышения производительности труда для всех участников партнерства.

Это все дает стимул к освоению новых знаний, навыков, умений, видов деятельности; повышается заинтересованность субъектов высшего и среднего образования социальными проблемами, а также политикой и тенденциями социально-экономического развития территорий и т.д.

Социальное партнерство как институт включает в область своей деятельности социальные взаимодействия значительного количества субъектов, заинтересованных в согласовании собственных, групповых и общественных интересов. В сфере образования субъекты социального партнерства, по существу, образуют социальную, политическую и экономическую базу его развития, способствуя решению стратегических и тактических задач в этой области социально-экономических отношений.

Рассмотрим модели социального партнерства.

Первая модель характеризуется активным вмешательством государства в регулирование трудовых отношений, наличием трех уровней партнерства: общенациональным, отраслевым, уровнем предприятия (Швеция, Финляндия, Норвегия, Бельгия).

Вторая модель отличается тем, что является одноуровневой, так как коллективные договоры заключаются главным образом на уровне предприятий. При этом объединения предпринимателей и профсоюзов через своих депутатов в органах представительной власти оказывают влияние на законодательство, а через него – на отношения между партнерами (Япония, Канада, США, ряд стран Латинской Америки).

Третья модель характеризуется тем, что социальное партнерство реализуется в основном на отраслевом уровне, тогда как на уровне страны в целом совместные соглашения трех сторон не принимаются, дело ограничивается консультациями, и то не вполне обязательными. На предприятиях коллективные договоры не заключаются, социально-трудовые отношения строятся на основе отраслевых соглашений (Германия, Австрия и др.).

При широком подходе к социальному партнерству и с учетом российской специфики развития бизнеса целесообразно использовать модель, в которой предполагается, во-первых, активное участие государства в регулиро-

вании отношений социального партнерства, во-вторых, широкий спектр его субъектов. При этом в основе модели социального партнерства должен находиться следующий принцип: социально ответственное поведение предпринимателей в обмен на общественную поддержку его интересов, целей и действий [7].

В процессе организации социального партнерства между работодателем и образовательным учреждением возникает ряд проблем, о которых необходимо сказать. Первая проблема связана с необходимостью создания условий для институционализации социального партнерства через:

– создание информационной среды для обеспечения субъектов социального партнерства на различных уровнях информации, позволяющей планировать и прогнозировать деятельность;

– формирование модели социально ответственного бизнеса и культуры рыночных и партнерских отношений;

– развитие правовой, социальной и социокультурной среды с учетом долгосрочной перспективы существования данного института.

Вторая проблема заключается в том, что субъекты социального партнерства проявляют различную степень социальной ответственности, активности и имеют разное количество положительных результатов, а главное – не «ориентированы на другого» и преследуют прежде всего собственные цели, не соблюдая принципа равноправия партнеров. И, наконец, третья проблема отражает процесс поведения и взаимодействия субъектов социального партнерства, которое часто не является социально значимыми и не образует устойчивые связи и отношения в единой системе (кластере), а сегментированы по точкам непосредственного соприкосновения в ходе решения оперативных, а не стратегических задач развития.

В новых условиях развития рынка образовательных услуг Министерство образования и науки намерено оценивать эффективность вузов по новым критериям. Чем больше выпускников остались безработными и встали на биржу труда, тем хуже для их вуза. По оценкам заместителя министра А. Климова, «мы собираемся оценивать взаимоотношения системы образования и рынка труда. Уже сейчас ясно, что на учет как безработные встают выпускники юристы и экономисты». Этот критерий будет единым для всех вузов. Дополнительные критерии, каждый свои, получат творческие, транспортные и военные вузы[1].

Говоря о социальном партнерстве и особенно о кластере, необходимо учитывать интересы государства, которое является одним из основных заказчиков на рынке образовательных услуг. Поэтому в институте социального партнерства государство выступает одновременно в двух ролях: как носитель публичной власти и как социальный партнер. Как носитель публичной власти государство обладает полномочиями, которые традиционно подразделяются на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Государство принимает законы, которыми должны руководствоваться субъекты социального партнерства, легализует их правосубъективность, процедуры их взаимодействия. Оно обеспечивает исполнение законов посредством актов управления, контроля и надзора в сферах жизнедеятельности общества. Кроме того,

[1] Кампус. – 2013. – № 2 (64).

оно имеет судебную систему, включающую в себя органы юрисдикции, которые участвуют в рассмотрении и разрешении экономических споров и иных дел, в том числе и трудовых конфликтов.

По мере институционализации социального партнерства в рамках национальной экономики и общества в целом спектр ролей государства расширяется: оно становится не только организатором, координатором, арбитром и гарантом выполнения соответствующих договоров и соглашений, но и полноценным участником социального партнерства, представляющим интересы общества.

В результате возможности социального партнерства многократно возрастают в сфере регулирования взаимоотношений между субъектами партнерства в малом и среднем бизнесе и обществом для оптимального распределения национального дохода, установления критериев и механизмов достижения социальной справедливости, а также создания оптимальных условий для воспроизводства рабочей силы и развития человека.

К тому же именно государство концептуально задает принципы и механизмы социального партнерства в разных сферах общества.

В сфере малого и среднего бизнеса это, с одной стороны, реализация государственных программ поддержки его развития, а также прямые субсидии, государственный заказ, совершенствование партнеров и регулирование отношений в этой сфере, с другой – это контроль над выполнением договоров и обязательств, в том числе и социальных.

Итак, роли и статусы субъектов социального партнерства в образовании существенно дифференцированы, а социальные взаимодействия имеют свои особенности, обусловленные разнообразием их интересов, целей, возможностей и степенью социальной ответственности перед обществом.

В рыночных условиях система профессионального образования вынуждена ориентироваться на социальное партнерство как форму взаимовыгодного сотрудничества образовательного учреждения и работодателя. Такое взаимодействие стоит и в задачах модернизации образования в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).

Перспектива социального партнерства в сфере образования признана давно. Среди наиболее распространенных видов социального взаимодействия можно выделить [12]:

– попечительский совет (регламентирующий нормативный документ – указ Президента РФ 1999 г. «О дополнительных мерах по поддержке общеобразовательных учреждений в Российской Федерации»);

– благотворительные фонды;

– спонсорство;

– кооперация – совместная деятельность на основе партнерских отношений;

– инвестиции.

Самым важным в социальном партнерстве является возможность ослабления и нивелирования противоречий между сторонами, обладающими различными интересами и стремящимися к различным целям. Чаще всего участниками социального партнерства выступают государство, министерства

и ведомства, службы занятости, ассоциации работодателей, ассоциации работников, образовательные учреждения, участвующие в подготовке кадров, родители др.

Социальное партнерство в образовании представляет собой конкретный тип взаимодействия образовательных учреждений с работодателями и другими участниками данного партнерства, нацеленными на максимальное согласование и реализацию интересов всех участников процесса подготовки выпускников, востребованных на рынке труда.

Укрепление связей с предприятиями и другим участниками открывают дополнительные возможности для образовательного учреждения, упрощает доступ к получению информации о рынке труда, помогает понять, что необходимо работодателю в рамках подготовки выпускника, упрощает процедуру корректировки учебных материалов и программ, отвечающих требованиям работодателя. Также расширяются возможности трудоустройства выпускников.

Положительные стороны социального партнерства учреждений среднего профессионального и высшего профессионального образования осуществляется на основе комплекса работ:

1. Возможность проведения экскурсий на предприятия, что позволяет адаптировать студента к выбранной профессии, специальности, профилю. Проведенные экскурсии оказывают на студентов положительный эффект. Они видят другой мир, другие отношения, другое пространство. Полученная информация во время экскурсии вызывает психологическое ощущение единения, что создает необходимую основу межличностного общения.

2. Привлечение работодателей к учебному процессу через чтение лекций, проведение семинаров, воспитательных мероприятий, позволяющих формировать образ «Я и профессиональный мир». На старших курсах такие встречи помогают выстраивать смысловое восприятие выбранного профиля подготовки, профессии, специальности. Реализация дисциплины «Введение в специальность» должна проводиться либо через экскурсии на рабочее место, либо через семинары, круглые столы с участием работодателя. В настоящее время, к сожалению, на данном курсе в основном студентам рассказывают о правилах поведения в учебном заведении и правах и обязанностях студентов.

3. Выстраивание теоретического курса, приближенного к профессиональной деятельности, помогает адаптировать теоретическую составляющую образовательного процесса к условиям конкретного производства.

4. Проведение на предприятии «Урока на производстве» применяется, к сожалению, только в учебных заведениях среднего профессионального образования, хотя данное направление неоценимо в рамках подготовки к профессиональной деятельности выпускника вуза.

5. Проведение воспитательных и культурно-массовых совместных мероприятий работодателей и студентов очень важно в рамках социального партнерства, так как они формируют коммуникативные отношения, ознакомление с традициями производства.

6. Стажировка ППС и мастеров производственного обучения. Данное направление позволяет преподавателю специальных профессиональных дисциплин приблизиться к реалиям производства или профессиональной деятельности. Это позволит в рамках содержания специальных дисциплин сфор-

мировать знания, навыки, умения и компетенции, адекватные требованиям работодателя. Так, например, если преподаватель на производстве стажируется и работает с новыми материалами, используя современные технологии, то и на занятиях он сможет объяснить технологии работы с новейшими материалами, применяемыми на предприятии. Если преподаватель математики, стажируясь на предприятии, видит применение своих расчетов на практике, то и для студентов он сможет раскрыть данный предмет и сформировать те необходимые компетенции, которые востребованы в настоящее время.

7. Проведение встреч руководства предприятия со студентами и выпускниками решает определенный ряд вопросов профессиональной подготовки студентов. Данные встречи показывают возможности карьерного роста, знакомят со стратегией развития предприятия. Данные мероприятия необходимо проводить в рамках круглого стола.

8. Производственная практика студентов. Если она проводится на высоком профессиональном уровне, то она несет в себе много профессиональных возможностей для студента и работодателя. Практика в таких случаях позволяет применить и закрепить полученные знания, умения и навыки в процессе обучения. Практика включает студента в производственный процесс.

Однако, кроме положительных сторон социального партнерства образовательных учреждений и работодателей, существует и другая сторона, которая отражает отрицательные моменты. К проблемам социального партнерства образовательных учреждений и работодателя можно отнести:

1. Устаревание знаний, умений и навыков. Безусловно, очень хороша взаимосвязь образования с производством, однако подготовка кадров осуществляется сегодня, но на рынок труда они выйдут только завтра. И поэтому знания, умения и навыки, полученные в среднем профессиональном учреждении или вузе, могут просто устареть. Решение данной проблемы возможно, если предприятие понимает необходимость непрерывного взаимодействия образовательного учреждения и предприятия, т.е. образовательное учреждение становится независимой образовательной структурой предприятия, поддержание состояния которой является насущной необходимостью, когда работодатель заинтересован в повышении квалификации преподавателя, мастера производственного обучения и получении ими новых знаний в области внедрения новейших технологий в производственный процесс за счет предприятия и частично за счет образовательного учреждения.

2. Проблема стажировки ППС. К сожалению, стажировка не проводится на должном уровне. Часто предприятия, принимая преподавателей на стажировку, не дают им возможности полностью участвовать в производственном или технологическом процессе. Поэтому именно в рамках образовательного кластера это будет возможно, так как и работодатель, и преподаватель заинтересованы в конечном продукте – выпускнике, востребованном на рынке труда.

3. Противоречия между рамками ФГОС и запросами работодателей. С одной стороны, существуют академические свободы, позволяющие включение дисциплин по выбору. С другой стороны, включение специальных дисциплин согласно ФГОС не всегда находится в соответствии с требованиями работодателя. Решение данной проблемы возможно в том случае, если к формированию стандартов по профилям, специальностям и профессиям будут привлекаться работодатели.

4. Отсутствие планирования объема подготовки выпускников, адекватного запросам рынка. Пассивный характер мониторинга рынка труда сводится в основном к учету безработицы, определению миграции, высвобождения и трудоустройства работоспособного населения. С другой стороны, работодатель также не знает, сколько ему необходимо работников соответствующей профессии, специальности, так как в 90 % случаев предприятием не разрабатывается перспективная стратегия развития в целом и кадровая политика в частности. Возникает дисбаланс между рынком труда и рынком образовательных услуг. Данная проблема усугубляется наличием противоречия между ростом потребности в специалистах и отсутствием ее объективного прогноза. Данная проблема может решаться, с одной стороны, на уровне государства, с другой стороны, в рамках образовательного кластера, где может иметь место целевой заказ, который будет регламентировать трудоустройство выпускников, что, с одной стороны, повысит качество подготовки самих студентов и, с другой стороны, родители будут ориентировать своих детей на специальности, которые востребованы на рынке труда, так как в конечном итоге все родители заинтересованы не только в обучении, но и в дальнейшем трудоустройстве. Необходимо ввести сертификацию выпускника на базе ряда образовательных учреждений и аттестацию всех рабочих мест, начиная от рабочего и заканчивая руководителем, что способствует еще более тесному взаимодействию работодателя и образовательного учреждения. В числе экспертов могут выступать, с одной стороны, государство, с другой, работодатель.

5. Привлечение работодателей к педагогическому процессу. Не всегда знающий технологический или иной процесс специалист может объяснить все это студенту. Поэтому очень важным является в рамках социального партнерства выстраивание партнерских отношений между ППС и работниками предприятия. Это и проведение семинаров на уровне ППС, круглых столов. Но самый лучший выход – проведение бинарных лекций, когда преподаватель вуза теорию подводит под практическую базу и дает слово работодателю (представителю предприятия). Такой подход, на наш взгляд, даст наибольший эффект.

Список литературы

1. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд. – М. : Мысль, 2003. – Т. 1.
2. **Киселев, В. Н.** Социальное партнерство в России / В. Н. Киселев, В. Г. Смольков. – 2-е изд. – М. : Экономика, 2002. – С. 11.
3. **Киселев, В. Н.** Российская модель социального партнерства (теоретико-концептуальный аспект) / В. Н. Киселев. – М. : АТиСО, 2008.
4. **Шулус, А. А.** Социальное партнерство – российская модель / А. А. Шулус // Социальное партнерство. – 2007. – № 2. – С. 37.
5. **Либоракина, М.** Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России / М. Либоракина, М. Флямер, В. Якимец. – М. : Школа культурной политики, 1996.
6. **Михеев, В. А.** Основы социального партнерства: теория и политика : учеб. для вузов / В. А. Михеев. – М. : Экзамен, 2001.
7. **Осипов, Е. М.** Институт социального партнерства как фактор развития малого бизнеса в России / Е. М. Осипов. – М. : Изд-во МГУ, 2012. – С. 61, 71–72.
8. Российский энциклопедический словарь / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – М. : Норма: Инфра-М, 2005. – С. 157–158.

9. **Осипов, А. М.** Социальное партнерство в образовании: ориентиры научного анализа / А. М. Осипов, П. Карстанье // Образование и общество. – 2008. – № 1. – С. 108–115.
10. **Марьин, А.** Социальное партнерство в образовании / А. Марьин. – URL: http:// www.proza.ru /2011 /01 /21/398 (дата обращения: 14.04.2013).
11. **Олейникова, О. Н.** Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза / О. Н. Олейникова, А. Муравьева // Высшее образование в России. – 2006. – № 6.
12. **Арасланова, А. А.** Интеграция высшей школы в рыночную экономику региона в условиях построения информационного общества / А. А. Арасланова // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. – 2012. – № 12 (20). – URL: www.sisp.nkras.ru

References

1. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Sociological encyclopedia: in 2 volumes]. Moscow: Mysl', 2003, vol. 1.
2. Kiselev V. N., Smol'kov V. G. *Sotsial'noe partnerstvo v Rossii* [Social partnership in Russia]. Moscow: Ekonomika, 2002, p. 11.
3. Kiselev V. N. *Rossiyskaya model' sotsial'nogo partnerstva (teoretiko-kontseptual'nyy aspekt)* [Russian model of social partnership (theoretical-conceptual aspect)]. Moscow: ATiSO, 2008.
4. Shulus A. A. *Sotsial'noe partnerstvo* [Social partnership]. 2007, no. 2, p. 37.
5. Liborakina M., Flyamer M., Yakimets V. *Sotsial'noe partnerstvo. Zametki o formirovanii grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Social partnership. Notes on formation of the civil society in Russia]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki, 1996.
6. Mikheev V. A. *Osnovy sotsial'nogo partnerstva: teoriya i politika: ucheb. dlya vuzov* [Fundamentals of social partnership: theory and politics: textbook for universities]. Moscow: Ekzamen, 2001.
7. Osipov E. M. *Institut sotsial'nogo partnerstva kak faktor razvitiya malogo biznesa v Rossii* [Institution of social partnership as a factor of small size business development in Russia]. Moscow: Izd-vo MGU, 2012, pp. 61, 71–72.
8. *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian encyclopedic dictionary]. Ed. by G. V. Osipova. Moscow: Norma: Infra-M, 2005, pp. 157–158.
9. Osipov A. M., Karstan'e P. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and society]. 2008, no. 1, pp. 108–115.
10. Mar'in A. *Sotsial'noe partnerstvo v obrazovanii* [Social partnership in education]. Available at: http://www.proza.ru /2011 /01 /21/398 (accessed 14 April 2013).
11. Oleynikova O. N, Murav'eva A. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2006, no. 6.
12. Araslanova A. A. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem : elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Modern Reseach of Social Problems: electronic scientific journal]. 2012, no. 12 (20). Available at: www.sisp.nkras.ru

---

Фирсова Ирина Анатольевна
доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра маркетинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: Firsova-mjscow@yandex.ru

Firsova Irina Anatol'evna
Doctor of economic sciences, associate professor, professor, sub-department of marketing, Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky avenue, Moscow, Russia)

Кухтинова Людмила Георгиевна
доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра менеджмента, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lgk-penza@mail.ru

Kukhtinova Lyudmila Georgievna
Doctor of economic sciences, associate professor, professor, sub-department of management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 33
Фирсова, И. А.

Научные основы взаимодействия продуцентов образовательных услуг и работодателей малого и среднего бизнеса на основе социального партнерства / И. А. Фирсова, Л. Г. Кухтинова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 278–293.

УДК 08.00.05.1.6.123

С. П. Бурланков, И. В. Захватова

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ СЕТИ ТУРИСТИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ «ГОРЯЧИЕ ТУРЫ»

Аннотация. *Актуальность и цели*. Успех деятельности по повышению конкурентоспособности предприятий турагентсткого бизнеса находится в прямой зависимости от объективности и достоверности произведенной оценки текущего положения предприятия. Одним из этапов оценки конкурентоспособности туристического агентства является анализ его конкурентной среды. *Материалы и методы*. Авторами проведен анализ конкурентной среды сети туристических агентств «Горячие туры» согласно «Порядку проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарных рынках». Первые шесть этапов исследования отражены в настоящей работе. *Результаты*. В процессе исследования рассмотрены следующие этапы оценки конкурентной среды сети туристических агентств «Горячие туры»: определение продуктовых границ товарного рынка; определение географических границ товарного рынка; анализ субъектов товарного рынка (количество и состав продавцов и покупателей); определение объема товарных ресурсов рынка и доли хозяйствующего субъекта на рынке; определение количественных показателей структуры товарного рынка; определение качественных показателей структуры товарного рынка (барьеры входа). *Выводы*. В настоящий момент на рынке неаффилированных туристических агентств действуют шесть наиболее крупных сетей. Российский рынок неаффилированных туристических агентств является низкоконцентрированным рынком и практически не имеет барьеров для входа на него.

Ключевые слова: рынок туристических услуг, конкурентоспособность туристического агентства, анализ конкурентной среды, этапы оценки состояния конкурентной среды.

S. P. Burlankov, I. V. Zakhvatova

ESTIMATION OF COMPETITIVE ENVIRONMENT OF THE TRAVEL AGENCY NETWORK «GORYACHIE TURY» («HOT TOURS»)

Abstract. *Background*. The success in improving competitiveness of travel companies directly depends on objectiveness and validity of the estimation of the current position of a company. One of the stages of such estimation is the analysis of company's competitive environment. *Materials and methods*. The authors carried out the analysis of competitive environment of the travel company network "Goryachie tury" ("Hot Tours") according to the "Procedure of analysis and estimation of condition of competitive environment in goods markets". The first six stages of research are described in the article. *Results*. In the course of research the authors considered the following stages of competitive environment estimation of the travel company network "Goryachie tury": determination of product limits of a goods market; determination of geographical limits of a goods market; analysis of subjects of a goods market (amount and variety of vendors and consumers); determination of market product resource volume and a share of a business entity in the market; determination of quantitative indicators of a godds market structure; determination of qualitative indicators of a goods market structure (barriers to entry). *Conclusions*. At the present time in the market of non-affiliated travel companies there are 6 largest net-

works. Russian market of non-affiliated travel companies appears to be a weak market and practically has no barriers to entry.

Key words: travel services market, travel agency competitiveness, competitive envirnoment analysis, stages of competitive environment condition estimation.

В связи со специфичностью туристического продукта и интенсивностью развития конкуренции на туристическом рынке России особое значение приобретает изучение основ конкурентоспособности компаний туристской индустрии и факторов ее формирования.

В научных трудах конкурентоспособность интерпретируется поразному в зависимости от характера объекта, к которому это понятие относится. А. М. Кротков и Ю. Я. Еленева рассматривают следующие уровни конкурентоспособности: оперативный (характеризуется показателем конкурентоспособности услуг); тактический (представлен комплексным показателем состояния предприятия); стратегический (отражает рост стоимости предприятия и оценивается соответствующим показателем) [1, 2].

В рамках данного исследования, которое касается рынка туристических услуг турагентств, основной интерес представляют тактический и оперативный уровни, т.е. конкурентоспособность предприятия и его услуг. Успех деятельности по повышению конкурентоспособности предприятий турагентского бизнеса находится в прямой зависимости от объективности и достоверности произведенной оценки текущего положения предприятия. Оценка конкурентоспособности позволяет выявить резервы ее повышения, исходя из которых турагентство в рамках формирования стратегии по реализации конкурентных преимуществ может разработать конкретные мероприятия, направленные на усиление своей позиции на рынке.

Рынок туристских услуг представляет собой неотъемлемую часть экономик регионов Российской Федерации и находится под влиянием основных социально-экономических показателей: ВВП, уровень инфляции, уровень доходов населения, уровень занятости населения, рынок платных услуг и др.

Для полного представления о состоянии на рынке туристких услуг необходимо провести анализ конкурентной среды, который выполнен авторами согласно «Порядку проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарных рынках». Основными этапами оценки конкурентной среды являются[1]: определение продуктовых границ товарного рынка; определение географических границ товарного рынка; анализ субъектов товарного рынка (количество и состав продавцов и покупателей); определение объема товарных ресурсов рынка и доли хозяйствующего субъекта на рынке; определение количественных показателей структуры товарного рынка; определение качественных показателей структуры товарного рынка (барьеры входа); определение рыночного потенциала хозяйствующего субъекта.

Рассмотрим первые шесть этапов применительно к работе сети туристических агентств «Горячие туры».

Этап 1. Выявление продуктовых границ рынка представляет собой процедуру определения товара (его потребительских свойств), товаров-заме-

[1] Порядок проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарных рынках (в ред. Приказа МАП России от 11.03.99 № 71). Утвержден Приказом МАП России от 20.12.96 № 169.

нителей и формирования товарной группы (группы товаров, рынки которых расцениваются как один товарный рынок).

В России присутствуют все типы туризма, рекомендованные к выделению в отношении отдельной страны ВТО: внутренний туризм (туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации); въездной туризм (туризм в пределах территории Российской Федерации лиц, не проживающих постоянно в Российской Федерации); выездной туризм (туризм лиц, постоянно проживающих в Российской Федерации, в другую страну).

Невысокая доля внутреннего туризма в России (не более 70 % всех туристских поездок) связана с отсутствием достаточной степени гостеприимства российской рекреационной отрасли[1].

Общее число россиян, выехавших за рубеж, в 2012 г. составило 47 812 920 человек, что на 9,3 % больше, чем в 2011 г. Самыми популярными направлениями для российских туристов по итогам 2012 г. являются Турция, Египет, Китай и Таиланд[2].

В целом российский туристический рынок условно можно разделить на три ценовых сегмента: низкий (самостоятельная организация отдыха или недорогой отдых внутри страны и в странах СНГ); средний (массовые направления отдыха (Турция, Египет, Таиланд и др.)); высокий (экзотические направления (морские круизы, путешествия на острова, в ЮАР, Японию и др.)).

Преобладающим сегментом на туристическом рынке России является низкий ценовой сегмент. По данным ВЦИОМ, средняя сумма, которую готовы были потратить в 2013 г. россияне на летний отдых, составляет в среднем 27,6 тыс. рублей на каждого члена семьи[3].

Этап 2. Продажа туров производится во всех регионах Российской Федерации. Жители определенного региона в основном пользуются услугами турагентств на местах. При этом данные компании могут являться составной частью крупных федеральных сетей, головной офис которых находится, например, в Москве. В связи с тем, что рынок туроператоров России достаточно монополизирован, цены на аналогичные, формируемые ими турпакеты в различных регионах сопоставимы. Разница в цене на турпакеты, реализуемые турагентствами, незначительна и связана с комиссионным вознаграждением, предоставляемым туроператором турагентству в виде скидки, которой турагентство готово поделиться с клиентом (покупателем турпакета). Однако туроператоры тщательно отслеживают размер скидки, предоставляемой агентством конечному покупателю. Управляющие компании (УК) сетей турагентств (в том числе и УК сети «Горячие туры») рекомендуют своим партнерским офисам не предоставлять скидку на турпродукт в размере более 5 %, так как в противном случае агентство (офис продаж) может лишиться комиссии туроператора и УК в процесс ее восстановления вмешиваться не будет.

Этап 3. Разработкой и реализацией туристских продуктов занимаются два вида туристских организаций, являющихся частью туристской индустрии: туроператоры и турагенты.

[1] URL: http://www.dp.ru/a/2011/03/09/Nazvani_samie_privlekatel

[2] URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130304124330.shtml

[3] URL: http://turistprav.ru/государство/na-letnij-otdykh-srednestatisticheskij-rossiyanin-potratit-ne-bolee-1000.html

В соответствии с Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», «туроператорская деятельность – деятельность по формированию, продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом (туроператором)», а «турагентская деятельность – деятельность по продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем»[1].

Для осуществления туроператорской деятельности, в отличие от турагентской, необходимо иметь финансовое обеспечение, которое может быть представлено в виде договора страхования ответственности туроператора либо банковской гарантии.

Отмена лицензирования привела к тому, что в настоящее время утерян контроль над количеством работающих в стране турагентских фирм. По данным на начало ноября 2013 г., в Общероссийском реестре туристических агентств (ОРТА) значится 11 919 компаний[2].

В основной массе турагентства представляют собой небольшие компании с незначительным капиталом и ограниченным рынком. В отличие от туроператоров, они более гибко приспосабливаются к текущей конъюнктуре туристского рынка. К тому же создание или ликвидация турагентства не связаны с большими организационными и финансовыми усилиями.

Этап 4. Количественной характеристикой объема товарных ресурсов рынка является общий объем реализации товара, определяемый как сумма реализации товара на данном рынке всеми продавцами и рассчитываемый по формуле

$$V_m = \sum_{i=1}^{n} V_i, \qquad (1)$$

где V_m – общий объем реализации (поставки) товара; V_i – объем реализации (поставки) i-м продавцом; n – количество продавцов, действующих в географических границах рынка.

Доля хозяйствующего субъекта – продавца на рассматриваемом товарном рынке (D_i) определяется как отношение реализованного им на рынке объема товарной продукции к общему объему реализации (поставки) товара:

$$D_i = V_i / V_m.$$

Оборот сети «Горячие туры» в 2009 г. составил 190,575 млн долл. США в год (или 5 717,25 млн руб.). В 2010 г. чистая прибыль компании увеличилась 2,2 раза; оборот компании составил 235,458 млн долл. США. Сеть отправила на отдых за границу в 2009 г. 195 065 туристов; в 2010 г. – 298 560 туристов.

Наиболее популярными направлениями продаж туристических путевок для сети «Горячие туры» являются Турция и Египет (в сумме составляют 63,5 % от общего количества отправленных туристов). Исходя из этого, мож-

[1] Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2009 № 365-ФЗ).

[2] URL: http://reestr-ta.ru

но сказать, что сеть специализируется на продаже туров среднего ценового сегмента (массовые направления заграничного отдыха). Поэтому при оценке доли сети на рынке мы будем учитывать лишь рынок выездного туризма.

Общий объем товарных ресурсов рынка выездного туризма в Российской Федерации в 2009 г. составил 9 542 107 человек, в 2010 г. – 12 605 053 человека (по данным Ростуризма). Доля компании от общего объема туристов в 2009 г. составляла 2,04 %. В 2010 г. доля сети немного увеличилась и составила 2,37 %. При этом среднестатистическая работа одного офиса продаж сети составила 39 человек в месяц в 2009 г. и 47 человек в месяц в 2010 г. Средняя стоимость тура составила 900 долл. США в 2009 г. и 874 долл. США в 2010 г.

Этап 5. Структура товарного рынка характеризуется количественными и качественными показателями. Количественные показатели – это численность продавцов, действующих на данном рынке; доли, занимаемые продавцами на данном товарном рынке; показатели рыночной концентрации.

С целью выяснения сущности туристского рынка (и в частности, рынка выездного туризма) необходимо выявить степень его монополизации. Для этого рассчитаем коэффициент рыночной концентрации (*CR*), который отражает степень концентрации рынка по следующей формуле:

$$CR = (V_1 + V_2 + \ldots + V_n) / V_m, \qquad (2)$$

где $V_1 + V_2 + \ldots + V_n$ – объем реализации определенного числа крупнейших продавцов (рекомендуемым количеством являются 3, 4, 6, 8, 10, 25 крупнейших продавцов); V_m – общий объем реализации товара.

В соответствии с различными значениями коэффициентов концентрации выделяют три типа рынка: I тип – высококонцентрированные рынки (при 70 % < *CR* < 100 %); II тип – умеренно концентрированные рынки (при 45 % < *CR* < 70 %); III тип – низкоконцентрированные рынки (при *CR* < 45 %).

Компания «Горячие туры» представляет собой франчайзинговую сеть независимых многопрофильных агентств, специализирующихся на выездном и внутреннем туризме. Поэтому для корректного проведения конкурентного анализа необходимо выявить прямых конкурентов сети, а именно сети туристических агентств, не являющихся аффилированными сетями туроператоров. По данным журнала «Туринфо», наиболее крупными независимыми сетями туристических агентств России являются: «Горячие туры», Global Travel, «Магазин горящих путевок», «ВЕЛЛ», «1001 тур» и «Мастер отдыха»[1].

Согласно экспертным оценкам, средний ежемесячный объем продаж одного офиса отдельных турагентских сетей отличается незначительно. Поэтому для расчета коэффициента рыночной концентрации среднемесячный объем продаж одного офиса любой сети турагентств примем равным среднемесячному объему продаж одного офиса сети «Горячие туры» за 2010 г. – 47 человек, отправленных в тур (табл. 1).

Так как все оцениваемые сети туристических агентств специализируются на выездном и внутреннем туризме, для определения общего объема реализации товара данные по въездному туризму не используются. В 2010 г. общий объем выездного и внутреннего туризма составил 44,7 млн человек.

[1] Туринфо. – 2011. – № 1 (737). – С. 30.

Таблица 1

Расчет коэффициента рыночной концентрации турагентского рынка

Показатели	*CR*
Объем реализации четырех крупнейших продавцов, количество отправленных в тур человек в год	0,973 млн человек
Общий объем реализации товара, количество отправленных в тур человек в год (с учетом выездного и внутреннего туризма)	44,7 млн человек
Коэффициент концентрации, %	2,17 %

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что рынок туристических агентств России относится к низкоконцентрированным рынкам.

При этом оценка общей ситуации по стране не дает полной картины о реальном состоянии конкурентной среды на рынке турагентского бизнеса. Ситуация в Москве существенно отличается от ситуации в отдельных регионах. В рамках данного исследования изучался рынок независимых турагентских сетей. При этом крупнейшие туроператоры, такие как «Пегас туристик», Coral travel (Blue sky), Vko (TUI), «Интурист», «TEZ тур», также активно развивают по системе франчайзинга собственные сети розничных продаж (уполномоченных агентств) и ведут жесткую борьбу за получение лидирующего положения в региональных центрах, а в ряде из них являются монополией. Кроме того, несмотря на низкую долю занимаемого рынка, крупнейшие независимые турагентские сети могут иметь влияние на других участников турагентского бизнеса. Так, например, в 2009 г. после разрыва партнерских отношений с «Мостревел» общий объем продаж туров данного туроператора через сеть «Горячие туры» упал с 15 тыс. туристов в 2009 г. до 4 тыс. туристов в 2011 г.

Этап 6. Предпринимательская деятельность в туризме часто искусственно ограничивается определенными нормами, не способствующими развитию добросовестной конкуренции. Важной особенностью предпринимательской деятельности в туризме является ярко выраженная сезонность, которая непосредственно влияет на финансовые результаты деятельности туристских предприятий. Кроме того, одной из особенностей предпринимательства в туризме является ценовое демпингование, которое приводит к потере прибыли.

В начале 2010 г. Ассоциация туроператоров России (АТОР) выступила с инициативой принятия «Хартии поддержки туристского рынка», в которой предусмотрены меры для обеспечения свободы экономической деятельности турагентов, защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования туристского рынка. Так, в Хартии предусматривается возможность снижения туроператорами комиссионного вознаграждения тем турагентам, которые без согласия туроператоров предоставляют потребителям финансовые льготы в размере, превышающем 50 % стоимости агентского вознаграждения[1].

Можно сказать, что на сегодняшний день барьеры входа на турагентский рынок отсутствуют. Чтобы войти на рынок, достаточно зарегистрировать юридическое лицо. Причем минимальный размер уставного капитала составляет всего 10 тыс. рублей. При этом высока доля агентств, работающих с двойной бухгалтерией, что мешает развитию финансовой прозрачности в отрасли.

[1] URL: http://www.atorus.ru/events/atten/new/3754.html

Отмена лицензирования турагентств вызвала среди них череду банкротств. По статистике, ежемесячно во всех регионах страны происходят десятки разорений турагентств.

В настоящий момент привлечь агентов к ответственности за невыполнение обязательств перед клиентами невозможно, поскольку для продажи путевок не требуются ни лицензия, ни финансовые гарантии. Поэтому Федеральное агентство по туризму подготовило предложения о внесении поправок в закон «Об основах туристской деятельности», которые позволят решить данный вопрос. Одно из предложений авторов – отсутствие госрегулирования рынка туристических агентств – создает серьезные проблемы потребителям туруслуг и подрывает доверие к бизнесу в целом[1].

Таким образом, проведенный анализ позволил определить, что российский рынок неаффилированных туристических агентств является низкоконцентрированным рынком и практически не имеет барьеров для входа на него. В настоящий момент на данном рынке действуют шесть наиболее крупных сетей. Подробное рассмотрение рыночного потенциала каждой компании и сравнительный анализ их конкурентоспособности необходимо проводить в рамках дополнительных исследований.

Список литературы

1. **Кротков, А. М.** Конкурентоспособность предприятия: подходы к обеспечению, критерии, методы оценки / А. М. Кротков, Ю. Я. Еленева // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 6 (26). – С. 59–68.
2. **Миронов, М. Г.** Ваша конкурентоспособность / М. Г. Миронов. – М. : Альфа-Пресс, 2004. – 160 с.

References

1. Krotkov A. M., Eleneva Yu. Ya. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad]. 2001, no. 6 (26), pp. 59–68.
2. Mironov M. G. *Vasha konkurentosposobnost'* [Your competitiveness]. Moscow: Al'fa-Press, 2004, 160 p.

Бурланков Степан Петрович
доктор экономических наук, профессор, кафедра технического сервиса машин, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: spbur1@rambler.ru

Burlankov Stepan Petrovich
Doctor of economic sciences, professor, sub-department of machine technical service, Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya street, Saransk, the Republic of Mordovia, Russia)

Захватова Ирина Валерьевна
аспирант, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68)

E-mail: iriskinz@inbox.ru

Zakhvatova Irina Valer'evna
Postgraduate student, Ogarev Mordovia State University (68 Bolshevistskaya street, Saransk, the Republic of Mordovia, Russia)

[1] URL: http://ratanews.ru/news/news_14092010_2.stm

УДК 08.00.05.1.6.123

Бурланков, С. П.

Оценка конкурентной среды сети туристических агентств «Горячие туры» / С. П. Бурланков, И. В. Захватова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 294–301.

УДК 338.2

В. М. Володин, Г. В. Суровицкая, А. В. Кочергин

ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ПЛАНИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Структурные преобразования в системе высшего образования России, связанные с выделением группы ведущих университетов и реорганизацией ряда вузов, обусловливают необходимость разработки теоретико-методологических основ обеспечения конкурентоспособности университетов в новых условиях. Одной из традиционных и в то же время актуальных проблем в системе высшего образования является проблема неэффективного планирования. Цель работы – проанализировать содержание и эффективность механизмов планирования в отечественных университетах. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе бенчмаркингового анализа результатов деятельности университетов с разным статусом. Особое место в настоящем исследовании занимает корреляционный анализ данных об эффективности планирования деятельности реорганизованных университетов на примере Пензенского государственного университета. Методологический потенциал включает абстрактно-логический и экономико-статический методы, в том числе методы экспертной оценки и бенчмаркингового анализа, которые позволяют идентифицировать подходы к планированию в конкретном университете, сопоставить содержание и эффективность в части развития механизмов управления инновационной деятельностью. *Результаты*. Исследованы особенности процессного и проектного подхода к планированию деятельности университетов, проанализирована эффективность процессов планирования классических университетов Приволжского федерального округа с разным статусом, выявлена существенная взаимосвязь степени совершенства процессов планирования реорганизованных университетов и результатов их инновационной деятельности, рассмотрены пути повышения эффективности проектного планирования. *Выводы*. Изучение особенностей процессного и проектного планирования в университетах позволяет уяснить причины его неэффективности, выявить актуальные аспекты методологии планирования и тенденции ее развития, определить области совершенствования процедур планирования инновационной деятельности, учесть опыт создания проектных офисов в организации виртуального проектного офиса общего пользования.

Ключевые слова: университет, реорганизация, процессное планирование, проектное планирование, система менеджмента качества, программа стратегического развития.

V. M. Volodin, G. V. Surovitskaya, A. V. Kochergin

SUBSTANTIATION OF EFFECTIVE APPROACHES TO PLANNING THE UNIVERSITY ACTIVITIES

Abstract. *Background*. Structural transformations in the system of higher education of Russia, connected with the allocation of a group of leading universities and reorganization of a number of universities, necessitate the development of theoretical and methodological basis for ensuring the competitiveness of universities in the new conditions. One of the traditional and at the same time pressing problems in the system of higher education is the problem of inadequate planning. The purpose of the

work is to analyze the contents and effectiveness of planning mechanisms at Russian universities. *Materials and methods*. Implementation of the research objectives was achieved on the basis of the benchmarking analysis of results of the activity of universities with different status. A special place in the present study is taken by the correlation analysis of data on the effectiveness of activity planning at the reorganized universities by the example of the Penza State University. Methodological potential includes the abstract-logical and economic-statistical methods, including the methods of peer review and benchmarking analysis that allow to identify approaches to planning in a particular University, to compare its content and efficiency in the development of mechanisms of innovative activity management. *Results*. The authors analyzed the peculiarities of the process and the project approaches to the planning of university activities as well as the effectiveness of planning processes at classical universities of the Volga Federal district with different status. There is a considerable correlation between the degree of perfection of planning processes at the reorganized universities and the results of their innovative activities. The authors also examined the ways to improve the effectiveness of project planning. *Conclusions*. The study of the peculiarities of the process and the project planning at universities allows them to realize the reasons for its ineffectiveness, identify relevant aspects of the methodology of planning and development trends, identify areas for improvement in the procedures of innovative activity planning, consider the experience of creation of project offices in the organization of a virtual project office for general use.

Key words: university, reorganization, process planning, project planning, quality management system, program of strategic development.

На современном этапе конкурентоспособность системы высшего образования России зависит от эффективности структурных преобразований, которые связаны как с реорганизацией целого ряда университетов, так и развитием университетов, получивших статус национальных исследовательских университетов. Стали ли они реальными точками роста в системе высшего образования? Смогут ли укрупненные университеты, возникшие в результате поглощения и объединения вузов, составить достойную конкуренцию ведущим университетам страны? Для обоснованного ответа на эти и другие вопросы целесообразно исследовать подходы к планированию деятельности университетов.

Особенности планирования деятельности университетов в рамках процессного и проектного подходов

До сих пор многие университеты демонстрируют устойчивое стремление сохранить традиционную (функциональную) организационную структуру. Это не позволило обеспечить реальное внедрение процессного подхода, поэтому зачастую системы менеджмента качества (СМК) в университетах носят формальный характер. Данное обстоятельство не способствовало изменению мышления как высшего руководства, так и профессорско-преподавательского состава. Безусловным подтверждением использования процессного подхода к управлению является наличие сертифицированной на соответствие требованиям стандарта ИСО 9001 СМК. Стандарты ИСО серии 9000 устанавливают требования по реализации процессного подхода к менеджменту качества. По мнению авторов, развитие процессного планирования в сегменте ка-

чества в университетах связано с внедрением инновационного механизма развития СМК [1].

Потребность перехода к проектному управлению появилась в условиях модернизации экономики и реализации инновационных проектов. При высокой изменчивости внешней среды адекватную реакцию университетов на внешние и внутренние вызовы не могут обеспечить ни функциональный, ни ситуационный, ни процессный подходы к управлению. Это связано в первую очередь с возрастающей востребованностью индивидуальных траекторий обучения и целесообразностью реализации деятельности в формате проектов. Важным подтверждением использования элементов проектного управления, в том числе и планирования, является Программа стратегического развития университета.

Университетам, добившимся статуса национальных исследовательских университетов, удалось перевести стратегию в портфель проектов, о чем свидетельствуют программы стратегического развития данных университетов. Однако управление решением стратегических задач на уровне реализации отдельных проектов недостаточно эффективно. Только семь из 29 национальных исследовательских университетов за два последних года фигурировали в глобальных рейтингах; в 2013 г. лишь 42 % показателей эффективности программ развития этих университетов выполнены полностью[1].

Что касается программ стратегического развития крупных университетов, образовавшихся в последние годы и не получивших особого статуса, то данные программы большей частью находятся в стадии актуализации. Это затрудняет исследование эффективности процессов планирования реорганизованных университетов. Для ее оценки мы использовали процедуры внешнего и внутреннего бенчмаркинга.

Подходы к планированию деятельности университетов Приволжского федерального округа

Особенностью группы классических университетов Приволжского федерального округа состоит в том, что в числе ее 15 университетов:

– один федеральный (Казанский (Приволжский) федеральный университет);

– четыре национальных исследовательских (Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского, Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского, Мордовский национальный исследовательский университет им. Н. П. Огарева, Пермский государственный национальный исследовательский университет);

– один значительно укрупненный в процессе реорганизации (Пензенский государственный университет).

Пензенский государственный университет находится на территории Пензенской области, которая граничит с Республикой Мордовией (на ее территории находится Мордовский национальный исследовательский университет им. Н. П. Огарева), с Саратовской областью (на ее территории находится Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чер-

[1] Поиск. – 2013. – № 41 (1271). – 11 октября.

нышевского), с Тамбовской областью (на ее территории находится Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, реорганизация которого была инициирована, но прекращена под давлением общественного мнения). В табл. 1 приведены свидетельства использования процессного и проектного планирования деятельности ряда названных университетов. Как видно из табл. 1, элементы проектного планирования в большей или меньшей степени используют практически все исследуемые университеты. Процессное планирование имеет место в двух национальных исследовательских университетах.

Таблица 1

Некоторые свидетельства использования конкретных подходов к планированию деятельности университетов

<table>
<tr><th>Университет</th><th>Наличие сертифицированной СМК</th><th>Наличие программы развития</th><th>Осуществление реорганизации</th><th>Наличие программ, прошедших профессионально-общественную аккредитацию</th></tr>
<tr><td>Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского</td><td>Да</td><td rowspan="3">Да</td><td rowspan="3">Не целесообразно</td><td>Нет</td></tr>
<tr><td>Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского</td><td>Нет</td><td rowspan="2">Да</td></tr>
<tr><td>Мордовский национальный исследовательский университет им. Н. П. Огарева</td><td>Да</td></tr>
<tr><td>Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина</td><td>Нет</td><td>Нет</td><td>Нет</td></tr>
<tr><td>Пензенский государственный университет</td><td></td><td>В процессе актуализации</td><td>Да</td><td></td></tr>
</table>

Как показывает рис. 1, результаты деятельности Пензенского государственного университета выше результатов деятельности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Заметно отличаются объемы НИОКР у разных университетов (рис. 2).

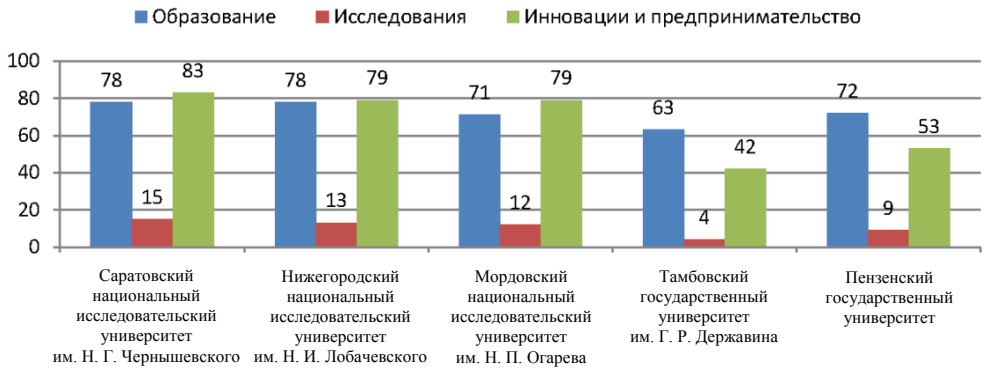

Рис. 1. Значения ряда частных критериев (в процентах от уровня лидера по стране) Национального рейтинга университетов по состоянию на 2012–2013 учебный год[1]

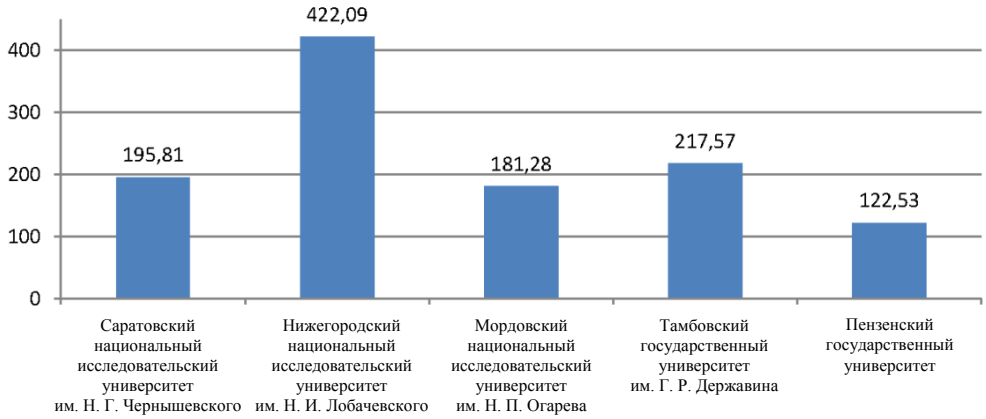

Рис. 2. Объем НИОКР (в тыс. руб.) в расчете на одного научно-педагогического работника, по данным последнего мониторинга эффективности вузов[2]

Сравнительно низкий объем НИОКР Пензенского государственного университета является следствием реогранизации путем присоединения вуза с недостаточно высоким инновационным потенциалом, что обусловливает целесообразность пристального внимания к совершенствованию механизмов управления качеством инновационных проектов [2].

Подходы к планированию деятельности реорганизованных университетов на примере Пензенского государственного университета

В апреле 2012 г. к Пензенскому государственному университету в качестве структурного подразделения присоединен Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. На рис. 3 и 4 представлены некоторые результаты анализа внутреннего рейтинга профессорско-преподавательского состава Пензенского государственного университета по состоянию на декабрь 2012 г.

[1] URL: http://unirating.ru/
[2] URL: http://miccedu.ru/monitoring/

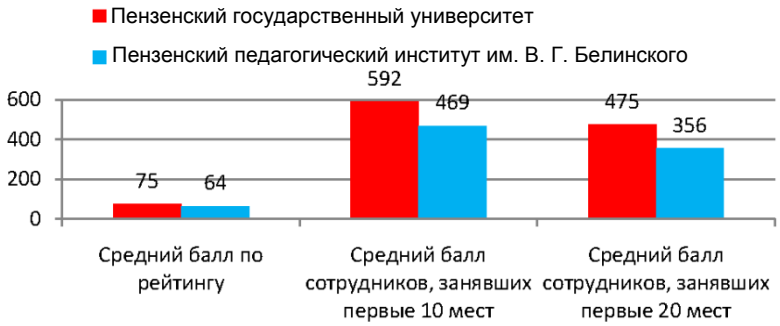

Рис. 3. Результаты анализа внутреннего рейтинга профессорско-преподавательского состава Пензенского государственного университета по состоянию на декабрь 2012 г.

Как видно из рис. 3, балльные оценки преподавателей подразделений присоединенного вуза ниже. Процент преподавателей с низкими баллами выше (рис. 4).

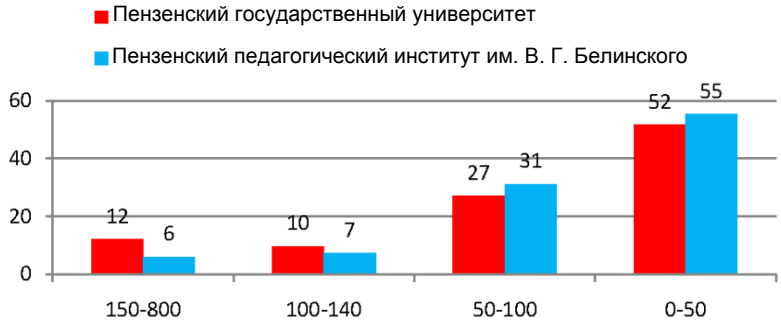

Рис. 4. Процент преподавателей с баллами рейтинга в соответствующих интервалах по состоянию на декабрь 2012 г.

До реорганизации в Пензенском государственном университете предпринимались попытки внедрения процессного планирования (СМК университета была сертифицирована на соответствие ИСО 9001 с 2006 по 2012 г. включительно). В настоящее время все больше используется методология проектного планирования.

На рис. 5 представлена динамика экспертных оценок по ряду критериев самооценки эффективности системы управления Пензенского государственного университета в области менеджмента качества на основе модели совершенствования деятельности [3]. В качестве экспертов привлекались менеджеры университета.

Как видно из рис. 5, эксперты отмечают постоянное совершенствование процессов планирования, в то время как они более критичны в оценке результатов деятельности университета.

Прогнозные оценки развития процессов планирования указывают на их хороший потенциал ($y = 3{,}603x + 44{,}02$). Для оценки достоверности прогнозов использован критерий детерминации R^2 (0,959), статистическая значимость которого доказана с использованием F-теста на качество оценивания.

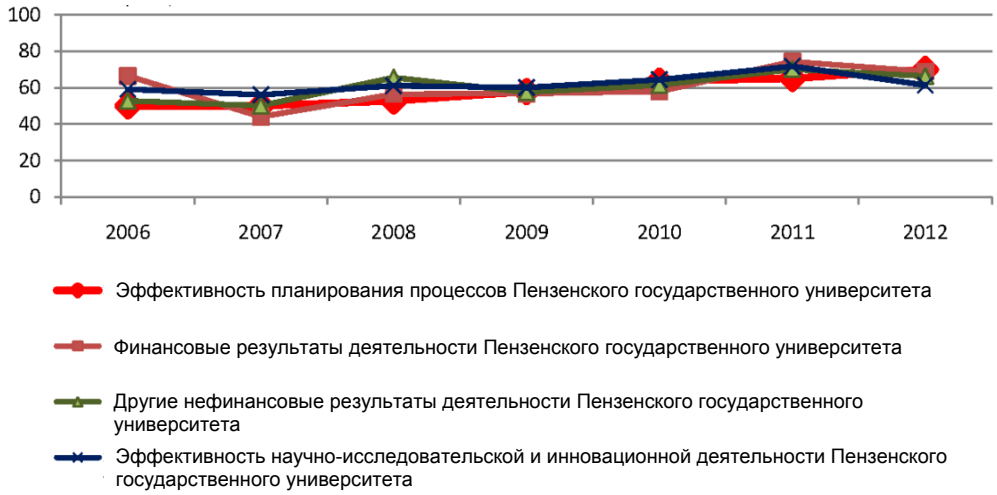

Рис. 5. Динамика значений экспертных оценок
по ряду критериев самооценки, %

В то же время не наблюдается очень сильной взаимосвязи массивов значений критериев, показанных на рис. 5. Так, в ходе анализа установлена корреляция массивов оценок критерия «Эффективность планирования процессов Пензенского государственного университета» и критерия «Финансовые результаты деятельности Пензенского государственного университета» (0,60[1]), критерия «Другие нефинансовые результаты деятельности Пензенского государственного университета» (0,74), критерия «Эффективность научно-исследовательской и инновационной деятельности Пензенского государственного университета» (0,63).

В целях совершенствования планирования инновационных проектов в Пензенском государственном университете разработана и внедрена процедура SWOT-анализа состояния качества инновационных проектов университета [4]. Сотрудники подразделений, отвечающих за управление инновационной деятельностью, считают, что по состоянию на декабрь 2012 г. степень совершенства процессов планирования инновационных проектов Пензенского государственного университета составляет 63 %. Руководители инновационных проектов более критичны. По их мнению, степень совершенства процессов планирования инновационных проектов составляет 53 %. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, руководители инновационных проектов осознают значимость эффективного планирования и процедур проектного управления. Руководители проектов формируют спрос на услуги подразделений, реализующих управление инновационной деятельностью университета. Сотрудники данных подразделений, как показывает табл. 2, не всегда достаточно компетентны для разработки адекватных планов управления проектами вследствие недооценки значимости некоторых процедур планирования.

[1] Здесь и далее значения коэффициентов корреляции даны в интервале от –1 до 1.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между массивами оценок по критерию «Эффективность процессов планирования инновационных проектов Пензенского государственного университета» и ряду других критериев

Название критерия	Коэффициенты корреляции	
	По оценкам сотрудников подразделений, реализующих управление инновационной деятельностью	По оценкам руководителей проектов
Эффективность инновационных проектов университета	0,17	0,62
Объем инновационной продукции университета	0,70	0,32
Степень совершенства процедур маркетингового анализа	0,67	0,88
Степень совершенства процедур технико-экономического анализа	0,44	0,86
Степень совершенства процедур институционального анализа	–0,1	0,86
Степень совершенства процедур финансового анализа	0,79	0,86
Эффективность процедур управления рисками инновационных проектов университета	0,69	0,82
Эффективность процедур мониторинга инновационных проектов университета	–0,11	0,81
Эффективность процедур улучшения инновационных проектов университета	0,35	0,48

Проектный офис

Проектные офисы в ряде университетов созданы в первую очередь для поддержки реализации программ стратегического развития и управления портфелем проектов.

Проведенные исследования показали, что проектный офис создается, как правило, в одной из следующих форм:

а) возложение на менеджеров или преподавателей обязанностей администраторов проектов для выполнения отдельных функций проектного офиса с соответствующим изменением их должностных инструкций;

б) создание в структуре университета подразделения с функциями проектного офиса в результате внутренней реорганизации;

в) привлечение со стороны по договору специалистов на работу в проектный офис (в том числе в формате краудсорсинга);

д) передача по договору соответствующих функций проектного менеджмента организациям, специализирующимся на оказании услуг по управлению проектами (в формате аутсорсинга).

Проектные офисы востребованы и органами исполнительной власти, что позволяет отметить необходимость создания проектных офисов общего пользования для объединения усилий заинтересованных университетов и других организаций. Данные проектные офисы могут носить виртуальный или сетевой характер.

Таким образом, в планировании деятельности как ведущих, так и реорганизованных университетов в настоящее время преобладает проектный подход. Для повышения эффективности проектного планирования в университетах целесообразно создание виртуальных проектных офисов общего пользования на основе сетевых технологий и методологии краудсорсинга.

Список литературы

1. **Володин, В. М.** Концептуальный подход к инновационному управлению функционированием и развитием систем менеджмента качества государственных университетов / В. М. Володин, Г. В. Суровицкая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (18) – С. 145–156.
2. **Суровицкая, Г. В.** Направления совершенствования механизмов управления качеством инновационных проектов университетов / Г. В. Суровицкая, А. В. Кочергин // Креативная экономика. – 2013. – № 3. – С. 36–41.
3. **Суровицкая, Г. В.** Использование результатов самооценки университета при анализе процессов СМК / Г. В. Суровицкая // Менеджмент инноваций. – 2008. – № 2. – С. 148–156.
4. **Суровицкая, Г. В.** Модель SWOT-анализа инновационной деятельности университета / Г. В. Суровицкая, А. В. Кочергин // Стратегическое управление организациями: традиционные и современные методы : сб. науч. тр. Международ. науч.-практ. конф. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – С. 260–262.

References

1. Volodin V. M., Surovitskaya G. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 2 (18), pp. 145–156.
2. Surovitskaya G. V., Kochergin A. V. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. 2013, no. 3, pp. 36–41.
3. Surovitskaya G. V. *Menedzhment innovatsiy* [Management of innovations]. 2008, no. 2, pp. 148–156.
4. Surovitskaya G. V., Kochergin A. V. *Strategicheskoe upravlenie organizatsiyami: traditsionnye i sovremennye metody: sb. nauch. tr. Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* [Strategic management of organizations: conventional and modern methods: proceedings of the International scientific and practical conference]. Saint Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2013, pp. 260–262.

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor, dean of the Faculty of economics and administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Суровицкая Галина Владимировна
доктор экономических наук, доцент, заместитель начальника Управления качества, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gvs_kachestvo@inbox.ru

Surovitskaya Galina Vladimirovna
Doctor of economic sciences, associate professor, deputy head of the Quality management department, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Кочергин Александр Валерьевич
аспирант, Российский государственный университет инновационных технологий и предпринимательства
(Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 9)

Kochergin Aleksandr Valer'evich
Postgraduate student, Russian State University of Innovative Technologies and Entrepreneurship
(9 Novaya Basmannaya street, Moscow, Russia)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

УДК 338.2
Володин, В. М.
Обоснование эффективных подходов к планированию деятельности университетов / В. М. Володин, Г. В. Суровицкая, А. В. Кочергин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 302–311.

УДК 330.322 (075.8)

О. Б. Белоусов, Н. В. Артемьев, Ю. О. Прудникова, Е. О. Белоусова

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ИННОВАЦИОННЫХ СЛОЖНЫХ ОБОРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-УПРАВЛЯЮЩИХ СИСТЕМ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Поскольку процесс создания и применения оборонных информационно-управляющих систем (ИУС) характеризуется привлечением значительных ресурсов в течение длительного периода времени, необходимо предусмотреть оценку его экономической эффективности. Одной из традиционных и в то же время актуальных проблем в системе оценки экономической эффективности этого процесса является проблема обоснования аппарата оценки эффективности инвестиционных проектов (ИП) для выбора оборонных ИУС, выявления его пригодности для решения задачи оценки инновационных сложных оборонных ИУС. Цель работы – проанализировать возможные методы оценки. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных методов оценки инвестиционных проектов инновационных сложных оборонных ИУС, с помощью которых происходит их обоснование, выбор, а затем развитие. Особое место в рамках настоящего исследования имеют авиационные комплексы радиолокационного дозора и наведения, боевые авиационные комплексы. Методологический потенциал включает методы сравнительно-экономического, ретроспективного и прогнозного анализа, которые позволяют выявить основные преимущества и недостатки возможных методов, проранжировать на основе сопоставления их содержания и значения для решения задач оценки инвестиционных проектов. *Результаты*. Исследованы статические и динамические методы оценки инвестиционных проектов. По степени использования методов оценки ИП данные методы могут быть проранжированы следующим образом: наиболее употребительным является метод внутренней нормы доходности (*IRR*), далее – метод чистой приведенной стоимости (*NPV*), срок окупаемости ИП (*PP*) и метод расчета индекса рентабельности инвестиций (*PI*). Если ранжировать критерии, которые используются в качестве второго (вспомогательного) критерия, то последовательность такова: срок окупаемости ИП (*PP*), чистая приведенная стоимость ИП (*NPV*), индекс рентабельности инвестиций (*PI*), внутренняя норма доходности (*IRR*). *Выводы*. Анализ наиболее распространенных методов оценки эффективности инвестиционных проектов инновационных сложных оборонных ИУС показал, что для выбора наиболее оптимального проекта аналитику необходимо определить для себя приоритетные критерии, которые позволят выбрать метод оценки. Показано, что необходимость учета экономических факторов как при ведении войн, так и при разработке новых видов боевой техники, в том числе и при создании авиационных комплексов радиолокационного дозора и наведения (АК РЛДН) нового поколения, обусловлена желанием снизить все виды затрат на ведение боевых действий. Экономичность АК РЛДН – совокупность материальных, финансовых, временных и людских затрат на разработку, испытание, эксплуатацию, модернизацию и боевую работу. В отношении боевого авиационного комплекса (БАК) сделан вывод, что использование существующих методик оценки эффективности инвестиционных проектов, применяемых показателей и критериев для прямого их использования для выбора БАК в полной мере некорректно. Так как применение БАК по целевому назначению не предполагает получение дохо-

дов, представленных в стоимостном выражении, то для выбора БАК целесообразно использовать подходы, применяемые при расчете эффективности инвестиций в проекты, по которым не проводится стоимостная оценка результата.

Ключевые слова: информационно-управляющие системы, инвестиционный проект, оценка эффективности, авиационный комплекс, экономические факторы.

O. B. Belousov, N. V. Artem'ev, Yu. O. Prudnikova, E. O. Belousova

ANALYSIS OF ASSESSMENT METHODS FOR INVESTMENT PROJECTS OF INNOVATIVE COMPLEX DEFENCE INFORMATION CONTROLLING SYSTEMS

Abstract. *Background*. It is necessary to foresee the estimation of the economic efficiency of the process of creation and application of defense information controlling systems due to the fact that it is resources-consuming and takes a long period of time. One of the traditional and at the same time important problems in the system of economic efficiency estimation is the problem of justification of the efficiency tools estimation of investment projects for the choice of defense information controlling systems as well as determining its applicability for the solution of the evaluation of innovated complex defense information controlling systems. The goal of this paper is to analyze the possible evaluation methods. *Materials and methods*. The research objectives were achieved on the basis of the analysis of the main evaluation methods of investment projects of innovative complex defense information controlling systems by means of which the justification, the choice and their further development takes place. Within the framework of the current research special attention is paid to aviation systems of radiolocation watch and aiming and military aviation systems. The methods potential includes the ways of economic-comparative, retrospective and forecasting analysis. They allow finding out the main advantages and disadvantages of possible methods, arranging them on the basis of comparative analysis of their content and importance for solving the objective of investment projects evaluation. *Results*. The authors researched the static and dynamic methods of investment projects evaluation. According to the frequency of their use these evaluation methods may be ranged as follows: the most applied is the method of Internal Rate of Return (*IRR*), followed by Net Present Value method (*NPV*), Profit Period (*PP*) and investment Profit Index (*PI*). If we range the criteria which are used as a second (additional) criterion, the sequence is the following: Profit Period (*PP*), Net Present Value (*NPV*), investment Profit Index (*PI*) and finally Internal Rate of Return (*IRR*). *Conclusions*. The analysis of the most widely spread evaluation methods of investment projects of innovative complex defense information controlling systems showed that an analyst needs to define the priority criteria which allow applying an appropriate evaluation method for choosing the most optimal project. The desire of cutting costs for all warfare actions is driving the necessity of taking into consideration the economic factors both in the course of war and in the process of development of new types of arms and armaments including the development of innovative aviation systems of radiolocation watch and aiming. The efficiency of aviation systems of radiolocation watch and aiming is the complex of material, financial, time and human resources for development, testing, use, modernization and military actions. The conclusion for the military aviation complex is that the use of existing evaluation methods of efficiency of investment projects, applied indices and criteria is not in full correct for their direct application for choosing a military aviation complex. Due to the fact that the use of military aviation complex is not aimed

at income generation, it is reasonable for the choice of military aviation complex to apply the methods used for assessing the efficiency of investment into projects which do not require quantitative evaluation of financial results.

Key words: information controlling systems, investment project, effectiveness assessment, aviation complex, economic factors.

На современном этапе развития российской действительности перед вооруженными силами стоят новые, все более сложные задачи реформирования не только военного, но и экономического характера. Оборонные расходы государства предполагают колоссальное бюджетное обеспечение. Важнейшее значение имеют строго целевое, тщательно выверенное, адресное расходование запланированного финансирования, недопущение его «распыления».

Бюджетное финансирование оборонных расходов государства предусматривает планирование инновационного строительства ВС РФ. Это обусловливает необходимость поиска новых направлений развития вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) с опорой на научно обоснованные методы оценки эффективности их создания и применения [1].

Для прогнозирования затрат на НИОКР, серийное производство и эксплуатацию оборонных информационно-управляющих систем (ИУС) в течение длительного времени использовалось моделирование затрат на основе статистических данных о фактических затратах на соответствующих стадиях жизненного цикла (ЖЦ) ВВСТ, создававшихся в предыдущее время. Однако создаваемые перспективные инновационные сложные оборонные ИУС требуют принципиально иного экономического обеспечения. К таким ИУС относятся, в частности, авиационные и космические системы дистанционного зондирования Земли и атмосферы [2, 3], системы и средства ракетно-космической обороны [4, 5].

Разработка оборонных ИУС происходит длительное время, иногда 10–15 лет. В течение всего этого периода требуется значительное экономическое обеспечение. Это позволяет рассматривать данный процесс как специфический инвестиционный проект. Соответственно, для оценки и последующего выбора оборонных ИУС целесообразно использовать аппарат оценки эффективности инвестиционных проектов (ИП), включающий статические и динамические методы. Рассмотрим их кратко [6, 7].

Эффективность ИП характеризуется системой экономических показателей, отражающих соотношение связанных с проектом затрат и результатов и позволяющих судить об экономической привлекательности проекта для его участников, об экономических преимуществах одних ИП над другими. Показатели эффективности ИП классифицируются по следующим признакам:

– по виду экономических субъектов, участвующих в проекте;

– по виду обобщающего показателя, выступающего в качестве критерия экономической эффективности проекта (абсолютные, относительные, временные);

– по методу сопоставления разновременных денежных затрат и результатов (статические и динамические).

Приведенные в табл. 1 показатели и методы используются для оценки экономической эффективности ИП, причем каждый из них может оценить экономические интересы любого субъекта, участвующего в проекте.

Таблица 1

Показатели	Статические	Динамические
Абсолютные	Суммарный доход (прибыль) Среднегодовой доход (прибыль)	Чистый дисконтированный доход (*NPV*) Годовой эквивалент (аннуитет)
Относительные	Рентабельность инвестиций (*ROI*) Расчетная норма прибыли (*ARR*)	Индекс доходности (*PI*) Внутренняя рентабельность инвестиций (*IRR*)

Статические методы оценки экономической эффективности относятся к простым методам, которые используются главным образом для быстрой и приближенной оценки экономической привлекательности проектов. Они могут быть рекомендованы для применения на ранних стадиях экспертизы ИП, а также для проектов, имеющих относительно короткий инвестиционный период. К часто используемым в практике экономического анализа показателям оценки экономической эффективности ИП относятся: суммарная (или среднегодовая) прибыль, получаемая при реализации ИП; рентабельность инвестиций (простая норма прибыли); период окупаемости (срок возврата) инвестиций.

Показатели прибыльности проекта характеризуют величину чистой прибыли, которую получают участники проекта в результате его реализации.

Суммарная прибыль определяется как разность совокупных стоимостных результатов и затрат, вызванных реализацией проекта:

$$n = \sum_{t=0}^{m} (\mathrm{P}_t - \mathrm{З}_t), \qquad (1)$$

где P_t – стоимостная оценка результатов, получаемых участником ИП в течение t-го интервала времени; $\mathrm{З}_t$ – совокупные затраты, совершаемые участником ИП в течение t-го интервала времени; m – число интервалов в течение инвестиционного периода, т.е. периода жизненного цикла ИП.

Среднегодовая прибыль является расчетным показателем, определяющим усредненную величину чистой прибыли, получаемой участником проекта в течение года:

$$n_r = \frac{1}{T} \times \sum_{t=0}^{m} (\mathrm{P}_t - \mathrm{З}_t), \qquad (2)$$

где T – продолжительность инвестиционного периода, лет.

Проект можно считать экономически привлекательным, если эти показатели являются положительными, в противном случае ИП является убыточным. Показатели прибыльности могут рассчитываться применительно к различным экономическим субъектам, заинтересованным в участии в ИП. Для каждого из них меняются лишь содержание и значение стоимостных оценок результатов и затрат. Так, для потенциального инвестора экономическими результатами реализации ИП выступают ожидаемые доходы, получаемые им в течение периода реализации проекта. Для кредитора экономическим результатом являются платежи за выданный кредит, инвестируемый в ИП.

Рентабельность инвестиций (ROI – Return on Investments) дает возможность не только установить факт прибыльности ИП, но и оценить степень этой прибыльности. Показатель рентабельности инвестиций (простая норма прибыли) определяется как отношение годовой прибыли к вложенным в проект инвестициям:

$$ROI = \frac{\text{П}}{I}, \tag{3}$$

где П – прибыль от реализации ИП; I – начальные инвестиции в ИП.

Период окупаемости инвестиций определяет промежуток времени от момента начала инвестирования проекта до момента, когда чистый доход от реализации проекта полностью окупает начальные вложения в проект. Проект является более привлекательным при меньшем периоде его окупаемости и быстром возвращении инвестору начальных вложений.

Для проектов, характеризующихся постоянным по величине и равномерно поступающим чистым доходом $\text{П}_\text{о}$ и единовременными капитальными вложениями в проект I, период окупаемости $\text{Т}_\text{ок}$ определяется по формуле

$$\text{Т}_\text{ок} = \frac{I}{\text{П}_\text{о}} = \frac{1}{ROI}. \tag{4}$$

Динамические методы экономической оценки ИП основаны на том, что в расчетах используются дисконтированные значения денежных потоков.

Дисконтирование – это метод приведения к одному моменту времени разновременных денежных поступлений и выплат, генерируемых рассматриваемым проектом в течение расчетного периода. Использование дисконтирования дает возможность привести разновременные затраты и результаты, осуществляемые и получаемые в ходе реализации проекта, к сопоставимому виду. Необходимость такого приведения основана на том, что ценность эквивалентных денежных средств, получаемых в различные моменты времени, неодинакова. При проведении оценки ИП необходимо учесть инфляцию и риски.

Метод чистой приведенной стоимости (*NPV – Net Present Value*) основан на сопоставлении величины исходной инвестиции с общей суммой дисконтированных чистых денежных поступлений, генерируемых ею в течение прогнозируемого срока. Допустим, делается прогноз, что инвестиция будет генерировать в течение n лет определенные годовые доходы в размере CF_i. Общая накопленная величина дисконтированного чистого приведенного дохода (*NPV*) рассчитывается по формуле

$$NPV = -\sum_{i=1}^{i=t_r} I_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i} + \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i}, \tag{5}$$

где I_i – инвестиции в разные периоды реализации проекта; CF – денежные потоки в разные периоды реализации проекта; t_r – продолжительность расчетного периода; t_e – период начала эксплуатации объекта; i – шаг расчета.

Если капитальные затраты производятся в начале реализации проекта (в нулевой год), то *NPV* рассчитывается следующим образом:

$$NPV = \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i} - I_0. \quad (6)$$

Очевидно, что если:

– $NPV > 0$, то проект следует принять;

– $NPV < 0$, то проект следует отвергнуть;

– $NPV = 0$, то проект ни прибыльный, ни убыточный.

Показатель *NPV* отражает прогнозную оценку изменения экономического потенциала предприятия в случае принятия рассматриваемого проекта. Этот показатель аддитивен во временном аспекте, т.е. *NPV* различных проектов можно суммировать. Это очень важное свойство, выделяющее этот критерий из всех остальных и позволяющее использовать его в качестве основного при анализе оптимальности инвестиционного портфеля.

Метод расчета индекса рентабельности инвестиций (*PI – Profitability Index*) является следствием метода чистой «настоящей» стоимости. Индекс рентабельности (*PI*) рассчитывается на основании тех же потоков, что используются для расчета *NPV*, только в данном случае используется не разница доходов и затрат от реализации проекта, а их соотношение: доходы, деленные на затраты:

$$PI = \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i} / \sum_{i=1}^{i=t_r} I_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i}, \quad (7)$$

$$PI = \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i} / I_0. \quad (8)$$

Очевидно, что если:

– $PI > 1$, то проект следует принять;

– $PI < 1$, то проект следует отвергнуть;

– $PI = 1$, то проект ни прибыльный, ни убыточный.

Этот критерий наиболее предпочтителен, когда необходимо упорядочить независимые проекты для создания оптимального портфеля в случае ограниченности сверху общего объема инвестиций. Индекс рентабельности является относительным показателем. Благодаря этому он очень удобен при выборе одного проекта из ряда альтернативных, имеющих примерно одинаковые значения *NPV* либо при комплектовании портфеля инвестиций с максимальным суммарным значением *NPV*.

Метод внутренней нормы доходности (*IRR – Internal Rateof Return*). *IRR* – это такая ставка дисконта, при которой значение чистого приведенного дохода равно нулю:

$$0 = -\sum_{i=1}^{i=t_r} I_i \cdot \frac{1}{(1+R)^i} + \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+IRR)^i}, \quad (9)$$

$$0 = \sum_{i=t_e}^{i=t_r} CF_i \cdot \frac{1}{(1+IRR)^i} - I_0. \qquad (10)$$

Метод дисконтированного срока окупаемости (*DPP – Discounted Playback Period*) предполагает временную упорядоченность денежных поступлений. Алгоритм расчета *DPP* представляет собой прямой подсчет числа лет, в течение которых сумма инвестиционных средств, направленных на реализацию ИП (при разновременности вложений приведенная к текущей стоимости), будет погашена кумулятивным денежным потоком. Данным методом рассчитывается шаг реализации ИП, на котором суммарные дисконтированные доходы превысят дисконтированные единовременные вложения:

$$-\sum_{m=1}^{T_Д} K(m)\cdot\alpha(m) + \sum_{m=1}^{T_Д} Д(m)\cdot\alpha(m) \geq 0, \qquad (11)$$

где $T_Д$ – дисконтированный срок окупаемости ИП, годы; m – шаг реализации ИП; Д(m) – доход по ИП на шаге m, ден. ед.; $K(m)$ – единовременные инвестиции (капитальные вложения) по ИП на шаге m, ден. ед.; $\alpha(m)$ – коэффициент дисконтирования, соответствующий шагу m.

По степени использования критериев оценки ИП инвестиционными аналитиками западных стран данные критерии ранжируются следующим образом: наиболее употребительным является критерий *IRR*, далее – *NPV*, *PP* и *PI*. Если ранжировать критерии, которые используются в качестве второго (вспомогательного) критерия, то последовательность такова: срок окупаемости ИП (*PP*), чистая текущая стоимость ИП (*NPV*), индекс прибыльности инвестиций (*PI*), внутренняя норма доходности (*IRR*). Анализ наиболее распространенных методов оценки эффективности инвестиционных проектов показал, что для выбора наиболее оптимального проекта аналитику необходимо определить для себя приоритетные критерии, которые позволят выбрать метод оценки.

Необходимость учета экономических факторов как при ведении войн, так и при разработке новых видов боевой техники, в том числе и при создании авиационных комплексов радиолокационного дозора и наведения (АК РЛДН) нового поколения, обусловлена желанием снизить все виды затрат на ведение боевых действий [2]. Экономичность АК РЛДН – совокупность материальных, финансовых, временных и людских затрат на разработку, испытание, эксплуатацию, модернизацию и боевую работу. Необходимость учета экономических факторов прежде всего обусловлена:

– существенным удорожанием разработки и эксплуатации самолета-носителя и его бортового оборудования, а также информационных и ударных систем различного базирования, с которыми АК РЛДН приходится взаимодействовать в процессе боевой работы;

– сложностью и высокой затратностью мер по защите АК РЛДН от средств поражения противника;

– высокой стоимостью подготовки летчиков, операторов и обслуживающего персонала как самого АК РЛДН, так и взаимодействующих с ним летательных аппаратов.

Учет этих особенностей предопределяет различные направления модернизации и разработки АК РЛДН нового поколения:

– эволюционный путь создания, основанный прежде всего на качественной модернизации бортового оборудования, обусловливает использование опыта и наработок предыдущих модификаций;

– снижение стоимости жизненного цикла;

– многофункциональность применения;

– использование экономичных боевых режимов;

– повышение боевой живучести;

– снижение потерь самолетов;

– оптимизация траекторий барражирования и обслуживаемых зон ответственности;

– повышение требований к уровню подготовки экипажей и обслуживающего персонала;

– интеграция аппаратуры;

– использование беспилотных боевых самолетов;

– использование АК РЛДН в составе единых сетецентрических информационных систем.

Авиационный комплекс РЛДН представляет собой очень дорогостоящее изделие длительного пользования, за время эксплуатации которого будут появляться новые технологии, новые виды боевой техники и способы ее применения. В связи с этим для снижения стоимости жизненного цикла необходимо разрабатывать архитектуру нового комплекса по открытому принципу, позволяющему наращивать его информационные возможности с учетом новых требований, базируясь на опыте создания, эксплуатации и боевого применения предыдущих поколений.

Экономичность боевого применения АК РЛДН во многом зависит от грамотности экипажа и обслуживающего персонала, начиная от разработки полетного задания и заканчивая спецификой управления АК РЛДН и наводимых самолетов при боевой работе. В связи с этим возникает проблема повышения требований к подготовке экипажа АК РЛДН и всего обслуживающего персонала. Наиболее рациональным приемом решения этой задачи является разработка учебно-тренировочных средств различной степени сложности и назначения, включая тренажеры с максимально возможной имитацией условий боевой работы и эксплуатации.

В повышении экономичности использования АК РЛДН немаловажную роль играет снижение затрат топлива на барражирование и наведение управляемых самолетов. В связи с этим необходимо принимать меры по оптимизации траекторий барражирования и наведения. Для решения последней задачи более целесообразно использовать наведение летательного аппарата в упрежденную точку встречи, обеспечивающее полет практически по прямолинейной траектории, в отличие от методов погони и маневра.

Проблема снижения потерь затрагивает как сам АК РЛДН, так и наводимые самолеты. Защита АК РЛДН является дорогостоящей задачей, поскольку для ее решения выделяется большое количество истребителей прикрытия с соответствующими расходами топлива и средств поражения. Важным фактором снижения потерь своих самолетов является качественное улучшение процедур обнаружения угроз и их устранение. Перспективным направлением повышения безопасности АК РЛДН является использование

беспилотных разведывательных и ударных летательных аппаратов при решении задач с повышенными угрозами.

Для снижения потерь своих самолетов необходимо предусмотреть радикальное повышение скрытности процедур наведения, основанное на более широком использовании пассивных и полуактивных режимов работы АК РЛДН и наводимых летательных аппаратов в рамках многопозиционных систем наведения [8].

Указанные выше основные особенности создания АК РЛДН нового поколения должны быть учтены при проведении его экономической оценки.

В качестве другого примера решения задачи оценки разработки инновационных сложных оборонных информационно-управляющих систем с использованием аппарата инвестиционного анализа укажем боевой авиационный комплекс (БАК). В [9] показано, что прямое использование существующих методик оценки эффективности инвестиционных проектов, применяемых показателей и критериев для выбора БАК в полной мере некорректно. Так как применение БАК по целевому назначению не предполагает получение доходов, представленных в стоимостном выражении, то для выбора БАК целесообразно использовать подходы, применяемые при расчете эффективности инвестиций в проекты, по которым не проводится стоимостная оценка результата.

Список литературы

1. **Белоусов, О. Б.** Планирование развития инновационных сложных радиоэлектронных систем методами инвестиционного анализа : материалы 62-й науч.-техн. конф. МГТУ МИРЭА / О. Б. Белоусов, Ю. О. Прудникова, Е. О. Белоусова. – М., 2013.
2. **Верба, В. С.** Авиационные комплексы радиолокационного дозора и наведения. Состояние и тенденции развития / В. С. Верба. – М. : Радиотехника, 2008. – 432 с.
3. **Верба, В. С.** Радиолокационные системы землеобзора космического базирования / В. С. Верба, Л. Б. Неронский, И. Г. Осипов, В. Э. Турук ; под ред. В. С. Вербы. – М. : Радиотехника, 2010. – 680 с.
4. Щит России: системы противоракетной обороны. – М. : Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. – 504 с.
5. 50 лет в ракетно-космической обороне / под общ. ред. О. Ю. Аксенова. – М. : ТИПОГРАФИЯ КЕМ, 2010 – 800 с.
6. **Балдин, К. В.** Инвестиции в инновации : учеб. пособие / К. В. Балдин, И. И. Передеряев, Р. С. Голов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. – 238 с.
7. Отраслевая экономика : учеб. пособие / под общ. ред. А. Б. Ярлыкапова. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 308 с.
8. **Канащенков, А. И.** Многопозиционные радиолокационные системы воздушного базирования. Возможности и ограничения / А. И. Канащенков, В. И. Меркулов, О. Ф. Самарин // Радиотехника. – 2008. – № 9.
9. **Саламатов, В. Ю.** Выбор боевого авиационного комплекса с использованием аппарата оценки эффективности инвестиционных проектов. Военная наука и оборонная политика / В. Ю. Саламатов, А. А. Полозков, А. В. Гура, В. Ю. Васюкевич. – М., 2005. – С. 53–56.

References

1. Belousov O. B., Prudnikova Yu. O., Belousova E. O. *Planirovanie razvitiya innovatsionnykh slozhnykh radioelektronnykh sistem metodami investitsionnogo analiza: materialy 62-y nauch.-tekhn. konf. MGTU MIREA* [Development planning for innovative

complex radio electronic systems by methods of investment analysis: proceedings of 62nd scientific and technical conference MSTU MIREA]. Moscow, 2013.
2. Verba V. S. *Aviatsionnye kompleksy radiolokatsionnogo dozora i navedeniya. Sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Aviation complex of radiolocation watch and aiming. Condition and development trends]. Moscow: Radiotekhnika, 2008, 432 p.
3. Verba V. S., Neronskiy L. B., Osipov I. G., Turuk V. E. *Radiolokatsionnye sistemy zemleobzora kosmicheskogo bazirovaniya* [Spaced –based radiolocating systems of land observation]. Moscow: Radiotekhnika, 2010, 680 p.
4. *Shchit Rossii: sistemy protivoraketnoy oborony* [Shield of Russia: anti-missile defense systems]. Moscow: Izdatel'stvo MGTU im. N. E. Baumana, 2009, 504 p.
5. *50 let v raketno-kosmicheskoy oborone* [50 years in rocket-space defense]. Ed. by O. Yu. Aksenov. Moscow: TIPOGRAFIYa KEM, 2010, 800 p.
6. Baldin K. V., Perederyaev I. I., Golov R. S. *Investitsii v innovatsii: ucheb. posobie* [Investing in innovations: tutorial]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2009, 238 p.
7. *Otraslevaya ekonomika: ucheb. posobie* [Sectoral economy: tutorial]. Ed. by A. B. Yarlykapov. Moscow: Izd-vo RAGS, 2010, 308 p.
8. Kanashchenkov A. I., Merkulov V. I., Samarin O. F. *Radiotekhnika* [Radio engineering]. 2008, no. 9.
9. Salamatov V. Yu., Polozkov A. A., Gura A. V., Vasyukevich V. Yu. *Vybor boevogo aviatsionnogo kompleksa s ispol'zovaniem apparata otsenki effektivnosti investitsionnykh proektov. Voennaya nauka i oboronnaya politika* [Choosing a battle aviation complexusing the device of investment project effectiveness evaluation. Military science and defense policy]. Moscow, 2005, pp. 53–56.

Белоусов Олег Борисович
доктор технических наук, профессор, заместитель директора научно-образовательного центра «Авиационно-космические радиоэлектронные системы», ФНПЦ ОАО «Концерн радиостроения «Вега»
(Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 34)

E-mail: belousov1166@yandex.ru

Belousov Oleg Borisovich
Doctor of engineering sciences, professor, deputy director of the scientific and educational center “Aerospace radio electronic systems”, radio engineering concern “Vega” Plc.
(34 Kutuzovsky avenue, Moscow, Russia)

Артемьев Николай Валентинович
кандидат экономических наук, доцент, Современная гуманитарная академия
(Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, 32)

E-mail: nikvalart@rambler.ru

Artem'ev Nikolay Valentinovich
Candidate of economic sciences, associate professor, Modern Academy of Humanities
(32 Nizhegorodskaya street, Moscow, Russia)

Прудникова Юлия Олеговна
аспирант, Современная гуманитарная академия
(Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, 32)

E-mail: yy3182@gmail.com

Prudnikova Yuliya Olegovna
Postgraduate student, Modern Academy of Humanities
(32 Nizhegorodskaya street, Moscow, Russia)

Белоусова Екатерина Олеговна
аспирант, Современная гуманитарная академия
(Россия, г. Москва,
ул. Нижегородская, 32)

Belousova Ekaterina Olegovna
Postgraduate student, Modern Academy of Humanities
(32 Nizhegorodskaya street,
Moscow, Russia)

E-mail: ekatbelousova@mail.ru

УДК 330.322 (075.8)
Белоусов, О. Б.

Анализ методов оценки инвестиционных проектов инновационных сложных оборонных информационно-управляющих систем / О. Б. Белоусов, Н. В. Артемьев, Ю. О. Прудникова, Е. О. Белоусова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 312–322.

УДК 338

И. Б. Панфилов

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. *Актуальность и цели*. В настоящее время вопросы обеспечения качественного и конкурентоспособного уровня высшего профессионального образования в России являются актуальными в целях дальнейшего эффективного развития страны. Эффективная стратегия повышения качества образования в высшей школе является основополагающим ключевым элементом государственной политики, выступая при этом в качестве определяющего элемента для формирования человеческого капитала. Исследование формирования стратегии повышения качества образования в высших учебных заведениях является важным направлением анализа прежде всего в целях выработки рекомендаций по обеспечению разработки и внедрения стратегии качества в высшей школе. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных стратегий повышения качества образовательных услуг, выявления основных компетенций, которые важны для успешной разработки стратегии повышения качества образования. Одним из основных методов формирования эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг автором видится интеграция науки и образования. Данный подход способствует эффективному повышению и переходу на совершенно новый качественный уровень системы высшего образования. *Результаты*. Исследовано формирование эффективной стратегии повышения качества образования в высшей школе, проанализированы различные стратегии повышения качества образовательных услуг, предложен подход интеграции науки и образования как один из методов формирования эффективной стратегии повышения качества образования, выявлена взаимосвязь системы «образование – наука – промышленность», которая может быть положена в основу формирования эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг. *Выводы*. Формирование эффективной стратегии повышения качества образования в высшей школе обеспечивает выход российского образования на новый качественный уровень.

Ключевые слова: стратегия, высшее образование, модернизация системы образования.

I. B. Panfilov

DEVELOPING A STRATEGY FOR IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION IN HIGHER SCHOOL

Abstract. *Background*. Currently, the issues of quality and competitive level of higher education in Russia have become relevant for the purpose of further effective development of the country. Effective strategy for improving the quality of higher education is a fundamental key element of public policy, serving at the same time as a defining element of human capital formation. Study of the formation strategy to the higher education quality improvement is an important area of analysis, primarily in order to develop recommendations for the development and implementation of quality strategies in higher education. *Materials and methods*. Realization of research tasks was achieved on the basis of the analysis of the main strategies for improving the quality of educational services, identifying core competencies that are

important for the successful development of strategies of education quality improvement. According to the author one of the main methods of formation of an effective strategy for improving the quality of educational services is the integration of science and education. This approach facilitates the efficient improvement and transition to a completely new level of quality in higher education. *Results*. The author researched the formation of an effective strategy for improving the quality of higher education, analyzed various strategies to improve the quality of educational services, suggested an approach integrating research and education, as a method of forming an effective strategy to improve the quality of education, revealed the relationship of «education-science-industry», which can be the basis for the formation of an effective strategy for improving the quality of educational services. *Conclusions*. Development of an effective strategy of higher education quality improvement provides the transition of Russian education to a new qualitative level.

Key words: strategy, higher education, modernization of the education system.

В настоящее время модернизация стала одним из важнейших ключевых терминов дня. Каждая страна должна занимать в мировой системе место, которое соответствует ее уровню развития и потенциалу, и это в конечном счете и определяет глобальный характер модернизации. Политика модернизации конкретного государства должна исходить из идеологии государственного развития, имеющихся конкурентных преимуществ, а ее содержание должно определяться уровнем и состоянием развития научно-образовательного и реального секторов экономики, человеческого потенциала. Несомненно, каждое государство должно формировать свою индивидуальную траекторию модернизации.

Теория модернизации, возникшая в середине XX в. и восходящая к идеям Маркса и Вебера, занимается вопросами перехода традиционного общества к современному и рассматривает процесс шире, чем только развитие экономики. Модернизация считается комплексным процессом, включающим сдвиги в политической, социальной и культурной сферах.

Формирование нового типа общества стало предпосылкой к осознанию необходимости проведения глобальной модернизации, которая понимается как адаптация к современным идеям, взглядам, потребностям; масштабный процесс перехода от традиционного общества к современному обществу; изменение в соответствии с вызовами современности.

Для достижения цели модернизации страны необходимо решить ряд важных задач, которые заключаются в том, чтобы, во-первых, построить эффективное государство, обеспечивающее работу закона, защищающее права человека, успешно решающее возникающие проблемы. Во-вторых, уйти от примитивного сырьевого хозяйства и сформировать инновационную, конкурентоспособную экономику, которая бы обеспечивала высокий уровень жизни населения. В-третьих, создать такие условия, в которых бы развивалось общество свободных, умных и ответственных людей. В-четвертых, обеспечить эффективное образование, здравоохранение и науку, и, как следствие, сформировать высокое качество человеческого капитала.

В настоящее время высшее профессиональное образование является основной частью государства, выступая при этом в качестве определяющей основы для формирования человеческого капитала. Вхождение в Болонский процесс, процессы глобализации, развитие международных связей, усиление

деловой активности населения и другие процессы и явления современности не дают возможности для отечественной высшей школы быть в стороне, развиваться на старом уровне. Обществу необходимо новое качественное высшее профессиональное образование, которое может и должно привести к расширению возможностей самореализации для граждан, и в первую очередь для молодого поколения.

По нашему мнению, качество высшего профессионального образования – это в первую очередь комплекс характеристик профессионального сознания, которые отражают умение специалиста осуществлять свою профессиональную деятельность в соответствии с требованиями на современном этапе развития экономики, на определенном уровне профессионального успеха, с осознанием ответственности за результаты профессиональной деятельности.

Высшее образование работает на будущее, определяя личностные качества отдельных групп и индивидуумов, их знания, навыки и умения, мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а в итоге – экономический, духовный и нравственный потенциал общества. Сфера высшего профессионального образования находится в постоянном движении, реагируя на изменения внешней среды и адаптируясь к ее изменяющимся потребностям, одновременно активно влияя на состояние этой внешней среды и ее потребности. Такое понимание роли высшего профессионального образования в обществе лежит в основе приоритетной значимости развития образования для развития цивилизации, отдельного государства, общества и каждого человека [1].

В развитых странах образовательные реформы были небезуспешными, если проводились сильной, эффективной государственной властью совместно с обществом. Интересы государства и общества в области высшего профессионального образования не всегда соответствуют отраслевым интересам самой системы образования, поэтому обсуждение и проработка направлений модернизации и развития высшего образования не должны замыкаться в рамках образовательного ведомства и образовательного сообщества.

Активными субъектами образовательной политики должны быть не только все граждане России, государство, его федеральные и региональные институты, но и муниципалитеты, семья, педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты – все те, кто заинтересован в развитии образования.

Модернизация высшего профессионального образования нуждается в серьезной политической, социально-экономической и правовой поддержке со стороны Президента России, Правительства РФ, Федерального собрания, всего российского общества.

Ориентиры и стратегические цели модернизации высшего профессионального образования должны сформироваться и достигаться в процессе постоянной взаимосвязи образовательной системы с полномочными представителями национальной экономики, науки, культуры, общественных организаций, а также непосредственно с родителями и работодателями. Модернизацию высшего образования необходимо проводить с учетом регионального опыта и местных условий развития образования, выстраивая при этом новые образовательные модели [2].

Цель модернизации высшего профессионального образования состоит в создании такого механизма устойчивого развития системы высшего образования, который бы обеспечивал ее соответствия вызовам XXI в., экономическим и социальным потребностям развития страны.

Для достижения указанной цели в первую очередь необходимо решение следующих задач:

1) обеспечение гарантий государства в доступности получения полноценного образования;

2) формирование в системе образования эффективных организационно-экономических и нормативно-правовых инструментов привлечения и использования ресурсов;

3) формирование эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг;

4) повышение социального статуса работников образования с помощью государственного и общественного содействия;

5) развитие открытой государственно-общественной системы образования на основе повышения роли всех участников образовательного процесса – учащегося, преподавателя, родителя, высшего образовательного учреждения.

На наш взгляд, одной из основных задач модернизации высшего профессионального образования является формирование эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг.

Стратегия повышения качества образовательных услуг является комплексным, долгосрочным планом системных действий изучения всех закономерностей, поставленных целей и задач, обеспечивающих эффективность деятельности учреждения, внешних и внутренних факторов. Она включает в себя, с одной стороны, изучение закономерностей развития образования, анализ внешних и внутренних условий, прогнозирование возможных вариантов, распределение задач, разработку методов, организационных форм, которые способствовали бы успешному продвижению к поставленным целям. С другой стороны, стратегия также предполагает и долгосрочные, активные, корректируемые в случае необходимости действия руководства, обеспечивающие тем самым выполнение миссии, достижение целей и поэтапное эффективное решение задач учреждения.

В качестве основных элементов стратегии выступают цель, миссия, приоритеты, ориентиры, этапы.

Для адаптации, развития и в конечном счете выживания в новых условиях высшие школы должны не только постоянно оценивать свое положение на рынке образовательных услуг и следить за его состоянием, но и применять методы прогнозирования развития рынка, прорабатывать альтернативные сценарии своего будущего поведения в зависимости от изменения внешней среды, иными словами, использовать стратегические подходы к регулированию своей производственно-хозяйственной деятельности [3].

Существуют четыре основные стратегии повышения качества образовательных услуг:

1) стратегия дифференциальных преимуществ. Данная стратегия заключается в придании образовательной услуге определенных качеств, трудно поддающихся повторению для конкурентов. К таким качествам следует отне-

сти: высокий уровень предлагаемых образовательных услуг, достигаемых за счет привлечения квалификационного профессорско-преподавательского состава; применение новых информационных и образовательных технологий; создание необходимого методического обеспечения учебного процесса; организацию новых форм технологий обучения (параллельное образование, использование дистанционных технологий). Стратегия дифференциальных преимуществ может быть реализована также при условии предоставления вузом дополнительных услуг, связанных с созданием условий для переподготовки и повышения квалификации специалистов, передачей студентам информации о потенциальных работодателях, организацией встреч с представителями фирм;

2) адаптивная стратегия. Суть данной стратегии заключается в том, что в создании потребительской ценности высшие учебные учреждения должны следовать потребностям своих целевых аудиторий, вовремя реагировать на изменение этих потребностей, создавая новые научные и образовательные направления. Для этого университет проводит постоянный мониторинг рынка, приглашает специалистов в новых областях, мотивирует своих преподавателей вести исследования в определенных областях или разрабатывать новые программы;

3) мотивационная стратегия. Исключительным ресурсом университета являются преподаватели и исследователи. Создание потребительской ценности основано на эффективном использовании их потенциала. Поскольку сфера образования принимает черты бизнеса, существует рынок образовательных услуг и конкуренция между университетами и другими производителями образовательных услуг, создание потребительской ценности возможно путем развития предпринимательского потенциала преподавателей и сотрудников университета;

4) управленческая стратегия. Эта стратегия несет в себе сочетание первых трех стратегий. Наиболее приемлемым и распространенным является сочетание адаптивной стратегии и стратегии дифференциальных преимуществ, которое позволяет высшему учебному учреждению удовлетворять потребности своих целевых аудиторий, развивая их понимание ситуации на рынке, а также позволяет сбалансировать краткосрочные и долгосрочные перспективы [4].

На наш взгляд, все из перечисленных выше стратегий в настоящее время уже изжили себя. Для формирования эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг нами предлагается метод развития интеграции науки и образования. Проблема интеграции образования и науки не нова, так как она акцентирует внимание на пути, по которому идет весь мир [5]. Формирование устойчивых взаимосвязей между научной и образовательной средой прежде всего базируются на проектном функционировании управления. Среди ключевых факторов, тормозящих развитие интеграционного процесса в целом, можно отметить недофинансирование и отсутствие четко проработанной системы целей.

По нашему мнению, данная интеграция способствует: повышению эффективности исследований; повышению эффективности использования бюджетных средств, повышению качества образования и подготовки научно-технических кадров, активизации взаимосвязи с бизнесом и процессов коммер-

циализации результатов прикладных научных исследований; притоку молодежи в сферу исследований.

Создание значимых моделей интеграции науки и образования способствует, как уже было упомянуто выше, эффективному повышению и переходу на значительно новый качественный уровень системы российского образования. К данным моделям можно отнести: развитие интеграционных комплексов на базе университетов; ведение образовательной деятельности академическими институтами; финансирование крупных совместных научных проектов согласно модели «университет – НИИ»; создание центров «коллективного использования» с участием институтов и университетов для решения проблем фундаментальной науки и образовательной деятельности.

Университеты могут использовать различные стратегии повышения качества образовательных услуг и их сочетание. Выбор стратегии зачастую определяется имеющимися у университета ресурсами и его ценностной ориентацией.

Для успешной разработки стратегии повышения качества образования выделим необходимые корпоративные компетенции: моделирование ситуации на основе выявления проблем; выявление необходимых изменений и формулировка целей; выбор оптимальной стратегии изменений; внедрение и реализация выбранной стратегии; корректировка выбранной стратегии в соответствии с происходящими изменениями внутренней и внешней среды деятельности.

Рассмотрим более подробно указанные выше компетенции. Первая, безусловно, предполагает наличие четко сформулированной миссии университета и ясное видение путей ее реализации. Вторая требует умения преобразовать миссию в краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные стратегические цели, постепенное достижение которых и обеспечит учреждению ВПО возможность успешной работы в течение длительного времени. Третья компетенция означает получение ответа на вопрос, как достичь поставленных целей с учетом существующего положения университета и имеющихся ресурсов. Четвертая предполагает воплощение стратегии в жизнь, а пятая подчеркивает необходимость мониторинга влияния всех факторов, чтобы своевременно и оперативно вносить корректировки, неизбежные в условиях неопределенности.

Рассмотренные выше компетенции являются основой развития любого высшего учебного учреждения, но в настоящее время, с учетом высокой скорости происходящих в экономике перемен, быстро меняющегося спроса производственной сферы, производства, непроизводственной сферы в квалифицированных кадрах руководителей и специалистов разных направлений университеты должны искать новые пути функционирования и организации инновационных форм обучения [5]. Представим на рис. 1 взаимосвязь системы «образование – наука – промышленность», которая, по нашему мнению, должна быть положена в основу формирования эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг и направлена на реализацию инновационного развития университета не только в области организации образовательного процесса и научных исследований, но и в сфере глобального сотрудничества с работодателями.

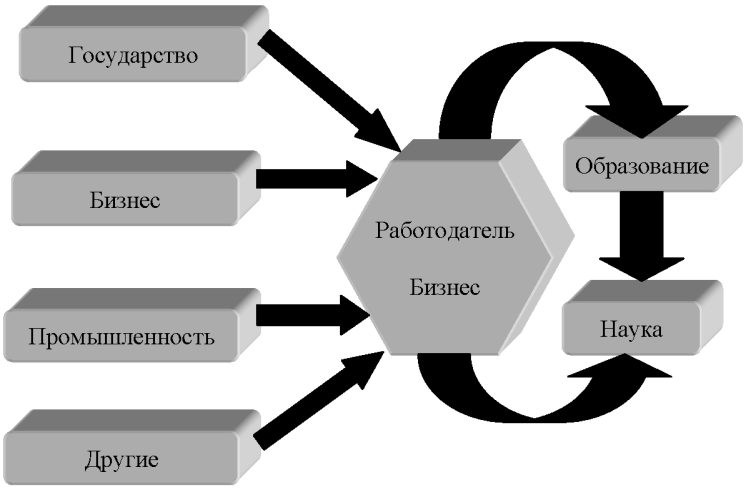

Рис. 1. Взаимосвязь системы «образование – наука – бизнес (различные работодатели)»

На основе вышеизложенного можно говорить о том, что в настоящее время проблема обеспечения нового качественного и конкурентоспособного уровня высшего профессионального образования в России является важной для дальнейшего развития страны. Отечественная система высшего профессионального образования сейчас решает целый ряд принципиальных задач: обеспечить новое качество образования за счет развития личностно ориентированного обучения; обеспечить равный доступ к получению качественного образования для всех социальных слоев населения; сохранить единство образовательного пространства, создавая при этом условия для развития системы вариативного образования. Основной задачей модернизации высшего профессионального образования является формирование эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг. Основная цель в стратегии повышения качества управления университетом заключается в создании системы обеспечения качества высшего профессионального образования при условии поддержания и сохранения его фундаментальности на основе поиска новых подходов к повышению эффективности организации и управления образовательным процессом. Мы считаем, что для формирования эффективной стратегии повышения качества образовательных услуг необходимо использовать метод развития интеграции науки и образования, так как он способствует повышению качества образования и подготовки научно-технических кадров.

Список литературы

1. **Бондаренко, Н. В.** Анализ взаимосвязей системы образования и рынка труда в России за последние 5 лет / Н. В. Бондаренко, М. Д. Красильникова // Стратегии учреждений профессионального образования. Информационный бюллетень. – 2012. – № 4 (58). – С. 40.
2. **Скоблева, Э. И.** Модернизация системы высшего профессионального образования: организационно-экономический аспект : моногр. / Э. И. Скоблева. – Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, Издат. дом «Астраханский университет», 2010. – 280 с.
3. **Железов, Б. В.** Осмысление опыта реформ высшего образования в ЕС / Б. В. Железов // Вестник международных организаций. – 2008. – № 8. – С. 13.

4. **Рахманова, Е. О.** Анализ стратегий повышения качества услуг высших образовательных учреждений / Е. О. Рахманова, Р. Р. Толстяков // Вопросы современной науки и практики. – 2010. – № 1–3 (28). – С. 93.
5. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» : проект / Министерство образования и науки РФ. – URL: минобрнауки.рф/документы/2690/файл/1170/Госпрограмма_Развитие_образования_%28Проект%29.pdf.

References

1. Bondarenko N. V., Krasil'nikova M. D. *Strategii uchrezhdeniy professional'nogo obrazovaniya. Informatsionnyy byulleten'* [Strategies of higher education institutions. Information bulletin]. 2012, no. 4 (58), p. 40.
2. Skobleva E. I. *Modernizatsiya sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya: organizatsionno-ekonomicheskiy aspekt: monogr.* [Modernization of the system of higher professional education: organizational-economic aspect: monograph]. Astrakhan: Astrakhan. gos. un-t, Izdat. dom «Astrakhanskiy universitet», 2010, 280 p.
3. Zhelezov B. V. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [Bulletin of international organizations]. 2008, no. 8, p. 13.
4. Rakhmanova E. O., Tolstyakov R. R. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Problems of modern science and practice]. 2010, no. 1–3 (28), p. 93.
5. *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Razvitie obrazovaniya na 2013–2020 gody»: proekt. Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF* [State program of the Russian Federation “Education development 2013-2020”: project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: minobrnauki.rf/dokumenty/2690/fayl/1170/Gosprogramma_Razvitie_obrazovaniya_%28Proekt%29.pdf.

Панфилов Игорь Борисович
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21)

E-mail: i3775737@gmail.com

Panfilov Igor' Borisovich
Postgraduate student, Saint-Petersburg State Economic University
(21 Sadovaya street, Saint-Petersburg, Russia)

УДК 338

Панфилов, И. Б.

Формирование стратегии повышения качества образования в высшей школе / И. Б. Панфилов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 323–330.

УДК 338.2

В. М. Володин, Г. В. Суровицкая, О. Н. Сафонова

ПРОЦЕССНОЕ И ПРОЕКТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Актуальность и цели*. Модернизация российской экономики обусловливает необходимость внедрения механизмов проектного управления, которые могут сыграть важную роль в обеспечении ее глобальной конкурентоспособности. Современная теория инновационного развития регионов – теория тройной спирали инновационного взаимодействия «университеты – бизнес – государство» – рассматривает проектную деятельность акторов и деятельность по совершенствованию бизнес-процессов как ключевые условия поддержки точек роста и повышения качества жизни в регионах. Для максимального использования возможностей, открывающихся в связи с принятием Федерального закона «О государственном стратегическом планировании», необходимы адекватные подходы к планированию деятельности акторов. Цель работы – проанализировать содержание и эффективность механизмов планирования на уровне ключевых акторов региональных инновационных систем. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе сравнительного анализа особенностей процессного и проектного планирования в органах государственной исполнительной власти, в реальном секторе экономики, в классических университетах. Особое место в настоящем исследовании занимает бенчмаркинговый анализ данных об эффективности планирования деятельности в пилотных регионах, в органах государственной власти которых будет внедрено проектное управление, и находящихся на их территории крупных университетов. Методологический потенциал включает абстрактно-логический и экономико-статический методы, в том числе методы экспертной оценки и бенчмаркингового анализа, которые позволяют идентифицировать подходы к планированию на уровне конкретного актора, сопоставить его содержание и эффективность в части развития механизмов управления деятельностью. *Результаты*. Исследованы механизмы процессного и проектного подходов к планированию деятельности органов государственной исполнительной власти, бизнес-структур, университетов, проанализированы основные элементы процессов планирования, разработан подход к формированию организационно-экономического механизма поддержки проектного управления, доказана необходимость организации эффективных проектных офисов как новых организационных форм проектного управления. *Выводы*. Изучение особенностей процессного и проектного планирования на уровне ключевых акторов региональных инновационных систем позволяет уяснить причины его неэффективности, выявить актуальные аспекты методологии планирования и тенденции ее развития, определить области совершенствования процедур планирования деятельности, обосновать основные функции проектных офисов.

Ключевые слова: тройная спираль инновационного развития «университеты – бизнес – государство», акторы, эффективность, проектное управление, процессный подход.

V. M. Volodin, G. V. Surovitskaya, O. N. Safonova

PROCESS AND PROJECT PLANNING AT THE PRESENT STAGE

Abstract. *Background*. Modernization of the Russian economy determines the necessity of introduction of mechanisms of project management, which can play an important role in ensuring the global competitiveness. The modern theory of innova-

tive development of regions – the triple helix theory of innovative collaboration «universities – business – state» – considers the project activity actors and activities to improve business processes as key conditions to support growth and improve the quality of life in the regions. To maximize the opportunities opening in connection with adoption of the Federal law «On state strategic planning, appropriate approaches to planning the activity of actors». The purpose of the work is to analyze the contents and effectiveness of mechanisms of planning at the level of key actors of the regional innovation systems. *Materials and methods*. Implementation of the research objectives was achieved on the basis of comparative analysis of the peculiarities of process and project planning in the bodies of state Executive power, in the real sector of the economy, in classical universities. A special place in the present study is taken by the benchmarking analysis of data on efficiency of activity planning in the pilot regions in the bodies of state power which are to implement project management, and of the large universities. Methodological potential includes the abstract-logical and economic-statistical methods, including the methods for peer review and benchmarking analysis, which allow identification of approaches to planning at the level of a particular actor, to compare its content and efficiency in the development of mechanisms of activity control. *Results*. The authors investigated the mechanisms of process and project approach for planning the activities of the Executive government bodies, business structures, universities, analyzed the main elements of the planning processes, developed approach to the formation of organizational and economic mechanism of project management support, the necessity of organization of effective project offices as new organizational forms of project management. *Conclusions*. Study of the peculiarities of process and project planning at the level of key actors of the regional innovation systems allows to understand the reasons for its ineffectiveness, identify relevant aspects of the methodology of planning and development trends, identify areas for improvement in the procedures for activity planning, justify the main functions of the project offices.

Key words: triple helix of innovation development «universities – business – state», actors, effectiveness, project management, process approach.

В настоящее время остро стоит проблема обеспечения существенного роста российской экономики, необходимого для успешной реализации майских указов Президента Российской Федерации. Вступление в силу Федерального закона № 143912-6 «О государственном стратегическом планировании» открывает новые возможности для внедрения современных моделей инновационного развития, среди которых следует выделить модель тройной спирали «университеты – бизнес – государство». Эффективное планирование деятельности ключевых акторов национальной инновационной системы – органов государственной исполнительной власти, бизнес-структур, ведущих университетов – должно строиться на современных подходах к управлению, к которым следует отнести процессный и проектный подходы.

Процессное и проектное планирование в органах государственной исполнительной власти

Под планированием в органах государственной исполнительной власти понимается процесс разработки прогнозных, концептуальных, программных и иных плановых документов, привязанных к основным сферам государственной и бюджетной политики (обеспечение качества жизни, реализация экономического роста, обеспечение обороноспособности и безопасности, формирование потенциала развития).

На рис. 1 представлен процесс планирования в органах государственной власти.

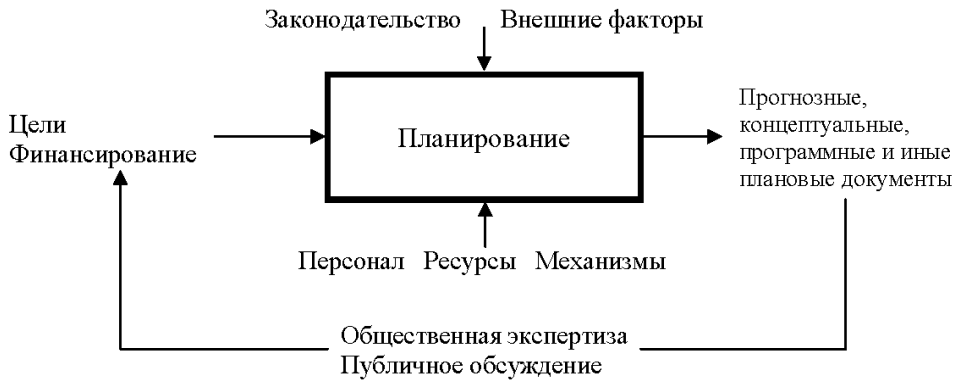

Рис. 1. Процесс планирования в органах исполнительной власти

Процессное планирование операционной деятельности органа исполнительной власти привязано к реализации циклически повторяющегося процесса принятия решения – цикла Деминга (*Plan-Do-Check-Act*, *PDCA*). Периодичность цикла *PDCA* при выполнении основной деятельности зависит от периодичности циклов отчетности и планирования. Периодичность цикла Деминга при осуществлении корректирующих и предупреждающих действий определяется спецификой мероприятий по устранению причин выявленных или потенциальных несоответствий.

Целесообразно отметить, что, несмотря на внедрение элементов процессного планирования, в практике органов исполнительной власти распространен функциональный подход. Однако очевидно, что в условиях модернизации экономики, перехода к инновационному типу развития, реализации инвестиционных и инновационных проектов более эффективным является проектное планирование.

Проектное планирование направлено на реализацию определенных руководством страны национальных целей, которые детализированы в виде стратегических и отраслевых целей. Внедрение элементов проектного планирования выражается в таких формах программно-целевого бюджетного планирования, как национальные проекты и долгосрочные и среднесрочные целевые программы.

Проведенное исследование показало, что на современном этапе отсутствует закрепленная в нормативной правовой базе методология реализации проектного управления в системе государственного управления в части обеспечения взаимообусловленности мероприятий государственных программ и государственных контрактов (рис. 2).

Такое положение дел побуждает федеральные и региональные власти внедрять новые механизмы проектного управления, первую очередь организационно-экономические. Так, в соответствии с приказом Министерства экономического развития Российской Федерации № 304 от 05.06.2013 создан Совет по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов Российской

Федерации. Определены пилотные регионы, в органах государственной власти которых будет внедрено проектное управление: Пермский край и Белгородская, Пензенская и Ярославская области.

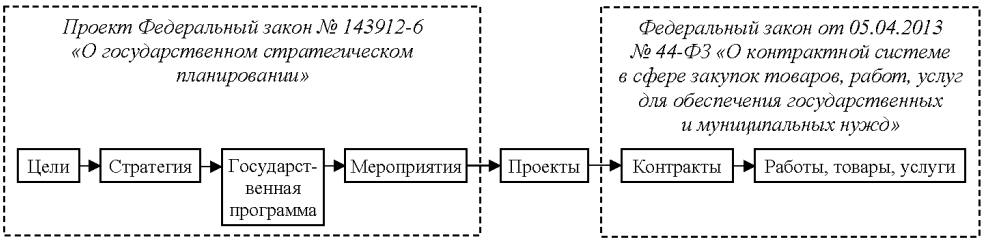

Рис. 2. Нормативная правовая база реализации проектного управления в системе государственного управления

Следует отметить, что в российской практике существуют прецеденты внедрения проектных принципов управления программами, а также создания проектных офисов и дирекций управления проектами и программами соответственно (Красноярск (2005), Белгородская область (2010), Москва (2011), Республика Башкортостан (2011), Астраханская область (2011)).

Наиболее успешным следует признать опыт Белгородской области, где внедрение проектного управления позволило сократить время выполнения работ на 20–50 %[1]. Особенность модели проектного управления в Белгородской области заключается в ее применимости как внутри органов власти, так и по отношению к проектам, реализуемым совместно с бизнес-сообществом. Изменения в системе управления выражаются в создании благоприятной административной среды, повышении качества предоставляемых услуг, снижении инфраструктурных рисков для инвесторов и притоке инвестиций по приоритетным направлениям развития региона.

В других регионах эффективно работающие проектные офисы еще предстоит создать. Причем наблюдается высокая активность в этих процессах Всемирного банка.

Процессное и проектное планирование в реальном секторе экономики

Конкурентоспособность предприятий напрямую зависит от эффективности бизнес-процессов. С позиций процессного подхода оптимизации бизнес-структуры и снижению затрат способствуют идентификация, описание и реинжиниринг бизнес-процессов. С позиций проектного подхода для достижения стратегических целей компании важно выделить портфель проектов и оптимизировать использование ресурсов. Синергия между механизмами проектного и процессного управления в состоянии обеспечить компании управляемость, оперативность в принятии решений, результативность бизнес-процессов.

Проект, в отличие от процесса, нацелен на соответствующий результат – создание уникальных продуктов или услуг в заданные сроки в границах определенного бюджета. Выделим следующие процессы жизненного цикла

[1] URL: http://bujet.ru/article/193742.php

проекта: процесс инициирования (выбор проекта и оценка наличия ресурсов для его выполнения); процесс планирования; процесс исполнения (координация всех ресурсов для выполнения плана проекта); процесс контроля (анализ результативности достижения поставленных целей и при необходимости уточнение и детализация планов вплоть до перепланирования проекта); процесс завершения.

Процесс планирования проекта имеет комплексный, многокритериальный характер. Планирование проекта может включать следующие процедуры[1]: планирование целей и содержания проекта; календарное планирование работ проекта; планирование затрат и финансирования проекта; планирование качества; организационное планирование; планирование коммуникаций; планирование управления рисками; планирование контрактов; разработку сводного плана проекта.

В ходе проекта (и это важная его особенность) реализуется процесс с высокой уникальностью. Уникальность процесса считается высокой, если при каждой его реализации существенны количество и периодичность вносимых в процесс изменений, а также различия между результатами процесса.

Система проектного управления обеспечивает реализацию процессов с высокой уникальностью. Она является стратегической составляющей системы управления, система управления проектами – тактической составляющей. Система процессного управления обеспечивает реализацию повторяющихся процессов с низкой уникальностью (в первую очередь поддерживающих процессов). Формирование корпоративной культуры и механизмов реализации основных бизнес-процессов приводят к появлению управляющих и операционных процессов с низкой уникальностью.

В ходе операционной деятельности предприятия, которая реализуется посредством совокупности бизнес-процессов, достигаются цели стабилизации. Для целей развития необходима работа с изменениями, которая реализуется посредством портфеля проектов (рис. 3).

Рис. 3. Организационная поддержка процессной и проектной деятельности [1]

[1] URL: http://www.pmpractice.ru/knowledgebase/managment/keypoints/process/

Для успешного внедрения проектного управления в компании должны иметь место четыре существенных фактора:

1) проектно-ориентированная организационная структура, управленческая компетенция и профессионализм руководителя проекта;

2) обеспечение технической стороны управления проектами – планирование и оценка затрат, управление и контроль за исполнением проекта, управление рисками, управление качеством, проектная документация и оценка результатов;

3) перестройка бюджетной структуры компании и интеграция моделей проектного бюджетирования в функционально ориентированную бюджетную модель;

4) поддержка и сопровождение внедрения идеологии проектного управления средствами программного и информационного обеспечения [2].

Как отмечено выше, для успешной реализации проекта в первую очередь необходимы соответствующие организационная структура и методологическая база, регламентирующая правила управления проектами.

В настоящее время существует несколько основных видов реализации проектного управления в бизнес-структурах, различающихся по их организационным формам. Это линейно-функциональная, проектная и матричная (компромисс между функциональной и проектной) структуры.

Одной из наиболее действенных форм организационного построения считается матричная структура. В целях управления и координации проектной деятельности в компании необходимо организовывать специальное подразделение – проектный офис, сопровождающий проекты в течение всего жизненного цикла в рамках своих полномочий и ответственности.

Как правило, в рамках матричной структуры персонал проекта имеет двойное подчинение: функциональное (непосредственному функциональному руководителю) и проектное (руководителю проекта). Поэтому во избежание дисбаланса между объемами работ и ресурсами для их выполнения необходимо планирование загрузки работников функциональных подразделений, участвующих в нескольких проектах.

Введение проектного управления автоматически влечет за собой изменения в процессе бюджетирования в компании. Возникает проблема эффективности бюджета как средства координации деятельности всей компании в срезе функциональных подразделений и отдельных проектов. При проектном планировании структура центров, которыми являются не функциональные подразделения, а проекты, ответственность непостоянна и известен планируемый доход. Поэтому необходимо интегрировать бюджетирование по проектам в общую систему бюджетов компании, что обеспечит повышение точности планирования деятельности компании по трем основным параметрам – время, стоимость и качество работы.

Процессное и проектное планирование в университетах

Согласно концепции тройной спирали инновационного развития «университеты – бизнес – государство», механизм ее формирования имеет пороговый характер. Его срабатывание определяется уровнем развития ключевых акторов региональных инновационных систем – ведущих университетов регионов.

До сих пор многие университеты демонстрируют устойчивое стремление сохранить традиционную (функциональную) организационную структу-

ру. Это не позволило обеспечить реальное внедрение процессного подхода, поэтому зачастую системы менеджмента качества (СМК) в университетах носят формальный характер. В то же время подтверждением использования процессного подхода к управлению является наличие сертифицированной на соответствие требованиям стандарта ИСО 9001 СМК. Стандарты ИСО серии 9000 устанавливают требования по реализации процессного подхода к менеджменту качества. По мнению авторов, развитие процессного планирования в сегменте качества в университетах связано с внедрением инновационного механизма развития СМК [3].

При высокой изменчивости внешней среды адекватную реакцию университетов на внешние и внутренние вызовы не могут обеспечить ни функциональный, ни ситуационный, ни процессный подходы к управлению. Это связано, в первую очередь, с возрастающей востребованностью индивидуальных траекторий обучения и целесообразностью реализации деятельности в формате проектов. Важным подтверждением использования элементов проектного управления, в том числе и планирования, является Программа стратегического развития университета.

Университетам, добившимся статуса национальных исследовательских университетов, удалось перевести стратегию в портфель проектов, о чем свидетельствуют программы стратегического развития данных университетов. Однако управление решением стратегических задач на уровне реализации отдельных проектов недостаточно эффективно. Только семь из 29 национальных исследовательских университетов за два последних года фигурировали в глобальных рейтингах; в 2013 г. лишь 42 % показателей эффективности программ развития этих университетов выполнены полностью[1].

Что касается программ стратегического развития крупных университетов, образовавшихся в последние годы и не получивших особого статуса, то данные программы большей частью находятся в стадии актуализации. Это затрудняет исследование эффективности процессов планирования реорганизованных университетов.

Результаты сравнительного анализа ведущих университетов пилотных регионов для внедрения проектного управления приведены в табл. 1.

На рис. 4 представлены некоторые результаты анализа данных Национального рейтинга университетов 2012–2013 гг. Как видно из табл. 1 и рис. 4, пока ни процессный, ни проектный подходы к планированию деятельности в анализируемых университетах не внедрены в объеме, достаточном для обеспечения существенных конкурентных преимуществ.

В этой связи целесообразно создать в ведущих университетах регионов с прямым подчинением ректорам службы развития проектного управления, структура которых приведена на рис. 5.

Таким образом, на современном этапе во всех акторах большинства региональных инновационных систем степень совершенства процедур процессного и проектного планирования не обеспечивает существенных конкурентных преимуществ. Наиболее перспективным для решения данной проблемы является организационно-экономический механизм развития проектного управления в ведущих университетах, являющихся ключевыми региональными акторами.

[1] Поиск. – № 41 (1271) (11 октября 2013 г.).

Таблица 1

Некоторые свидетельства использования конкретных подходов к планированию деятельности университетов

	Пермский национальный исследовательский университет	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова	Пензенский государственный университет
Наличие Программы стратегического развития	Да	Да	На сайте не представлена	В процессе актуализации
Другие свидетельства использования проектного подхода		С 2012 г. переходят на проектное управление, Центр управления проектами		
Наличие серти-фицированной СМК	Нет	Да	Нет	Нет
Другие свидетельства использования процессного подхода		Внедрена система Bisness Studio	Прошел процедуру внешней оценки системы управления качеством вуза на соответствие критериям Модели совершенства Европейского фонда менеджмента качества (EFQM)	
Позиция в Национальном рейтинге университетов 2012–2013 гг.	31–32 из 105	37–40 из 105	41–43 из 105	46–50 из 105
Результаты мониторинга эффективности вузов 2013 г.	Результаты международной деятельности ниже порога	Результаты трудоустройства выпускников ниже порога	Результаты международной деятельности ниже порога	Результаты по всем видам деятельности выше порога

Рис. 4. Некоторые результаты анализа данных Национального рейтинга университетов 2012–2013 гг.

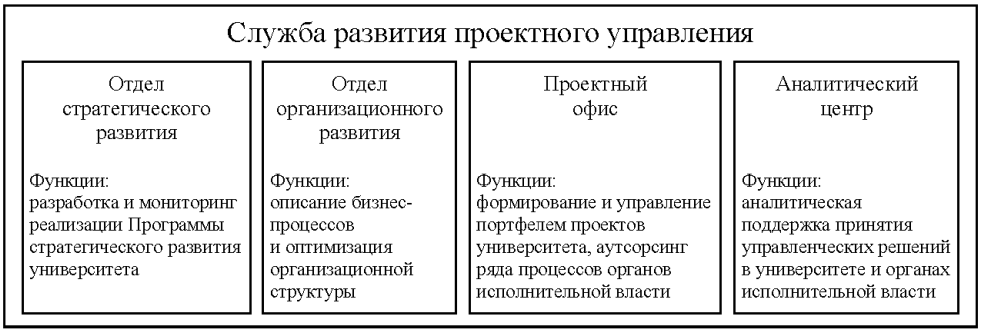

Рис. 5. Предлагаемая структура службы развития проектного управления университета

Список литературы

1. **Ильин, И. В.** Процессное и проектное управление в бизнес-архитектуре предприятия / И. В. Ильин, А. Р. Антипин, А. И. Левина // Процессное управление : материалы науч.-практ. конф. – URL: www.businessarchitecture.pro
2. **Кропачева, М.** Роль принципов и методов проектного управления в развитии отечественного машиностроения / М. Кропачева, А. Герасимов // Рациональное управление предприятием. – 2007. – № 5. – С. 12–15.
3. **Володин, В. М.** Концептуальный подход к инновационному управлению функционированием и развитием систем менеджмента качества государственных университетов / В. М. Володин, Г. В. Суровицкая // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (18). – С. 145–156.

References

1. Il'in I. V., Antipin A. R., Levina A. I. *Protsessnoe upravlenie: materialy nauch.-prakt. konf.* [Process management: proceedings of the scientific and practical conference]. Available at: www.businessarchitecture.pro
2. Kropacheva M., Gerasimov A. *Ratsional'noe upravlenie predpriyatiem* [Entrprise rational management]. 2007, no. 5, pp. 12–15.
3. Volodin V. M., Surovitskaya G. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 2 (18), pp. 145–156.

Володин Виктор Михайлович
доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich
Doctor of economic sciences, professor, dean of the faculty of economics and administration, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Суровицкая Галина Владимировна
доктор экономических наук, доцент, заместитель начальника Управления качества, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gvs_kachestvo@inbox.ru

Surovitskaya Galina Vladimirovna
Doctor of economic sciences, associate professor, deputy head of Quality management department, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Сафонова Олеся Николаевна
кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ieu@pnzgu.ru

Safonova Olesya Nikolaevna
Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of economics and world economy, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 338.2
Володин, В. М.

Процессное и проектное планирование на современном этапе / В. М. Володин, Г. В. Суровицкая, О. Н. Сафонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 331–340.

УДК 33:303.7

Н. В. Свиридова, А. В. Шопырин

АНАЛИЗ МЕТОДИК ПОСТРОЕНИЯ РЕЙТИНГОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АКТИВНОСТИ

Аннотация. *Актуальность и цели*. В международной и российской практике накоплен определенный опыт построения рейтинга инновационных стран мира, инновационного развития регионов и инновационной деятельности и активности компаний. Инновации, приносящие положительный эффект, считаются основой роста (увеличения) доходов компаний и расширения бизнеса. Цель работы – проанализировать известные методики построения рейтингов инновационной деятельности и активности и предложить методику для более точного определения позиций компаний. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных методик построения рейтингов инновационной деятельности и активности. Базой исследования послужили основные понятия и показатели, используемые в построении рейтингов на различных уровнях. *Результаты*. Исследованы основные методики построения рейтинга инновационной деятельности. Выявлены неточности и проблемные места каждой из исследуемых методик, дана точная характеристика применяемых методик и предложены корректировки для более точного построения рейтингов различных объектов исследования. *Выводы*. Основой любого рейтингового аналитического продукта должна быть прозрачная и понятная методика, а сам рейтинг должен вызывать доверие. Проведенное исследование показало, что в настоящее время в России отмечается дефицит аналитической информации о результатах инновационной деятельности и активности крупных, средних и малых организаций как на региональном, так и на федеральном уровнях. В работе российских информационно-аналитических агентств, которые занимаются этими проблемами, в основном используются ограниченная база данных и (или) экспертная оценка.

Ключевые слова: анализ, сравнение, инновационная деятельность, инновационная активность, рейтинг, позиция.

N. V. Sviridova, A. V. Shopyrin

ANALYSIS OF TECHNIQUES OF INNOVATIVE ACTIVITY RATINGS CONSTRUCTION

Abstract. *Background*. In the international and Russian practice there is accaumulated certain experience of construction of ratings of world innovative countries, innovative development of regions and innovative activity of companies. The innovations bringing a positive effect are considered as a basis of growth (increase) of incomes of companies and business expansions. The work is to analyse the known techniques of construction of ratings of innovative activity and to offer a technique for more exact definition of positions of companies. *Materials and methods*. Realization of research problems was achieved on the basis of the analysis of the basic techniques of construction of ratings of innovative activity. The basic concepts and indicators used in construction of ratings at various levels served as the base of research. *Results*. The basic techniques of construction of ratings of innovative activity are investigated. Discrepancies and problem areas of each investigated technique are revealed, the exact characteristic of applied techniques is given and updatings for more exact construction of ratings of various objects of research are offered.

Conclusions. The transparent and clear technique should be a basis of any rating analytical product; rating should be reliable. The conducted research shows that in modern Russia there is the deficiency of the analytical information on results of innovative activity of large, medium and small size organisations both at regional and federal levels. The Russian information-analytical agencies which deal with these problems, basically, use the limited database and-or expert estimation in the course their work.

Key words: analysis, comparison, innovative activity, rating, position.

В современных экономических условиях наибольшую популярность в мировой и российской практике получил рейтинг, в результате его формирования можно выявить место, позицию объекта или явления.

В международной и российской практике накоплен определенный опыт построения рейтинга инновационных стран мира, инновационного развития регионов и инновационной деятельности и активности компаний. Инновации, приносящие положительный эффект, считаются основой роста (увеличения) доходов компаний и расширения бизнеса.

В табл. 1 представлены показатели и аналитические продукты сравнительного рейтингового анализа инновационной деятельности и активности на уровне стран, регионов и организаций.

Таблица 1

Система рейтингов инновационной деятельности и активности

Показатели	Характеристика показателей	Аналитический продукт
1	2	3
Рейтинги инновационной деятельности и активности (*позиции стран*)		
Глобальный инновационный индекс	Обобщенный показатель для измерения уровня инноваций в стране	1. Рейтинг 20 крупнейших стран (по уровню ВВП). 2. Рейтинг небольших и крупных стран (по уровню ВВП). Рейтинги совместно публикуют *ВОИС* (*Корнельский университет, школа бизнеса INSEAD*)
Семь факторов инновационного развития, относящихся к научной, образовательной и технологической сферам: интенсивность НИОКР, производительность, доля высокотехнологичных производств, концентрация исследователей, производственные возможности, качество высшего образования, патентная активность	Страны ранжируются по каждому фактору, и в соответствии с их местом им присваиваются баллы. Позиция в итоговом рейтинге определяется как взвешенное среднее из баллов, набранных по отдельным факторам	Рейтинг инновационных стран мира (международное агентство *Bloomberg Rankings*)
Рейтинги инновационного развития регионов		
Три блока показателей: факторы инновационного развития, деятельность фирм и результаты инновационной деятельности	В методике применяется 16 показателей-индикаторов (количественные и относительные)	Рейтинги групп регионов Европейского союза со сходным уровнем инновационного развития

Окончание табл. 1

1	2	3
Индекс инновационного развития регионов (ИИРР) России (включает три блока факторов: потенциал в создании инноваций, потенциал в коммерциализации инноваций, результативность инновационной политики)		
Рейтинги инновационной деятельности и активности (*позиции компаний*)		
Годовой рост продаж и совокупный доход за пятилетие, показатель «инновационная премия»	Показатель «инновационная премия» характеризует, насколько текущая оценка стоимости компании превышает цену, отражающую нынешний бизнес компании	Рейтинг 100 самых инновационных компаний мира (американский журнал *Forbes*)
Результаты деятельности компаний в сфере инноваций за 2013 г. по десятибалльной системе	Интернет-голосование среди экспертов рынка, на основании которого была сформирована итоговая таблица рейтинга	Топ – 50 инновационных компаний России (Институт социально-экономической модернизации (ИСЭМ))

Проведенное исследование показало, что в настоящее время в России отмечается дефицит аналитической информации о результатах инновационной деятельности и активности крупных, средних и малых организаций как на региональном, так и на федеральном уровнях. В работе российских информационно-аналитических агентств, которые занимаются этими проблемами, в основном используются ограниченная база данных и (или) экспертная оценка.

В приведенных рейтингах применяются общеизвестные методы сравнительной комплексной оценки, но необходимо знать их ограничения для построения рейтинга инновационной деятельности и активности, которые влияют на определение позиции стран, регионов и компаний.

В теории экономического анализа, в частности, для построения рейтингов предлагаются следующие экономико-математические методы, применимые для комплексной оценки инновационной деятельности и активности организаций, регионов, стран: метод сумм, метод суммы мест, метод расстояний, метод суммы баллов.

Методом сумм может быть получен интегральный показатель комплексной оценки. Применение метода заключается в суммировании фактических значений показателей или их соотношения с планом, с предыдущими периодами (оценка динамики), с эталонными значениями показателей по группе производственных объектов. В результате по итоговому значению показателя определяется, например, место организации.

Серьезными недостатками данного метода в целях его использования в сравнительном анализе инновационной деятельности и активности являются:

1) некорректное сложение различных по экономическому содержанию показателей или их соотношений (фактического к базисному, фактического к плановому, или эталонному, значению анализируемых показателей) и, соответственно, определение неточного места по итоговым суммам;

2) применение эталонных значений в случае, если они являются лучшими в выбранной совокупности, но не соответствуют требованиям, предъявляемым в теории и практике к данным показателям. Это приводит к тому, что организации с низким уровнем инновационной деятельности и активности могут иметь высокое место в рейтинге. Аналогичные результаты дает и сравнение с плановыми и базисными показателями;

3) нет ограничения по числу используемых показателей;

4) не учитываются различия в масштабах инновационной деятельности и активности организаций, что обусловливает значительные погрешности в их ранжировании.

В качестве основных составляющих рейтинга необходимо использовать минимальное число наиболее важных показателей, по которым можно определить итоговое интегральное значение показателя, количественно характеризующее реальную инновационную активность или эффективность результатов инновационной деятельности организаций различных сфер экономики. С учетом этого интегральный показатель будет иметь решающее значение при принятии управленческих решений заинтересованными пользователями информации.

Метод суммы мест является более точным и самым распространенным методом детерминированной комплексной оценки. Он заключается в предварительном ранжировании анализируемых организаций или их структурных подразделений по отдельным показателям. Каждому показателю соответствует новый параметр, определяющий его место среди других. Далее составляется таблица баллов в виде матрицы, а на ее основе рассчитывается конкретное значение обобщающей оценки. Однако метод суммы мест имеет те же недостатки (со второго по четвертый), что и метод сумм.

Метод расстояний состоит в том, что учитывается близость объектов по сравниваемым показателям к объекту-эталону. За эталон может быть принят условный объект с максимальными значениями по всем показателям. В некоторых случаях типичным объектом считается такой, значения показателей которого равны средним арифметическим уровням показателей в изучаемой совокупности. Иногда в качестве эталона используют 100 %-е выполнение плана по всем показателям. Расчет комплексной оценки проводится по формуле евклидового расстояния от точки эталона до конкретных значений показателей оцениваемых объектов. Итоговое значение показателя упорядочивается по возрастанию, что обеспечивает комплексное ранжирование объектов исследования. При этом близкий к точке эталона объект получает наивысшую оценку (первое место). Для того чтобы отдельным показателям придать тот или иной вес, используются коэффициенты сравнительной значимости, существенно отличающиеся друг от друга. Однако и этому методу присущи недостатки, аналогичные недостаткам метода сумм.

Можно согласиться с точкой зрения А. М. Баканова и А. Д. Шеремета, которые считают существенным недостатком метода сумм для комплексной оценки следующее: высокая оценка результатов по интегральному показателю может быть получена при значительном отставании по какому-либо частному показателю, которое покрывается за счет высоких достижений по другим частным показателям [1].

Учитывая изложенное выше, можно утверждать, что методы детерминированной комплексной оценки могут использоваться лишь ограниченно при определении позиции на основании построенного рейтинга анализируемых организаций, регионов, стран по инновационной деятельности и активности.

М. И. Баканов и А. Д. Шеремет для получения обобщающих комплексных оценок рекомендуют применять различные методы сведения ряда показателей в единый интегральный показатель [1]. По их мнению, данные методы дают возможность «определить отличие достигнутого состояния от базы сравнения в целом по группе выбранных показателей и, хотя оно не дает возможности измерить степень отличия, позволяют сделать однозначный вывод об улучшении (ухудшении) результатов работы за анализируемый промежуток времени» [1]. Вместе с тем они указывают, что интегральный показатель предполагает исследование системы показателей, а выводы, полученные только на его базе, носят лишь ориентировочный характер, играют вспомогательную (хотя и важную) роль определения характера изменений (отличий) в результатах хозяйственной деятельности в целом по всем показателям.

Следует признать, что данное мнение несколько эклектично. С одной стороны, эти авторы полагают, что посредством определения интегрального показателя, основанного на системе показателей, можно сделать однозначный вывод о произошедших изменениях, а с другой стороны, утверждают, что данный вывод может рассматриваться лишь как ориентировочный.

Следовательно, при разработке методик сравнительного анализа инновационной деятельности и активности организаций, регионов, стран необходимо решить принципиальный вопрос о значимой роли интегрального показателя для построения рейтинга.

Метод суммы баллов также широко используется при построении рейтинга. При формировании балльных оценок показателей задаются непрерывные и дискретные шкалы, которые характеризуют минимальное и максимальное количество баллов. Верхняя и нижняя границы шкалы могут иметь как положительное значение для показателей-стимуляторов, так и отрицательное для показателей-дестимуляторов. По дискретной шкале определяется число баллов, с помощью которых оцениваются показатели. В случае применения непрерывной шкалы оценки могут принадлежать любой точке некоторого отрезка, определяющего шкалу данного показателя. Лучшим считается объект, получивший максимальную среди обследуемых объектов сумму баллов.

Недостатки данного метода заключаются в следующем:

1) метод суммы баллов требует использования большого числа шкальных оценок, поскольку до сих пор не разработана согласованная система уровней баллов и отсутствует гибкая система показателей для разных направлений исследования;

2) отсутствуют теоретические основания для сравнения различных по масштабам деятельности организаций, подразделений;

3) сложение положительных и отрицательных значений баллов может привести к ошибочным конечным результатам определения рейтинга;

4) распределение баллов в ряде случаев не учитывает значимости показателей рейтинга;

5) этот метод ограничен в применении.

При определении интервалов или диапазонов значений показателей предлагается выделять три-четыре их уровня.

Система баллов должна быть точной, ограниченной, гибкой. Использование произвольного набора баллов, не учитывающих зависимость анализируемых направлений, в конечном счете приведет к ошибочным результатам; кроме того, будет не понятен ожидаемый результат.

Целесообразно определить максимальное количество баллов в системе равным 100, внутри системы распределить баллы по значимости анализируемых направлений в общей системе оценки, а затем установить внутри направлений допустимые диапазоны баллов.

При разработке балльной рейтинговой методики основной является проблема распределения баллов. Предлагается 50 % баллов выделять на наиболее значимый из всех определенных показателей рейтинга, а остальные баллы распределять по степени значимости анализируемых показателей в области конкретного исследования. Организация, набравшая максимальное число баллов (до 100), отличается лучшим результатом инновационной деятельности и активности.

Проведенное исследование показало ограниченность применения статистических методов или формул, приводящих к неточности получаемых результатов в сравнительном анализе организаций.

Выявлен общий недостаток методов, используемых в сравнительном анализе. Они в основном рассчитаны на сравнение между собой аналогичных объектов, т.е. расчеты производятся внутри конкретной группы организаций с выбором лучшего показателя в ней. Результаты анализа должны позволять делать обоснованные экономические выводы и решения при сравнении организаций на различных уровнях.

При проведении комплексного сравнительного анализа также не следует выбирать большое количество направлений и показателей, их определяющих, поскольку это в конечном счете приводит к запутанности применяемых методик и ошибочным результатам.

С целью обеспечения заинтересованных пользователей достоверной сравнительной информацией методика профессионального определения рейтинга организаций различных сфер деятельности, в которых развивается инновационная деятельность и проявляется инновационная активность, должна включать расчет целевых и комплексных рейтинговых индексов. Основой любого рейтингового аналитического продукта должна быть прозрачная и понятная методика, а сам рейтинг должен вызывать доверие.

Целевые рейтинговые индексы – относительные величины, имеющие экономический смысл и характеризующие инновационную деятельность и активность как с различных сторон, так и в зависимости от целей заинтересованных пользователей аналитических продуктов, определяются в результате сравнения фактических или плановых значений коэффициентов, являющихся критериальными показателями, и их пороговых значений.

Комплексные рейтинговые индексы дают обобщенную характеристику разных составляющих инновационной деятельности и активности организаций. В основу факторных моделей комплексных рейтинговых индексов положены формулы целевых рейтингов, но с учетом их значимости или удельного веса. В многофакторных моделях, применяемых в сравнительном анали-

зе организаций, в целях уменьшения погрешностей в расчетах необходимо ограничить число факторов. Проведенные исследования показали, что достаточным является включение в модели не более трех факторов.

Список литературы

1. **Баканов, М. И.** Теория экономического анализа / М. И. Баканов, А. Д. Шеремет. – М. : Финансы и статистика, 1997.
2. **Свиридова, Н. В.** Система рейтингового анализа финансового состояния организаций / Н. В. Свиридова ; под ред. В. И. Бариленко. – М. : Альфа-М, 2007.
3. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2013 года // Центр гуманитарных технологий. – URL: http://gtmarket.ru/news/2013/07/01/6051
4. Группа рейтинговых агентств «Эксперт РА». – URL: http://raexpert.by/related_activities/researches/innovation

References

1. Bakanov M. I., Sheremet A. D. *Teoriya ekonomicheskogo analiza* [Theory of economic analysis]. Moscow: Finansy i statistika, 1997.
2. Sviridova N. V. *Sistema reytingovogo analiza finansovogo sostoyaniya organizatsiy* [System of rating analysis of organization's financial condition]. Moscow: Al'fa-M, 2007.
3. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy* [Center of humanitarian technology]. Available at: http://gtmarket.ru/news/2013/07/01/6051
4. *Gruppa reytingovykh agentstv «Ekspert RA»* ["Expert RA" rating agency group]. Available at: http://raexpert.by/related_activities/researches/innovation

---

Свиридова Нина Владимировна
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета, налогообложения и аудита, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sviridovanv@rambler.ru

Sviridova Nina Vladimirovna
Doctor of economic sciences, professor, head of sub-department of accounting, taxation and audit, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Шопырин Александр Владимирович
аспирант, Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shopyrin@list.ru

Shopyrin Aleksandr Vladimirovich
Postgraduate student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 33:303.7

Свиридова, Н. В.

Анализ методик построения рейтингов инновационной деятельности и активности / Н. В. Свиридова, А. В. Шопырин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 341–347.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, политики и права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.